
СЕКЦИЯ «СОЦИОЛОГИЯ»

Клаббинг как феномен культуры и неотъемлемая часть досуговой жизни.

Е.А. Адаховская

Уральский государственный университет им. А.М. Горького

E-mail: ninel_05@rambler.ru

В настоящее время в России и в г. Екатеринбурге, в частности, развивается новый способ проведения досуга у молодежи – посещение ночных клубов. Сначала посещение ночных клубов носило субкультурный характер, каждый ночной клуб имел свое субкультурное звено, сейчас же клаббинг становится все более массовым, более неоднородным по своему составу. Проведение времени в ночном клубе становится нормой не только у молодежи, но и люди среднего возраста все чаще становятся посетителями ночных клубов. Объектом исследования является молодежь города Екатеринбурга, посещающая ночные клубы. Предметом исследования является содержание клубной культуры у молодежи. Цель исследования заключается в изучении клаббинга как социокультурного феномена и неотъемлемой компоненты досуговой жизни молодежи. Исследование проводилось в феврале 2005 года (с 9.02 по 10.03) в ночных клубах г. Екатеринбурга, а также в «тусовочных» местах, где днем можно встретить посетителей ночных клубов.

В ходе исследования были получены данные, по результатам которых можно сделать вывод о действительном наличии клубной культуры в г. Екатеринбурге. Посетителями ночных клубов в основном является студенческая молодежь, но идет тенденция к расширению возрастных интервалов посетителей. Была зафиксирована интересная поло-возрастная зависимость между посетителями ночных клубов. Так девушки начинают посещать ночные клубы гораздо раньше молодых людей и гораздо раньше перестают это делать. В процессе проведения исследования подтвердились гипотезы о том, что уровень образования влияет на выбор клуба; возраст, семейное положение и пол влияют на частоту посещения ночных клубов. Как оказалось, уровень дохода не определяет частоту посещения ночных клубов. По мнению респондентов, планирующих и в дальнейшем посещать ночные клубы, клубную культуру необходимо развивать и совершенствовать. В ходе исследования была выявлена тенденция к дальнейшему развитию клубной культуры в г. Екатеринбурге, об устойчивости потребности в ночных клубах. Подтвердилась гипотеза о том, что каждый клуб обладает своей системой ценностей, которые посетители часто распространяют и за пределы клуба. Были выявлены девиантные формы (алкоголь, наркотики, драки, случайные половые связи), считающиеся нормой поведения в ночном клубе. Были определены характерис-

тики ночного клуба, считающиеся наиболее важными, по мнению респондентов (музыкальные направления, «тусовка», оформление, ценовая политика). В ходе исследования удалось зафиксировать основные потребности современной молодежи, реализуемые в клуббинге (общение, танцы, чувство свободы и раскрепощенности, протест против культурных образцов большинства). Удалось выявить систему значимых ценностей посетителей ночных клубов. Было найдено противоречие между частотой посещения ночных клубов и степенью важности образования и здоровья. Движение клуббинга отличается рядом особенностей, вызванных как вестернизационной направленностью, так и преломлением западных идей на почве Российского менталитета. Клуббинг как стиль жизни, образ мысли занимает все более устойчивую позицию в мире молодежных субкультурных группировок и досуговой деятельности. Электронная музыка – это западная версия восточных мотивов. Все это сильно деформируется в призме российского менталитета. Клуббинг становится все более и более «русским», что и дает ему почву для развития и роста.

Клуббинг – это действительно феномен современной молодежной культуры, поскольку является синтезированным в единое целое организацией досуга и мировоззрением. Явление совершенно не свойственное до недавних пор и возникшее как будто ниоткуда, хотя развивающееся очень скоро и почти гармонично. Оно сомнительно для общественной морали по своей сути, но, с другой стороны, вызывает бурный интерес. Ночной клуб становится средством самовыражения личности, там человек приобретает еще одну социальную роль, которая часто сильно отличается от других, которыми он обладает.

Клуббинг и в дальнейшем будет продолжать развиваться и совершенствоваться, все более отходя от субкультурности, становясь все более массовым и доступным.

Социокультурные особенности отдыха

Р.А. Акбулатов

Уфимский государственный авиационный технический университет

E-mail: amstera@yandex.ru

Анализ поведения человека в сфере отдыха, как нам представляется, необходимо начинать с определения термина «культуры отдыха», с выявления его социального содержания. Принадлежность к какой-либо социальной группе с неизбежностью предполагает то, что мы являемся носителями соответствующей культуры. Культура отдыха занимает особое место, вернее та ее часть, которая проявляется и функционирует внутри рекреационной сферы, является необходимым и неотъемлемым компонентом общей культуры.

Культура в основных теориях современной социологии понимается как комплекс духовных и материальных проявлений социальной памяти, являющийся определителем системы социальных ценностей и норм. По-

этому все устойчивые типы рекреационного поведения: отпуск, выходные дни недели, перерыв в работе, различные виды вечерних общений, путешествия и др. – являются носителем такой социально-рекреационной памяти, выработаны в результате прошлого рекреационного опыта, передаваемого из поколения в поколение, из цивилизации в цивилизацию. Механизмом передачи такого специфического социального опыта выступают рекреационные институты, вырабатывающие рекреационные ценности, нормы, требования, потребности, интересы, престижные качества, санкции. Например, система организационного отдыха в условиях СССР в качестве социально-рекреационного института генерировала и транслировала один образ поведения отдыхающего, комплекс норм поведения в здравнице или на курорте требование к соискателю путёвок и др.

В новых условиях социальной действительности, когда география соприкосновений народов значительно возрос, мы видим, что эта проблема не стала менее актуальной. Если в деловом общении несоответствия традиций в поведении как-то сознательно контролируются нормами делового поведения, этикетом, то на отдыхе, когда человек уже полностью «расслабляется», могут возникать некоторые «шероховатости». Всё это – несоответствия на уровне нормативных рекреационных ценностей общественного сознания, отражающие нормативную практику формирования исторически обусловленных представлений о месте рекреационных актов в жизни общества. Единые по своей природе, они могут сильно отличаться в зависимости от типов социальных общностей.

Тут мы подходим к одному из проблематичных явлений в совместном досуговом общении представителей разных культур – феномену определенного «культурного шока», наблюдаемого как у местного населения, так и у отдыхающих от взаимного общения. Несовпадение таких переменных, как культура, привычки, традиции, может протекать очень болезненно, что уже отмечалось зарубежными авторами. В отечественной литературе пока еще не написано, но общеизвестно недовольство местных жителей курортных местностей Кавказа, Средней Азии, Крыма, Севера потоками приезжающих на отдых людей. Удивляться тут не приходится, ведь если «культурный шок» от взаимного общения возникал у населения в рамках одной, хотя и большой социалистической страны, то вероятность возникновения такой ситуации в европейской стране наверняка увеличится. Настолько мы разные люди! Оно вызвано дополнительной психогенной нагрузкой, шумом, загрязнением окружающей среды, перегрузкой инфраструктуры. Такое же явление имеет место и в Германии.

Решение этих проблем и является одной из задач социологии досуга, она должна изучить проблемы социализации отдыха, как нам кажется, именно в ней лежат причины «столкновения» разных рекреационных привычек.

Без труда можно определить социальную обусловленность любого вида рекреационной деятельности. Даже такие виды рекреации, как сон, прогулки, курение и т.п., осуществляются человеком в соответствии с определенными социальными установками, оценками, происходят в кон-

кретных социальных условиях, как материальных, так и условиях общественного сознания. Общество, предоставляя индивиду возможности для удовлетворения физиологических или психической рекреационной потребности в форме определенного вида социальных (рекреационных) услуг, социализирует рекреационные процессы. Причем, следует всегда иметь в виду, что эта социализация происходит на уровне индивида (рекреационные привычки).

Социализация досуга в Германии осуществляется, как замечено, в примечательной, отличной от нашей форме. Например, там есть места отдыха, отдаленно напоминающие наши детские лагеря отдыха, только вот организация досуга в них находится на качественно другом уровне. Дело в том, что организация досуга осуществляется не только в направлении расширения спектра предлагаемых услуг — от гребли на байдарках до ухода за животными, но и в направлении интегрирования всех половозрастных категорий субъектов отдыха — вместе с детьми там могут проводить своё свободное время их родители, а также ученики школ. Образуется единый досуговый комплекс, позволяющий во время отдыха всем возрастным категориям индивидов взаимодействовать между собой, чего нет в отечественной традиции.

Досуговая деятельность должна быть ориентирована на определенные социальные цели. Келли отмечает, что мы должны восстанавливать свои силы для более широких целей: чтобы быть хорошим гражданином, лучше относиться к своей семье, находиться в состоянии душевного равновесия, лучше себя чувствовать. Мы должны восстанавливать себя, чтобы жить.

История становления и развития социологического анализа национального самосознания в России

О.А. Аликина

Пермский государственный университет

E-mail: Beliy-krolik@rambler.ru

Для современного этапа развития общества характерно нарастание интеграционных процессов, проявляющихся в развитии и становлении единого мирового пространства, в международном разделении труда, в глобализационных процессах и в формировании мировой культуры.

Однако, несмотря на усиление интеграционных тенденций, XX век стал веком «этнического возрождения», выразившегося в национально освободительных войнах, образовании новых государств на национальной основе и эскалации межнациональных конфликтов.

По мнению этносоциологов в основе происходящих процессов лежит беспрецедентный рост национального самосознания. Этот факт свидетельствует о том, что без учета феномена национального самосознания решить национальные проблемы практически не возможно. При этом особое внимание, как мне кажется, необходимо уделить изучению его становления и развития в историческом контексте. Ведь без знания про-

шлого невозможно построить будущее. Это в полной мере относится и к изучению национального самосознания

В России изучение феномена национального самосознания начинается в 30-е годы XIX века. Его основой стала полемика, развернувшаяся между Славянофилами и Западниками. Далее изучение национального самосознания велось в рамках: этнологии, философии, антропологии, психологии и социологии. Социологический анализ национального самосознания осуществлялся социологами географической школы (Л. И. Мечников), психологического направления (П. Л. Лавров, И. Н. Кареев, Е. В. Де-Роберти), а также идеологами легального (П. Б. Струве, С. Н. Булгаков) и ортодоксального (В. И. Ленин) марксизма. Первым социологическим исследованием национального самосознания в России можно считать работу П. И. Ковалевского «Психология русской нации», в которой дается трактовка национального самосознания как психического процесса и как феномена массового сознания.

Особое место в российской социологии занимают взгляды П. А. Сорокина, также не обошедшего своим вниманием феномен национального самосознания.

Существенным моментом в российской дореволюционной социологии можно считать появление и последующую дифференциацию марксизма. В России получили развитие два направления марксизма — ортодоксальный и легальный. Каждое из этих направлений имело свой взгляд на теорию национального самосознания. Идеи легальных марксистов нашли отражение в работах С. Н. Булгакова и П. Б. Струве. Ортодоксальный марксизм опирался на взгляды В. И. Ленина. Следует отметить, что два марксистских течения вели между собой борьбу, в результате которой победила ортодоксальная ветвь. Её победа во многом определила дальнейшее развитие теории национального самосознания

Советский период характеризуется дальнейшим развитием теории национального самосознания, особенно марксистско-ленинской теории наций и формированием к концу периода новых подходов, связанных с переоценкой марксистских взглядов и появлением новой трактовки национального самосознания. К началу 90-х годов XX века в советской социологии стали развиваться два направления — марксистское и неомарксистское (западное). Однако разработанность проблемы национального самосознания общественными науками по-прежнему осталась слабой.

С начала 90-х годов XX века российские социологи в связи с резким изменением социальной реальности вновь были вынуждены обратиться к изучению национального самосознания. В настоящее время российская теория национального самосознания может быть характеризована следующими особенностями:

1. наблюдается отход от марксизма советского образца и обращение к передовой социологической мысли Запада;

2. современная российская социология — это множество направлений, в рамках которых проводится анализ национального самосознания;

3. широкое распространение получают работы теоретическо-прикладного и прикладного характера, написанные на основе анализа конкретных социологических исследований, но сегодня нет серьезных, теоретических исследований.

В заключение важно подчеркнуть, что в России сложилась и функционирует «российская традиция» изучения национального самосознания. В современной российской социологии, сложились условия для интеграции и объединения различных социологических взглядов, подходов и концепций, что позволяет надеяться на появление в скором будущем *интеграционной теории* национального самосознания. Однако, несмотря на значительные успехи, отечественная наука нуждается в серьезных методологических, теоретических, экспериментальных и эмпирических разработках по исследованию природы, сущности, структуры, уровней, механизмов функций и закономерностей развития национального сознания.

Литература

1. Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990, с. 508
2. Булгаков С. Н. Размышления о национальности // Сочинения. М., 1992, Т. 2. с. 486
3. Дробижева Л. А. Национальное самосознание. М., 1995, с. 392
4. Ковалевский П. И. Психология русской нации. СПб., 1903, с. 507
5. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. М., 1963, Т. 24 с. 704
6. Сорокин П. А. О русской нации. М., 1992, с. 148
7. Понаморенко В. И. Национальное самосознание: социально-философский анализ. М., 1999, с. 461

Исследование контекстов употребления термина «качество жизни» в Интернете.

А. М. Алмакаева

Самарский государственный университет

E-mail: almakaeva@rambler.ru

Настоящая работа описывает опыт применения метода контент-анализа для изучения контекстов употребления термина «качество жизни» в сети Интернет. Выбор данной темы обусловлен довольно необычной ситуацией, сложившейся вокруг концепта «качество жизни». С одной стороны, это научное направление, которое насчитывает более сорока лет исследований, а с другой — выражение «качество жизни» все чаще можно услышать из уст *журналистов, политиков и общественных деятелей.*

Эмпирической базой исследования послужили веб-страницы, содержащие словосочетание «качество жизни» в различных грамматических формах. Сбор данных осуществлялся с помощью поисковой системы Rambler. Всего был найден 200 931 документ. Сначала из итогового списка выбиралась каждая трехсотая ссылка, далее из общего массива исключались повторы, сайты, не удовлетворявшие запросу или принадлежа-

щие странам ближнего зарубежья. Таким образом, в анализе использовалось 490 веб-страниц. На первом этапе с помощью традиционного анализа документов выделялись контексты, на втором – применялся контент-анализ, и определялась частота употребления того или иного контекста. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1

Контексты употребления термина «качество жизни» в Интернете (в % от общего числа единиц N=504)¹.

	Академические	Публицистические																
	Генеральный	Медицинско-исследовательский	Медицинский	Политический	Другое	Рекламно-потребительский	Научно-технологический	Экономический	Рекламно-медицинский	Экологический	Комплексный	Социальный	Жилищно-территориальный	Нематериальный	Управленческий	Трудовой	Образовательный	Всего
Число контекстов	5,95	4,37	25,00	21,43	13,89	5,16	4,37	3,17	3,17	2,58	2,38	2,18	1,98	1,59	1,19	0,99	0,60	100,00
Итого	10,32		89,68															

В ходе исследования было выявлено 16 контекстов употребления термина «качества жизни», которые можно классифицировать в две крупные группы: «академические» и «публицистические». К «академическим» относятся документы, содержащие определение термина «качество жизни», описание опросников или исследований. «Генеральный» контекст затрагивает качество жизни в целом, а «медицинско-исследовательский» – качество жизни больного.

«Публицистические» состоят из 15 контекстов: **1. «политического»** (рассматриваемый термин встречается в заявлениях различных политических акторов), **2. «медицинского»** (выражение «качество жизни» используется при описании различных заболеваний, методик лечения), **3. «рекламно-медицинского»** (качество жизни связывается с потреблением продукции и услуг медицинских организаций), **4. «рекламно-потребительского»** (качест-

¹ Примечание: Поскольку 1 веб-страница могла содержать несколько контекстов, количество единиц счета больше количества анализируемых документов.

во жизни связывается с потреблением продукции немедицинских организаций), **5. «экономического»** (подчеркивается зависимость качества жизни от экономического роста и материального благосостояния), **6. «научно-технологического»** (качество жизни соотносится с использованием новых технологий), **7. «жилищно-территориального»** (отмечается влияние благоустройства территории или работы ЖКХ на качество жизни), **8. «экологического»** (акцентируется взаимосвязь качества жизни и экологической обстановки), **9. «социального»** (обсуждаются изменения в качестве жизни у различных категорий населения), **10. «комплексного»** (качество жизни связывается с несколькими составляющими), **11. «трудового»** (качество жизни ограничивается рамками организации) **12. «управленческого»** (изменения в качестве жизни связываются с управленческой деятельностью властных структур различного уровня), **13. «нематериального»** (качество жизни противопоставляется потреблению материальных благ), **14. «образовательного»** (качество жизни ассоциируется с образованием или просвещением) и группы «**другое**», куда попали те веб-страницы, где данное словосочетание употребляется без конкретизации и не связывается с какими-либо сферами деятельности человека.

Как видно из таблицы 1 89,67 % приходится на «публицистический» контекст. «Академический» набрал всего 10,32%, причем «генеральному» контексту, посвященному исследованию качества жизни в целом, принадлежит только 5,95%. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что сегодня исследуемое понятие чаще употребляется в общественном дискурсе, а ученые-обществоведы несколько запаздывают в теоретическом осмыслении феномена «качества жизни».

**Доступ граждан РФ к информации государственного сектора:
социологический анализ взаимодействия субъектов
информационно-политического пространства.**

Т.А. Амайлетдинов

Российский государственный социальный университет

Доступ к информации, как бы ни отличались в различных странах законодательные и инструментальные аспекты подхода к этой проблеме, повсюду базируется на объединяющем, общецивилизационном фундаменте социальной потребности общества в полноценном информационном обмене. Совершенное состояние информационной среды, а также качественный информационный обмен между обществом и государством в современных условиях решающим образом определяет уровень и возможности социального и экономического развития, обеспечения обороноспособности и суверенитета страны, эффективность работы самого государственного аппарата, а также стабильность во взаимоотношениях всех политических и социальных институтов.

В сегодняшнем мире удовлетворение социальных потребностей личности различного уровня во многом зависит от имеющихся в его распо-

ряжении информационных ресурсов, а также от качественных и количественных характеристик информации из них получаемых. При этом, как отмечает профессор Г.Г.Почепцов, информационные потоки в социуме напрямую определяют модель социального поведения как отдельной личности, так и различных социальных групп [1]. Так же как сама информация, право на получение свободного доступа к ней и на ее предоставление легко конвертируется в капитал и власть. И здесь, прежде всего, речь идет о социально значимой информации, позволяющей индивиду свободно ориентироваться в социальной среде, а также в максимально возможной мере реализовать личностную и гражданскую позиции, свои интересы, права и свободы. Исследование данного феномена находится в поле зрения широкого круга специалистов, среди которых необходимо отметить: О.Н.Вершинскую, И.В.Соколову, А.В.Короткова, А.А.Антопольского, Г.Г.Почепцова и др.

Анализ социологических проблем регулирования информационного взаимодействия органов государственной власти и граждан РФ, происходящего именно в информационном пространстве, должен быть основан на исследовании как структурно-функциональных и системных характеристик самого информационного пространства, так и возникающих в нем взаимоотношений субъектов, занимающих определенные их природой позиции в сфере информационно-политических взаимодействий. Поэтому представляется необходимым исследовать не только модели информационного и социально-информационного пространств, но и ряд проблем дифференциации субъектов информационных отношений в сфере доступа к информации о деятельности органов государственной власти в РФ. Такая дифференциация детерминирована рядом причин, главенствующее место среди которых занимает информационное неравенство как новый вид социальной стратификации в современном обществе, вытекающий из разных возможностей получения значимой информации на базе современных технических средств [2]. В информационно-политическом пространстве информационное неравенство связано, прежде всего, с проблемами доступа к информации конкретных групп субъектов информационно-политических отношений.

Автором предлагается понимать под информационно-политическим взаимодействием непрерывный обмен политическими смыслами между индивидами (гражданами) и между основными политическими силами общества в лице государственных органов с целью достижения гражданского согласия и повышения качества принимаемых политических решений. Это коммуникация, сопровождающаяся постоянным процессом взаимообмена политической информацией, посредством которого политические тексты циркулируют между различными элементами политической системы, а также между политической и другими системами (социальной, экономической, правовой, духовно-культурной и т.д.).

В данном контексте представляется важным исследование направлений информационной политики Российской Федерации в области обес-

печения доступа населения к информации о деятельности органов государственной власти. Актуальными также видятся исследования социальных предпосылок, условий и последствий информатизации органов государственной власти в РФ, формирования электронного правительства, представляющего собой новый качественный этап общественного политического и социального развития.

Автору представляется, что сегодня необходимо сформулировать новую парадигму информационного развития страны, согласованную с особенностями протекающих реформ и множеством других факторов современного состояния российского общества.

Литература

1. Почепцов Г.Г. Информационно-политические технологии. М., 2003, с. 80-81.

2. Аймалетдинов Т.А. Доступ к информации о деятельности органов государственной власти в Российской Федерации: социологические проблемы. М., 2004, с.26.

Анализ уровня безработицы в Республике Башкортостан (на примере Службы занятости)

И.В. Андреева

Башкирский государственный университет

E-mail: innav84@mail.ru

Переход России к рыночным отношениям обусловил соответствующее развитие рынка труда. Нестабильность экономической ситуации и структурные изменения в экономике привели к резкому росту уровня безработицы, которая, в свою очередь, стала фактором усиления социальной напряженности. В этих условиях особую роль играют Службы занятости. Целью исследования являлся анализ эффективности деятельности, осуществляемой службой занятости, и формулирование рекомендаций по ее оптимизации. Для реализации поставленной цели автором был осуществлен анализ статистических данных и проведено социологическое исследование уровня безработицы и распределения рабочей силы на рынке труда в Республике Башкортостан (методом экспертного опроса, объем выборки – 106 человек).

В ходе исследования были выявлены следующие тенденции.

1. Услугами Центра занятости по профессиональной ориентации пользуются в основном такие категории граждан, как женщины и молодежь в возрасте 16 – 29 лет. Наибольшее снижение уровня экономической активности, зафиксированное в возрастной группе до 20 лет, по-видимому, связано с тем, что молодежь чаще стала делать выбор в пользу образования. К этому следует добавить, что адаптация к рынку труда безработных 20–24 лет имеет особую стратегическую важность, так как здесь сосредоточена львиная доля впервые вступающих на рынок труда, начинающих карьеру. Вследствие этого долгосрочные последствия безработицы среди

данной категории рабочей силы могут быть наиболее пагубны для сохранения и развития трудового потенциала страны.

2. Ситуация в сфере занятости в последние два года характеризуется незначительным приближением уровня регистрируемой безработицы к уровню общей безработицы (в отличие от второй половины 1990-х гг.).

3. Относительно новыми явлениями стали заметные диспропорции между спросом и предложением на официально регистрируемом рынке труда, а также стабилизация численности работников, занятых неполное рабочее время или же находящихся в административных отпусках.

4. Анализ динамики официально зарегистрированных безработных в период с 2000 по 2004 гг. показывает, что в ближайшей перспективе ситуацию на рынке труда будут определять процессы, связанные со структурным перераспределением безработных по их категориям (переобучение).

5. За последние два года происходит закрепление позитивных тенденций развития рынка труда (в частности, увеличение спроса на труд), наметившихся в связи с началом экономического роста. Частично это является следствием реформирования ГСЗ, связанной с ликвидацией Фонда занятости, переводом политики содействия занятости на бюджетное финансирование, а также принятием поправок к Закону РСФСР «О занятости населения в Российской Федерации».

6. Наряду с относительными позитивными тенденциями усилилась неопределенность статуса ГСЗ, приведшая к оттоку из нее квалифицированных кадров. Причинами этого стали сокращение зарплаты работников районных и городских центров занятости, непосредственно обслуживающих безработных, а также увеличение нагрузки на основной персонал.

7. В ходе опроса эксперты указали на неудовлетворительное состояние банка данных Центра занятости, их неполноту, расхождение требований работодателей с нормами закона и т.п.

По итогам проведенного исследования автором были предложены рекомендации по оптимизации деятельности Центра Занятости населения Советского района г.Уфы.

1. Необходимо укрепление технической, финансовой и информационной базы службы занятости.

2. Применение индивидуального подхода к тем, кто занят поисками работы.

3. Проведение более активной политики на рынке труда.

4. Реализация программ стимулирования бизнеса.

5. Внедрение политики сохранения рабочих мест.

6. Использование метода квотирования рабочих мест.

7. Применение практики организации общественных работ.

8. Целенаправленное профессиональное обучение. При этом основной акцент должен быть сделан в первую очередь на сохранение рабочих мест.

В целом в современных условиях регулирование рынка труда требует усиления государственного воздействия на его ключевой элемент — сферу трудоустройства. Так, в основе реорганизации системы материальной

поддержки безработных должно лежать разделение права на статус безработного и права на пособие по безработице, а также сочетание страхового и социального подходов к материальной поддержке безработных. Функции этих систем различны, что диктует необходимость их автономии друг от друга. При этом пособие должно быть жестко связано только с наступлением страхового случая. И с точки зрения политики занятости (экономический аспект), и с точки зрения политики борьбы с бедностью (социальный аспект) логично увязывать пособие и заработную плату через систему страховых взносов.

Применение метода факторного анализа для построения типологии пациентов амбулаторно-поликлинических учреждений РФ

Л.М. Астафьев

Московская медицинская академия имени И.М. Сеченова

E-mail: levadia@mail.ru

Еще в конце XIX века в своих трудах Э.Дюркгейм называл типологизацию крайне важной для развития социологической науки и даже предложил создать особое направление (социальную морфологию), которое бы занималось построением социальных типов и их классификацией [2].

Для современной социологии медицины типологизация основных участников лечебно-диагностического и организационного процессов, представителей отдельных субъектов здравоохранения (медицинского страхования) является наряду с изучением характеристик их взаимоотношений и закономерностей развития одной из наиболее приоритетных задач [1].

В 2004 г. был проведен анкетный опрос 1620 пациентов городских поликлиник в различных городах РФ: Москве, Санкт-Петербурге, Кирове, Тамбове — об условиях предоставления и получения медицинской помощи, удовлетворенности качеством медицинской помощи (КМП), а также образе жизни и ценностных ориентациях социальной общности пациентов амбулаторно-поликлинических учреждений (АПУ).

В основе разрабатываемой в данном исследовании типологии пациентов лежит предположение, опирающееся на двухфакторную или мотивационно-гигиеническую теорию о различии природы причин удовлетворенности КМП у определенных групп людей [3]. Одни концентрируют свое внимание на отношении к ним медицинских работников, другие — на слаженной организации оказания медицинской помощи, третьи — на возможности получения максимально полного обслуживания, четвертые — на удобстве по времени и месту обращения, пятые — на материальных затратах и т. д. Эта гипотеза послужила основой для попытки типологизации пациентов по их удовлетворенности КМП в АПУ.

Другая гипотеза, базирующаяся на теории ценностей [4], связана с попыткой определения отношения пациентов к собственному здоровью и оценкой актуальности базовых общечеловеческих ценностей для российского общества, позволяет предположить значительное искажение цен-

ностных ориентиров в сознании населения, произошедшее в ходе проведения рыночных преобразований, смещение их в сторону достижения материальных, сиюминутных, второстепенных целей.

По степени удовлетворенности КМП были выявлены такие типы пациентов АПУ как «оптимисты», «пессимисты», «прагматики» и «меркантилисты».

Факторный анализ, проведенный по второму направлению, отражающему ценностные ориентации населения по четырем критериям: восприятию болезни, отношению к лекарствам, лечению и профилактике — позволил выделить 6 типов пациентов АПУ: «фаталист», «недоверчивый», «народник», «доверчивый», «борец», «здоровяк».

На основе выведенных следствий принятой гипотезы о трансформации ценностных ориентаций населения РФ в ходе проведения рыночных преобразований из выделенных типов была сформирована иерархия или шкала приемлемости данных групп для развития самосохранительной культуры российского общества.

Сам факт того, что на основе использования факторного анализа удалось выделить, а на базе разработанных теорий проинтерпретировать указанные типологии пациентов АПУ, говорит о наличии устойчивых, внутренне однородных, количественно и качественно отличных друг от друга, функционирующих в соответствии с собственными убеждениями, личным опытом и мировоззрением, групп населения, являющихся потребителями медицинских услуг, а также о необходимости проведения более глубоких исследований в этой области, дальнейшей типологизации основных субъектов, взаимодействующих в рамках системы здравоохранения для поиска новых закономерностей и прогнозирования развития российского общества.

Литература

1. Решетников А.В. Социология медицины (введение в научную дисциплину): Руководство. — М.: Медицина, 2002. — 976 с.
2. Durkheim E. The rules of sociological method. — New York: Free Press, 1964.
3. Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. Motivation to work. — New York: Wiley, 1959. — 157 p.
4. Locke E.A. (1976) The Nature and Causes of Job Satisfaction in Dunnette, M.(ed) (1976) Handbook of Industrial & Organizational Psychology, Rand McNally Adams, J.S. & Jacobsen, P.R. (1964) Effects of Wage Inequities on Work Quality, Journal of Applied Psychology, №67.

**Помощь и борьба за выживание: социальный аспект
взаимоотношений в социуме**

В. С. Афанасьев

*Историко-социологический институт Мордовского государственного
университета имени Н. П. Огарева*

E-mail: afanasev_vs@rambler.ru

Явление помощи существовало во все времена и у всех народов. Это явление существует на всех уровнях взаимодействия в социуме, начиная с межличностного общения и кончая форматом связей между социальными институтами и группами институтов. Явление помощи можно рассматривать с точки зрения психологии — тогда вопрос встает о внутренних (сознательных и бессознательных) мотивах межличностного общения; его можно рассматривать с точки зрения этики и философии — тогда необходимо поднимать вопрос о взаимодействии категорий альтруизма и эгоизма и их нравственного смысла; можно также посмотреть с позиций, близких к социологии и коснуться роли помощи, самопомощи и взаимопомощи в развитии общества и его институтов.

Серьезный труд, рассматривающий помощь именно в социологическом плане принадлежит Кропоткину П. [1] Помимо аспекта биологической и животной этики, а равно и эволюционной доминанты помощи, Кропоткин указывает, что солидарность и взаимопомощь, мотивированная на всех уровнях психического, являются базовым условием существования культуры и общества, а главное — важнейшим условием их становления и развития. Не конкуренция и борьба за индивидуальное существование движут историю, а кооперация и помощь.

Ролз в работе «Теория справедливости» указывает, что помощь в общей структуре ценностей, норм и социальных правил поведения находится на фундаментальном уровне. Настолько фундаментальном, что не требует для своего объективного существования не только формального декларирования, но даже неформального принятия. Таким образом, ценность взаимовыручки, в ходе долгой человеческой истории оформленная в окончательном варианте в виде позитивной формулировки золотого правила этики, возводится в разряд естественных обязанностей.

Исходя из собственных исследований и теоретических разработок, мы вынуждены в большей степени согласиться с концепцией Кропоткина П. Всегда, на любом уровне человеческого взаимодействия перед человеком очень четко стоял вопрос об интенсификации использования имеющихся у него ресурсов. Эти ресурсы (материальные, психические, духовные, интеллектуальные и т.д.) обладают одним общим для всех качеством — ограниченностью и исчерпаемостью. На любом уровне действия (в том числе и социального) только консолидация и помощь, как одна из форм проявления данной консолидации, являются самым эффективным способом реализации имеющегося потенциала. Борьба и конкуренция как формы взаимоотношений между элементами выгодны только на уровне более глобальной системы, объединяющей данные элементы, так

как создают условия ее трансформации. На уровне же самих борющихся элементов конкуренция никогда не станет оптимальным и эффективным способом реализации имеющихся ресурсов.

Наиболее обширное применение термина борьба и конкуренция можно обнаружить в двух сферах: теории биологической эволюции и теории свободного рынка. И в том, и в другом случае борьба рассматривается именно с позиций некой надсистемы (биосферы и рынка). В обоих направлениях конкуренция приобретает синонимические свойства с жизнеспособностью и здоровьем системы и носит крайне позитивный окрас. Но как следует «окрашивать» борьбу касаясь сферы социального взаимодействия, где исходным элементом будет не биологический вид и не производственное предприятие, где этим элементом станет индивид и личность, со своей уникальностью и неповторимостью? Можно ли сформулировать правило, дающее право на выдвижение приоритета здоровья системы (на высшем уровне социума) над жизнью и благосостоянием одного частного индивида? Вопрос на первый взгляд несколько отдаляет нас от темы, заданной в самом начале, однако это один и тот же вопрос. Ролз отвечает на это вполне однозначно: «...справедливость не допускает, чтобы потеря свободы одними была оправдана большими благами других» [2].

Однако это не означает, что на межличностном уровне помощь и чистейший альтруизм должны стать абсолютными доминантами. Это не так хотя бы потому, что в исходных условия человеческого бытия, данное требование невыполнимо. Нужно лишь допустить двойственность мотивации помогающей деятельности, которую приводит Майерс [3]. Даваемая им эмпатийно-дистрессивная схема личностной мотивации помощи, допускает сугубо индивидуально-эгоистические мотивы в оказании помощи, которые мы даже не пытались опровергнуть.

Таким образом, мы можем сформулировать некоторый вывод, согласно которому помощь, взаимоподдержка, консолидация вне зависимости от личностных мотивов их осуществления, имеют важнейшее для социальных систем значение, в первую очередь благодаря приоритетности благополучия элементарных структур.

Литература

1. Кропоткин П., Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. М.-Петербург, 1922.
2. Ролз Дж., Теория справедливости. Новосибирск, 1995, с. 19.
3. Майерс Д., Социальная психология. СПб, 1999.

Здоровье и медицинское обслуживание пожилых людей***М. С. Ахметова****Уфимский государственный авиационный технический университет**E-mail: cdtkeys@rambler.ru*

Значительная часть пожилых людей не может принимать участие в активной экономической и общественной деятельности, в первую очередь, из-за слабого здоровья.

Бесплатное медицинское обслуживание, равно доступное для всех, являлось фактором, негативно влиявшим на формирование индивидуальной ответственности за здоровье, укрепляло представление людей о том, что забота об их здоровье – дело государства. Это обуславливало иждивенческий подход к здоровью, низкий уровень самосохранительного, профилактического поведения людей. Здоровье в СССР из терминальной ценности превратилось в инструментальную. Пожалуй, только сегодня появление платной медицины заставило людей ощутить экономическую ценность здоровья и соответствующим образом «делать инвестиции» в него [1].

В новых социально-экономических условиях резкое падение уровня жизни пожилого населения (реальное содержание средней пенсии почти на четверть отстает от дореформенного уровня 1987 года) в значительной мере обострило проблему здоровья. Коммерциализация социальной сферы, в частности системы здравоохранения, свидетельствует об уходе государства от своих социальных гарантий. И, соответственно, необходимо принять во внимание увеличение расходов населения на услуги, при этом даже «бесплатные» услуги в действительности носят платный характер.

Результаты «Национального обследования благосостояния домохозяйств и участия в социальных программах» (N=530 пожилых лиц) позволили учесть значение субъективных оценок отдельными индивидами своей жизнедеятельности и провести детальный анализ данных для изучения состояния здоровья и уровня медицинского обслуживания.

Существует множество подходов к определению уровня здоровья на основе ответов респондентов. В НОБУС был использован подход, когда опрашиваемый сам относит себя к одной из групп здоровья, оценивая его по пятибалльной шкале: очень хорошее, хорошее, удовлетворительное, плохое, очень плохое. Пожилые люди оценивают состояние своего здоровья, как плохое – 37,9% и очень плохое – 4,5%. Это самые высокие показатели по сравнению с другими возрастными группами. Основная масса (50,4%) охарактеризовала свое здоровье как удовлетворительное. Только 7% – как хорошее и 0,2% – очень хорошее. Проблема ухудшившегося здоровья в наибольшей мере касается пожилых (60,9% респондентов).

За медицинской помощью в течение года обращается наибольший процент пожилых (62,8%) среди возрастных групп. При этом частота обращений к врачам составила 6 и более раз у 28,5% пожилых лиц, 3-5 раз – 16,5%, 2-3 раза – 32,7%, 1 раз – 22,2% лиц. Вместе с тем, низкая платежеспособность основной массы населения, с одной стороны, и развитие платных форм медицинского обслуживания – с другой, привели к вы-

нужденным отказам прибегать к медицинской помощи. В качестве основной причины отказа от медицинской помощи выступают «необходимые услуги платные и нет возможности их оплатить» – 7,1% указавших, «в населенном пункте нет врачей нужной специальности» – 7,6%, «трудно записаться на прием к нужному специалисту» – 3,6%.

Определенная часть пожилых людей не получает эффективной амбулаторно-поликлинической помощи, прежде всего, из-за снижения качества бесплатного медицинского обслуживания, недостатка средств при возможности получить доступ к услугам более высокого качества при условии их оплаты (дорогостоящее лечение у высококвалифицированных врачей с использованием современных технологий, оборудования, материалов), невозможности приобрести необходимые, порой жизненно важные лекарства в связи с их высокой стоимостью. Из числа обратившихся 95,2% воспользовались бесплатной амбулаторной помощью по месту жительства. Только 4,5% обращались за платной помощью, из них большинство по причине неудовлетворенности бесплатной медицинской помощью. Полностью выполнено назначенное лечение 70,6% обратившихся пожилых лиц. Назначенное лечение выполнено 16,8% пожилых лиц (максимальный процент среди возрастных групп) только в той части, которая была бесплатна; выполнено частично, так как не хватило денег для покупки всех необходимых лекарств и оплаты процедур – 8,7% лиц; вообще не выполнено, так как нет денег, чтобы оплатить лекарства и процедуры – 0,9% лиц; не выполнено по другим причинам – 3% лиц.

Многие сталкиваются со значительными трудностями в госпитализации в стационарные медицинские учреждения, особенно в специализированные. Направление на госпитализацию в больницу (стационар) получили 28,5% обратившихся пожилых лиц. Из них не были госпитализированы 4,2%, так как не смогли оплатить предложенные услуги (необходимые лекарства, процедуры, операцию); 2,1% – так как не было мест; 8,4% – по другим причинам.

В настоящее время значительная часть пожилого населения не обеспечена необходимой квалифицированной медицинской помощью и, тем самым, оказалась вне действия системы здравоохранения.

Литература

1. Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость: теория, история, современность: Монография / Науч. ред. З.Х. Саралиева. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н.И.Лобачевского, 2004. – с.136-137

Ориентации одаренных подростков на саморазвитие

М.Р. Ахминеева

Уральский государственный университет им. А.М. Горького

E-mail: elfikm@mail.ru

Саморазвитие является сознательным, целенаправленным процессом развития способностей в каком – либо виде деятельности. Показателями саморазвития являются собственная активность личности, основанная на природных задатках и выполнении социальных требований; удовлетворение от деятельности, ее результативность при условии критической оценки со стороны личности своего поведения и выработки установок на его совершенствование. В данную группу факторов включены процесс *самореализации*, как воплощение имеющегося потенциала, выражение данных от природы способностей, и *самоутверждения*, требующий значительных усилий со стороны индивида, необходимых для совершенствования задатков и способностей. Следующие два вида факторов – *биологические*: способности, задатки, склонности; *социальные (или объективные)*, в соответствии с которыми, осуществляется направленность деятельности, происходит анализ объективной ситуации.

Целью исследования являлось изучение специфики содержания ориентации одаренных подростков на саморазвитие.

Для сбора информации на первом этапе исследования был выбран метод опроса (n=360), на втором – фокусированного интервью (n=9). Объектом исследования выступили одаренные подростки 12-17 лет, обучающиеся в школах и гимназиях г. Екатеринбурга. Под одаренностью нами понимается биопсихосоциальная характеристика личности, обеспечивающая высокое качество, уровень и темп выполнения различных видов деятельности по сравнению с возрастной и социальной нормами.

По итогам исследования нами были сделаны следующие выводы:

В учебном процессе одаренные подростки ориентированы на активность в интеллектуальной деятельности, сводящейся к получению новых знаний, тогда как в сфере досуговой превалирует ориентация на расслабление, активность связана с реализацией способностей, физическим развитием и общением.

Имеет место стремление к преодолению возникающих трудностей и приложению усилий на их разрешение, что обуславливает готовность к любым неожиданностям. Характерна самостоятельность и уверенность в своих силах, но излишняя самоуверенность препятствует процессу саморазвития.

Участие родителей в учебном процессе сводится к контролю за общей успеваемостью ребенка, что обуславливает конфликты в семье. Среди остальных волнующих проблем – трудности в сочетании увлечений любимым делом и выполнением определенных обязанностей, собственная лень, которая является основным препятствием для достижения желаемых результатов. Отсутствие желания бороться с этим недостатком обусловлено попустительским отношением со стороны семьи и школы. От-

сутствие развития волевых качеств обусловлено тем, что одаренные подростки избегают деятельности, не входящей в сферу их склонностей, не прикладывают усилий на ее освоение.

Планирование деятельности одаренных подростков, в основном, является долгосрочным. Организация повседневной деятельности стихийна, характерна для досуговой деятельности.

Процессы самореализации и самоутверждения ситуативные, носят стихийный, ненаправленный характер.

Наблюдается специфическая направленность познавательной мотивации одаренных детей: высокий уровень мотивации наблюдается лишь в узкой области знания, которая связана с ведущими способностями.

Очевидно, что одаренность как таковая не является причиной и следствием своего развития. В процессе развития и социализации одаренных детей подключаются механизмы, как внутри личностные, так и внешние, которые и способствуют дальнейшему выявлению и развитию способностей. Мы можем говорить о противоречии между субъективными и объективными факторами саморазвития учащихся. Интересы личности, ее волевые качества, степень осознанности своей деятельности во многом зависят от условий ее жизнедеятельности. Важно подчеркнуть, что возникающие у одаренных детей проблемы не являются следствием самой одаренности, ее имманентной характеристикой. Развитие одаренности зависит от массы социокультурных факторов. Природно-обусловленные факторы, составляющие ядро и предпосылки одаренности, не найдя достойной поддержки (со стороны семьи и школы) не позволят проявиться и развиться одаренной личности в полной мере.

Истоки предприимчивости российского бизнесмена

М.Е. Базунова

Уральский государственный университет путей сообщения

E-mail: masha_sociology@rambler.ru

В последние годы среди российских работников и, в частности, бизнесменов, наблюдается усиление внутренней детерминации предпринимательского поведения, которое возникает в ситуации диктата внешних обстоятельств. Существует несколько подходов к пониманию механизмов формирования предприимчивости.

Первый подход фиксирует внимание на культурных истоках формирования предприимчивости и выделяет традиционные и рациональные способы регулирования поведения [1].

Традиционные регулируют взаимоотношения людей через передачу знаний, ценностей, норм и образцов от поколения к поколению в устной форме, в виде обычаев и традиций.

Рациональные связаны с разработкой идеальной модели ценностей и норм на уровне государства, их распространением с помощью различных предметов культуры и фиксацией в общественном сознании.

Второй подход рассматривает предприимчивость в русле экономического детерминизма и отмечает наличие «вынужденных истоков», которые связаны либо с государственной политикой, либо с уровнем культуры и образованием. В данном понимании предприимчивость является способом приспособления, заключающемся в способности к изменению поведения согласно требованиям внешних обстоятельств. Такими внешними обстоятельствами могут быть: тяжелое материальное положение семьи (микроуровень), общая нестабильная социально-экономическая ситуация в стране и др.

Третий подход рассматривает предприимчивость, исходя из основных акцентуированных черт личности [2]. Из 10 типов акцентуаций, выделенных К. Леонгардом, предприимчивое поведение наиболее присуще гипертимному типу личности, главная особенность которого заключается в повышенном фоне настроения, сочетаемом с жадой деятельности, в оптимизме, предприимчивости и высокой активности. То есть существует особый склад характера, который располагает к формированию предприимчивого поведения.

Четвертый подход рассматривает феномен предприимчивости с точки зрения М. Вебера, изложенной им в книге «Протестантская этика и дух капитализма» [3].

М. Вебер говорит о существовании связи между религиозным регламентом жизни и интенсивностью развития деловых способностей и предприимчивости. Его теорию можно экстраполировать на русских купцов-старообрядцев, носителей предприимчивого поведения. Коммерческий успех купцов зачастую объяснялся религиозным благочестием. Поэтому хорошо относились к богатым людям, которые творили добрые дела, тем самым они как бы оправдывали свое владение богатством. Христианство порицало лень и одобряло трудолюбие. Человек, владеющий богатством, должен был постоянно делать добрые дела, помогать обездоленным, как бы прося у Бога прощения за владение богатством.

Применить данный подход к современным предпринимателям достаточно сложно. За годы советской власти культура ведения дела, формировавшаяся веками, была разрушена или приняла неприемлемые формы. Насаждавшийся атеизм закончил этот разрушительный процесс. Сегодня наши предприниматели, с одной стороны, хотят походить на западных бизнесменов, с другой стороны, они копируют во многом (далеко не лучшим) русских купцов. Такое положение заставляет предполагать, что в перспективе предпринимательство и предприимчивость могут развиваться в разных направлениях, иметь разный культурный набор черт: «прозападный», «просоветский», или «прорусский».

Существует еще одна точка зрения, которую вполне можно назвать пятым подходом. Согласно этой точке зрения, предприимчивое поведение является ответом на долгий запрет легальной деловой активности. Отмечается, что предприимчивыми людьми, предпринимателями движет жажда мести, страх, ненависть по отношению

к советскому времени, когда предпринимательская активность жестоко наказывалась. Они мстят с помощью активной экономической позиции долговому запрету экономической свободы, то есть социализму.

Все вышерассмотренные способы регулирования деятельности и поведения людей могут развиваться самостоятельно и не влиять друг на друга, в то же время они могут коррелировать и дополнять друг друга, а в совокупности влиять на формирование такого поведения у личности.

Литература

1. Михайлова Л. И. Социология культуры. Москва, 1999, с. 47
2. Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев, 1981, с. 61
3. Вебер М. Избранные произведения. Москва, 1990. с. 57.

Роль СМИ в формировании толерантного сознания россиян

Ю.В. Баландина

Челябинская государственная академия культуры и искусств

E-mail: Balandina_83@mail.ru

В современном мире с каждым годом усиливаются процессы объединения, интеграции, интернационализации, проявляющиеся в большинстве сфер жизни общества: экономике, праве, экологии, культуре, спорте и т.д. Таким образом, сфера международных отношений становится ведущей в современном обществе и требует детального изучения.

Для того чтобы интеграционные процессы проходили успешно, необходимы определённые принципы взаимодействия, объединяющие участников международных отношений. В современном мире в качестве такого объединяющего принципа провозглашается идея **толерантности**. Сейчас данный принцип декларируется и в нашей стране на государственном уровне, однако, его внедрение в общественную жизнь практически не изучено. В то же время, отсутствуют социологические подходы изучения толерантности как качества, присущего национальному характеру россиян.

Для решения этих проблем нами было проведено социологическое исследование, в ходе которого были разработана и апробирована методика изучения представленности толерантности в общественном сознании

Мы остановились на изучении толерантности через призму печатных средств массовой информации. Для их изучения мы использовали метод контент-анализа текста.

В печатных СМИ мы условно выделяли два уровня (среза) проявлений толерантности:

- Официальный, отражающий позицию определённых кругов правящей элиты (изучался на примере газеты «Известия»)
- Массовый, отражающий мнения широких слоев населения относительно других стран и их представителей (изучался на примере «Комсомольской правды»).

В каждом номере для анализа выбирались статьи, описывающие внешнюю политику России и других государств, а так же статьи, посвященные

другим странам и их представителям. Для того чтобы отразить динамику изучаемого явления, контент-анализ проводился по двум полугодиям: 2001 год – II полугодие и 2003 год – I полугодие.

Контент-анализ газетного текста проводился по заранее определённым списку из 60-ти ключевых слов, имеющих положительную или отрицательную окраску. Исходя из количества положительных и отрицательных слов в статье, определялась её общая окраска. Кроме того, мы определяли такие характеристики, как принадлежность статьи к определённой стране и сфере общественной жизни, а так же размер статьи в номере (в страницах).

Всего в ходе контент-анализа нами было проанализировано 59 номеров газет, в них 182 статьи. В статьях было выявлено 2045 ключевых слов (единиц анализа).

Ниже приведены наиболее яркие результаты нашего исследования.

Результаты анализа количественных характеристик статей:

- Количество статей, посвященных международной теме, в рассматриваемых СМИ весьма мало и составляет для «Известий» в среднем 4 статьи на номер, для «Комсомольской правды» – 2 статьи.

- Количество статей, имеющих негативную окраску, в целом в 2,5 раза выше, чем количество позитивных статей.

- Рассматриваемые СМИ проявляют ситуативный интерес к международной теме (в особенности, «Комсомольская правда»). Пример: в октябре 2001 года в связи с войной США и Афганистана количество статей, посвященных международной теме, в номере «Комсомолки» с обычных 2-х подскочило до 7-ми. Если на международной арене и в других странах не происходит ярких событий, внимание СМИ к другим странам резко снижается.

- Акцент оба рассматриваемых издания делают на негативных явлениях в международных отношениях (военных и других конфликтах).

- Существует ряд различий в освещении других стран между «Известиями» и «Комсомольской правде» (с точки зрения «официального» и «массового» среза):

- «Официальный срез» уделяет больше внимания международной теме, чем «массовый», о чём свидетельствует большее количество статей международной тематики в «Известиях» и их более глубокий характер.

- «Массовый срез» более лоялен к другим странам и их представителям, чем «официальный». «Официальный срез» буквально «пропитан» негативными оценками.

- «Массовый срез» более эмоционален, в нём содержится больше иронии по отношению к описываемым явлениям.

Результаты анализа газетных текстов по ключевым словам:

- Количество отрицательных ключевых в обоих изданиях слов значительно превышает количество положительных (соотношение положительных / отрицательные ключевые слова в среднем составило 1:2,85). «Массовый срез» по ключевым словам так же оказался лояльнее «офи-

циального», отрицательных ключевых слов в нём употребляется меньше. Соотношение положительные / отрицательные ключевые слова для «официального среза» 1 : 3,18, для «массового среза» — 1 : 2,41.

- Среди положительных ключевых слов лидируют дипломатические встречи / визиты (5,18% упоминаний по всей совокупности), обладающие низкой позитивной окраской.

- Абсолютный лидер среди отрицательных ключевых слов — война / кровопролитие (15,40% всех упоминаний, 315 — в абсолютных числах).

- Акцент оба рассматриваемых издания делают на негативных явлениях, причём при их описании используют слова с максимально возможной отрицательной окраской (война, кровопролитие, оружие, терроризм, атака, удар, шпионаж и др.)

- Россия в обоих изданиях обособляется от внешнего мира, представляется хорошей и «честной» страной, в отличие от других стран, враждебных и «нечестных».

- Оба среза изменяются в динамике (от 2001 к 2003 году):

- В динамике от 2001 к 2003 году относительное количество отрицательных ключевых слов снижается как в «массовом», так и «официальном срезе».

- В «Известиях» в 2003 году качественно меняется положительное ключевое слово — лидер (с встречи / визиты на сотрудничество / интеграция), что указывает на возникновение тенденции более лояльного отношения к «другим» в «официальном срезе».

- В 2001 году лидируют такие ключевые слова, как терроризм, шпионаж (Комсомольская правда), война / кровопролитие (Известия), что создаёт общую атмосферу паники и угрозы мирового терроризма (особенно в массовой прессе). В 2003 году в обоих изданиях лидеры одинаковы (война / кровопролитие, затем оружие). Таким образом, угроза терроризма в СМИ трансформируется в угрозу войны.

В заключение мы можем сделать два общих вывода:

- Анализ полученных данных показал, что проявления толерантности в СМИ практически отсутствуют. СМИ не только не способствуют формированию толерантной позиции россиян, но и «внедряют» в общественное сознание крайне негативный образ других стран и их представителей.

- В то же время СМИ не только (и не столько) формируют общественное сознание, но и отражают его. Огромное количество негативных оценок в адрес «других», сходство основных негативных образов и ассоциаций в официальной и массовой прессе, вероятно, указывает на то, что СМИ таким образом отражают негативное сознание российского общества по отношению к другим странам и их представителям.

Проблема конфликтогенности этнического предпринимательства мигрантов

А.В. Бедрик

Ростовский Государственный Университет

E-mail: ippk2004@yandex.ru

Современный период развития межэтнических отношений в России характеризуется повышением степени конфликтности межэтнических отношений на внутрорегиональном уровне. Такая тенденция обусловлена развитием миграционных процессов, имеющих этническую окраску, и необходимостью адаптации мигрантов к условиям иноэтнической принимающей среды. Инструментом социально-экономической адаптации этнические мигранты зачастую выбирают предпринимательскую деятельность, при этом концентрируясь в определенных сферах экономики (как правило, непроизводственных). Данная специализация этномигрантов на отдельных видах деятельности либо в определенных секторах экономики получила название «этническое предпринимательство». Этнические предприниматели характеризуются следующими основными чертами: 1) этнической и/или социокультурной чужеродностью; 2) функционированием в качестве группы (сети); 3) групповой интегрированностью в принимающее сообщество для заполнения социально-экономической ниши; 4) численным меньшинством на территории вселения [1].

История этнического предпринимательства показывает, что одно его существование становится мощнейшим конфликтогенным фактором. Такая конфликтогенность имеет дуалистическую природу. Во-первых, экономическую составляющую: мигранты повышают уровень конкуренции на рынке труда, в сфере торговли, отсюда и негативное отношение к ним со стороны старожильческого населения. Во-вторых, этническую составляющую: предпринимательская деятельность этномигрантов носит ретроспективный характер. Мигрант воссоздает в новых условиях привычные ему (но чужеродные основному населению) формы жизнедеятельности как на семейно-бытовом, так и на экономическом уровнях, что также вызывает негативную реакцию со стороны принимающей среды.

В целом, в структуре конфликтогенности этнического предпринимательства мигрантов можно выделить три уровня конфликтности между этнопредпринимателями-мигрантами и иноэтнической принимающей средой. Макроуровень (цивилизационный): конфликт на уровне цивилизационных архетипов, так как адаптация мигрантов связана с трансформацией вечных инстинктов, сложившихся под влиянием природно-климатических условий (ландшафта) территории их исторического проживания [2]. Мезоуровень (этнический): конфликт на уровне этнических идентичностей и этнического менталитета. Адаптация связана с трансформацией вековых инстинктов, сформированных социально-историческими условиями жизни этноса, ходом его политической и социально-экономической истории. Микроуровень (социально-экономический):

конфликт на уровне экономической конкуренции и восприятия предпринимателя социумом.

На конфликтный характер предпринимательской деятельности этно-мигрантов оказывает влияние такие факторы, как этническая общность мигрантов с принимающей средой; наличие, история и статусные позиции диаспоральной группы и наличие этнических сетей мигрантов; стадия развития этнопредпринимательства и сфера предпринимательской активности мигрантов [3]. Кроме того, важное значение имеют следующие факторы адаптации: политика властей в отношении мигрантов, их положение на рынке труда и конкуренции, отношение к мигрантам со стороны СМИ.

Таким образом, этнопредпринимательство как сфера жизнедеятельности мигрантов, в которой они осуществляют непосредственное взаимодействие с принимающим сообществом, содержит в себе существенный конфликтогенный потенциал. Современный этап развития межэтнических отношений актуализирует проблему этнического предпринимательства как для научных исследований, проводимых специалистами в сфере конфликтологии и этносоциологии, так и для политиков и государственных служащих, занятых непосредственным урегулированием конфликтных ситуаций между автохтонным населением своих регионов и мигрантами-этнопредпринимателями, и ставит в зависимость от решения данной проблемы социально-экономическую и политическую стабильность регионального развития.

Литература

1. Палютина Е.В. «Торговые меньшинства»: некоторые вопросы теории, восприятия в общественном мнении (на примере Иркутска) // Социально-экономические проблемы современного периода преобразований в России: Сборник работ. М., 1996. — С.60.

2. Евдокимова Л.А. О месте либеральной и государственной концепций в теоретическом обосновании реформ. // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2002. Юбилейный выпуск. — С.46.

3. Рязанцев С.В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов. // Общественные науки и современность, 2000, № 5. — С.73-86.

Теории флуктуаций П.А.Сорокина

А.О. Белова

Череповецкий Государственный Университет

Формируя теорию флуктуаций, П.А.Сорокин обосновал «основной закон истории», который даёт характеристику происходящих в обществе циклических процессов. Первое появление самого понятие флуктуация происходит в период изучения Сорокиным социокультурных суперсистем. И для более ясного рассмотрения основного закона истории необходимо понять место суперсистем в истории общества.

Опираясь на видение исторического процесса Сорокин обосновал, как ему представлялось, «основной закон истории», согласно которому происходит перманентная флуктуация (колебание от средних параметров) как социокультурных суперсистем, так и обществ, равно, как их конкретных сфер: типы политики, экономики, идеологии не являются постоянными и не развиваются по восходящей линии, а непрерывно «качаются между полюсами тоталитаризма и строго свободных режимов». Исходя из этого постулата, социолог прогнозировал, что с переходом от чувственной культуры к новому интегральному циклу произойдет преодоление нынешнего кризисного состояния, при котором невиданный расцвет науки, технологий, образованности сочетается странным образом с войнами и революциями, межчеловеческими раздорами и обесцениванием человеческой жизни.

П.А.Сорокин в своей работе «Обзор циклических концепций социально – исторического процесса» [1], рассматривает флуктуации с точки зрения их исторического появления. Данная статья убеждает нас в том, что уже люди древнего мира воспринимали происходящие события как постоянно изменяющиеся явления.

По Сорокину, процесс флуктуации социокультурной системы проходит через ряд последовательных этапов: дезинтеграция – кризис – мобилизация сил – новый социокультурный порядок. Катаклизмы, по мнению социолога, являются последствиями дезинтеграции чувственной культуры – моральных, правовых и других ценностей, которые прежде контролировали поведение людей. Выход из-под их контроля приводит к тому, что индивиды начинают, главным образом, руководствоваться своими биологическими побуждениями, страстями и вожделениями. В этих условиях обостряется борьба за существование, сила становится правом, революция и другие формы межчеловеческих раздоров вспыхивают в беспрецедентном масштабе.

Сорокин выделил такие форму флуктуаций как социальная мобильность. Под социальной мобильностью он понимает переход индивида из одной социальной позиции в другую. При этом он выделяет два типа социальной мобильности – горизонтальную и вертикальную. Под горизонтальной мобильностью подразумевается переход индивида из одной социальной группы в другую, расположенную на одном и том же социальном уровне при сохранении прежнего социального статуса. Под вертикальной социальной мобильностью подразумевается перемещение индивида из одного социального уровня в другой, при этом может быть как восходящая мобильность так и нисходящая.

На основе данного видения социокультурных изменений Сорокин обосновал свою знаменитую теорему флуктуации, согласно которой циклические колебания суперсистем по не выявленной ритмической регулярности (хотя в принципе социолог) не исключал возможность установления тенденций ритмичности циклов) детерминируют флуктуацию обществ между прогрессом и регрессом, развитием демократических сво-

бод и авторитаризмом, мирным периодом и военным, революционным и эволюционным и т.д.

Теории бесконечного экономического прогресса ошибочны. Исторические факты свидетельствуют, что периоды накопления богатств сопровождались периодами их уменьшения или растраты. Под этим углом зрения социолог различает большие и малые циклы в экономическом развитии и анализирует разные типы флуктуации, их конкретные выражения. Отметим некоторые из них, которые социолог сформировал в виде следующих теорем.

Эти и другие соображения социолога о политической флуктуации, если их экстраполировать на нашу современную действительность, позволяют в качестве вероятных гипотез предположить следующее.

В заключение хотелось бы рассмотреть циклические действия в общественной жизни людей. Питирим Александрович Сорокин обнаружил циклические изменения даже в таких общественных явлениях как преступления, войны, революции, самоубийства, душевные болезни и нищета. Именно об исследованиях в этих сферах он пишет в работе «Кризис нашего времени»[2].

Литература

1. Сорокин ПА. Обзор циклических концепций социально – исторического процесса. // СОЦИС. М, 1998. С 3-12.

2. Сорокин ПА. Кризисы нашего времени // Американская социологическая мысль. - М. - 1996. С 356-371.

Социология революции П. А. Сорокина.

С.И. Белякова

Череповецкий государственный университет

E-mail: mekhova@chsu.ru

Бесспорной заслугой П. А. Сорокина – социолога является глубокое осмысление русской революции, которой он посвятил свои работы «Социология революции», «Современное состояние России» и «Нравственное и умственное состояние современной России». П. А. Сорокина изначально волновал вопрос о первопричинах русской революции. Наиболее общий ответ был таков: революция есть результат краха системы ценностей общества – и этических, и политических, и трудовых.

Питирим Александрович Сорокин выделяет основные причины революций, под которыми подразумевает «комплекс условий, связь событий, обрамлённых в причинную цепочку, начало которой теряется в вечности прошлого, а конец – в бесконечности будущего»[1].

Всякая революция, согласно П. А. Сорокину, имеет своей причиной растущее подавление базовых инстинктов большинства населения, невозможность даже минимального их удовлетворения: подавление потребностей в пище большинства населения, неудовлетворение потребностей в жилище и одежде, инстинкта собственности, инстинкта самосох-

ранения, потребности в коллективном самосохранении, полового инстинкта, инстинкта самовыражения. Свои выводы о причинах революционного взрыва П. А. Сорокин применяет к конкретной ситуации — русской революции 1917 года, к обстановке в России в это время. Для того чтобы быть предпосылкой революции, подавление базовых потребностей населения должно носить массовый характер и сопровождаться бессилием групп поддержания порядка.

П. А. Сорокин разделяет революцию на три стадии, первую из которых он называет фазой революционного подъёма, вторую — революционной диктатуры, третью — реакцией. На первой стадии — идеи революции разделяются подавляющим большинством общества, царит ощущение безграничной свободы, и она сопровождается минимальным насилием.

На второй стадии под давлением революционных радикалов происходит ущемление общественных свобод, устанавливается «революционная диктатура», ухудшается экономическая ситуация и ширится террор против всех недовольных.

В результате нового ущемления базовых инстинктов недовольное большинство общества свергает «революционную диктатуру» и наступает третья фаза революции — «реакция», на которой новые власти стремятся преодолеть «революционный разгул» и ввести жизнь общества в нормальное русло. П. А. Сорокину непосредственно довелось наблюдать последовательноехождение всех трёх фаз в революции 1905 — 1907 годов. В 1917 году он испытал на себе лишь первую и вторую стадии жизненного цикла великой революции.

П. А. Сорокин рассматривает революцию как закономерно возникающее явление, у которого существуют как положительные, так и темные стороны. Революция, по Сорокину, не представляет собой непрерывного «движения к свободе» либо сплошного насилия и произвола. По мнению социолога, революция меняет поведение людей, их психологию, идеологию, верования и ценности, изменяет население в биологическом составе, деформирует всю социальную структуру общества и приносит с собой сдвиги в фундаментальных социальных процессах.

Революция, как отмечает П. А. Сорокин, приводит к разрушительным последствиям для общества — краху его правовых и нравственных устоев, жестокости и агрессии в обществе, невиданному росту масштабов преступности, разрушению семейных ценностей, массовой эмиграции, массовой гибели людей в результате сопровождающих революцию актов насилия, голода, эпидемий, самоубийств. Причём последствия всего этого продолжают сказываться ещё долгие годы после революции.

Революции, несмотря на побуждения самих революционеров, изменяют поведение людей далеко не в лучшую сторону. Моральные, религиозные и другие ценности объявляются «предрассудками», тем самым, уничтожаются тормоза в поведении людей, прививая «антисоциальные» акты, поэтому люди деградируют в морально — правовом отношении. Революция уничтожает не только человека духовного, но и социального. Жизнь

человека теряет всякую ценность в этом обществе. Людей не сдерживают больше никакие моральные преграды, они звереют за три с половиной года войны и три года революции, и, как отметил П. А. Сорокин, заливают кровью и ужасом Россию за эти годы, поднимая руку даже на своих близких.

Во время каждой революции повышается рост убийств, садизма, зверств и пыток, ненависть; сумасшедшая борьба, зверства, разрушение, обман сопутствуют великой революции. Война и революция — это могучие факторы изменения поведения. «Они «отвивают» от людей одни формы актов и «прививают» новые, переодевают человека в новый костюм поступков»[2]. Тем не менее, Сорокин отмечает в революции и обратную сторону: жертвенность, подвижничество, героизм, но «эти явления — достояние единиц, а не масс»[3]. Социолог отмечает, что они редки, исключительны и тонут в море противоположных явлений.

Проделав анализ поведения индивидов в кризисные периоды, как в России, так и в других странах, П. А. Сорокин сформулировал «закон позитивной и негативной поляризации». Согласно этому закону одна часть общества становится более склонной к социальной аномии (негативный полюс), а другая — к моральному совершенствованию и религиозности (позитивный полюс).

Давая общую оценку революции как явлению, П. Сорокин заключает, что она является далеко не лучшим способом решения общественных проблем: ее завоевания, как правило, не стоят сопровождающих ее хаоса, насилия и разрушений. «Революция есть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс»[4].

П. А. Сорокин выступает принципиальным противником революции из-за огромного потока крови, неоправданного уничтожения материальных и духовных ценностей. Социолог делает вывод: то, что можно со временем записать в позитив революции можно достичь реформами.

Литература

1. Сорокин ПА. Социология революции // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992, с. 272
2. Сорокин ПА. « Нравственное и умственное состояние России» // Литература русского зарубежья. М., 1990, Т I, К 1, с. 406
3. Сорокин ПА. « Нравственное и умственное состояние России» // Литература русского зарубежья. М., 1990, Т I, К 1, с. 407
4. Сорокин ПА. Социология революции // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992, с. 270

Патриотический дискурс политических журналов**А.В. Берёзкин***Новокузнецкий филиал-институт Кемеровского государственного университета**E-mail: loki-baldr@list.ru*

Проблемой данной работы является содержание феномена патриотизма, которое формируется в новой социально-исторической ситуации российского общества. Патриотизм представляет собой социальную установку, выражающую позитивное отношение к родине. Основной его характеристикой является язык, как материальный носитель чувств и мыслей человека, раскрывающий содержание патриотизма.

Целью работы являлось описание патриотического дискурса политических журналов современного российского общества. Объектом исследования выступает феномен патриотизма. Предметом исследования – патриотический дискурс аналитического политического журнала «Коммерсантъ. Власть». Для достижения нашей цели был использован метод контент-анализа. Он позволил проанализировать значение основных характеристик текста высказываний о патриотизме в журнале «Коммерсантъ. Власть». В ходе исследования были получены следующие результаты:

1. Тема патриотического дискурса не занимает значительного места в журнале «Коммерсантъ. Власть». Так, из 487 просмотренных публикаций за 2004 год только 15 содержали высказывания о патриотизме, что составило соответственно 3,08% от общего количества;

2. Патриотизм рассматривается преимущественно в качестве одной из форм проявления государственной идеологии, это проявилось в 60% анализируемых высказываний;

3. Преобладает нейтральный характер высказываний, что соответствует формату журнала, однако, соотношение негативного и позитивного контекста высказываний таково: негативный контекст имеют 23,5% высказываний и 5,8% положительный, соответственно 70,6% нейтральный;

4. В высказываниях о патриотизме преобладает аффективный компонент социальной установки «патриотизма» над когнитивным, соответственно доли аффективного и когнитивного аспектов 64,7% к 29,4% от общего количества анализируемых высказываний;

5. На основании критериев «грамматическая» и «синтаксическая» форма можно сказать, что: патриотизм рассматривается не как самодостаточный феномен, а как уточняющий признак предмета. Так, из 35 анализируемых словоформ «патриотизма» 71,4% являются прилагательными, причем 9,8% из них в форме родительного падежа;

6. По критерию «семантического анализа» была обнаружена закономерность обратной пропорциональности: с увеличением позитивной денотации словоформ «патриотизм» происходит уменьшение их позитивной коннотации.

Таким образом, результаты проведённого нами исследования позволяют говорить об аффективном характере патриотического дискурса аналитических политических журналов современной России.

Понятия организационной и корпоративной культуры в экономической социологии

О.Б. Бетина

Санкт-Петербургский государственный университет

экономики и финансов

E-mail: olexa@list.ru

Понятие организационной культуры активно используется теоретиками и практиками экономической социологии уже более десятка лет. Однако до сих пор в современных исследованиях не существует четкого различения понятий организационной и корпоративной культуры.

Исследования организационной культуры имеют продолжительную предысторию и начинают отсчет с хоторнских экспериментов профессора Э. Мэйо в 30-х годах XX века, продемонстрировавших рост производительности труда у группы работников, привлеченных действиями администрации. Разработка концепции организационной культуры как одного из инструментов управления началась в начале 80-х годов прошлого века в США.

Классиками теории организационной культуры можно назвать таких исследователей, как Э. Шейн, К. Кэмерон и Р. Квин, Г. Хофстид, Ф. Харрис, Д. Деннисон, Т. Дил и др.

Проблемами организационной культуры в России в настоящее время занимается значительное количество социологов, экономистов и психологов: И. В. Андреева, В. А. Спивак, О. С. Виханский и мн. др. При этом понятия организационная культура и корпоративная культура также имеют неоднозначное толкование. Некоторые авторы склонны считать данные понятия синонимами [1], другие используют термин «корпоративная культура» при рассмотрении крупной организации [2], а «организационная культура» – при анализе деятельности небольшого предприятия. Существует третий подход, когда корпоративная культура и организационная культура различаются по способу формирования (корпоративная культура специально формируется, организационная культура образовывается спонтанно через взаимодействие ценностей самих работников [3]).

По нашему мнению, организационная культура – это модель коллективных базовых представлений, обретаемых группой при разрешении проблем адаптации к изменениям внешней среды и внутренней интеграции, и передаваемая новым членам группы в качестве наиболее эффективной. Любой организации имманентно присуща организационная культура.

Зарубежные исследования организационных культур 80-х начала 90-х годов XX века посвящены изменениям культур с точки зрения их согласованности. Как было доказано, одновременное действие противоречи-

вых законов, правил, норм и ценностных ориентаций, присущих различным типам организационных культур, приводило к сбоям в функционировании организации. Так, К. Камерон подчеркивал, что согласование ценностей, установление любых, но единых правил, восстанавливают организацию, предотвращают ее упадок и разрушение [4]. Например, развитие бюрократического типа организационной культуры, соответствующего пониманию М. Вебера, обеспечивало эффективность организации, при условии единых правил и норм для всего ее персонала.

Рост темпов развития организаций, стремление к возрастающей прибыли обратили руководителей к осознанию возможности повышения эффективности использования человеческих ресурсов при условии умелого управления. Управление человеческими ресурсами для получения максимальной отдачи от работника привело к необходимости оттачивания механизмов и инструментов управления, одним из которых стала организационная культура. Совершенствование организационной культуры отвечает на вопрос «Как сделать так, чтоб все стали работать максимально эффективно?».

Стадия развития организаций, когда приоритетным становится искусное управление людьми, привнесла понятие корпоративной культуры. Корпоративная организация – это замкнутая группа людей, доступ в которую ограничен, а централизация и авторитарность максимальны. Сплоченность коллектива корпорации и максимальная отдача работников являются ключевым фактором ее успеха на рынке. Достижение указанных условий возможно благодаря определенному образу жизни на основе общих профессиональных интересов.

Корпоративная культура подразумевает массовое тиражирование образа жизни, поэтому она требует гораздо более жесткого закрепления правил и поддержки со стороны высшего руководства (например, санкции за игнорирование корпоративных вечеринок), а также закрепления во внешних атрибутах (требования, предъявляемые к внешнему виду работника, исключая свободу в определении выбора ткани для костюма, длины ногтей и т.п.). В основе корпоративной культуры лежит организационная культура, которая подверглась трансформации, чтоб стать универсальным способом воздействия на всех работников. Корпоративная культура, в отличие от организационной, охватывает личную жизнь членов организации, регламентируя продолжительность свободного времени и вид занятий (хобби) в свободное время, поощряя активность, которая не может быть самостоятельной вне участия в корпорации. Корпоративная культура – это ценности, правила и нормы корпоративной организации, формируемые руководителями, в целях повышения эффективности деятельности ее членов.

Литература

1. Козлов В. В., Козлова А. А. Корпоративная культура: «костюм» успешного бизнеса // Управление персоналом, 2000, №1, С. 35-38.
2. Спивак В. А. Организационная культура. СПб., 2004, с. 17

3. Михельсон-Ткач В.Л., Скляр Е.Н. Процесс согласования ценностей: проблемы и оценка // Менеджмент в России и за рубежом, 2002, №1, С. 71-77.

4. Cameron, Kim S. Effectiveness as paradox. Management Science, 1986, №32

Методологические подходы к исследованию динамики ценностей в условиях трансформирующегося российского общества

М.С. Блинова

Ростовский Государственный Университет

E-mail: mblinova@yandex.ru

Современное российское общество в течение нескольких десятилетий претерпевает постоянные социальные изменения, затрагивающие не только социальную структуру общества, но и систему ценностей россиян. Исследованию динамики ценностей в различных социальных группах целый ряд эмпирических исследований (В.В. Гаврилюк, Н.А. Трикоз, М.К. Горшков, Ю.А. Зубок и др.), однако их результаты, во многом характеризуются мозаичностью и фрагментарностью. Теоретическая основа данных работ, базирующаяся на классических методологических конструктах, позволяет не в полной мере составить целостное представление о характере изменений ценностей. Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления динамики ценностей в условиях транзисии российского общества. Целью работы является поиск новых теоретических оснований, соответствующих характеру динамики ценностей россиян в условиях трансформирующегося общества на материале российских исследований по молодежной проблематике.

В современной литературе существуют различные определения понятия «ценности» [1]. Мы понимаем под ценностями разделяемые в обществе (социальной группе) убеждения относительно целей, к которым люди должны стремиться, и основных средств их достижения, а также социально значимые объекты, символы и идеи [2]. Для трансформирующегося общества характерна динамика ценностей, как конфликт, так и конструктивный диалог ценностей. Исходя из этого, мы можем говорить о динамике ценностей. Динамика (от греч. *dynamikos* – обладающий силой, сильный) – это развитие, изменение какого-либо явления под влиянием действующих не него сил, противопоставляемое состоянию относительного равновесия. Отсюда, динамика ценностей представляет собой процесс их непрерывного воспроизводства и развития в условиях неустойчивости социальных структур [3]. Анализ результатов многочисленных социологических исследований как общероссийского, так и регионального уровня [4], подтверждает, что за прошедшее десятилетие в молодежной среде произошли переоценка культурных ценностей предыдущих поколений, нарушение преемственности в передаче социокультурного опыта, с одной стороны, свидетельствующие о наличии конфликта ценностей, а, с другой, – об их мирном сосуществовании и взаимопрото-

никновении. Самыми крупными, по мнению ученых, являются конфликты ценностей между традиционализмом и модернизмом, коллективизмом и индивидуализмом [5]. Однако само по себе переплетение традиционных и модернизированных элементов и структур в одном и том же обществе, по мнению ученых, не обязательно приобретает негативные смыслы. Если ранние социологические исследования ценностей российской молодежи, проведенные в 90-х гг. XX в., фиксируют конфликтную форму взаимодействия традиционализма и модернизации, то более поздние указывают на конструктивный диалог и появление новых ценностей, присущих молодежи. Так, например, под влиянием глобализации и индивидуализации в республиках Северного Кавказа происходят изменения в ментальности молодежи, но традиционная культура демонстрирует способность адаптироваться к новым реалиям, что не исключает тяготения к другой, индивидуалистской ценностной системе [6]. Таким образом, культурная специфика ценностных ориентаций молодежи России, зафиксированная в последние годы, заключается в конструктивном взаимодействии ценностей традиционализма и модернизации. Параллельно сосуществуют и переплетаются две ценностные системы: тяготеющая к традиционности – коллективистская и нарождающаяся индивидуалистская, причем традиционные ценности, претерпевая некоторые изменения, во многом толерантны модернизационным процессам.

В результате проведенного анализа динамики ценностей в условиях трансформирующегося российского общества был выявлен конфликтный и конструктивный характер их взаимодействия. Смысл взаимодействия традиционных и модернистских ценностей неоднозначен, а существовавшие прежде дихотомичные пары ценностей уже не отражают в полной мере его современного состояния. Комплекс взаимодополнения и взаимопереплетения ценностей современной российской молодежи приобретает характер сложноорганизованной нелинейной системы, в связи с чем, представляется актуальным использование синергетики в качестве методологического конструкта при изучении динамики ценностей. Синергетика исследует некие универсальные принципы спонтанной самоорганизации; появление структур самой различной природы синергетика связывает с такими условиями существования системы, как открытость, нелинейность, неравновесность. Поэтому можно сказать, что синергетику, в первую очередь, интересуют нестационарные состояния, живая динамика. В синергетическом описании возникает новый образ мира – мир открыт и сложноорганизован, он не «ставший», а «становящийся», непрерывно возникающий и изменяющийся. Он эволюционирует по нелинейным законам, т.е. полон неожиданных поворотов, связанных с выбором дальнейших путей развития. Данные принципы модели возникновения порядка из хаоса, развиваемые в синергетике, на наш взгляд, наиболее подходят в качестве теоретического конструкта для изучения динамики ценностей различных социальных групп в нестабильном трансформирующемся российском обществе [7].

Литература

1. Гуревич П.С. *Философия культуры*. М., 1994, с. 131; *Энциклопедический социологический словарь*. М., 1995, с. 871.
2. Блинова М.С. *Ценности российской молодежи в условиях трансформирующегося общества: конфликтные и конструктивные формы взаимодействия традиционализма и модернизации / Актуальные проблемы социологии современного российского общества*. Ростов-на-Дону, 2004, с. 8; Блинова М.С. *Ценности молодежи и конфликтогенность на Юге России / Конфликтогенность на Северном Кавказе*. Южно-российское обозрение. Вып. 26. Ростов-на-Дону, 2004. (в соавт.).
3. *Социологический энциклопедический словарь*. Ред. – координатор – академик РАН Г.В. Осипов. М., 1998, с. 72.
4. См.: Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. *Динамика ценностных ориентации в период социальной трансформации // Социологические исследования*, 2002, № 1; Зубок Ю.А. *Проблемы социального развития молодежи в условиях риска // Социологические исследования*, 2003, № 4.
5. *Модернизация в России и конфликт ценностей / Отв. ред. С.Я. Матвеева*. М., 1994, с. 9; Пантич Д. *Конфликты ценностей в странах транзитии // Социологические исследования*, 1997, № 6, с. 24-25; Матвеева С.Я. *Модернизация общества и конфликт ценностей*. М., 2001, с. 7-8.
6. Филимонова Н.М. *Этические установки в трансформирующейся адыгейской среде // Философия, социология, культурология (АРИГИ)*. Вып. 5. Майкоп, 2005, с. 122; Делова Л.А. *Динамика ценностных ориентаций молодежи в условиях укрепления рынка // Известия ЦСИ МГТИ*, 1999, № 1, с. 43-44.
7. Василькова В.В. *Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации)*. СПб., 1999, с. 19, 21.

Родительство как социологическая категория***Н.В. Богачёва****Казанская государственная сельскохозяйственная академия**E-mail: nata.bogachyova@mail.ru*

В связи с изменениями и негативными явлениями в современной российской семье становится актуальным изучение родительства как социологической категории, поскольку именно отношение «родители-дети» создаёт семью. Рождение и воспитание детей отличают семью от пары любовников, писал Н. Соловьев в своей работе «Женщина и дети» в 1869 году. «При тесном сближении мужчины с женщиной может существовать только пара; до тех пор, пока у этой пары нет детей, – нет в настоящем смысле и семьи» [1].

Родительство как социологическая категория представляет собой прочное устойчивое эмоционально насыщенное взаимодействие, связанное с рождением и воспитанием детей, которое включает в себя социальные роли отца и матери. Эта категория включает в себя также социаль-

ные функции женщины и мужчины; родительское чувство и поведение (любовь к детям, чадолюбие); культурные символы отцовства и материнства; права и обязанности мужчины-отца и женщины-матери по отношению к ребенку, вытекающие из кровного или юридического родства.

В основе родительства лежит выполнение основных семейных функций: рождение и воспитание детей, их содержание и уход за ними, формирование их индивидуального сознания, сохранение физического и психического здоровья. Отношения с родителями становятся первыми и главными социальными отношениями ребенка, которые активно влияют на формирование его личности. Эти связи очень важны, ибо они определяют особенности развития психики и первичную социализацию детей на самом раннем этапе их развития.

Роль родителей состоит в постепенном введении ребенка в общество, чтобы его развитие шло сообразно природе ребенка и культуре страны, где он появился на свет. Опыт ребенка, приобретенный в семье, в младшем возрасте становится подчас единственным критерием его отношения к окружающему миру, людям.

В родительстве необходимо различать отцовство и материнство, являющиеся разными социальными институтами. Ролевое взаимодействие в семье есть совокупность норм и образцов поведения одних членов семьи по отношению к другим [2]. Соотношение отцовства и материнства — один из аспектов более общей полоролевой дифференциации, имеющей биологические и социальные предпосылки.

В российской культурной среде материнство — одна из главных ипостасей женского стереотипа, а социальные характеристики материнской роли очерчены гораздо определеннее, чем отцовской, ей приписывается большее значение в деле первичной социализации. Демаркация и фактическое содержание отцовских и материнских ролей тесно связаны как с общим половым символизмом, так и с половой стратификацией, включая дифференциацию супружеских ролей, — статусы матери и отца невозможно понять отдельно от статусов жены и мужа [3].

Традиционные роли, когда женщина вела домашнее хозяйство, воспитывала детей, а муж был хозяином, собственником имущества и обеспечивал экономическую самостоятельность семьи, изменились. Фундамент новых норм составляют индивидуалистские ценности: расширение свободы выбора для женщины и для мужчины в семейной и общественной сферах, равенство супругов-партнеров, большие возможности для самореализации.

Родительское чувство — также социальный по своей сути феномен, имеющий, между тем, корни в природной, генетической связи между ребенком и родителями. Социальная среда влияет на родительское чувство, в одних случаях стимулируя его развитие, в других ослабляя и подавляя его. Однако она не может породить этого чувства без факта рождения или длительного общения взрослого с ребенком.

В то же время специфика выражения родительской любви обусловлена совокупностью природного и социального моментов, биопсихическими свойствами мужчины и женщины и характером выполняемых ими социальных ролей. В родительском чувстве заключено многообразие форм и результатов взаимодействия естественного и общественного начал вследствие многообразия факторов (прежде всего социальных), которые влияют на данный процесс [4].

Патерналистские взгляды на семью как малую социальную группу, нуждающуюся в постоянной поддержке и социальном контроле её повседневной деятельности, заменяются представлениями об автономии семьи, её независимости, что не может не сказаться на отношении к родительству как важнейшей составной части брачно-семейных отношений, основе семейной жизнедеятельности и фактору демографического благополучия общества. Вместе с тем следует отметить, что роль и функции родительства еще окончательно не сформировались в общественном сознании.

Литература

1. Соловьев Н. Сочинения. Женщина и дети. — М., 1869. — С. 30.
2. Социология: учебник / Отв. ред. П. Д. Павленок. — М., 2002. — С. 319.
3. Кон И. С. Ребенок и общество. — М., 1988. — С. 223-226.
4. Харчев А. Г. Социология семьи: проблемы становления науки. — М., 2003. — С. 60-64.

Образ бизнес-элиты в научных публикациях российских ученых

И.А. Болотова

Тулский государственный университет

E-mail: ganzhela@rambler.ru

Наше общество вошло в постиндустриальный период без традиционных для Запада форм частнособственнических отношений, и в российском менталитете еще не сформировалось характерное для западных стран позитивное отношение к крупным собственникам. Это объясняется тем, что в нашей стране долгое время культивировались коллективистские нормы и ценности, которые, как и любая другая социокультурная система, меняются не так динамично, как экономическое и политическое устройство. Таким образом, необходимость специального изучения восприятия экономической элиты научным сообществом современной России становится очевидной.

Безусловно, российское научное сообщество в силу своей специфики не может руководствоваться в своих публикациях лишь остаточными стереотипами и представлениями коммунистического прошлого, но и полностью свободным от влияния прежней ценностно-нормативной системы его назвать нельзя. Исходя из вышесказанного, можно понять проблему неоднозначного восприятия бизнес-элиты, ее генезиса, выполнения социальной роли и т.д. многими российскими учеными.

Однако проблема образа элиты российского бизнеса обусловлена не только субъективными факторами. Другой предпосылкой сложностей в ее восприятии служит происхождение самой бизнес-элиты. Известный российский исследователь О.В. Крыштановская считает бизнес-элиту «детисом советской номенклатуры» [2]. А так как за долгие годы пребывания во власти партаппарат и номенклатура дискредитировали себя и стали вызывать в массовом сознании лишь негативные ассоциации, то и люди, имеющие к ней отношение, продолжают нести на себе отпечаток ее отрицательного образа. Другие ученые связывают формирование бизнес-элиты с появлением «протопредпринимателей периода застоя, в большинстве своем функционировавших в теневых структурах» [1].

В контексте данной темы необходимо учесть проблему отождествления бизнес-элиты и олигархии. На мой взгляд, не учитывается существенное различие этих понятий, состоящее в характере и масштабах влияния на политику. В ряде научных публикаций прослеживается определенная подмена понятий. И бизнес-элита трактуется как группа крупных предпринимателей, которые в силу своего финансового и экономического могущества оказывают влияние на принятие общегосударственных решений [2]. На основе этого определения сложно дифференцировать бизнес-элиту и олигархию. Для более детального изучения проблемы был проведен контент-анализ.

В качестве эмпирического объекта для контент-аналитического исследования по изучению образа бизнес-элиты в научных публикациях российских ученых были взяты и другие источники для более целостного и комплексного изучения. Были выбраны научные публикации по проблемам, связанным так или иначе с бизнес-элитой и олигархией, опубликованные в России за последние 10 лет.

В процессе исследования выяснилось, что (как это ни парадоксально) влияние олигархов – самая употребляемая тема в исследуемой литературе про бизнес-элиту. Исходя из этого, я пришла к выводу, что предположение об отсутствии четкой дифференциации понятий подтвердилось. На образ бизнес-элиты все еще влияет негативное отношение к олигархическим структурам. Отношение к олигархии – слоя нежелательного в демократическом обществе, вызывающего негативные ассоциации априори – у многих исследователей такое же, как и к бизнес-элите, которая является необходимым звеном в обществе, основанном на рыночном хозяйстве. Возможно, для многих ученых проблема дифференциации понятий бизнес-элиты и олигархии еще не актуализирована, что, безусловно, сказывается на отношении к экономической элите не только научного сообщества, но и общественного мнения в целом.

Употребление тем, относящихся к генезису бизнес-элиты в сочетании с рядом экспрессивных определений подтверждает предположение о том, что на отношении к бизнес-элите сказывается и ее происхождение (партийные работники, комсомольская экономика, теневая экономика).

Частота употребления темы выполнения социальной роли бизнес-элитой является наименьшей по отношению к другим единицам анализа, таким образом, освещение социальной роли бизнес-элиты представляется неполным. Во многих источниках отсутствуют факты, подтверждающие либо опровергающие выполнение элитой российского бизнеса своих функций по отношению к обществу. В тех же сообщениях, где присутствует эта тема, оценка социальной роли далека от нейтральной и имеет выраженную субъективно-эмоциональную окраску. На мой взгляд, это вызвано тем, что либо социальная роль не выполняется вообще, либо в СМИ существует определенный стереотип в описании бизнес-элиты, в который добровольность исполнения своей общественной функции элитой российского бизнеса не входит.

Таким образом, на образ бизнес-элиты в научных публикациях влияет проблема ее отождествления с олигархией, отношение к генезису бизнес-элиты, а также степень информированности о выполнении элитой российского бизнеса своей социальной роли.

Литература

1. Бунин И.М. «Бизнес-элита и российское общество» // Власть, 1996, №6, С.9-19.
2. Крыштановская О.В. «Трансформация бизнес-элиты России: 1998-2002» // Социс, 2002, №5, С.17-29.

Активность населения и законодательная деятельность в сфере местного самоуправления

Ю.П. Бондаренко

Московский авиационный институт

E-mail: julsbond@bigmir.net

Новое законодательство о местном самоуправлении (МСУ) исходит из того, что жители муниципальных образований являются не только объектом управления местных администраций, но и субъектом, активность которого не ограничивается участием в выборах главы администрации и Совета депутатов.

Социальная активность населения понимается нами как личная мотивированная деятельность граждан по решению вопросов местного значения посредством их участия в различных формах МСУ.

Характер связи «активности» населения и «развитости законодательства» можно представить в виде матрицы (рис.1)

	Неразвитое законодательство	Развитое законодательство
Низкая активность	А	В
Высокая активность	Б	Г

Рис.1. Соотношение активности населения и степени развитости законодательства о местном самоуправлении.

В рамках данной матрицы вычлняются четыре ситуации в зависимости от соотношения степени активности населения в сфере местного самоуправления и степени развитости законодательства о МСУ.

Ситуации А. «Низкая активность – Неразвитое законодательство». Система МСУ по своим характеристикам близка к командно-административной системе. Органы местного самоуправления, предполагающие участие населения, имеют высокую степень бюрокритизации и подавляют интерес населения к участию в различных формах МСУ. Органы местного самоуправления превращаются в нижнюю ступень в иерархии государственного управления.

Ситуация Б «Высокая активность – Неразвитое законодательство» характеризуется активным процессом создания локальных форм самоуправления (домовые, уличные комитеты, группы народного контроля и т.д.) на уровне отдельных поселков, микрорайонов при слабо развитой законодательной базе. Самоорганизующиеся граждане на уровне первичных представлений о юридическом оформлении своих сообществ утверждают Положения, Уставы и др. на тех условиях общественных и публично-правовых отношений, которые передают истинный смысл общественного самодетельного характера МСУ.

Ситуация В. «Низкая активность – Развитое законодательство». Она отражает стремление государства поддержать местное самоуправление. Помощь государства заключается в совершенствовании нормативной базы. Но сможет ли государство дать гражданам такой правовой механизм, который поможет при поддержке «закона» активизировать свою «активность»? Этот вопрос социально значим в силу того, что состояние «Развитое законодательство» может оказаться заполненным такими нормами закона, которые погубят всякую инициативу граждан. Таким образом, здесь местное самоуправление оказывается в точке бифуркации, делающей возможным несколько путей его дальнейшего развития. Если исследования покажут, что «законодательство», расширяющее права граждан, не в состоянии реализовать потребности, интерес и готовность участия общества в системе МСУ, то ситуация так и останется в пределах ситуации В. «Законодательство», хоть и дополненное рядом статей, но оставляющее граждан в прежнем социально-правовом положении приведет к ситуации А – «Низкая активность – Неразвитое законодательство».

Ситуация Г – «Высокая активность – Развитое законодательство» возникает в том случае, когда законодательство расширяет гражданские права населения, тем самым дополнительно мотивируя участие. Данная ситуация соответствует желаемому образу действий граждан в системе МСУ.

Современное состояние местного самоуправления в России можно рассматривать как ситуацию В. Принятие нового Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» дает широкие возможности для проявления активности населения в сфере местного самоуправления. Однако многочисленные исследования свидетельствуют о низкой активности граждан, причиной

которой является не столько отсутствие законодательной базы, сколько неспособность решать насущные проблемы действующей местной властью, ее нежелание сотрудничать, отсутствие у граждан положительного опыта участия в различных формах МСУ. От успешного преодоления этих причин зависит, по какому пути развития пойдет система местного самоуправления в Российской Федерации.

Стратегии репрезентации индивидуальности в рекламе.

Е.А. Бороздина

Волгоградский государственный Университет

E-mail: daisy9@rol.ru

Современное общество, пронизанное рыночными отношениями и, в конечном итоге, сводящее разнообразные проявления человеческой активности к дихотомии «эффективное/неэффективное», неминуемо оставляет позади мечту о всеобщем процветании, основанном на стандартизации, стабильности и безопасности. В мире, где все больше возрастают различия между «первым» и «всеми остальными», обостряется проблема собственной успешности, способности утвердить себя как хорошо приспособленного индивида. Здесь всякое действие превращается в бизнес, который в ситуации тотального распространения информации (вплоть до размывания границ между публичным и личным пространствами) неминуемо обращается в шоу-бизнес. Социальные объекты (будь то организации или индивиды), помещенные в эти условия, вынуждены стать собственными продюсерами, создавая и воссоздавая себя в ходе взаимодействия со средой. При этом, ввиду изменчивости и неопределенности окружения, главная роль отводится не формированию некоего устойчивого образа, но поиску стратегии постоянного и непрерывного изобретения собственной индивидуальности.

Реклама, как один из ключевых феноменов общества потребления в значительной степени отражает данную тенденцию, выступая в качестве средства репрезентации своей специфичности. Характерно то, что как в процессе изобретения себя индивидами (группами, организациями), так и в процессе рекламной коммуникации выделяются две основных, во многом противоположных друг другу, стратегии. В ходе самоконструирования социальные объекты совершают выбор между следующими потенциально эффективными альтернативами: быть лучше других или быть иными, чем они.

Быть лучше других значит проявлять бóльшую приспособленность к среде, использовать «правильные» (обоснованные, проверенные) технологии и инструменты. Данный способ действия основан на рациональности и имеет своей целью победу в противостоянии с конкурентами за счет превосходства над ними. Быть иным, чем окружающие, значит одержать верх в противоборстве за счет перенесения соревнования на совершенно новое поле, за счет отказа от привычных правил и, в известной степени, от самого участия в конкуренции. Данный путь есть путь иррацио-

нальности и уникальности (в противовес норме, с которой соотносится первый тип поведения).

В рекламной коммуникации данные стратегии нашли свое выражение в таких явлениях, как стандартная и нестандартная реклама. Стандартная реклама направлена на то, чтобы выделить продукт из ряда сходных, показать, что он лучше, чем другие. В ней используются стереотипные приемы при создании сюжета (эксплуатация темы чистоты в рекламе шампуня, акцент на применении последних достижений техники в рекламе компьютера, реклама молока на фоне идиллической деревенской жизни и т.п.) и знакомые аргументы, апеллирующие к здравому смыслу аудитории. Примером подобной практики могут служить многочисленные ролики о моющих средствах, построенные на сравнении рекламируемой продукции и продукции «обычной». Стандартная реклама воспринимается как нормальная, поскольку она помещает потребителя в привычные рамки, упорядоченное, кодифицированное социальное пространство.

В противоположность этому предпосылкой разработки нестандартной рекламы является творческое видение автора, основанное на разрыве со стереотипами. В этой роли сообщение предстает не до конца определенной областью, способной породить все новые значения по мере разворачивания процесса интерпретации. Итогом становится размывание рамок и ограничений, потребитель оказывается в незнакомом, а зачастую и непонятном, окружении, чем во многом объясняется определение нестандартной рекламы как шокирующей. В качестве образца нестандартной рекламы можно привести рекламную компанию пива «Тинькофф», которая всей стране дала понять, что «он такой один».

В целом, нужно заметить, что, несмотря на распространенность первой (рациональной) стратегии как в повседневной жизни, так и в рекламе, все больше ученых, а также специалистов в сферах менеджмента и рекламы склоняются к мысли: в современном, постоянно изменяющемся, обществе успех и влияние переходят от тех, кто следует правилам, к тем, кто их нарушает.

Литература

1. Дрю Ж.-М. Ломая стереотипы. СПб., 2002.
2. Липовецки Ж. Эра пустоты: эссе о современном индивидуализме. СПб., 2001.
3. Нордстрем К.А., Риддерстрале Й. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. СПб., 2002.

Динамика становления религиозных воззрений школьников (результаты исследований в одной из школ г. Рязани)**А.Ю. Бояркин, Н.В. Плющ***Рязанский государственный педагогический университет им. С.А. Есенина
E-mail: bagor@rambler.ru*

В настоящее время актуален вопрос о введении дополнительных предметов касающихся вопросов религии в школьный учебный план. Поэтому было решено выяснить – а как же относятся к религии сами воспитанники государственной школы.

Исследование проводилось в школе, разрабатывающей концепцию русской классической школы. В нем принимали участие ученики 8-х, 9-х, 10-х и 11-х классов. Отбор велся методом гнездовой выборки – на основании мнения педагогического коллектива школы отбирались наиболее типичные классы с параллели.

Целью исследования выступало выяснение отношения учеников предвыпускных и выпускных классов к вопросам религии. **Проблемой** – отсутствие достоверной информации об отношении школьников к вопросам религии.

Были обозначены следующие **задачи**: выяснить отношение к религии в ближайшем социальном окружении школьника (в первую очередь в семье); выяснить отношение к религии самого школьника; уточнить наличие потребности у школьника в получении знаний о религии; уточнить возможность получения информации о религии в специализированных учебных заведениях, таких как воскресная школа; определить набор моральных качеств, которыми должен обладать религиозный человек.

Так как исследование было практикоориентированным, то в качестве **объекта исследования** мы выделили учеников предвыпускных и выпускных классов. **Предметом исследования** явилось отношение школьников к религии.

Определение основных понятий, принятых в исследовании.

Мораль – нравоучение, нравственное ученье, правила для воли, совести человека².

Нравственность – один из самых важных и существенных факторов общественной жизни, общественного развития и исторического прогресса³.

Религиозный человек – человек, принявший одну из мировых религий, строго следующий тем нормам и правилам, которые предписывает данная религия; верующий человек.

Характеристика учебного заведения, в котором проводилось данное исследование. С 1 сентября 2000 года педагогический коллектив работает в режиме эксперимента по апробации модели русской классической школы. Школа имеет статус городской экспериментальной площадки «Развитие личности ребенка в русской классической школе с учетом общественного заказа и национальных потребностей». В связи с этим в

² "Толковый словарь" Вл. Даля

³ Философский энциклопедический словарь

школьный учебный план включен блок новых предметов. Этнокультурный компонент учебного плана дает возможность ученикам более полно представить богатство национальной культуры, уклад жизни народа, его историю, язык, традиции, духовные ценности. Патриотическое воспитание учеников является одним из приоритетных направлений в школе.

В ходе исследования были получены следующие результаты. 92% учащихся положительно относятся к религии и более половины опрошенных считает, что религия играет большую роль в их жизни. При этом и их родители, по мнению учеников, являются религиозными людьми.

Большинство опрошенных на вопрос «Кто и где впервые заговорил с вами о вопросах религии?» указали на домашнее окружение: дома мама – 69%; дома бабушка – 38%. При этом позиция «в школе, учитель» не была выбрана ни одним учеником. На вопрос о цели данного разговора было указано следующее: привить мне веру в Бога – 62%; рассказать мне о морали и нравственности – 46%; с целью развития «общего кругозора» – 38%.

Для самого ученика религия интересна тем, что: повышает интеллектуальный уровень – 46%; повышает моральный и нравственный уровень – 85%; это просто интересно – 38%. Все ребята с разной степенью периодичности посещали церковь (в основном эпизодически – 62%). Это делалось со следующими целями: мне это интересно – 23%; я верю в Бога – 85%; меня берут с собой родители – 38%; другое – 8%.

Итак, школьники довольно религиозны и сами интересуются вопросами религии, но хватает ли им знаний, даваемых в школе?

Большинство учеников (69%) показало, что испытывают недостаток в знаниях и хотели бы получать более полную информацию религиозного характера. При этом воскресная школа в качестве альтернативы светской школе в данных вопросах рассматривается только 31% учеников (причем 15% из них – «за компанию», с друзьями)

С чем же связано нежелание идти в подобное учебное заведение? Основные варианты объяснений этому (и это характерно для всех опрошенных школьников) следующие: «И так много дел, не хватает времени»; «Посещающие эту школу скучные и не интересные»; «Я не настолько религиозен (-а), что бы ходить туда»; «Мне хватает того, что я прочитал в книгах и узнал от бабушки (мамы и т.д.)».

А каким видят ученики религиозного человека? Какими качествами он должен обладать? Мы получили следующий набор характеристик: этот человек должен быть добрым (46%), любить ближнего (31%), быть искренним и верующим (по 23%), быть мудрым и отзывчивым (по 15%). На основании этого можно сделать вывод, что школьники отождествляют образы религиозного и нравственного человека

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. В целом общий уровень религиозности школьников находится на достаточно высоком уровне, а большую часть информации о религии они получают в домашней среде. В школьном образовании с точки зрения учащихся, присутствует недостаток в знаниях связанных с во-

просами религии и ученики испытывают потребность в дополнительных учебных предметах в рамках основного образовательного процесса.

Политическое обеспечение бизнеса (региональный аспект проблемы)

Е.С. Будыкина

Череповецкий государственный университет

С развитием рыночной экономики, интегрированием нашей страны в мировую систему появляются новые проблемы – меняется характер рисков. Одними из основных для бизнеса становятся риски политические. Это делает актуальной проблему управления этими рисками с целью снижения возможных потерь или же избежания их. Одним из ключевых факторов эффективности современного производства становится политическое обеспечение бизнеса.

Изучение этой проблемы актуально и потому, что сферы политики и бизнеса в нашей стране тесно переплетены. Их взаимоотношения оказывают заметное влияние на характер развития современной России.

На сегодняшний день можно говорить об устойчивых моделях взаимодействия политики и бизнеса в современной России, специальных политических технологиях, используемых крупными корпорациями, обладающих определенной эффективностью в качестве инструмента политического обеспечения бизнеса.

В качестве ключевых компонентов этой модели можно выделить:

- политический ресурс организации
- политическую коммуникацию
- непосредственно формы политического обеспечения бизнеса.

Проблемы политических ресурсов корпоративного капитала (С.П. Перегудов [1]):

- Роль, которую корпорации играют в национальной экономике.
- Социальный капитал
- Распределение собственности, как в отдельных компаниях, так и в корпоративном секторе в целом.
- Проникновение бизнеса в исполнительную власть, сращивание с ее узловыми ведомствами.
- Организационно-политическое взаимодействие между ведущими «игроками» корпоративного бизнеса.
- Позиции и связи, которыми обладают корпорации в международных финансовых кругах и транснациональном бизнесе.

Проблема политических коммуникаций. Согласно классификации авторов Справочника по политическому консультированию под редакцией Д.Д. Перламаттера [2], выделяются следующие задачи, которые ставятся перед политическими акторами:

- Сформировать *message*, некое послание, сообщение, которое необходимо донести до «избирателей».

– Оставаться «в теме послания» и повторять его схожим образом во всех направлениях (включая телевизионные ролики, митинги, собрания, обсуждения в прессе, коммуникацию, осуществляемую добровольцами, и любой другой контакт с избирателями).

– Вся коммуникация в широком смысле слова должна логически сочетаться с посланиями, направленными непосредственно к лицам, принимающим решения.

– Необходимо определить целевые аудитории. Корпорациям необходимо быть уверенными, что политические послания ориентированы на ключевые аудитории, стейкхолдеров и т.д.

– *Управление ресурсами кампании должно быть спланировано таким образом, чтобы их эффект оказался максимальным в момент принятия решения. План информационной кампании должен быть выстроен с учетом пиков интенсивности.*

Переход к формам политического обеспечения бизнеса как таковым:

– *Лоббирование — анализ объекта и цели лоббирования (ресурс, проблема, позиция), методов и каналов (выдвижение «своих» кандидатов в парламент, поиск партнеров среди других крупных объединений и партий).*

– Социальная ответственность бизнеса — президентское определение перспектив развития отношений бизнеса и власти «стабильность, прозрачность, законность» предполагает формирование социальной ответственности как специфического качества национального бизнеса. С точки зрения модели стейкхолдерства в этом отношении интересы власти и общества совпадают, а, следовательно, они должны учитываться и бизнесом. Социальная ответственность бизнеса прибавляет корпорации политический вес.

– Корпоративная культура предприятия — во многом этот вопрос пересекается с предыдущими — мы рассматриваем корпоративную культуру как масштабное явление, включающее в себя все поведения организации. Тем не менее, можно выделить особо важные моменты: «видимость» и «открытость» предприятия, анализ лояльной аудитории, анализ внутренней аудитории.

Предложенная система может быть основой для анализа политической деятельности любого предприятия, где, возможно, рассмотренные позиции будут представлены не в полном спектре.

Литература

1. Перегудов С.П. Корпоративный капитал и институты власти: кто в доме хозяин?//Полис, № 5 — 2002

2. Справочник по политическому консультированию//Под ред. проф. Д. Перлматтера. — М: «ИМИДЖ-Контакт»; ИНФРА-М, 2002

Рунет: информационный ресурс рынка труда.**О.В. Василенко***Волгоградский Государственный Университет**E-mail: suewa@mail.ru*

Возрастающее влияние информационных технологий на экономические процессы формирования и развития рынка труда является самоочевидным. Интернет представляет собой новое, необычное, но весьма перспективное динамичное поле распространения информатизации в экономическом пространстве, как отдельных государств, так и мира в целом. РУНЕТ — это общепринятое, особенно у российской части пользователей, сленговое обозначение пространство коммуникации. Оно отражает источники и качество информации вращающейся в Сети, произведенной большей части в России, чем намечает «границы» популяризации отечественных сайтов и их содержание [1; 69]. РУНЕТ обладает собственной спецификой существования и развития, хотя он — лишь частный случай мирового информационного пространства. Это касается, прежде всего, процесса формирования представлений о качестве информации о рынке труда, форме и способах ее подачи. Активными субъектами-участниками данного процесса являются не только работодатели и ищущие работу, но владельцы и сотрудники Сетевых изданий и персонал компаний-провайдеров. Использование возможности РУНЕТ в структуре рынка труда — это признак рождения России как информационного общества. Обширная информация о свободных рабочих местах доступна для каждого в любом уголке нашей страны. Быстрое распространение информации о состоянии рынка труда позволяет ищущим работу быть особенно мобильными, а работодателю принимать быстрые и профессиональные решения в сфере управления персоналом. На существующих поисковиках (yandex, aport, google, rambler) предоставляется достаточное количество сайтов, содержащих информацию о рынке труда. Наиболее популярные из них — Job.ru, IJOB, Zarplata.ru, bestjobs.ru.

Информацию о состоянии рынка труда представленную на сайтах можно подразделить на два вида:

Информация для безработных или ищущих работу (резюме). Эта информация регистрируется и заносится в банк данных. Эта категория субъектов рынка может просматривать уже имеющиеся вакансии, знакомиться с советами по трудоустройству, тренингами о поведении при собеседовании.

Информация для работодателя (заявки). Работодатели заполняют заявку на требуемый персонал, приводя необходимые данные. Эта категория субъектов рынка имеет возможность просмотреть имеющиеся вакансии.

Если в другие источники информации о рынке труда, как, например газеты, радио, телевидение, но они представляют некие шаблонные требования, в которые человек должен «вписаться» для получения работы. Интернет позволяет человеку осуществлять свою презентацию. Но, несмотря на явные преимущества Интернета как источника информации о

рынке труда, существует и ряд сложностей. Так, в России число пользователей интернета по оценкам Д.Фельдмана составляет около 1% населения страны. При этом доступ во «Всемирную Сеть» имеют в основном жители самых крупных городов (более миллиона жителей), учащиеся и сотрудники Вузов, крупных государственных учреждений, промышленных и финансовых организаций [2; 32-35]. Вместе с тем, наиболее проблематично ощущают себя на рынке труда жители сельских территориальных субъектов, территориальных городов и небольших предприятий.

Информатизация России в ее нынешнем варианте развивается на основе весьма серьезных изменений в общественной психологии, обусловленных, в первую очередь, использованием нового безграничного ресурса – информации и знаний.

Реальное развитие нашей страны и общества начнется только тогда, когда сами граждане страны будут иметь реальную возможность потреблять современные технологии и результаты, созданные ими, а главное будут заинтересованными и восприимчивыми к этому технологическому прогрессу и его развитию. [3; 63].

Литература

1. Кузнецов И.И. «РУНЕТ как часть российского электорального пространства» // Общественные науки и современность. 2003, №1. С. 69.

2. Фельдман Д. «Информационная и национальная безопасность России» // Власть. 2001, № 9. С. 32-35.

3. Ракитянский Н.М. «Россия и вызовы глобализации» // Социологические исследования, 2002, №4. С. 63.

Язык молодежи как элемент культуры

И.А. Вершинская

Тверской государственный технический университет

E-mail: bmv@tstu.tver.ru

В современном мире молодежь является самой активной частью населения, культура которой оказывает значительное влияние на все общество, и во многом определяет его будущее развитие. Поэтому особое опасение в настоящее время вызывает все большее распространение жаргона в молодежной среде, поскольку он не только консолидирует говорящих на нем (в данном случае молодых людей), противопоставляя их остальным, но формирует «языковые очки», картину мира в языковых средствах, непосредственно влияющих на нравственно-психологическое становление личности говорящего.

Язык не существует вне культуры и представляет собой сложную систему, состоящую из множества уровней, подязыков. Арго, жаргон, сленг являются его неотъемлемыми элементами. В настоящее время в русской науке не существует четкого разделения этих понятий. Однако, анализируя различные определения, данным языковым компонентам можно дать

характеристику на основе выполняемой ими функции, степени экспрессивности и распространенности.

Арго представляет собой закрытую лексическую подсистему специальных номинаций, обслуживающих узкие социально-групповые интересы, чаще всего профессиональные. Арготизмы не отличаются экспрессивностью.

Жаргон — блок именно экспрессивной лексики, который имеет тенденцию к выходу за пределы группы, в которой он функционирует. Среди жаргонизмов преобладают негативные снижающие номинации, поэтому и сам термин, как правило, воспринимается как знак отрицательно-оценочной окраски.

Сленг представляет собой открытую подсистему ненормативных лексико-фразеологических единиц и предназначен для выражения усиленной экспрессии и особой оценочной окраски. Сленг — это надсоциальный «общий» жаргон, т.е. он не имеет отчетливой социально-групповой ориентации.

Язык молодежи является сложным культурным феноменом и включает в себя все перечисленные выше элементы. Он имеет свою определенную структуру в зависимости от возраста индивидов. Можно выделить четыре основных уровня молодежного языка:

1. Детское словотворчество. Оно характеризуется стремлением ребенка познать окружающий мир через номинацию окружающих предметов, исправить «ошибки» взрослых. При этом языковое творчество совершается в полном согласии с законами логики. Этот уровень не характеризуется намеренным противопоставлением языковой норме и отражает словообразовательный потенциал языка. В процессе социализации и усвоения норм языка, принятых в обществе, процесс словотворчества прекращается.

2. Подростково-юношеские жаргоны представляют собой намеренное отторжение нормы. Их основной характеристикой является показательное, часто агрессивное противопоставление языку взрослых. При этом выделение данных жаргонов объясняется двумя тенденциями: центробежной (стремление отделиться от взрослого мира) и центростремительной (необходимость быть в группе, быть как все). Значительное влияние на формирование языка подростков оказывает криминальный жаргон.

3. Профессионально ориентированные молодежные жаргоны характеризуют речь молодых людей более старшего возраста. В них отсутствует намеренное противопоставление языкам других социальных групп. Корпоративные жаргоны молодежи служат, как правило, исключительно целям идентификации и коммуникации внутри группы.

4. Интержаргон (сленг) представляет собой лексику, выходящую за пределы молодежных групп, обладающую относительной устойчивостью и имеющую тенденцию к расширению сферы употребления и переходу в массовое просторечие.

Стоит отметить, что язык молодежи является своеобразным источником появления новых слов. Молодые люди постоянно воспринимают и усваивают лексику других групп (преступного мира, профессиональных

жаргонов и т.д.). В результате со временем, все больше распространяясь в молодежной среде, эти слова становятся общеупотребительными и даже включаются в языковую норму, а, следовательно, оказывают серьезное влияние на культуру общества. Именно поэтому проблема изучения молодежного языка является столь актуальной в настоящее время и требует проведения прикладных социологических исследований.

Литература

1. Елистратов ВС. Словарь русского арго. М., 2000. с. 694.
2. Ермакова ОП., Земская ЕА., Розина РИ. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999. с. 320.
3. Колесов ВВ. Русская речь: Вчера. Сегодня. Завтра. СПб., 1998. с. 246.
4. Пирожков ВФ. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994. с. 311.
5. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. с. 655.
6. Химик ВВ. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000. с. 272.

Социолог в поле качественного социологического исследования

Е.А. Воловик

Самарский государственный университет

E-mail: katya-redstar@yandex.ru

В социологии в последние десятилетия всю большую популярность приобретают качественные методы. Об этом факте свидетельствуют многочисленные публикации с использованием этих методов на практике. Но отечественная наука в этом плане по-прежнему отстает. Это признают и сами ученые. Использование качественных методов в российских социологических исследованиях явно недостаточно при учете тех перспектив и возможностей, которые они предлагают.

Наша работа посвящена изучению положения социолога в поле качественного социологического исследования. Необходимо выяснить индивидуальные изменения, происходящие с социологом, изучить их индивидуальные судьбы во всех конкретных сочетаниях их поворотов и изгибов. Так социальные психологи утверждают, что межличностные отношения в процедуре общения (а интервью-это всегда общение) только тогда могут быть действительно субъект-субъектными, когда предполагают равенство партнеров, а в интервью, где методологические посылки качественной парадигмы воплощены наиболее полно, по их мнению, несомненно, большая вовлеченность информанта., Вовлеченность интервьюера здесь минимальна и сводится лишь к выражению знаков заинтересованности в рассказе.

Целью нашей работы, является опровержение данного высказывания: понимание тех или иных аспектов внутреннего мира самого социолога, как непосредственного субъекта интервью. В центре этого исследования

стоят индивидуальные мысли, чувства, переживания социолога, которые он испытывает, как в ходе самого интервью, так и после.

На наш взгляд, это исследование обладает актуальностью, так как качественное социологическое исследование сегодня – это интегрированное исследование, носящее гуманистический характер, исследующее социальные процессы на микросоциальном уровне. Оно опирается на субъективный опыт исследуемых. А понимание роли социолога в качественном исследовании даёт дополнительные возможности для формирования новых понятий и объяснений, т.е. новая генерирующая теория.

Какие же мысли, переживания, открытия возникают у социолога в процессе общения с респондентом? Для ответа на этот вопрос было собрано 7 интервью, где респондентами выступили компетентные социологи г. Самара и студенты социологического факультета Самарского государственного университета, имеющие опыт сбора информации методом интервью. Необходимо отметить, что использование интервью, как одного из методов качественной социологии, предполагающего изучение индивидуальных характеристик людей, для проведения данного исследования полностью себя оправдало.

В результате проведенного исследования были получены следующие данные. Во-первых, социологи говорили о том, что они «вживаются» в судьбу, своих респондентов, буквально «встают на их место»: «...постоянно во всех ситуациях на его место ставлю себя, т.е. я проигрываю любую ситуацию...». Во-вторых, исследователи утверждали, что проживают с респондентом его жизнь: радуются удачам, тяжело переносят невзгоды: «...я очень за него обрадовался, когда он сказал...». Следующая закономерность, обнаружившаяся в результате анализа интервью, заключается в том, что, как правило, в процессе интервью исследователь расширяет свой круг знаний, узнаёт интересные моменты жизни респондентов: «...мы беседовали и помимо содержания, которое требовалось вытащить из интервью, поэтому...это очень сильно расширило моё представление...».

Проводя исследование на тему «Социолог в поле качественного исследования», прежде всего, хотелось уяснить феномен социолога, что это? Итог, как нам кажется, заключается в поставленной задаче: что дало социологу общение с респондентом, что же изменилось в самих исследователях, в их отношениях с близкими людьми и окружающими их людьми, как изменилась вся их жизнь. Исследователями было отмечено изменение жизни, внутреннего мира: «...я поняла отношения к событиям, которые происходили дальше, я начинала понимать своих родителей, а не оценивать. Я задумалась о своей жизни: как я живу, что со мною происходит? Я изменилась...». Другим интересным наблюдением, полученным в ходе исследований, является то, что социологи упоминают детали интервью в своей жизни, это говорит о том, что все эти слова всё-таки запомнились, даже определённым образом усвоились, стали «жизненным ориентиром»: «...много поняла для себя, что из любой ситуации можно найти выход всегда, и всегда можно чего-то добиться, если очень сильно захотеть...».

Хочу заметить, что для меня это был так же некий «прорыв к себе», изменение жизненной позиции и моих взглядов, потому что исследование строилось на реальных, жизненных историях, а не надуманных кем-то.

Проведённое исследование помогло взглянуть на участие социолога в исследовании по-другому, ведь в социологической литературе, понятиях и теориях мало сказано о социологе как субъективном участнике исследования, о его внутреннем мире.

Данная работа открывает дополнительные возможности для формирования новых понятий и объяснений, а собранный материал содержит в себе подтверждения непосредственного эмоционального вживания в процесс интервью.

Литература

1. Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики: Учеб. пособие Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002.

2. Маслова О.М. Качественная и количественная социология: методология и методы // Социология – 4М. 1995. Т.5 – 6.

3. Абелес Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социологическое исследование// Журнал социологии и социологической антропологии. 1998. №1.

4. Бауман З. Рассказанные жизни и прожитые истории// СоцИс №1, 2004

5. Методологический потенциал качественной социологии и способы его реализации в социологических исследованиях. Материалы Летней Школы: 23июля-2августа 2000г. Самара. 213с.

6. Смирнова-Ярская Р. Эпистемология и метод анализа нарративов// Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997.

7. Семёнова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998.

Территориальная дифференциация качества жизни населения

Т.В. Гаврилова

Ставропольский государственный университет

E-mail: tanyagavrilova@mail.ru

Целью данного исследования является анализ территориальной дифференциации качества жизни населения Ставропольского края с позиций интегрального подхода, объединяющего объективную и субъективную оценки. Объективная оценка качества жизни населения проводилась с помощью метода линейного масштабирования. Для чего были отобраны статистические показатели по девяти индикаторам, входящим в два крупных блока: качество населения и качество среды жизни. Субъективная оценка исследовалась с помощью социологического опроса, проведённого автором в 2004 г. В качестве единиц наблюдения были выбраны жители шести городских и двенадцати сельских поселений в шести рай-

онах края. Выборочная совокупность респондентов составила 1500 человек.

Объективная оценка позволила получить следующие результаты.

На территории Ставрополя прослеживаются внутрирегиональные различия качества населения, коэффициент дифференциации – равен 2. В целом для края оценка качества населения является средней, тем не менее, она очень близка к пониженной. Наиболее острыми проблемами являются неудовлетворительная демографическая ситуация, обусловленная естественным сокращением населения, в течение последних 10 лет, а также низкий уровень материального благосостояния людей;

Оценка качества среды жизни изменяется в пределах региона в 2,5 раза: от высокого до пониженного значения. Наиболее острыми проблемами являются: значительная дифференциация между городскими и сельскими территориями по финансово-экономическому и инфраструктурному развитию, а также неблагоприятное природно-экологическое состояние среды в ряде промышленно развитых территорий края.

В пределах региона выделено шесть типов качества жизни населения. Наибольший контраст прослеживается между крупными городами Ставрополем, Невинномысском и сельскими районами центральной и восточной части края. В целом качество жизни населения является средним, хотя оно ближе к пониженному, чем к повышенному значению. Это, с одной стороны, является положительным моментом, т.к. позволяет говорить, что Ставрополье не входит в список кризисных регионов РФ по качеству жизни населения, с другой – свидетельствует о том, что в крае существует ряд серьёзных проблем качества жизни.

Субъективная оценка качества жизни населения в целом для Ставропольского края является пониженной, что говорит о более низком уровне удовлетворённости жителей региона по сравнению с объективными данными. Наиболее не удовлетворено население современной демографической ситуацией, своим уровнем здоровья, материальным благосостоянием, досуговой деятельностью, природно-экологическими условиями среды и её безопасностью. Полученные результаты указывают на то, что статистические показатели не в полной мере отражают состояние исследуемых процессов и условий жизнедеятельности людей; население края предъявляет более высокие требования к различным сторонам своей жизнедеятельности, чем стандарты, которые были заложены в объективный анализ.

На наш взгляд, проводимая в крае социально-экономическая политика должна быть, прежде всего, направлена на решение выявленных проблем и предусматривать меры, способствующие сглаживанию внутрирегиональных контрастов по данным направлениям.

Особенности региональной молодежной политики

Т.В. Гаврилюк

Тюменский государственный университет

Современная Россия, как страна с переходной экономикой, реализует сравнительные преимущества, основанные на природных ресурсах. Государство сохраняет попытки совмещать властные функции с предпринимательскими, как развитая страна она обладает достаточно высоким образовательным, научным, инновационным, человеческим потенциалом. Основой современного социально-экономического развития является уровень развития человеческого капитала, наличие значительного количества высокообразованных специалистов, компетентных в осуществлении различных видов деятельности, мотивированных на качественное и творческое решение сложных социально-экономических проблем и уровень организации их эффективного взаимодействия и сотрудничества. Задача формирования таких личностей, а, следовательно, и человеческого капитала региона может быть решена лишь на основе соответствующих организаций и структур, в ходе целенаправленной региональной молодежной политики.

Тюменский регион давно включен в систему мирохозяйственных связей, испытывает на себе существенное влияние динамики мировой экономики, в особенности, изменений на мировых рынках нефти и газа. Конкурентные преимущества региона выражаются в его способности обеспечить локализацию на своих территориях особым образом организованную интеллектуальную, образовательную, инфраструктурную, производственную и социально-экономическую среду, генерирующую нарастающий поток инноваций, постоянный рост производительности, эффективности имеющихся и привлеченных ресурсов. Сравнительно благополучный Тюменский регион представляет собой сегодня обширную и многоплановую социально-территориальную общность. Тюменская область — сложноустроенный субъект Российской Федерации, состоящий из двух северных нефтегазодобывающих округов и сельскохозяйственного юга. Тюменская область — многонациональный регион, на ее территории проживает более 120 этнических групп. Специфика социальных процессов в Тюменской области вызвана существенными различиями между промышленным Севером и Югом. К числу современных особенностей социальных процессов в регионе относятся: неконтролируемая миграция; разрыв в уровне жизни в субрегионах области и между отдельными социальными слоями регионального сообщества при общем среднем достаточно высоком уровне (бедность на фоне богатства); депривация больших социальных групп — детей, молодёжи, пенсионеров и, как следствие — рост девиантного поведения; разрыв между региональным рынком труда и рынком специалистов; отсутствие научно обоснованных способов измерения и прогнозирования коэволюционного развития рынка труда и рынка специалистов в условиях экономической нестабильности; разрушение системы воспитания детей и молодёжи; нар-

комания; уменьшение удельного веса социокультурных учреждений, ориентированных на создание культурных ценностей в пользу учреждений, ориентированных не их потребление. Особенно остро проявляются социальные противоречия на молодежном региональном рынке труда: молодежь составляет наиболее уязвимую группу населения на рынке труда; отсутствует система трудоустройства выпускников учреждений профессионального образования; привлечение иностранной рабочей силы в область, вызванное несбалансированностью профессиональной структуры рабочих мест и безработных.

Для региона, обладающего значительными природными ресурсами и живущим преимущественно за счет их экспорта, наиболее актуальными становятся вопросы исследования состояния, перспектив и формирования условий для развития человеческого потенциала нового поколения региона. Из анализа государственной и современных региональных Программ молодежной политики (1, 2, 3, 4) можно выделить принципы организации работы с молодежью: принцип сотрудничества молодежи и государства; принцип консолидации усилий; принцип сочетания традиций и инноваций; принцип равенства поколенческих возможностей; принцип поддержки позитивной активности.

В 2005 году кафедрами социологии и социального управления, совместно с кафедрой политологии ТюмГУ проведено социологическое исследование проблем молодежи региона, результаты которого отражают реальные интересы, ценностные ориентации, жизненные стратегии городской и сельской молодежи. Эти результаты могут стать основанием для формирования новых Программ молодежной политики в регионе, отвечающей потребностям нового поколения.

Литература

1. Федеральная целевая Программа «Молодежь России 2001 -2005) Утверждена постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2000 г.
2. Городская целевая программ «Молодежь Москвы» (2004 – 2006) М, 2004 –65стр.
3. Областная целевая программа «Молодежь Подмосковья» на 2001 – 2005г. Закон Московской области от 17.05.2001
4. Областная целевая программа «Государственная поддержка молодежи Тюменской области на 2002 – 2005 г.г». Утв. Постановлением губернатора Тюм.обл. от 2 ноября 2001

Жизненные ценности татарстанских мусульман

Г.И. Галиева

Казанский государственный энергетический университет

E-mail: guzaka@pochta.ru

В социологической науке ценность определяется как «особое общественное отношение, благодаря которому потребности и интересы индивида или социальной группы переносятся на мир вещей, духовных явлений,

придавая им определённые социальные свойства, не связанные прямо с утилитарным назначением этих вещей, предметов, духовных явлений». [1]

В последние годы в современной научной литературе широко используется понятие «традиционные ценности» как базовые элементы культуры, связанные с понятием человеческой жизни и смерти, с отношением к процессам воспроизводства жизни, с трактовкой взаимодействия личности и общества, человека и государства.

Современные жизненные ценности — это те ценности, которые востребованы в данный момент в данном обществе. Фактически они отражают традиционные ценности, но, в отличие от них, жизненные ценности постоянно обновляются и могут совпадать либо не совпадать в различных общностях, нациях, этносах и т.д.

Ценности объединяются в системы, представляя собой определенную иерархическую структуру, которая меняется с возрастом и обстоятельствами жизни. Определённое место в этой структуре занимает религиозная принадлежность индивида. В последние десятилетия заметно активизировалось религиозное сознание этнических татар, которые относятся к мусульманской конфессии. В частности, в Республике Татарстан происходит процесс возрождения ислама, строятся новые мечети, активизируются соответствующие общественные организации.

При этом, как показало наше исследование среди приверженцев ислама в г. Казани (n=100), истинность мусульманина определяется по — разному: выполнением обрядов пятикратной молитвы, посещения мечети для одних, соблюдением нравственных норм и верой в Аллаха — для других.

Опрошенные нами мусульмане в качестве традиционных ценностей видят семью, брак, детей, здоровье, профессию, религию и др. Среди религиозных ценностей мусульман особое значение сохраняют такие как имянаречение, никах, обрезание, молитва, похоронные обряды, пост в месяц Рамадан — все обряды жизненного цикла.

Несмотря на идущую «исламизацию», мусульмане не следуют предписаниям ислама в «чистом» виде, как требует Коран, отчасти видоизменяя их. Религиозные культы приспособливают религию к современным условиям жизни, делая ее более мягкой, свободной. Но в то же время мусульманам присущи и своего рода антиценности [2], поскольку среди них запрещено употребление спиртного, свинины. Несмотря на то, что пьянство не ушло из жизни татарстанцев, количество потребляемого спиртного заметно сократилось, и первоочередную роль в этом сыграло распространение традиций ислама. К тому же в Казани появились специализированные магазины, где продается «мусульманское» мясо — мясо по-особому забитых животных.

Если молитвы пятикратного намаза знает далеко не каждый, то практически все, кто считает себя верующим мусульманином, знают отдельные короткие молитвы приветствия, благодарности за садака, послетрапезную молитву («амин»), молитвы, читающиеся в ситуации просьбы защиты и помощи, а также поддерживающие в дороге. В Татарстане рас-

пространено ношение при себе «бти» (оберегов, молитв, защищающих от джинов, сглаза и др.). Молодежь охотно воспринимает эти ценности, находя подтверждение их чудодейственных сил в повседневной жизни.

Хадж — это тоже один из немаловажных мусульманских обрядов, который, к сожалению, не каждый желающий может выполнить, вследствие дороговизны поездки становится дополнительным стратообразующим фактором. Число совершивших его год от года растёт.

Особенность отношения к посту и обрезанию — это устойчивость жизненных ценностей в расшифровке религиозной символики. Обрезание необходимо для поддержания мужского тела в чистоте. Пост очень многие объясняют с точки зрения важности для здоровья воздержания от еды. В Татарстане пост, как правило, держат месяц (или несколько дней).

Обряд имянаречения широко распространён в Татарстане. К ценностям того же рода можно отнести и обеты (назер, курбан), которые помогают преодолеть сложные жизненные ситуации. Обеты даются в случае болезни, поступления в институт, сдачи экзаменов, службы в армии и т.д. Успешное разрешение ситуации предполагает совершение обещанного пожертвования.

Литература

1. Социологический энциклопедический словарь. на рус., англ., нем., фр., чешск. языках. Редактор-координатор академик РАН Т.В.Осипов — М.: Издательская гр. ИНФРА-М. — НОРМА, 1998.- с.403

2. Шакуров Р.Х. Эмоции. Личность. Деятельность (механизмы психодинамики). — Казань: Центр инновационных технологий, 2001.- с.30

Корпоративность в студенческой среде: элитарность или пассионарность?

М.Н. Галкин

Ростовский государственный университет

E-mail: mngalkin@nm.ru

Университетское образование имеет продолжительную историю. На протяжении всех этапов развития университетского образования студенты и профессора представляли особый элемент общества, со своими правами и обязанностями. Во все времена университеты формировали самую прогрессивную часть общества. В студенческих кампусах рождались идеи модернизации общества в целом и его институтов. Таким образом, университеты представляли собой корпорации и в экономическом и политическом и духовном смысле.

Сейчас, в условиях необходимости трансформаций в образовании, как в России, так и за рубежом возникает необходимость определения университетского сообщества как корпорации социальной. Это позволит отследить и наиболее полно охарактеризовать процессы, происходящие в университете; смоделировать возможную реакцию студенческой среды на реформы в обществе; выявить возможности для создания большей управ-

ляемости учебным процессом и достижения основной цели образования — развития личности, способной успешно социализироваться в обществе.

Основной чертой студенчества как социальной корпорации является наличие корпоративного сознания. Именно по этой характеристике и можно определить степень включенности личности в корпоративное общество. Она объединяет все студенчество и отличает его от остальной части молодежи. Корпоративное сознание в его социологической интерпретации можно представить как систему норм, ценностей, поведенческих ориентаций, сформированных на основе осознанной и личностно мотивированной общей цели по отношению к контрагентам (общество, государство, семья и др. социальные институты), которая выполняет интегративную и идентификационную функции. В таком случае внутреннюю дифференциацию студентов возможно проводить, используя категорию корпоративной ответственности. Отсюда корпоративная ответственность понимается как степень отрефлексированности общей цели и ее соблюдения в отношениях с контрагентами. То есть, если студент не воспринял в качестве своей терминальной ценности — ценность обретения профессии через получение высшего образования, то его деятельность будет не совпадать с той, на которую ориентирован институт высшего образования, как своеобразная социальная корпорация. Таким образом, по степени отрефлексированности и личной замотивированности общей цели студентов происходит дифференциация между ними.

Но формирование корпоративного сознания в студенческой среде может вызвать не только положительные, но и негативные социальные явления которые характеризуются в частности такими чертами как закрытость, элитарность, направленность на достижение собственного блага. Из-за этих явлений университеты могут потерять свои функции генераторов инноваций в демократическом обществе. Исходя из этого часть студентов не столько направлена на саморазвитие и развитие общества, сколько ориентированна на пропуск в элитарные слои общества. В какую же элиту попадет выпускник зависит от специфики факультета.

Преодоление этих негативных качеств возможно через развитие в студенческой среде характеристик пассионарности личности. При этом сюда необходимо включать общую направленность образования на создание личности не просто хорошо воспроизводящей знания или умеющей их воспринимать, а личности способной к созданию нового знания. Соответственно, пассионарность предстает как суммарная энергия, выраженная в творческой деятельности, направленной на создание и ретрансляцию Культуры в той или иной культурной отрасли с максимально полной самореализацией в данной области. Отсюда следует, что цель, являющаяся терминальной для личностей, включенных в корпоративное сознание и обладающих корпоративной ответственностью, предстает как ценность обретения профессии в системе высшего образования, посредством развития в себе способности к аккумуляции и передаче энергии в форме творческой деятельности, направленной на создание и ретрансля-

цию Культуры с максимально полной самореализацией. В этой трактовке понятие корпоративной ответственности трансформируется вместе с переосмыслением терминальной ценности, так же перенаправляется и корпоративное сознание.

Итак, пассионарность направляет личность на творение блага для народа и страны ее воспитавшей, а корпоративная ответственность позволяет направлять эту энергию в наиболее необходимое для общества русло. При этом корпоративное сознание объединяет студентов и после выпуска. Это позволяет им налаживать продуктивное сотрудничество, а пассионарные качества не дают замыкаться и превращаться в элиту.

Литература

1. Волков Ю.Г. Культура социальная // Социология: краткий тематический словарь / Под общ. ред. Ю.Г. Волкова. Ростов/н/Д., 2001. С. 187.

2. Гумилев Л.Н., Этногенез и биосфера Земли., 1993г.

3. Логунова Л.Б. «Корпорация как тип социальной интеграции» // Социологические исследования. 1996. № 12.

4. Черноус В.В., Герасимов Г.И., Блинова М.С., Галкин М.Н., Головченко Л.В. Корпоративная ответственность в системе ценностей студенческой молодежи Дона (К проблеме разработки модели воспитательной системы вуза) / Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов/н/Д., 2005.

5. Шмиттер Ф. «Неокопоратизм» // Политические исследования. 1997. № 2.

Специфика отношений геев/лесбиянок с родительской семьей: постановка проблемы

Е.Г. Ганеева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E-mail: j_ganeeva@mail.ru

По мере того как некоторые функции семьи (семья как производственная единица, ячейка потребления и институт первичной социализации детей) отмирают или приобретают подчиненное значение, увеличивается ценность психологической близости между членами семьи. От внутрисемейных отношений и общения зависит психологическое состояние членов семьи [2]. На наш взгляд, особый интерес представляет проблема организации и функционирования внутрисемейных отношений с членами семьи, обладающими и осознающими свою социальную особость, инаковость. Примером может быть внутрисемейное положение лиц гомосексуальной ориентации. В условиях высокой нетерпимости к лицам с гомосексуальной ориентацией, что затрудняет жизнь этих людей в обществе, увеличивает число психических и межличностных конфликтов, невротических и депрессивных состояний, семья как сеть взаимных услуг помощи должна быть поддерживающей группой. Психологическое состояние индивидов, осознающих необычность своей сексуальной ори-

ентации, зависит, во многом, от того, могут ли они открыться в своей семье, и какова будет ее реакция.

Однако признание индивида в гомосексуальности, «выход», может быть встречено и воспринято членами семьи по-разному. Информация об инаковости индивида может быть дестабилизирующим фактором, поскольку представления о гетеросексуальной норме и осуждение гомосексуализма прочно укоренилось в обществе. Ребенка целенаправленно воспитывают так, чтобы он соответствовал принятым в данном обществе представлениям о том, как должны поступать мужчины и женщины. Мальчиков поощряют за энергию и соревновательность, девочек — за послушание и заботливость. Полороловое воспитание придает социальную форму характеру и направленности сексуальности, которая традиционно считается врожденным свойством, и обществом признается в качестве единственной нормы только такая форма сексуальности, которая предполагает репродуктивное поведение, т.е. гетеросексуальность. С этой точкой зрения, сексуальность жестко связывается с репродукцией, и все другие формы проявления сексуальности (например, гомосексуальность) считаются девиацией, и даже патологией.

Дальнейшее выстраивание внутрисемейных отношений и общения во многом будет зависеть от ресурсного потенциала семьи. Ресурсность семьи — совокупность потенциалов для формирования и удовлетворения потребностей семьи [3]. В семье, сориентированной на инновационность, открытость, способность воспринимать новое во взаимоотношениях, эмпатию, толерантность, т.е. обладающей высоким ресурсом родственных связей и поддержки, ресурсом чувств и ресурсом психологического равновесия, гомосексуальная идентичность будет скорее адекватно воспринята и встроена в представления о структуре личности члена семьи. В слабых ресурсных семьях возможно формирование созависимых отношений, или, в определении Э. Гидденса, зафиксированных связей. В зафиксированных связях индивиды выстраивают свои жизни не вокруг прежде существовавших пагубных пристрастий других; скорее, они сами нуждаются в этой связи, чтобы угодить смыслу обеспечения своей безопасности, который иным образом они не могут найти. В своих наиболее мягких формах зафиксированные связи — это те, которые укреплены в привычке [1].

Созависимые отношения членов семьи и гомосексуалов (в рамках семьи) предполагают и отрицание членами семьи новой информации, принятие которой разрушит их представления о традиционной полороловой модели общества, приведет дезориентации, и стремление к сохранению прежних внутрисемейных отношений. Связывание сексуальности и репродукции рассматривается рядом членов семьи как необходимое условие безопасности жизни общества, в том числе семьи. С другой стороны, принятие и амортизация перемен членами семьи необходимо для сохранения функциональности семьи. Таким образом, члены семьи вступают в отношения, которые осуществляются через взаимный антагонизм, от которого члены семьи не в состоянии освободиться.

Литература

1. Гидденс Э. Трансформация интимности. СПб., 2004, с. 208.
2. Кон И.С. Вкус запретного плода. Сексология для всех. М., 1997, с. 463.
3. Саралиева З.Х. «Социально-психологическая субъектность и компетентность семьи» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия социальные науки, 2002, Выпуск 1 (2), С. 179 – 189.

Протест и его роль в современном обществе.**О.Ю. Гаранин***Волгоградский государственный Университет**E-mail: garanin_oy@pochta.ru*

Протест как специфическая форма социального действия постоянно воспроизводится обществом. Необходимо перестать рассматривать данное явление как негативное или деструктивное, как процесс, нарушающий стабильность в социальной жизни. Протест это актуализация наиболее серьезной проблемы назревшей в обществе, актуализация на той стадии, на которой ещё можно исправить и внести коррективы. Протест в данном исследовании определяется как *публичное действие приводящие к конфликтной ситуации, актора как представителя определенной социальной группы интересы и ценности которой противоположны системе координат, в которой происходит действие.* Таким образом, в представленной работе, на основе методологии циклов разработанной И.М. Рыбкиным, работ Г.Н. Качуры и истории российского общества будут выявлены циклические закономерности проявления протеста. **Первый период** (1613 – 1692). После смуты, время которой взято за пик цикла начинается определенное снижение публичного проявления недовольства, длинна данного затишья, равна полуциклу, т.е. 39,25 лет и точкой спада цикла служит 1652 г. Однако после 1652 г. протестная активность начинает постепенно нарастать, что в результате выливается первоначально в Соляной бунт (1648). Далее по восходящей, Медный бунт (1662), восстание С. Разина (1667-1670). **Второй период** (1693-1772). После воцарения Петра I на престол происходит успокоение масс (в результате жесткой политики или в результате бесконечных войн), которое нарушается лишь очередным восстанием стрельцов (1698). Правления Петра было практически полностью сопряжено с полуциклом снижения протестной активности, который продолжался до точки спада в 1732. Начало было, как и в первом периоде положено раньше, где-то в 20-е годы, когда бунтовали рабочие Суконного и Хановного двора в Москве. Но реальный подъём был именно после 1732, это бунт крестьян Троице-Сергеевой лавры (1734), восстание во Владимирском (1742) и Новоспасском монастыре (1756). А пиком стало Пугачевское восстание 1773-1775 г., которое многие из исследователей считают крестьянской войной. **Третий период** (1773-1852). Данный цикл выпал на второй отрезок царствования Екатерины II, а также правление Павла I, Александра I и Николая I. Если нахождение на престоле

первых трех было сопряжено с полуциклом спада протеста, то вот весь срок Николая I оказался обусловленным совершенно противоположным периодом. Однако именно в это время протест-настроение начинает преобладать над протестом действием, вернее намного реже они становятся взаимосвязанными. И если ранее восстания было уделом низших сословий, то именно в этот момент «духом» протеста заражаются высшие сословия. Об этом свидетельствует создание тайных обществ (Союз Спасения (1816), Союз Благоденствия (1818), Северное и Южное общество (1821-1822)), и, конечно же, результат этих процессов – восстание на Сенатской площади (1825). **Четвертый период** (1853-?) Это самый неоднозначный и «незаконченный» период. Однако сначала по порядку, после 1853 г. начинается относительная стабильность и снижение протестной активности, восстания происходят лишь как реакция на поворотное событие в российском обществе, после отмены крепостного права (1861). Даже возникновение народничества не смогло повлиять на полуцикл спада, но это движение, вернее его продолжатели «сполна получать» в следующем полуцикле, периоде возрастания протестной активности, который начнется в 1892, но так и не сможет закончиться. В результате в этом полуцикле мы сможем увидеть всевозможные забастовки и восстания рабочих, ну и конечно же Первую Русскую революцию (1905-1907), которая не повлияла на продолжительность цикла и последующие революции, которые досрочно прервали данный период. Таким образом, мы получаем, что полуцикл, который должен был продолжаться ещё почти 10 лет, был прерван и возникновение новой системы координат, новой точки отсчета означало досрочное начало нового цикла. **Пятый период** (или *первый новый период*) (1918 – 1997). После прихода большевиков к власти начинается медленное снижение проявлений протеста, хотя Гражданская война и восстания наподобие Кранштадского мятежа давали о себе знать, всё же после революции, с усилением Советской власти протестная активность постепенно спала на нет. Данный полуцикл длился до 1957 г., как раз в это время начинается так называемая «хрущевская оттепель» и возможность протеста уже не кажется столь призрачной и несбыточной идеей. Здесь можно отметить расстрел рабочих Темиртау (1959), выступления рабочих в Донбассе, Кузбассе и др., а также расстрел демонстрации в Новочеркасске (1962). Нельзя не обратить внимание на демонстрацию правозащитников на Пушкинской площади в Москве (1965). Таким образом, сейчас мы находимся в самом начале полуцикла спада протестной активности, который продлится до 2036 г. После того как было доказано существование циклического проявления протестной активности, можно совсем по-другому взглянуть на исторические события ставшие поворотными для России. И самого большого могущества наша страна добилась именно во время полуциклов *спада протестной активности*, а те проблемы, возникновение которых ранее приписывалось человеческому фактору, сейчас принимают вполне объективный характер. Опираясь на эти периоды можно не только пересма-

тривать историю, но и заглядывать в будущее, правда, для этого ещё нужно выделить общее и различное как в циклах, так и полциклах проявления протестной активности.

**Насилие в супружеских взаимоотношениях:
общественные стереотипы и социальные последствия.**

А.Б. Гареева

Казанский государственный энергетический университет

E-mail: AlbinaGareevaPsi@mail.ru

Отношение общества и государства к насилию в семье исторически менялось. Всего несколько десятилетий назад, исповедуя формальный принцип невмешательства в семейные дела, государство фактически узаконило многие виды насилия в быту. Лишь в семидесятые годы двадцатого века в Европе и США супружеское насилие получило негативную оценку со стороны общества и было признано в качестве социальной проблемы. В России же публично о домашнем насилии заговорили совсем недавно — в последнее десятилетие прошлого века. Именно тогда широкая общественность узнала, что в нашей стране ежегодно в бытовых условиях умирают насильственной смертью четырнадцать — пятнадцать тысяч женщин, а результаты исследований в данной области показывают, что процесс криминализации российской семьи с каждым годом увеличивается.

Несмотря на ужасные факты распространенности насилия в семье (по данным Министерства Внутренних Дел, 70% тяжких преступлений и 40% всех убийств совершаются в семьях; согласно официальной статистике в 60% семей в той или иной мере существует насилие) [1], люди нередко оправдывают жестокость в супружеских взаимоотношениях, опираясь на застарелые, порой дикие стереотипы общественного сознания («Милые бранятся — только тешатся», «Бьет — значит любит» и другие). Очень часто женщины — жертвы семейной деспотии воспринимаются как виновницы, провоцирующие насильственные действия мужчины; обратная ситуация, когда пострадавшим оказывается супруг, вызывает иронию и насмешки.

Итак, сегодня в российском обществе на уровне обыденного сознания нет не только понимания серьезности домашнего насилия как в отношении мужчины, так и в отношении женщины, но вообще отсутствует адекватное толкование феномена насилия в семье. Как правило, семейный террор воспринимается как насилие только при крайней выраженности агрессивного поведения с применением физической силы и оценивается как менее значимое по сравнению с насилием вне дома. Результат: в нашей стране высокая латентность рассматриваемого явления, нет серьезной теоретической базы, отсутствует закон, направленный на защиту жертв домашнего насилия.

Таким образом, на передний план выступает реальная необходимость трансформации содержания общественного мнения в отношении супружеского насилия, когда люди перестанут из удобства прикрываться наду-

манными «правилами», неадекватно трактуемыми религиозными предписаниями и акцент будет делаться не просто на признании домашнего насилия в качестве серьезной социальной проблемы, а на неприемлемости агрессии в отношениях с близкими.

Ведь последствия семейного насилия чрезвычайно тяжелы и для женщин и для мужчин, и для жертв и для насильников, и для отдельных личностей и для общества в целом. Это неврозы, психосоматические расстройства, гипертоническая болезнь, длительные депрессии... Состояние постоянного стресса в свою очередь – одна из причин роста алкоголизма, агрессии, сокращения продолжительности жизни и т. д. Кроме того, бытовое насилие влечет за собой и «вторичные» последствия: 74% подростков, совершивших преступления против личности, либо сами были жертвами жестокого обращения родителей, либо видели, как отец избивал мать. Вероятность, что такие дети станут наркоманами или алкоголиками, в полтора раза выше, чем у сверстников из нормальных семей [2]. И почти гарантировано, что малыши, ставшие свидетелями насильственных взаимоотношений родителей, в зрелом возрасте воссоздадут подобные отношения и в своих собственных семьях [3].

Сказанное выше показывает реальную необходимость в противостоянии насилию. По тому насколько общество способно измениться изнутри, через семью можно судить о перспективах его обновления и демократизации [4].

Литература

1. Кузнецова О. «Чисто семейное убийство» // Казанские ведомости, 2001, 18 января, С. 11.
2. Корец М. «Избиение младенцев» // Труд, 2004, №15, С. 8.
3. Кузнецова О. «Чисто семейное убийство» // Казанские ведомости, 2001, 18 января, С. 11.
4. Домашнее насилие в отношении женщин: Масштабы, характер, представления общества. М., 2003, с. 172.

Низкий социальный статус как фактор риска в образовании молодежи

Ю.В. Голиусова

Институт социально-политических исследований РАН

E-mail: Ygoliusova@yandex.ru

За последние 10 лет численность российского студенчества выросла более чем в два раза. Растет число студентов обучающихся в регионах проживания.

Несмотря на это, не следует забывать, что современные студенты чаще всего идут по той же образовательной лестнице, что и их родители. [1] По результатам опросов, большинство студентов находятся на иждивении близких родственников (родители помогают им материально).

Студенты в интервью, проведенных автором, дают оценки, позволяющие сделать вывод о том, что среди студентов имеется значительное чис-

ло представителей материально обеспеченных, высокостатусных семей. Интервьюирование преподавателей рисует подобную картину.

По результатам двух лет авторских исследований, следует признать, что уровень дохода у контрактных студентов, в среднем, выше, чем у бюджетных. Скорее всего, это следствие различного социального происхождения рассматриваемых групп студенчества. У большинства студентов-«контрактников» отец – руководитель различного уровня, а мать – домохозяйка, а у большей части студентов-«бюджетников» отец и мать – служащие. Среди студентов контрактной формы обучения в 2,5 раза больше выходцев из семей, где отец – предприниматель. У большинства платных студентов отцы работают в сфере материального производства, а у бесплатных – в нематериальной.

Большинство студентов являются выходцами из семей служащего или руководителя. Поскольку эта группа самая представительная, она является своеобразным ядром современного студенчества. Следовательно, современное российское студенчество формируется путем простого воспроизводства, т.е. является преемником социального статуса своей семьи. Представители этой социальной группы составляют «ядро» студентов вузов крупных городов России.

Подобное распределение по социальному статусу родителей применимо ко всем вузам крупных городов. Этот факт подтверждают результаты исследования, проведенного Центром социологических исследований МГУ среди студентов старших курсов, в котором выяснялось социальное происхождение современного студенчества.[2]

По данным этого опроса, больше половины респондентов – выходцы из семей интеллигентов, т.е. работников умственного труда, что вполне сопоставимо с результатами нашего исследования. Далее следуют дети военнослужащих, предпринимателей, рабочих. Вероятно, следует сделать поправку на то, что МГУ – в какой-то степени элитарный вуз, следовательно, среди его студентов меньше, чем в других вузах, студентов из семей рабочих. Но следует отметить, что число выходцев из семей работников сельского хозяйства ничтожно мало во всех вузах больших городов, меньше порога статистической ошибки.

Как не печально, все же следует обратить внимание на тот факт, что выходцы из малообеспеченных и низкостатусных семей имеют все более призрачные шансы на получение высшего образования. Происходит это как по инициативе самих молодых людей и их семей, так и по объективным, не зависящим от них причинам.

Литература

1. Например, Чупров В.И., Зубок Ю.А. Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001; Актуальные проблемы образования. М, 2003.
2. Фаустова Э.Н. Социальные корни студентов: опыт сравнительного анализа // Социологические исследования, 2000, № 4, С. 134-136.

Специфика радиорекламы в Вологодской области на основе контент-анализа «Русское Радио-Вологда».

Е.В. Головкина

Череповецкий государственный университет

E-mail: elenagolovkina@yandex.ru

Одной из основных проблем регионального российского рекламного рынка является неполное или неточное представление рекламодателей о специфике того или иного канала в плане эффективности его воздействия на целевую аудиторию.

В силу неполноты представлений рекламодателя о природе рекламного сообщения, региональная специфика каналов и аудитория как правило не учитывается. Выбор того или иного рекламного носителя и трансляции рекламы происходит либо интуитивно, либо по примеру общероссийских рекламных компаний.

Различные исследования показывают, что существует определенная специфика региональных информационных рынков.

Так, например, исследование, проведенное в мае-ноябре 2004 года Корпоративным университетом «Северсталь» было посвящено изучению распределения рекламных сообщений между электронными и печатными СМИ. Его целью так же являлось создание рейтингов популярности СМИ среди местных рекламодателей и анализ структуры доходов самих СМИ (прежде всего доходов от рекламы). Оно проводилось в виде пилотного исследования рынка региональной рекламы, в поле которого входили печатные СМИ, телевидение, радио и наружная реклама. Трансляции с эфира записывались в цифровом формате, обрабатывались при помощи специального редактора и были предоставлены в виде электронных баз данных.

Результаты исследования показали существование различий между медиапредпочтениями общероссийских и региональных аудиторий. Различие заключается в существенном превышении доли радиорекламы в Вологодской области по сравнению с общероссийским уровнем.

Сегмент рынка	Россия, 2004г., %	Вологодская обл., 2004г., %
Телевидение	61	35
Радио	5	26
Пресса	33	39

Эти данные тем более показательны, что область по социальным, экономическим и политическим характеристикам отражает среднее общероссийское состояние.

Вместе с тем относительное доминирование радио как рекламного носителя не приводит к принципиальному переосмыслению специфики этого канала и воздействия транслируемого с его помощью сообщения на его целевую аудиторию. Эта специфика не учитывается при отборе

рекламных сообщений, при структурировании самого рекламного сообщения и при прогностических оценках его эффективности.

Отсюда вытекает ряд проблем. Во-первых, значительная недооценка рекламного потенциала радиостанций, во-вторых, отсутствие учета специфики радиоаудитории региона, в-третьих, отсутствие представлений об инструментах измерений эффективности радиорекламы.

На данный момент единственным мотивом обращения к данному информационному каналу является относительная дешевизна рекламного времени по сравнению с печатными и тем более с телевизионными СМИ.

Общую структуру информационного пространства Вологодской области составляют 7 телекомпаний, 12 радиокompаний, вещающих в FM и УКВ диапазонах, более двух десятков областных, городских и районных организаций, ведущих проводное радиовещание, более 60 печатных изданий.

Остановимся на одной из наиболее популярной в областном центре радиостанции – «Русское радио – Вологда».

Исследование рекламных сообщений на этом канале, проводимое в период с 18 по 23 ноября 2004 года по схеме «5+1» (рабочая неделя + выходной), позволило сделать ряд принципиальных выводов.

Преобладающий тип рекламодателя – торгово-посреднические организации (магазины «Ева», «Княжна», «Магнат»; торговые центры «Домовой», «Ленинградский», «Галацентр», и др.) и непосредственные производители товаров или услуг («Экстрим» (боулинг-центр), «Принц-сервис» (ремонт оргтехники), «Акватон» (очистка воды) и др.). При этом в качестве объекта рекламы выступает либо торговая марка («Светлов», «Магнатек», «Таганка»), либо зонтичный бренд (пельмени ВМК: «Сибирские», «Русские», «Останкинские», «Таежные»). Интересно, что практически отсутствовала, по крайней мере, в анализируемый период времени, индивидуальная и адресно-справочная реклама (в большом объеме представленная в печатных объявлениях).

Выделенный перечень 10 ведущих по объему категорий радиорекламодателей выглядит следующим образом (для сопоставления даны средние параметры по другим радиостанциям России).

Топ-10 категорий по объему рекламы.

№	«Русское радио – Вологда», категория	Радио, данные по России, категория
1	Торговые организации (т/центры, магазины)	Массовые зрелища
2	Услуги по проведению досуга	Услуги сотовой связи
3	Услуги сотовой связи	Печатные издания и прочая полиграфия
4	Продукты питания	Услуги по проведению досуга
5	Компьютеры, оргтехника	Торговые организации
6	Концерты, выставки	Услуги по операциям с жилыми помещениями
7	Бытовая техника	Телевидение
8	Стройматериалы	Автотранспорт
9	Автосервис	Услуги банков
1	Такси	Средства платежа

Таким образом, при сравнении наполняемости рекламного блока «РР-Вологда» и радиостанций России наблюдается совпадение верхних строчек по некоторым категориям.

Другой отличительной особенностью рекламного контента «Русское радио – Вологда» является большой объем так называемой социальной рекламы (категория концерты, выставки в различных ДК занимает 6 позицию). Последнее может быть объяснено тем, что в Вологде так же, как и в других регионах России, учреждения культуры, входящие в структуру муниципального органа самоуправления, могут размещать информационные сообщения в рамках прямых договоров местного самоуправления и СМИ. Кроме того, данный тип рекламных сообщений может расцениваться заказчиком и самим каналом как социальная реклама (однако она лишь отчасти выполняет культурно-просветительскую функцию). Вместе с тем большое количество социальных программ, реализуемых в области, вообще не отражены в информационном вещании.

Несформированность социально-психологического портрета радиослушателя канала делает выбор рекламодателя интуитивным, опирающимся на обобщенное и неточное представление о структуре и характеристике аудитории.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о высоком потенциале регионального радио как рекламного носителя.

В связи с ростом регионального рекламного рынка, усилением конкуренции между производителями товаров и услуг можно прогнозировать резкий рост интересов рекламодателей к региональному радио как к каналу рекламных сообщений.

Ключевая роль в оптимизации этих процессов будет принадлежать специализированным рекламным агентствам или другим субъектам этого рынка, способным проводить системный анализ специфики рекламных сообщений, а также реальные оценки эффективности рекламы с использованием того или иного носителя.

Еще один вывод, который необходимо сделать в заключение: недостаток глубинного понимания природы того или иного информационного канала становится сдерживающим фактором объективной оценки угроз и возможностей в конкурентной борьбе региональных медиа. Результаты проведенного исследования показали, что реальная конкуренция возникает не столько внутри одного вида СМИ (что характерно, например, для московских медиа), сколько между разными типами региональных средств массовой информации.

Проблемы религиозности в христианской социологии.

Н.С. Голубева

Тюменский государственный университет

Времена атеизма в СССР, тяжелый переход от плановой к рыночной экономике, развитие массовой культуры и многие другие процессы, вы-

ступили причинами духовного кризиса современной России. У людей остались догматы, учения и обряды, но религиозный опыт утрачивает свою жизнь. И чтобы выйти из этого кризиса, «необходимо вернуться сначала умственным взором, а потом цельной душой к представителям христианской социологии и пережить, в меру своих сил, вместе с ними их опыты, чтобы затем сравнить его со скудным опытом наших дней и сделать соответствующие выводы» [4].

В понимании представителей христианской социологии, таких как В. Соловьев, Е. Трубецкой, С. Булгаков, Н. Бердяев, С. Франк и др., общество есть некое «мы», которое складывается из взаимодействия индивидуальностей по законам Бога. В христианской социологии действует принцип «примата личности над обществом», что очень отличает это направление от позитивистской социологии. Так же и проблему общественного прогресса русские мыслители разрабатывали в противовес позитивизму. Они говорили, что изучение данной проблемы невозможно без обращения к смыслообразующим, нравственно-религиозным основам человеческого бытия. Основой общественного прогресса является сознательная свободная деятельность человека — творца. Духовное самосовершенствование отдельной личности, приобщение её к абсолюту — Богу, а вместе с тем и совершенствование всего общества в целом.

Христианская социология строится на обращении к личности, которая двухосновна, имеет внешнюю и внутреннюю стороны. Эти основы или стороны личности практически всегда находятся в борьбе между собой. Победа внешней означает, что происходят различные социальные катаклизмы, проблемы личности и общества усугубляются. Разрешение этих проблем, по мнению представителей христианской социологии возможно лишь тогда, когда в процессе внутриличностной борьбы побеждает внутренняя сторона, а именно побеждают религиозные начала, которые были заложены в каждой личности.

Изучая христианскую социологию, мы приходим к осознанию того, что существование, как личности, так и общества не возможно без религии, религиозных отношений. Личностное бытие подразумевает под собой отыскание религиозной истины в своем сознании или обретение религиозности. Мы уже говорили о том, что личность имеет две стороны: внешнюю и внутреннюю, понятие религиозности включает в себя именно внутреннюю сторону личности. Религиозность — это состояние переживания духовной реальности внутри любой из созданных человеком системы верований.

Процесс обретения религиозности наиболее точно описали С. Франк и Е. Трубецкой. Обобщив их идеи, представим себе схему возникновения религиозности. Первым шагом будет являться некий жизненный переворот, который способствует переосмыслению человеком жизненных ценностей. Затем очищение человеком своей души, от различных качеств, мешающих духовному обновлению: очищение от грехов, от ложных кумиров. После происходит опустошение, потеря всех жизненных ориентиров,

и последующее нахождение их в божественной жизни, с дальнейшим полным раскрытием души, а потом уже встречей с Богом, и приобщением к Церкви [1], [2].

Важно также сопоставить понятия религиозности и духовности. Духовность, по мнению И. Ильина можно отнести ко многим сферам жизни, а религиозность присутствует только в сфере религии. Эти понятия связаны между собой, потому что процесс обретения духовности, через обретение истинной любви, истинной свободы, совести, по мнению философа, является ступенью к обретению религиозности. Религиозность не возможна без духовности, хотя духовность существует без религиозности. Религиозность, по мнению ученого И. Ильина – это есть внутреннее качество человека, которому не возможно научить, возможно, только обрести это качество путем самосовершенствования своей личности [3].

Мировоззрения С. Булгакова, Н. Бердяева, П. Новгородцева, В. Соловьёва, сквозь десятилетия напоминают нам о том, что религиозность это основная цель в жизни, которая ведет нас к обретению смысла жизни – Бога. Человек реализуется в жизни только через духовное обновление, обретение религиозности, и последующее обретение Бога.

Мы видим, что религиозность в христианской социологии является базой всего направления.

Завершая, хотелось бы сказать о том, что представители христианской социологии видели пути решения личностных, общественных проблем. Возможно, обратившись к ним, мы могли бы найти ответы на многие волнующие нас сегодня вопросы.

Литература

1. Трубецкой Е.Н., Смысл жизни – М., 2003, с.396
2. Антонов К.М. Проблема религиозного обращения в творчестве С.Л. Франка // Религиоведение – 2002, № 4, с.39 – 51.
3. Мишучков А.А. Проблема духовности и особенности религиозного опыта у И.А. Ильина // Credo – 2001, № 2, с.74 – 84.
4. Интернет ресурсы: <http://www.vehi.net>

Социально-интегративная работа с иммигрантами как важный фактор их всесторонней адаптации в новой социо-культурной среде

Е.В. Горина

Марийский Государственный Технический Университет

E-mail: elena_gorinova@mail.ru

В статье рассматривается круг проблем, связанных с адаптацией иммигрантов в новой социально-экономической и культурной среде, а также практические методы социальной работы, направленные на духовную реконструкцию жизненного мира человека в условиях смены страны постоянного проживания средствами социально-интегративной работы.

В момент столкновения с новой социальной реальностью, иммигранты испытывают серьёзные нравственные страдания, оказываются в ситу-

ации духовно-мировоззренческого кризиса. Это связано с ломкой привычных стереотипов поведения и мышления, формированием новой адекватной системы мировоззрения, необходимых для интеграции в иную социально-культурную среду. Главным условием успешного протекания и завершения этого сложного процесса является всесторонняя адаптация индивида к новым условиям существования.

Целью нашего исследования явилось изучение ключевых проблем адаптации иммигрантов в системе новых социо-культурных связей и их разрешение посредством специализированных социальных служб на примере деятельности интегративного бюро «Dialog» (г.Лейпциг). Объектом исследования выступили иммигранты на территории ФРГ.

Проблемы адаптации иммигрантов многоаспектны. Они включают экономические, юридические, психологические, бытовые, образовательные, профессиональные и другие вопросы с учётом огромной специфики времени и места, а также множества особенностей, зависящих от условий страны-реципиента. В круг главных проблем адаптации входят:

1. Статусно-правовая адаптация;
2. Профессиональная адаптация и освоение рынка труда;
3. Образовательная адаптация;
4. Бытовая и коммуникативная (языковая) адаптация;
5. Психологическая адаптация;
6. Политическая адаптация (уровень политической активности иммигрантов). [1]

Важными агентами всесторонней адаптации иммигрантов в новой стране проживания являются специализированные социальные службы. Социальная работа по данному направлению с каждым годом всё более актуализируется. Во время прохождения студенческой стажировки в Германии был проведён всесторонний анализ деятельности социально-интегративного бюро «Dialog» (г.Лейпциг). Данное учреждение характеризуется расширенным спектром направлений социальной поддержки иммигрантов, осуществляет комплексное воздействие по реконструкции жизненного мира клиентов и по решению самого широкого круга их проблем. Основные направления деятельности этого учреждения:

1. организация бесплатных языковых курсов;
2. содействие в поиске работы, организация курсов профессионального обучения и переобучения;
3. оформление детей в образовательные учреждения;
4. помощь в получении профессионального образования;
5. консультативная помощь по правовым вопросам, защита нарушенных прав в суде;
6. помощь в составлении официальных документов, адресованных в различные государственные и административные учреждения;
7. психологическая помощь (индивидуально или в группах), содействие и поддержка в социальной адаптации;

8. консультативная помощь по вопросам, касающимся бытовой, экономической, коммуникативной и другой адаптации к новой социальной среде и окружающим людям.

Самым главным и позитивным в опыте интегративного бюро является его универсальность и централизованный характер, что способствует росту качества и удобства социального обслуживания иммигрантов. В этой связи, социально-интегративная служба выступает в качестве общественного аттрактора – активного центра организации потенциальных путей развития личности иммигранта через влияние на его внутренний жизненный мир.

В целом, выработка оригинальной отечественной системы эффективных форм и методов решения проблем, связанных с миграцией, должна вестись с учётом лучшего, что есть в зарубежном опыте. Это является важной темой научных исследований, применяемых в социальной работе как актуальной профессии научно-практического характера.

В основу исследования легли практические материалы студенческой стажировки в ФРГ (весна 2004 г.), материалы международной студенческой дискуссии на тему проблем иммигрантов из стран Азии и Африки (г. Кемниц, 2 мая 2004 г.), опыт непосредственного общения с русскоязычными иммигрантами в ФРГ.

Литература

1. Ю. А. Поляков «Проблемы эмиграции и адаптации в свете исторического опыта» // Новая и новейшая история, 1995, № 3, С. 8-15.

Развитие идеи социального неравенства в работах П. Сорокина

З.А. Горная

Тюменский государственный университет

В связи с трансформацией современного российского общества и появлением новых социальных слоев и групп мы обращаемся к работам классиков в области социологии для того, чтобы понять причины и закономерности социального неравенства в меняющемся обществе.

Одним из самых выдающихся социологов, изучивших вопросы, связанные с социальным неравенством, стратификацией, мобильностью и другими явлениями социума для нас остается Питирим Александрович Сорокин (1889-1968), по мнению которого, социальное неравенство является объективным явлением любого общества.

Для наиболее полного понимания позиции П.А. Сорокина в отношении данной проблемы необходимо провести параллель со взглядами социологов, представляющих различные школы. Мы сопоставили его позицию с идеями К. Девиса и У. Мура, М. Вебера, К. Маркса и Р. Дарендорфа.

Анализируя взгляды К. Девиса и У. Мура на проблему социального неравенства и стратификации, мы обнаруживаем, что авторы, подобно П. Сорокину, отстаивают необходимость и даже неизбежность неравенства между странами в любом обществе. Рассматривая взгляды на социальное

неравенство П. Сорокина и представителей теории функционализма: К. Дэвиса и У. Мура, пришли к выводу, что они очень схожи. Но существуют различия в подходе к пониманию содержания наград. Динамика кар и наград, согласно эволюционистским взглядам П. А. Сорокина, подчинена развитию общества от примитивных антагонистических форм через преодоление кастовых, сословных и классовых противоречий к современным демократическим структурам, идя параллельно развитию личности. К. Дэвис и У. Мур награду понимают с точки зрения религии, т.е. не в качестве материального вознаграждения, а социальной наградой становится признание и уважение.

Многие идеи П. Сорокина по проблеме социального неравенства почерпнуты из марксистской теории стратификации и класса. Оба социолога признают существование социального неравенства и его неотвратимость. Однако революцию, которая является следствием неравенства, П. Сорокин определяет как зло, общество, для смягчения которого необходимы реформы. К. Маркс же утверждал, что революция необходима, как фактор прогресса общества.

Вебер не принимал распространенных в его время идей о гармонии классовых отношениях. Очень схожи взгляды социологов и во мнении, что конфликт классов по поводу распределения ресурсов — естественная черта любого общества. С точки зрения М. Вебера, собственность — это лишь один из источников дифференциации людей, и его ликвидация приведет лишь к возникновению новых. Говоря об интегральном смешанном обществе — обществе будущего, П. Сорокин прогнозировал, что в нем будут иметь место следующие компоненты: 1) частная собственность; 2) предпринимательство; 3) значительное социальное неравенство — разделение на богатых и бедных и т.п. [1].

В своей классовой концепции, подобно П. Сорокину, Р. Дарендорф отталкивается от марксистской теории. Если П. Сорокин изучал структуру власти, то Дарендорф ставит во главу угла именно распределение власти и авторитета. Наряду с «расползанием» собственности Дарендорф также спокойно допускает и происходящее уравнивание в сфере уровней и стилей жизни. Ибо все это не затрагивает главного — неравномерного распределения ресурсов власти и авторитета, существующего в любом без исключения индустриальном обществе [2]. В этом и заключается сходство со взглядами на неравенство П. Сорокина.

Главная особенность и ценность идей рассмотренных нами мыслителей состоит в том, что силой творческого прозрения им удалось подняться над пестрой суетой повседневности и разглядеть глубинные течения, которым предстоит преобразовать общество в предстоящие столетия. Обычно такие прозрения возникают в кризисные периоды истории, в условиях общественных катастроф, когда ум предельно напряжен в поиске выхода из, казалось бы, тупиковой ситуации. Эти прозрения часто бывают непонятыми, а то и отвергнутыми большинством современников. Лишь со временем — иногда через столетия — великие идеи становятся

основой мировоззрения и практических действий миллионов масс и их лидеров. Сказанное в полной мере относится к учению одного из величайших социологов XX века Питирима Сорокина (1889 — 1968 гг.). Он оставил десятки монографий, в которых заложены основы нового видения общества, сформулировал главные тенденции и альтернативы, которые будут определять развитие общества в следующем столетии. Многие прозрения Сорокина оставались непонятыми в течение нескольких десятилетий; только сейчас постепенно начинает проясняться их истинный смысл и прогностическая сила.

Литература

1. Гилязитдинов Д.М. Интегративное маятниковое общество П.Сорокина и альтернативы развития России// Социологические исследования. 2001. №3. С. 15-19.
2. История теоретической социологии. В 4-х т. Т.3.-М.: Изд-во «Канон+» ОИ «Реабилитация», 2002, с. 448
3. Сорокин П.А. Социализм и социальное равенство //Социологические исследования. 2001. №5. С.105-109.
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Изучение Интернета — как средства коммуникации

А.С. Городецкий

Псковский Вольный Институт

E-mail: slcom@mail.ru

Коммуникация — это передача информации между двумя объектами, способными или принимать или передавать информацию, то есть, *этими объектами необязательно должны быть люди*. [1]. Интернет является одним из перспективных средств коммуникации, потому что является все еще свободной (не политизированной) сферой в России [2]. Интернет может выполнять следующие задачи: 1. Использование электронной почты. 2. Поиск в сети нужной информации. 3. Рассылка и/или съём централизованно подготовленных значимых, общеинтересных материалов (нормативных документов, информации о семинарах и конференциях и т.п.). 4. Образовательные FAQ (ответы на типичные вопросы). 5. Взаимоконсультирование по софту и т.п. 6. Организация конференций по сети. 7. Получение («скачивание») обучающих программ по разным предметам. 8. Совместные проекты различных институтов, в том числе разных стран, по разным темам. [3]. Интернет является надежным средством коммуникации в основном среди молодежи 21-25(35%), 26-30(28%), до 20(25%)[4]. Наиболее популярным способом работы в Интернете остается пользование электронной почтой(98%). Наблюдается постоянный рост популярности FTP(70%) и особенно WWW(87%). Наиболее популярными являются следующие виды информации: о программах и вычислительной технике (75%); об Internet (61%); о юморе (50%); о науке (47%); о товарах и ценах (43%); об образовании (40%). Наименьший интерес

пользователей вызывает информация о религии (8%), о семье и детях (9%); о спорте (15%); о медицине и здоровом образе жизни (17%) . Более четверти пользователей обращается к информационным источникам «для взрослых»(27%).[4].

В ходе социологических исследований было выявлено, что Интернет используется как:

1. Деловая коммуникация(17%) 2. Профессиональная(11%) 3. Политическая(3%) 4. Информационная(45%) 5. Культурная(8%) 6. Рассеянные(8%) 7. Вербальные и невербальные, как производные от них виды(2%).

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют сделать выводы о том, что Интернет является достаточно мощным источником для коммуникации, но правда в основном среди молодежи, и используется в основном для получения информации.

Но недостаточно изучена сегментация потребителей Интернета по гендерным и социальным признакам, что несомненно является целью моего дальнейшего социологического изучения.

Литература

1. Экспертное интервью у специалиста в области коммуникации Шумакова С.А.
2. Экспертное интервью у доктора социологических наук Кулдина С.С.
3. Статистика использования Интернет www.edc.samara.ru/~infcult/statistics.htm
4. Современные информационные технологии в образовании /И. Роберт/Школа-Пресс/ 1994

Гендерные стереотипы в русской народной сказке: опыт контент-анализа

А.Р. Гром

Волгоградский государственный университет

E-mail: GromAnn@yandex.ru

Трансформационные процессы, характерные для современного общества, предполагают изменение социокультурной реальности – изменение норм, ценностей, стереотипов мышления личности. Данный процесс «захватывает» и процессы формирования гендерных установок сознания. Сущность происходящих преобразований выражается в том, что иерархия патриархатных ценностей уходит в прошлое: происходит выравнивание положения прав и возможностей мужчин и женщин во всех сферах общественной жизнедеятельности. Данный процесс, тем не менее, содержит в себе ряд противоречий, обусловленных разнонаправленностью гендерного воспитания на различных этапах социализации. С одной стороны, распространение демократической политической идеологии создает условия, способствующие разрушению традиционных гендерных стереотипов, но, с другой стороны, семья, система образования, повседневная культура взаимодействия воспроизводят данные стереотипы, начиная с самых ранних этапов социализации личности. Доказательством данного

суждения являются результаты анализа смыслового содержания текстов русских народных сказок в аспекте их возможного влияния на формирование гендерных установок сознания личности.

При выборе народных сказок в качестве объекта контент-анализа использовалась традиционная модель разделения русских народных сказок на: бытовые, волшебные и сказки о животных. Сказки были выбраны на основе метода случайного отбора. (из сказок о животных была выбрана сказка «Лиса и журавль», из волшебных сказок – «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», из бытовых сказок – «Проделки солдата», более известная под названием «Каша из топора». Контент-анализ включал в себя оценку текстов сказок по показателям «наличие/отсутствие» и «частота» встречаемости определенных лексических и синтаксических единиц, связанных с гендерными характеристиками социальной роли и определяющих эмоциональную оценку сказочных персонажей. Данные единицы отбирались на основе их значимости в сюжетной линии сказки (второстепенный или главный герой) в соответствии с целью и задачами исследования.

В результате проведенного контент-анализа выяснилось следующее:

1. Жанровая направленность сказки не влияет на процессы восприятия информации, в том числе информации, имеющей отношение к гендерной проблематике. (Несмотря на то, что объем анализируемых текстов различен, средняя длина слов и предложений, а также грамматическая сложность их содержания практически не отличаются, что говорит о типичности грамматической и синтаксической структуры текста сказок вне зависимости от их разновидности.)

2. Наблюдаются различия по гендерному признаку в количестве «главных» и «второстепенных» персонажей сказок.

3. Наблюдаются различия по гендерному признаку в положительных и отрицательных оценках действующих героев. (Так, женские сказочные персонажи во всех сказках ведут домашнее хозяйство, подчиняются воле мужских персонажей, а также в большинстве случаев оказываются «эмоциональнее и глупее» последних. Мужские персонажи принимают все важные решения, осуществляют наказания или поощрения, обнаруживают смекалку и большую активность действий).

Таким образом, посредством смыслообразующих единиц, наделенных гендерным содержанием, у юных читателей формируются представления о роли мужчин и женщин в обществе, их взаимоотношениях и о разделении труда, а также о том, как они должны вести себя в различных ситуациях в зависимости от своей половой принадлежности. Подобный вывод, безусловно, может представляться спорным, но, тем не менее, проблема существует и к ней должно быть привлечено внимание исследователей.

Литература

1. Воронина О.А. «Социокультурные детерминанты развития гендерной теории в России и на Западе» // Обществ.науки и современность, 2000, N4, С.9-20.

2. Гидденс Э. Социология. М., 1999. 704 с.
3. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. «Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии» // Социол. исслед., 2000, N11, С.15-24.
4. Народные русские сказки. Из сборника А. Н.Афанасьева. СПб., 1994, 443 с.

Сравнение современной концепции андеркласса с исследованиями Чикагской школы

А.Н. Гусев

Тулский государственный университет

E-mail: yolik@inbox.ru

В последние десятилетия в научном сообществе (прежде всего, американском) сформировался концепт т.н. «андеркласса». Под ним понимается небольшая прослойка населения – обычно, расовые и этнические меньшинства, живущая значительно хуже, чем основная часть общества. Изначально андеркласс являлся собирательным понятием для тех низших слоев, которые невозможно было включить в классические схемы стратификации. Согласно высказыванию одного из британских социологов «под двумя рабочими классами (квалифицированных и неквалифицированных работников) существует андеркласс. Как правило, именно они являются безработными в течение длительного времени» [5]. Такое определение андеркласса позволяет решить важную проблему стратификации – куда относить безработных, не имеющих ни официальных (т.е. социологически регистрируемых) доходов, ни однозначных социально-профессиональных позиций.

Действительно, главными признаками, по которым современные социологи выделяют андеркласс, являются глубокая бедность в сочетании с застойной (т.е. длительной по времени) безработицей. Существуют два основных исследовательских взгляда на причины формирования андеркласса. Сторонники первого, структурного подхода утверждают, что появление андеркласса – результат сдвигов в структуре занятости нижних слоев общества, связанных со снижением спроса на низкоквалифицированный ручной труд. Другая вероятная причина, по мнению этих авторов – также экономическая: нижние слои стали зависисмы от социальной помощи, что привело к исчезновению стимулов искать работу [2].

Сторонники альтернативного подхода утверждают о необходимости изучать андеркласс через призму т.н. «культуры бедности», исследуя различные аспекты исключения из социума: девиацию, маргинализацию и эксклюзию [3]. Они ищут корни неблагоприятного положения андеркласса в маргинальном образе жизни его представителей, обусловленном изоляцией от участия в основных социальных процессах и принятием контркультурных норм. Этот подход акцентирует внимание на том, что основная масса андеркласса – этнические меньшинства, жители т.н.

«внутренних городов» (бедных гетто), девианты, иными словами — те люди, чье поведение радикально отличается от общепринятого.

Схожие рассуждения можно найти уже у представителей Чикагской школы, изучавших социальное дно Америки в первой трети 20 века, залогом до появления термина «андеркласс». Разумеется, их объект изучения не был андерклассом в современном смысле слова (исторически не могла сложиться зависимость от социальной помощи, т.к. программы поддержки малоимущих получили распространение лишь с 50-х гг.) Однако чикагских социологов также интересовала природа бедности и связанной с ней девиации. Вопрос о том, откуда в «стране равных возможностей» (каковой они искренне считали США) появляется нищета, — стал ключевым как для них, так и для исследователей андеркласса 80-х гг.

И те, и другие проявляли заметный интерес к проблемам расовых и этнических меньшинств. «Чикагцы» были первыми, кто обратился к эмпирическому изучению этой группы населения: Роберт Парк, один из лидеров школы, ввел в социологический лексикон термин «маргинал» именно для обозначения неадаптировавшихся этнических мигрантов [1]. Его ученики активно изучали влияние расовой дискриминации и стигматизации на экономическое поведение меньшинств и их стратификационные позиции. Некоторые современные исследователи андеркласса также склонны считать его проблемы следствием дискриминации на рынке труда и сращивания этнических субкультур с культурой бедности.

Сходство теоретических позиций современных авторов и чикагских социологов наблюдается также в изучении пространственной концентрированности нижних слоев в неблагополучных районах. Представители Чикагской школы, составляя т.н. «социальные карты» своего города, первыми показали, что склонность к девиации напрямую связана районом проживания [4]. Впоследствии этот тезис будет взят на вооружение Уилсоном, Рансиманом и многими другими исследователями андеркласса, работающими с понятием «внутреннего города» [2]. По их мнению, пространственная изоляция населения таких гетто усугубляет изоляцию социальную, запуская механизмы межпоколенческого воспроизводства девиантной культуры бедности, связанной с преступным поведением и теневой экономикой.

Таким образом, несмотря на исторические различия в объекте исследования, представителей Чикагской школы можно считать «предтечами» современных авторов теории андеркласса: задачи, стоящие перед исследователями, схожи по большинству параметров.

Литература

1. Park R. «Migration and marginal man» // The American Journal of Sociology, Vol. 33, No. 6, 1928, P. 881-893. < http://www.depaul.edu/dweinste/intro/Park_M&MM.htm >

2. Wilson W.J. The truly disadvantaged: The inner city, the underclass and public policy // Social stratification: Class, race and gender in sociological perspective / Ed. D. Grusky. P. 560-567.

3. Абрахамсон П. «Социальная эксклюзия и бедность» // *Общественные науки и современность*, 2001, №2, С. 158-166.

4. Баньковская С.П. Чикагская школа в американской социологической теории: от кризисного сознания к стабилизационному. // *История теоретической социологии*. Т.3 Под. ред. Ю.Н. Давыдова. М., Изд-во «Канон +», 2002, С. 103-116.

5. Моррис Л. «Понятие *underclass*'а» // *Экономическая социология*, 2000, Т. 1, №1, С. 67-91 <<http://www.ecsoc.msses.ru>>.

Антикризисный PR–менеджмент как механизм создания «реальной виртуальности»

Е.В. Гусева

Волгоградский Государственный Университет

E-mail: Vi-Lena@yandex.ru

Сегодня все чаще на повестке дня оказывается проблема влияния средств массовой коммуникации на сознание людей. PR–кампании, как один из видов коммуникации, работая на удовлетворение потребностей общественного мнения, способны увлечь человека в «мир иллюзий и фантазий». В частности, деятельность антикризисного PR– менеджмента приводит к созданию некоего идеала и внушению человеку реальность его существования. Рассмотрим некоторые детали возникновения «PR – реальности».

Главная цель антикризисной PR–кампании – вернуть «прежний вид» фирме или отдельной личности (в политической сфере) с минимальным ущербом. В данном случае кризис рассматривается как негативное явление. Следовательно, чтобы преодолеть подобную ситуацию необходимо укрепить позиции по всем направлениям PR–кампании:

1) Спасение благоприятного имиджа. Это равносильно строительству некоего нового концепта личности или фирмы. И по мере применения технологий имиджа можно наблюдать все большее отдаление, «отход» от реального объекта, для которого он создается. Одно из главных условий сохранения благоприятного имиджа – соответствие его ожиданиям публики. Другими словами, значение имеют не реальные качества объекта, а то, что от него требует общественное мнение.

2) Нейтрализация воздействий на бренд. Это осуществление рекламных акций, способных отвлечь общественное мнение от проблемной ситуации, в которой оказалась торговая марка. Конструируется некая искусственная среда видимого благополучия, которая и преподносится потребителю как реально существующая.

3) «Сохранение лица» организации, который уже утверждён в общественном сознании, то есть достаточно лишь упоминания названия организации, чтобы у любого человека сразу возникло представление о том, что она из себя представляет. Главная задача – создать эффект присутствия организации в жизни общества и частного лица.

4) Главный принцип антикризисного PR – использовать кризисную ситуацию на благо фирме или ее руководителю. Другими словами, у окружающих должно сложиться мнение, что кризис, который переживает организация, на самом деле кризисом не является, а представляет собой часть некой долгосрочной стратегии развития – «так задумано».

Анализ основных технологий антикризисного PR–менеджмента, позволяет предположить, что PR–кампания приближается по своей сути к процессу социального мифотворчества. Продуктом коммуникативной кампании как раз и будет создание «виртуальной реальности», о которой говорит М. Кастельс [1]. Будет правомерно говорить также о том, что основные стратегии, на которых строится антикризисный PR, впрочем, как и вся PR–кампания (имидж, бренд и другие) проходят те же стадии, что и возникновение «симулякрумов» в концепции Ж. Бодрийяра.

Согласно Бодрийяру, насыщение повседневности бесконечной серией симуляций приводит к формированию своеобразной гиперреальности, в нашем случае – «PR–реальности». Автор выделяет последовательные фазы эволюции образа. На первом этапе образ как зеркало отражал существующую реальность; на втором – извращал ее; на третьем маскировал отсутствие реальности; и, наконец, образ становится «симулякром», то есть копией без оригинала, которая существует сама по себе, без всякого обращения к реальности [2]. В роли образа в данном случае может выступать любая из вышеперечисленных PR – технологий.

Подводя итог, следует отметить, что антикризисный PR–менеджмент можно определить как совокупность «симулякрумов», которые заменяют реальный объект и представляют его в том виде, в каком он наиболее востребован массами.

**Развитие миграционных процессов
в рамках Евразийского Экономического Пространства
на примере Республики Казахстан и Российской Федерации.**

А.Ю. Евдокимова

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан

E-mail: aselyek@mail.ru

Миграция – одно из наиболее значительных глобальных явлений нашего времени. Около 175 млн. человек – один из 35 – являются мигрантами.

Современные теории международной экономики обосновывают важность международной миграции как одной из предпосылок экономического развития страны. Насколько это применимо к РК и РФ, постараемся выяснить в ходе данной работы. Стабилизация миграционных процессов в государстве включает комплекс социально-экономических, политико-правовых и организационно-финансовых мер в области иммиграции, эмиграции и внутренней миграции. Разработка мер в области внешней миграции невозможна без системного анализа причин выезда, экономической, политической и социально-демографической оценки его

последствий, прогнозирования эмиграционных потоков, основываясь на нормативно-правовую базу вышеозначенных государств. Что предполагает развертывание программы изучения миграции в наших странах и организацию выработки практических рекомендаций по максимальной легализации миграции и борьбе с незаконной миграцией, а так же рекомендаций по совершенствованию уже имеющихся концепций миграционной политики обоих государств.

В первые годы независимости из новообразовавшихся государств начался достаточно массовый отток некоренного населения. Причин этому много, главная — экономическая миграция. В Казахстане ситуация не столь однозначна, и миграционные потоки этой страны в значительной мере будут определяться соотношением экономического состояния Казахстана и России. В РФ наблюдается не только стабильный отток населения, но и прибытие из этих стран по различным причинам: вынужденная (из-за межэтнических и гражданских войн, межэтнической напряженности и дискриминации), трудовая, транзитная миграции, репатриация русских, зачастую осуществляемые через территорию РК (из стран Центрально-Азиатского региона). По оценкам экспертов после 2006 года в России начнется стремительная естественная убыль трудоспособного населения, достигающая примерно одного миллиона человек в год. Демографическая составляющая экономической безопасности обоих государств — достаточное количество рабочих рук. Их нехватка может сказаться уже после 2025 г., к примеру, по данным СВОП, население России к этому времени, с учетом миграционного прироста, составит 130-138 млн. чел., а с усилением устойчивого экономического развития потребность России в иностранной рабочей силе будет возрастать. В этих условиях Россия вынуждена привлекать иностранную рабочую силу с целью обеспечения дальнейшего экономического роста осваивать Сибирь и Дальний Восток. Но именно появление компактных поселений мигрантов вызывает мигрантофобию у населения принимающих областей России и Казахстана. Факторы мигрантофобии: земля, жилье и социальная помощь, рабочие места, наконец, криминал. Иностранная трудовая миграция, возможно, не представляет демографической угрозы национальной безопасности (для сравнения, Франция и Бельгия — 7%, Германия — 8%). Но у РК и РФ существует иная угроза: роста «теневое сектора» экономики, благодаря иностранным трудовым мигрантам, по причине бюрократической сложности в регистрации работника-мигранта из СНГ и получения им социальных услуг, кроме того, по причине существенной разницы подоходного налога между российским работником и иностранцем из СНГ. Это стимулирует скрывание доходов мигрантов из стран СНГ в России и Казахстане.

Так как в перспективе труд станет одним из самых дефицитных ресурсов в РК и РФ (если в этих государствах выход из экономического кризиса примет устойчивый характер) единственным источником пополнения ее трудовых ресурсов может быть только иммиграция. Следо-

вательно, стратегическая миграционная политика Казахстана и России — это иммиграционная политика. Сформировалась специальная миграционная политика, основанная на нормативно-правовых базах государств ведущим органом в ее осуществлении, стал специальный государственный (федеральный) орган исполнительной власти — миграционная служба МВД. Начиная с 1993 г., руководящие органы утверждают федеральные миграционные программы, устанавливаются квоты миграционных процессов. Однако наблюдаются и недостатки миграционной политики государств (в том числе, и в ее иммиграционном аспекте), например, в России они неоднократно находили отражение в постановлениях Конституционного Суда РФ.

Одним из основных факторов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации и Республики Казахстан является формирование Единого экономического пространства (ЕЭП) с государствами-участниками СНГ. Здесь необходимо иметь в виду, что ЕЭП предполагает свободное передвижение капитала и рабочей силы, следовательно, от обоих государств требуется максимально упростить процедуры регистрации рабочих рук из стран-участников ЕЭП, к чему они пока не готовы. Проведенный мониторинг данной проблемы показывает необходимость трансформации уже имеющихся государственных миграционных концепций, т.к. главный недостаток существующих миграционных политик в том, что они абстрагируются от проблем экономического развития стран. Между тем, рыночная экономика предъявляет очень жесткие требования к миграции, поскольку высокая мобильность рабочей силы является неотъемлемым условием ее успешного развития. На основе представленной работы хотелось бы привести следующие рекомендации:

- *Протекционистская иммиграционная политика* предполагает создание в стране благоприятной обстановки для приема и жизни мигрантов, подразумевающей в том числе и формирование доброжелательного отношения к ним со стороны населения, разработку разветвленного, гибкого и простого в реализации правового поля в отношении предоставления вида на жительство, трудового найма, частного предпринимательства, аренды земли, обзаведения и владения собственностью. При этом очевидна необходимость задействования СМИ для популяризации иммиграционных процессов среди населения с точки зрения нехватки рабочих рук в процессе стабильного экономического роста.

- *Внести изменения в действующие законы* по сокращению нормы стажа проживания в государстве, необходимого для получения гражданства или постоянного вида на жительство, упростить бюрократизированные и сложные процедуры оформления пребывания и оформления мигрантов на временную работу, задействовать СМИ в освещении нормативно-правовых новшеств для избежания коррупции на местах. Интересам развития рынка труда отвечало бы устранение законодательных и административных препятствий въезду мигрантов стран-участников ЕЭП. Важным

шагом могло бы стать смягчение требований в отношении как оформления вида на жительство, так и гражданства.

- С изложенных позиций более чем актуально выглядит намерение создания свободного поля для перемещения мигрантов, в том числе трудовых, декларированное в рамках Евразийского экономического сообщества на встречах президентов стран региона. Конструктивная миграционная политика многофункциональна. Она должна способствовать достижению важнейших общественных целей, таких как развитие рыночных отношений, построение демократического общества, соблюдение прав человека, интеграция в международный рынок труда, укрепление безопасности страны.

- Повышение мобильности населения должно находиться в центре внимания миграционной политики. Реализация этой конституционной нормы предполагает комплекс взаимосвязанных мероприятий, требующих для полного осуществления больших затрат и продолжительного времени. Отмена ограничений на уведомительную регистрацию по месту жительства, которые существуют во многих субъектах Российской Федерации, является первоочередной мерой, но не исчерпывает задачи.

- Мобильность рабочей силы очень сильно сдерживается неразвитостью рынка жилья. Необходимо как можно быстрее преодолеть «крепостную» зависимость рабочей силы от жилья, развивая ипотечные и арендные формы жилищной обеспеченности, причем не только для населения, но, что очень важно, и для предприятий. Работа в этом направлении идет крайне медленно.

Решение проблемы свободы передвижения предполагает и ряд других серьезных мер, среди них обеспечение защиты частной собственности, прежде всего жилищной (в настоящее время владельцы жилья часто отказывают квартиросъемщикам в регистрации из-за боязни потерять жилье), разработка и внедрение альтернативной системы учета населения (путем регистра, дактилоскопии и других методов).

- * Иммиграция из стран ЦАР и СНГ объективно обусловлена интересами РФ и РК, поэтому необходимо привлекать иностранную рабочую силу, но при этом не создавать условия для преобладания одной этнической группы, а расселять их равномерно, не создавая компактных этнических поселений. В этом случае можно будет сохранить государственное единство.

- * Необходимо введение эффективной системы экономических санкций за нарушение порядка занятости мигрантов, миграционных квот и трудовых виз, а также усиление мер по депортации незаконных (нетрудовых) мигрантов.

Анкетное исследование как средство реализации маркетинговой стратегии молодежной газеты

А.М. Елисеева

Вологодский государственный технический университет

E-mail: ameli@vologda.ru

В настоящее время СМИ оказывают на массовое сознание значительное влияние. Но одновременно с этим социум не менее сильно воздействует на них, предъявляя жесткие требования по удовлетворению общественной потребности в информации. В силу этого в условиях жесткой конкуренции на рынке информационных ресурсов любое средство массовой коммуникации вынуждено конструировать и реализовывать последовательную маркетинговую стратегию, направленную, в частности, на выявление собственной целевой аудитории и установление эффективного взаимодействия с ней.

Однако мы считаем, что молодежные издания не могут ориентироваться только на запросы своих читателей, поскольку реализуют ряд специфических функций, наиболее важная из которых – мировоззренческая. Они должны предъявлять особые требования к своей маркетинговой стратегии [1]. Вследствие этого среди публикаций подобных СМИ значительную долю должна составлять информация, затрагивающая молодежные проблемы, призывающая молодых людей к активному поиску их решения с позиции гражданской сознательности.

Одновременно с этим подобные материалы должны быть востребованы читателями, что призывает печатные издания к постоянной актуализации общественных проблем. Определение наиболее важных вопросов, требующих обсуждения на страницах прессы, по нашему мнению, – одна из важнейших задач маркетинговой стратегии любой молодежной газеты. С этой целью необходимо постоянно изучать читательскую аудиторию, ее предпочтения и потребности. Наиболее эффективными средствами этой деятельности мы считаем различные способы социологических исследований. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает такой метод сбора первичной информации, как анкетирование [2].

Целью данной работы стал анализ применения этого метода в качестве средства реализации маркетинговой стратегии молодежного регионального издания. Анкетное исследование можно эффективно использовать на разных этапах ее подготовки и реализации. В данной работе мы изучили применение анкеты для изучения осознанности ряда проблем целевой аудиторией с тем, чтобы определить направления их освещения в молодежной газете. Мы считаем, что публикация статей по интересным для читателей темам будет способствовать реализации социальной миссии издания, а также положительно скажется на его имидже и повысит популярность газеты в целевой аудитории.

Прикладное исследование проводилось на базе газеты «Вездеход: зубчатая передача» (г. Вологда). Анализ публикаций этого издания за последнее полугодие продемонстрировал, что значительная часть информации

онных материалов была посвящена проблемам молодой семьи. Однако в результате проведенного нами группового интервью с представителями целевой аудитории газеты (студенты вологодских вузов) было установлено, что статьи на эту тему не востребованы читателями.

Нами был сделан вывод о необходимости проведения анкетирования представителей целевой аудитории с целью дальнейшей корректировки маркетинговой стратегии. При этом учитывалось стремление газеты придерживаться прежних информационных приоритетов при подборе материалов.

Тематику анкетного исследования мы обозначили как «Проблемы молодой семьи и значение печатных СМИ в их решении». С целью определения оптимальных форм подачи информации было проведено анкетирование репрезентативной выборки целевой аудитории газеты «Вездеход: зубчатая передача».

По итогам исследования оказалось, что наиболее важным респонденты сочли вопрос трудоустройства (69%). Проблемы молодой семьи волнуют лишь 3% опрошенных. Однако 57% молодых людей признали значительными возможности печатных СМИ в решении молодежных проблем (в частности, проблем молодой семьи). Эффективными были признаны все предложенные формы работы: публикации и репортажи в СМИ – 27%, проведение социальных акций – 26%, организация специальных мероприятий, в том числе развлекательных – 24%, социальная реклама – 22%.

На основании результатов исследования мы сделали вывод о том, что для реализации миссии газеты «Вездеход: зубчатая передача» и соответствия публикаций ее информационным приоритетам необходимо проведение информационной работы по развитию у читателей ценностного восприятия семьи, актуализации проблем молодой семьи. Важным этапом деятельности должна стать подготовка программы мероприятий, включающей наиболее интересные для целевой аудитории формы работы.

Таким образом, применяя анкетирование как средство реализации маркетинговой стратегии, молодежная газета получит возможность не только учитывать, но и формировать информационные предпочтения своей целевой аудитории. Это позволит изданию реализовывать свою миссию, стратегические и тактические цели, не теряя при этом популярность.

Литература

1. Котлер Ф. Основы маркетинга. М., 1993, 736 с.
2. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М., 2003, 596 с.

Проблема наркомании в молодежной среде города Твери

Е.В. Ерыгина

Тверской Государственный Технический Университет

E-mail: grig@tstu.tver.ru

В последние годы наркомания стала одной из острейших проблем современного российского общества. Все более распространяясь, это явление приводит к дисфункции социальной жизни населения, к деградации тех слоев общества, существование которых определяется наркотической зависимостью. В этих условиях серьезнейшей задачей федеральных, региональных и местных органов власти становится разработка и реализация антинаркотической политики, главным объектом которой является молодежь. Важнейшим фактором, определяющим эффективность антинаркотической деятельности властных органов, является социологический мониторинг наркотической ситуации. Большую помощь в организации и поведении социологических исследований наркотизации общества структурам государственной власти и управления должны оказать социологические кафедры и факультеты вузов. Примером подобной деятельности может служить сотрудничество кафедры социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета (ТГТУ) и Управления Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков (Госнаркоконтроль) по Тверской области.

В рамках летней производственной практики в Тверском Управлении Госнаркоконтроля студентами-социологами ТГТУ в июле 2004 года было проведено пилотажное социологическое исследование на тему: «Проблема наркомании в молодежной среде города Твери», целью которого являлся анализ отношения молодежи города Твери к проблеме наркотизации. Объем выборочной совокупности составил 100 человек в возрасте с 12 до 29 лет, из них 49% респондентов мужского и 51% – женского пола.

В результате проведенного исследования было выявлено то, что подавляющее большинство молодых людей города Твери считает проблему наркомании опасной для общества и осознает всю тяжесть последствий, возникающих в результате употребления наркотических веществ. Необходимо отметить, что респонденты женского пола относятся к наркоманам более гуманно, испытывая к ним чувство жалости, в отличие от респондентов мужского пола, которые испытывают к лицам, употребляющим наркотики абсолютное безразличие.

Анализ данных показал, что на формирование наркотической зависимости в молодежной среде, во-первых (по мнению 15% опрошенных), влияет неразвитость сферы досуга, во-вторых (по мнению 13% опрошенных) – индивидуальные особенности личности молодого человека и в-третьих (по мнению 12% опрошенных) круг близких друзей.

Так же в ходе опроса, была выявлена высокая степень осведомленности респондентов о видах наркотических веществ, распространенных в молодежной среде. Об этом свидетельствуют следующие данные: 38% опрошен-

ных знают о существовании легких наркотиков (анаша, гашиш, конопля, марихуана), преобладающих в среде тверской молодежи; 12% респондентов считают наиболее распространенным наркотиком героин; 8% – ЛСД; 7% – экстази; 3% респондентов – клей и другие токсические вещества.

Основными источниками получения информации об опасности наркомании, по мнению молодежи города Твери, являются телевидение, радио и периодические издания (газеты), достаточно подробно освещающие данную тематику. По мнению большинства опрошенных, наиболее эффективными мерами борьбы с наркоманией, являются: создание реабилитационных центров для наркозависимых людей, беспощадное преследование наркоторговцев и активная пропаганда здорового образа жизни.

Опрос в тоже время показал, что респонденты пока еще слабо информированы о деятельности Управления Госнаркоконтроля по Тверской области и о работе других организаций, занимающихся профилактикой и борьбой с наркоманией в Тверском регионе. Кроме того, в результате исследования было выявлено мнение респондентов о том, что большинство наркозависимых молодых людей не обращаются за помощью в государственные учреждения здравоохранения из-за непонимания необходимости лечения, из-за боязни быть поставленным на учет, а также из-за высокой цены лечения.

Среди причин, побуждающих употреблять наркотические вещества, опрошенными представителями молодежи были названы любопытство, желание попробовать за компанию с друзьями и личные неприятности.

Исследование показало, что для улучшения наркотической ситуации в Тверском регионе необходимо: развивать программно-целевой подход к реализации антинаркотической политики на региональном и муниципальном уровнях; завершить проект строительства реабилитационного центра для наркозависимых; Управлению Госнаркоконтроля по Тверской области проводить более активные и наступательные пропагандистские и профилактические мероприятия по борьбе с наркоманией, повышать степень информированности граждан и формировать позитивный имидж деятельности данной организации.

Данные, полученные в ходе социологического исследования, были использованы при разработке областной целевой программы «Профилактика наркомании в Тверской области» на 2005-2006 годы, предполагающей в качестве одного из программных мероприятий осуществление социологического мониторинга наркотической ситуации в регионе.

Становление демократии в восточном обществе (опыт Филиппин)

Г.В. Ефимов

Дальневосточный государственный технический университет

E-mail: gggooggg@mail.ru

Филиппины это уникальная страна Юго-Восточной Азии, развитие политической системы которой имеет свою специфику. Во-первых, Фи-

липпины можно отнести к числу немногих на Востоке стран «старой» демократии. Во-вторых, филиппинская модель представляет интерес как «демократия в незападном обществе» и в региональном измерении, как единственная либерально-демократическая система в ЮВА, где в основном преобладают авторитарные и полуавторитарные режимы.

Филиппины в своем развитии прошли два огромных периода – это период колониального (конец XVI в. -1946г.) и период постколониального развития. Первый период – это период испанского и американского колониального управления, когда начался процесс формирования политической системы Филиппин. Зарождение демократических традиций было связано с духовно-идеологическим аспектом испанского правления, именно с массовой христианизацией филиппинцев и приобщением их к западным политическим ценностям и демократическим идеям, что привело к утверждению авторитарных начал. Испанцы ввели жестко централизованную систему административного управления во главе с генерал-губернаторами, наделенными обширной властью. Анतिकолониальная революция 1896-1898гг. положила конец 300-летнему испанскому господству и провозгласила независимую республику Филиппин, первую в истории стран Востока.

Однако вскоре на смену испанским колонизаторам на архипелаг пришли США и установили свой диктат, одновременно начав процесс формирования политической системы и установив режим автономии (commonwealth). В 1935г. на Филиппинах была принята Конституция, которая действовала до 1973г. В ней были использованы многие положения конституции США. Это: билль о правах и декларация о достижении социальной справедливости и экономического благосостояния народа [1]. В стране вводилась президентская форма правления при строгом разделении властей.

4 июля 1946г. Филиппины наконец стали независимым государством и с этого момента начинается этап постколониального развития, который имеет несколько периодов развития.

Первый период постколониальной филиппинской политической модели (1946-1972гг.) продолжал действовать по американскому образцу и обладал всеми атрибутами либеральной представительной власти. Продолжала действовать конституция 1935г., регулярно проводились президентские и парламентские выборы, с 1946г. действовала двухпартийная система: Партия националистов и Либеральная партия. Но в последующие годы политическая система Филиппин лишь внешне представляла собой либеральную демократию, а по внутреннему содержанию она стала относиться к разновидности так называемой «олигархической демократии» и стала скатываться к авторитаризму.

Второй период это период филиппинской модели авторитаризма(1972-1986гг.) во главе с президентом Ф. Маркосом. В стране было введено чрезвычайное положение, сопровождавшееся нарушением конституционных прав, усилением личной власти президента и политичес-

кого влияния вооруженных сил. Авторитарная государственность в филиппинских условиях не обрела функции стимулятора и гаранта экономической модернизации, можно сказать, что здесь не сложилась модель, определяемая как „авторитаризм развития»[2]. В результате авторитарный режим Маркоса рухнул под напором массового ненасильственного по характеру общественного движения, вошедшего в историю как „бархатная революция».

Третий период это период поставторитарного политического развития или период „редемократизации»(1986-2001гг.). Этот период характеризовался прежде всего формированием нового режима, имеющим четкую демократическую направленность. За этот период у власти побывало три президента: К.Акино, Ф.Рамос, Д.Эстрада, все они имели свою политическую программу, но общим оставался демократический путь развития страны. Уже к концу 1986г. была разработана новая конституция, гарантировавшая филиппинцам основные права и свободы, был сформирован двухпалатный конгресс, а затем последовали и выборы в органы местного самоуправления[3].

Современное политическое развитие Филиппин началось с прихода к власти 10-го президента или второй женщины-президента Г.Арройо. Пришла она к власти в результате так называемой „бархатной революции». За еще короткий срок своего президентства Г.Арройо сделала уже многое: решен ряд социальных проблем, решена „мусульманская проблема», установлена политическая стабильность и т.п. Но в тоже время существует еще огромное количество проблем: затягивается продолжение важной земельной реформы, реформы по либерализации экономики не находят поддержки у профсоюзов и левых группировок и т.п. В целом, подводя итоги, можно сделать определенные прогнозы относительно нового президента, – возможно, что Арройо будет продолжать политику независимого курса в международных делах с дальнейшей диверсификацией двухсторонних отношений и активизацией роли Филиппин на региональном уровне и укрепления основ гражданского общества на внутриполитической арене.

Литература

1. Левтонова Ю.О. История Филиппин. Краткий очерк. М., 1979, С.199.
2. Левтонова Ю.О. Филиппины: модель либеральной демократии в Азии. //Восток, 1998, №3, С.50.
3. Авторитаризм и демократия в развивающихся странах ./В.Г.Хорос, Г.И. Мирский, К.Л. Майданик и др. М., 1996, С. 134.

Налоговая система России – территориальный подход***Е.А. Желаннова****Самарский государственный технический университет, филиал в г.
Сызрани**E-mail: picul@dte.syzran.ru*

Мировая практика свидетельствует, устройство налоговой системы определяется уровнем развития страны, местом в международном разделении труда, менталитетом населения. Так, основным источником дохода ряда государств выступает подоходный налог: Дания – 50%, США – 40%, Великобритания – 35%. А вот в Парагвае подоходного налога нет. Дело в «парагвайском менталитете». Не платить налоги для парагвайцев также естественно, как их уплата для датчан. В России подоходный налог – один из источников наполнения местных и региональных бюджетов. В то же время он и резерв роста доходной части, поскольку по оценкам социологов до 20% населения занято в теневой экономике.

Проведенное исследование налогового поведения жителей г. Сызрани весной 2004 года подтверждает эти данные. В зависимости от налоговой сознательности условно налогоплательщики разделились на группы: «корректные» – 67%, «умеренно активные» – 11%, «инертные» – 12%, «протестные» – 9%. В качестве основных причин ухода от уплаты налогов респонденты назвали: недоверие государству – 49% не уверены в целевом расходовании налоговых поступлений; навязывание налогового поведения работодателем при выплате своим сотрудникам зарплаты в конвертах – 24%; отсутствие налоговой культуры граждан – 21%; трудности при оформлении отчетов – 6%. В целом уклонение от уплаты налогов присуще российскому менталитету. Когда население чувствует несправедливость или возможен выбор налогового поведения, граждане не протестуют открыто, они просто уходят в «тень». В то же время, на наш взгляд, при всем единстве российского менталитета, яркое проявление тех или иных его черты ярче зависит от масштабов города. Поскольку выбор модели налогового поведения осуществляется под влиянием уровня жизни, источников дохода, состоянием рынка труда. В связи с этим существует необходимость в территориальном подходе к изучению реакции населения на проводимые реформы.

В подтверждение гипотезы в 2005 году методом анкетирования изучается реакция людей на налоговую реформу в разных по масштабу городах Самарской губернии: малый, средний, крупный, город с населением свыше 1 млн. человек. В ответах респондентов прослеживается следующая тенденция: с увеличением масштабов города население в большей степени склонно скрывать доходы. Так, 76% респондентов Октябрьска, относящегося к категории малых городов, в качестве личного стереотипа указали «заплатить налоги и жить спокойно». Уплату налогов «на потом» составляют 11%. Столько же респондентов предпочитают скрывать часть своих доходов от налогообложения. Стереотипа «не платить налоги совсем» придерживаются 3% опрошенных. Иной уровень налоговой созна-

тельности в Самаре, которая входит в десятку крупнейших городов России. Платить налоги считают обязательным 61% горожан. Оттягивают уплату налогов только 1%. Почти в два раза больше чем в Октябрьске или Сызрани – 25% частично уводят доходы от налогообложения. Не понимают, зачем их принуждают вообще платить налоги 13%. Разница в 15% в численности налогоплательщиков малого города и города с населением свыше миллиона, уплачивающих налоги полностью, объясняется ожиданием размера пенсии. В малом городе пенсия – один из основных источников дохода для 83% населения, второстепенную роль она играет для 17%. В то же время жить только на одну пенсию готовы 11%, обеспечить прибавку к пенсии продуктами с огорода надеются 13%. В невозможности прожить только на одну пенсию уверены 58% респондентов, 16% о пенсионном будущем не задумывались. Для 63% жителей столицы губернии пенсия также главный источник дохода на заслуженном отдыхе, 26% опрошенных зарплату от государства рассматривают в качестве дополнительного источника, а вот 11% она не нужна совсем. В связи с этим «Жить на одну только пенсию» неприемлемо для 53% самарцев. Они намерены продолжить трудовой стаж. О заслуженном отдыхе не задумываются меньше – 38%, только 6% надеются прожить на «зарплату государства» и 3% рассчитывают на дачные участки. Размер пенсии, как мотив заплатить налоги, в большей степени важен для населения малых городов. По мнению жителей Самары, причина неуплаты налогов кроется в несформировавшейся налоговой культуре горожан – 36% опрошенных. Не доверяют государственным службам распоряжаться налогами и подозревают их в злоупотреблении 50%. Решение работодателя выплачивать зарплату в конвертах указали 10% респондентов. Не верят в честное распоряжение государством средствами жители малого города – 55%. Отсутствие налоговой культуры назвали 24%, на решение работодателя выплачивать зарплату в конвертах 13%, трудности заполнения налоговых деклараций назвали 5%.

При формировании налоговой сознательности населения в масштабах всей страны, налоговой грамотности, осознании налогоплательщиком своей значимости в налоговой системе, публикации отчетов о направлениях и суммах расходования средств необходимы и индивидуальные меры для населенного пункта каждого масштаба. На добросовестность жителей малого города может оказать влияние осознание гражданами зависимости размера пенсии в будущем от уплаченного налога сегодня. Население города свыше 1 миллиона человек уходит от уплаты налогов, руководствуясь в основном личной выгодой, сопоставляя риск санкций с дополнительным доходом в виде сокрытого налога. Легализации доходов возможно добиться при осознании налогоплательщиками большей полезности уплаты налогов, чем их сокрытия, формировании положительного имиджа налоговой инспекции.

**Профессиональная сегрегация по признаку пола:
обследование предприятий «женских» отраслей**

Е.М. Жидкова

Самарское отделение Института сравнительных исследований трудовых отношений

E-mail: zhidkova@ssu.samara.ru

Метод, данные. Доклад основан на текущем проекте ИСИТО «*Менеджмент и трудовые отношения в современной России*». Исследование охватывает несколько десятков промышленных предприятий, преимущественно крупных и средних. Основная цель исследования – изучить российский опыт организации производства и трудовых отношений в новых рыночных условиях. Информация собирается методами анкетирования, проведения полу-формализованных интервью и сбора доступных годовых статистических данных о предприятии. В число обследованных по методологии Case study предприятий вошли и «женские» – 4 пищевых и 3 швейных. Доклад посвящен одному из частных вопросов проекта, касающихся сегрегации по признаку пола в занятости и дифференциации рабочей силы.

Обзор подходов. Существуют различные подходы к объяснению сегрегации – марксистский, неоклассический, институциональный и феминистские [1]. Кратко, причины гендерной сегрегации сводятся к указывающим на специфику женской рабочей силы или на особенности функционирования рынка труда. Феминистские исследователи ввели в анализ роль патриархатных общественных отношений, а также социо-культурных факторов, «традиции». В частности, Валби показывает, как на рынке труда конструируется гендерное разделение, как сегрегация становится результатом ограничений женщин в обществе капитализма и патриархата [6]. Положение женщины в экономике видится результатом положения в семье, следствием социализации и культурных стереотипов. В этом свете репродуктивные и семейные обязанности женщин в первую очередь определяют установки их экономического поведения. Взамен марксистской объяснительной схемы предлагается плюралистическая концепция факторов, с отказом от «вторичности комплекса социо-культурных процессов по отношению к капиталистическому способу производства» [4]. Одна из последних теорий, которую можно использовать для рассмотрения сегрегации, – теория предпочтений К.Хаким. По мнению автора, теоретизирование женского трудового участия «застряло» между теорией человеческого капитала и институциональными объяснениями. Эмпирические данные показывают долговременное влияние ценностей и жизненных целей на поведение в сфере занятости. Для женщин – это выбор между тремя жизненными стилями: ориентированным на дом, на работу и адаптивным. Жизненные предпочтения структурируют образцы занятости, которые выбирает женщина в течение своей биографии. Речь идет не столько о выборе между оплачиваемой работой и незанятостью,

сколько о том, что приоритет, например, семьи обуславливает соответствующий выбор сектора занятости и типа трудовой карьеры [5]. В публикациях отечественных экономистов рынок женской рабочей силы оценивается как специфический, унаследовавший «родовые черты» прошлого — профессионально-отраслевую сегрегацию, дискриминацию по признаку пола. Сохраняется концентрация женщин в низкооплачиваемых отраслях [2].

Тезисы. Концентрация женской рабочей силы, обладающей своими запросами и спецификой, может быть проанализирована с двух точек зрения. Либо как система мер по управлению персоналом, специальная политика менеджмента на привлечение и удержание такой рабочей силы, либо же как стратегии занятости самих женщин.

Дифференциация промышленной женской рабочей силы рассматривается на примере семи предприятий «женских» отраслей — традиционных «старых» и нового частного, входящих в холдинги и самостоятельных. Нас интересует положение групп рабочих с высокой, средней и низкой квалификацией на основном и вспомогательном производстве. Мужчины и женщины по-разному представлены в профессиональных и квалификационных группах, имеющих неодинаковый статус на производстве. Это отражается в должностной иерархии и в материальном подкреплении трудового участия. Материалы кейсов позволяют описать положение различных групп работниц в условиях «упрощения» профессиональной структуры производств [3]. А также их отношение к гарантиям занятости в непрестижной отрасли, наличие доступа к благам и социальному пакету, возможностям манипулировать и оказывать воздействия на условия занятости, их восприятие разрыва в оплате труда мужчин и женщин.

Согласно обследованиям середины 90-х, дифференциация между группами наемного персонала сопровождалась сегментацией труда. Фактор незаменимости работника приобретал в этом процессе ведущее значение [3]. Проект показывает сохранение главенствующих позиций высококвалифицированных работников-мужчин обслуживающих цехов. Эта малочисленная группа не входит в основные производственные группы предприятий, однако по многим показателям является привилегированной. Женщины, как правило, владеют специфической квалификацией, основанной на отраслевых различиях. Вспомогательным и основным цехам в целом соответствует линия деления на мобильных и стабильных работников. Универсальные профессии наладчика, электрика или слесаря больше востребованы на рынке труда и не так привязаны к специфике данного производства. Тем не менее, мобильность свойственна не столько малочисленному персоналу вспомогательного производства (мужчинам), сколько подвижной периферии швейных цехов за счет низкой закрепляемости молодежи.

Качественные данные показывают рационализацию работницами сложившейся дискриминационной практики в отношении женского персонала даже на «женских» предприятиях. Особенно это касается политики

оплаты труда. Можно предположить, что на низкооплачиваемых предприятиях кризисных отраслей остались лишь те работницы, чьи доходы страхуются доходами других членов домохозяйств, то есть замужние женщины, относящиеся ко «вторым» работникам. Как известно, «вторые» работники концентрируются на малооплачиваемых рабочих местах, их низкие заработки компенсируются более высокими доходами «кормильцев». Поэтому предприятия экономят за счет оплаты «вторых» работников и поддерживают уровень оплаты «первых», то есть мужского персонала.

Противоречивый баланс особенностей рабочей силы, практик управления персоналом и структурных ограничений рынка труда способствует выживанию малоконкурентных по многим показателям производств «женских» отраслей.

Литература

1. Анкер Р. «Теории профессиональной сегрегации по признаку пола: аналитический обзор» // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Под ред. Е.Б.Мезенцевой. М.: «Русская панорама», 2002, с. 299 – 327.

2. Мезенцева Е.Б. «Гендерные аспекты экономической теории и ситуации в сфере занятости» // Гендерный калейдоскоп / Под ред. М.М.Мальшевой. М.: Academia, 2002, с. 310 – 331.

3. Монусова Г.А. «Промышленные рабочие в России: адаптация, дифференциация, мобильность» // Социологический журнал. 1998. № 1/2.

4. Adkins, L. and Lury, C. «Gender and the Labor Market: Old Theory for New?» // Hinds, H., Phoenix A. and Stacey J. (eds.) Working Out: New Directions for Women's Studies. London, Washington, D.C.: The Falmer Press, 1992, p. 173 – 184.

5. Hakim, C. «Lifestyle Preferences as Determinants of Women's Differentiated Labor Market Careers» // Work and Occupations. Vol. 29, No. 4, November 2002, p. 428-459.

6. Walby, S. «Segregation in Employment in Social and Economic Theory» // Walby, S. (ed.) Gender Segregation at Work. Philadelphia: Open University Press, 1988, p. 14-28.

Дискурсивное пространство этничности (на примере удмуртской молодежной общественной организации «Шунды»)

Р.М. Закирова

Удмуртский государственный университет

E-mail: zrima80@mail.ru

Изучение молодежной национальной общественной организации «Шунды» («Солнце») позволило выявить схему функционирования данной организации, своего рода стратегическую тактику реализации поставленной цели (на основе проведенных глубинных интервью). В качестве первоочередной задачи организации выявилась следующая – сохра-

нение и развитие удмуртской культуры. В достижении данной цели и организована деятельность молодежной национальной организации «Шунды».

По мнению лидеров организации, главным барьером на пути осуществления основной цели, является молодежный «национальный нигилизм», пассивность, этническая индифферентность. Как озвучивают эту ситуацию лидеры движения, в данных условиях необходимо поднимать «самосознание молодежи», «пробудить интерес к культуре удмуртов». Соответственно, следующий этап организаторов общества – формирование интереса молодежи к удмуртской культуре, потребности участия в деятельности организации. Данная стратегическая тактика имеет множество решений. Так, в рамках организации реализуются самые различные проекты, отвечающие интересам и потребностям молодежи республики. В качестве наиболее популярной концепции, привлекающей не только молодежь, но и широкую общественность является направление этнофутуризма. Именно этнофутуризм обеспечивает возможность возрождения удмуртской культуры, способствует развитию культуры, дополнению традиций и обычаев древних удмуртов новыми элементами современного постмодернового искусства. Таким образом, формируя потребность в изучении культуры, общество «Шунды» привлекает молодежь и реализует поставленную цель.

Итак, в качестве концептуальной идеи организации следует выделить идею поддержания и развития культуры удмуртского этноса. Исходя из данной позиции, этнос в рамках организации понимается, в первую очередь, как общность людей, объединенная единой культурой, соответственно, этничность предполагает обращение к культуре предков.

Таким образом, научной теорией, лежащей в основе практической деятельности организации «Шунды», является культуроцентристское понимание этноса. Об этом свидетельствуют также различные проекты социальной тематики, включающие в себя знакомство с культурой удмуртов. К тому же одна из ведущих концепций организации – этнофутуризм – предполагает конструирование новых форм культуры. По мимо этого следует сказать о том, что в основе практики данной организации лежат, скорее всего, примордиалистские концепции социально-исторической направленности, рассматривающие этнос как социально-историческое явление, выросшее из родоплеменных общностей [1], а также психологические теории (Ж.Э.Ренан, О.Брауэр, Р.Шпрингер), объясняющие этнос через психологические особенности и особенности культуры [2].

Деятельность подобного рода организаций направлена не просто на сохранение и развитие культуры, а на презентацию собственной инаковости, то есть принцип «дифференции» находит свое выражение в этническом пространстве организаций. Свойственное для лидеров организации словоупотребление («возрождение», «развитие» культуры) позволяет говорить о намерениях обособиться, принимая во внимания, прежде всего, культурные различия. Направленность на «пробуждение самосозна-

ния» свидетельствует о стремлении пробудить в молодежи, не только интерес к истокам, прошлому, а, в первую очередь, чувство отличия от других, ощутить в себе так называемый этнический субстрат «удмуртскости» [3]. Национальная молодежная организация, таким образом, способствует ретрансляции стереотипных суждений о том, что одни этносы отличаются от других принадлежностью к различным культурам. То есть организация руководствуется мнением, что люди, принадлежащие различным этносам, прежде всего, отличаются друг от друга принадлежностью к различной культуре. Это предположение воспринимается априори лидерами общества.

Устойчивость конструкторов «возрождения» и «развития» этничности, определяющих дискурс представителей национальной организации, позволяет сделать вывод об убежденности ее лидеров в том, что, развивая этническую культуру, возрождая ее, возможно существование самого этноса как такового. Правомерно подчеркнуть, что этнос как «класс на бумаге» существует лишь постольку, поскольку существует его описание. Организация как институт, ответственный за воспроизводство веры в существование удмуртского этноса, транслирует эту веру в сфере своих представителей, в частности, молодежи. То есть делает возможным его существование. Пока существует практика этнокультурного просвещения, то есть дискурс об этничности, существует и сам этнос. Однако следует говорить не просто о вере в существование, а о вере в существование различий [4]. Символический капитал, которым в нашем случае выступает культура удмуртов, является тем самым различием, точнее различием, вписанным в структуру социального пространства. Следовательно, можно говорить о том, что этничность в пространстве национальных организаций воспроизводится посредством дискурса, особенность которого состоит в подчеркивании культурных отличий. Молодежь, состоящая в данной организации, не просто «возвращается к своим истокам, корням», «изучает культуру этноса», но и участвует в организации дискурса культурного своеобразия.

Литература

1. Паин Э.А. Этнополитический маятник. М., 2004, с.35.
2. Социология. Под.ред С.А. Ерофеев, Л.Р. Казань, 2001, с.184.
3. Малахов В. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. М., 2001, с.76.
4. Бурдые П. Социология политики. М., 1993, с.61

Молодежная безработица в Удмуртской Республике***М.В. Иванова****Удмуртский государственный университет, Институт социальных коммуникаций**E-mail: pr@udsu.ru*

В настоящее время особенно актуальным становится изучение проблем и возможностей современной молодежи, так как эта социальная группа всегда находится в эпицентре всех событий в социуме. Особенно серьезной проблемой в России и в ее регионах для молодежи остается проблема трудоустройства. По результатам социологических исследований, 44,2% респондента (молодых людей от 14 до 30 лет) сочли эту проблему важнейшей для себя.

Работающая молодежь составляет 29,6 % от общего количества занятого населения в Удмуртии, а количество безработных от общего числа всей молодежи 31,6% [5]. Таким образом, потенциально самая активная часть населения – молодежь – граждане, от 14 до 30 лет – составляющие 9 % от населения Удмуртии, являются безработными. В соответствии с п.1 ст.3 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации» безработными признаются трудоспособные граждане в возрасте от 16 лет, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированные в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут такую работу и готовы приступить к ней. Отмечается то, что молодежи труднее найти работу, чем взрослым: безработица в молодежной среде в 3,5 раза выше, чем у взрослого населения. В службах занятости населения 50% составляет молодежь.

Основными факторами безработицы в молодежной среде по результатам исследований этой социальной группы можно назвать:

1. Отсутствие действенного механизма регулирования набора студентов в ССУЗы и ВУЗы. В отличие от них план набора на обучение на начальное профессиональное образование ежегодно обсуждается на специальной комиссии и согласуется с нехваткой кадров в отрасли по статистическим данным Государственного комитета по труду [1]. По данным Департамента федеральной государственной службы занятости населения количество безработных, зарегистрированных в службах занятости (в процентах) имели экономическое образование (20%), юридическое (27%), что свидетельствует о неоправданном повышенном интересе к этим специальностям, в которых конкурс при поступлении в ВУЗы составляет 10-12 человек на место.

Раньше вузовский диплом давал принадлежность к высшему социальному слою, как условие для материальных благ и высокого положения в обществе. Статус человека определялся уровнем образования, принадлежности к власти. Власть и образование оказались потеснены богатством [2]. Наличие в Республике развитого ВПК, промышленности, науки и других отраслей обусловило создание системы подготовки квалифицированных специалистов. Подготовка специалистов с высшим образованием

и управленцев осуществляются очень многими государственными и негосударственными учебными заведениями.

2. Работодатели, в нынешних условиях избытка квалифицированной рабочей силы, не заинтересованы в том, чтобы предпринимать целенаправленные усилия по подготовке кадров, не озабочены тем, чтобы молодежь лучше интегрировалась в рынок труда.

3. Фрагментарность, отсутствие системности в профориентационной работе среди учащихся, что затрудняет процесс формирования профессиональных предпочтений по получению специальности. Как свидетельствуют факты, выпускники школ распределяют профессиональные предпочтения следующим образом: на первом месте – юрист, на втором – дизайнер, на третьем – экономист [4]. Свои предпочтения распределяют по уровню престижности профессий. Но, к сожалению, престижные профессии всегда малочисленные, как во все времена элита. Большинство людей востребовано на рядовых профессиях. Несвоевременная профориентация и отсутствие профконсультирования приводит к дезориентации выпускников и незнанию потребностей рынка труда.

4. Спрос на специалистов высокой квалификации резко упал. Оплата специалистов в промышленности, науке, образовании опустилась до низкой отметки. Вследствие этого наибольшую востребованность в кадрах испытывают именно эти отрасли: здравоохранение и образование – 36,9%, промышленность – 17,1%.

Безработица в Удмуртии – очень распространенное явление, но и ей найдется решение на основе комплексного подхода и включая следующие приоритетные направления:

- выявление характерных для региона тенденций социально-экономического развития;
- прогноз развития рынка труда;
- анализ и прогноз профессионально-квалификационного состава высвобождаемых работников и незанятого населения;
- своевременное профессиональное консультирование;
- создание финансовой и материально-технической базы для обучения.

Таким образом, можно сказать, что в Удмуртской Республике недостаточно эффективно работает система своевременной профессиональной ориентации выпускников школ, что в результате ведёт к незнанию выпускниками школ потребностей рынка труда и в результате ведет к молодежной безработице. Решать эту проблему призваны специализированные органы, но процент обратившихся в эти структуры критически мал. Также можно отметить, что уровень оплаты труда молодых специалистов крайне низок, особенно в бюджетной сфере. Молодые люди вынуждены выбирать менее престижный, менее квалифицированный, но более высокооплачиваемый труд. Удмуртская Республика располагает значительным трудовым потенциалом, как с количественной стороны, так и с точки зре-

ния качества трудовых ресурсов. Данный потенциал используется недостаточно эффективно.

Литература

1. Исследование «Социальный портрет студенчества Удмуртской республики», 2003, проведено ГУ «Аналитическое бюро»
2. Д.Л. Константиновский. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности. – Москва: «Наука», 2000
3. Молодежь России: тенденции, перспективы./под ред. д.ф.н. И.М. Ильинского – Москва: «Молодая гвардия», 1993
4. Сборник методических материалов «Правовая защита подростков и молодежи». – Ижевск: Госкомитет УР по делам молодежи, 2003
5. Современные аспекты профессиональной ориентации молодежи. – Ижевск, ДФГСЗН, 2004

Терроризм в XXI веке: факторы воспроизводства и политика борьбы с ним

Л.О. Изялева

*Башкирской академии государственной службы и управления
при Президенте*

E-mail: milaiz@email.ru

Возрастающее влияние экстремистско-террористических группировок на жизнедеятельность мирового сообщества и на внутреннюю стабильность Российского государства актуализирует исследование проблемы терроризма, которая нуждается сегодня в углубленном и всестороннем анализе.

Поиск адекватного ответа на террористическую угрозу невозможен без осознания сущностных характеристик исследуемого феномена, анализа его современных причин активизации и выработке эффективных моделей противодействия.

Мы полагаем, что терроризм есть, прежде всего, социально-политическое явление, порожденное социумом, общественной средой, развитием мирового сообщества, проблемами и противоречиями, которые государственные институты и международные структуры не решают своевременно и должным образом. Глубинные корни терроризма кроются в самом обществе и государственной политике. Не уделяя должного внимания политикозначимым интересам и существующим проблемам, не разрешая их вовремя и в полной мере, само государство (мировое сообщество) способствует возникновению экстремистских способов их решения. Появление терроризма обусловлено неадекватной политикой государственной власти, ее неумением, неспособностью или нежеланием урегулировать реальные социально-политические противоречия с учетом законных интересов всех втянутых в эти противоречия сил. В такой ситуации и зарождается терроризм, который становится экстремистским, асоциальным, противоправным и антигуманным средством воздействия на конкретные властные структуры и общество в целом.

В нашем представлении *терроризм* есть *политико-организационная форма экстремизма, порожденная определенными социально-политическими противоречиями и проблемами и представляющая собой, как правило, вооруженное и идеологически обоснованное насилие или угрозу его применения, предполагающие деятельность против личности и общества (его институтов) с целью социально-психологического устрашения, влияния на органы государственной власти (мировое сообщество) для изменения государственной политики в интересах определенных сил.*

Активизации терроризма на современном этапе способствует целый комплекс политических, социальных и социокультурных факторов национального и международного характера, которые можно исследовать на макро-, мезо- и микроуровнях.

На макроуровне всплеск террористической активности можно объяснить процессами глобализации и вестернизации, силовым давлением развитых стран на развивающиеся государства, мировой социальной поляризацией и дифференциацией, столкновением культур Севера и Юга, ростом мусульманского населения в мире и, безусловно, крахом коммунистической идеологии.

Мезопричины современного терроризма следует искать в действии следующих основных (социально-экономических и политических) и второстепенных (демографических, национально-культурных и технико-технологических) факторов в рамках отдельных государств.

Социально-экономические факторы. Социально-экономическая нестабильность, кризис общества и его отдельных институтов способствуют появлению маргинальных групп – людей, которые не могут приспособиться к новым условиям жизни. Эти группы таят в себе взрывной потенциал, а их представители часто вступают в террористические организации и используют терроризм как средство достижения поставленных целей.

Политические факторы подпитывают терроризм в ситуациях, когда отсутствует должное регулирование социально-политических процессов властными структурами, наблюдается кризис государства и его институтов, и часть населения страны, недовольная своим положением, лишена легальных и результативных методов воздействия на политико-властную систему и государственную политику.

Одной из важных политических причин, объясняющих появление терроризма, является нецивилизованная, неинституциональная, недемократическая борьба за власть, желание отдельных сил манипулировать органами власти в своих интересах.

Вместе с тем нельзя забывать о второстепенных причинах активизации терроризма.

Демографический фактор. Как показывает практика рост численности населения и числа городов, подпольная миграция оказывают определенное воздействие на развитие терроризма. Данный фактор выходит на первый план, когда нарушается социальное равновесие, возникает дисба-

ланс, в результате чего одна или несколько социально-демографических групп ощущают неудовлетворенность сложившейся ситуацией.

Национально-культурный фактор. Мировые интеграционные процессы способствовали образованию сложных полиэтнических государств. Но совместное территориальное существование представителей нескольких этнических групп часто приводит к возникновению культурно-национальных противоречий и стимулирует народы, оказавшиеся в дискриминированном положении, к активной борьбе. В случае «рассогласованности между культурно-предписанными стремлениями и социально структурированными средствами их реализации» на вооружение берутся террористические методы противостояния доминирующей культуре, возникают экстремистские культуры, которые Ф.Ферраротти охарактеризовал, как «стимулирующие, оправдывающие, эстетизирующие насилие».

Технико-технологический фактор террористической деятельности в условиях научно-технического прогресса проявляется с одной стороны в возможности террористов использовать более мощные средства: ядерное, химическое и биологическое оружие, с другой стороны во всеобщей доступности носителей массовой информации, которые усиливают психологический прессинг террористов и бесплатно «рекламируют» их.

В рамках третьей группы причин – *микроуровня* – речь идет о лично-субъективных факторах, влияющих на терроризм.

Таким образом, вышеперечисленные макро-, мезо- и микропричины в настоящее время способствуют воспроизводству современного терроризма. Их следует принимать во внимание при построении эффективной модели противодействия террору.

Мы полагаем, что в условиях современности пагубно ожидание террористических актов и последующее реагирование на них путем применения комплекса мер по ликвидации и управлению кризисными ситуациями. Сегодня как никогда нужна политика, нацеленная на своевременное решение проблем, болезненной реакцией на которые может стать терроризм.

Эффективную систему противодействия терроризму можно построить только ликвидировав корневые социально-политические причины, обуславливающие терроризм и являющиеся питательной средой его роста. Ни увеличение расходов на безопасность (например, в России с 2002-2004 гг. они возросли с 190,4 млрд. руб. до 316,3 млрд. руб.), ни изменение структуры силовых ведомств, ни укрепление вертикали власти должного эффекта не принесут. Успех от мероприятий, проводимых вне данного контекста, будет кратковременным или нулевым.

Способствовать достижению подобной стратегической цели, а именно разрешать своевременно и по существу проблемы и противоречия, на которых спекулируют террористы, должны органы местного самоуправления, национальное правительство и соответствующие международные организации.

Наряду с регулятивными технологиями все большее значение приобретают превентивные процедуры, нацеленные на работу с потенциальными

ми, а не только с существующими проблемами и конфликтами; психолого-образовательная деятельность правительственных и неправительственных структур, касающаяся защиты населения от терроризма; совершенствование законодательной базы борьбы с терроризмом; создание единой базы данных о террористических организациях; сотрудничество населения и спецслужб.

Литература

1. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. – 1992. – № 4. – С. 91-96.
2. Ferrarotti F. L'ipnosi della violenza. – Milano, 1980. – P. 83.

Использование методов многомерного шкалирования при анализе социального самочувствия

Т.В. Измайлова

Самарский государственный университет

E-mail: lenin2000@front.ru

Изучение социальных явлений в настоящее время предусматривает активное использование математических методов. При анализе экспериментальных данных в социальных науках максимальная практическая польза достигается тогда, когда с помощью простых теоретических представлений удастся объяснить все разнообразие изучаемых данных [1]. Использование математических методов позволяет строго задавать теоретические представления, преобразовывать и исследовать экспериментальные данные.

МШ как метод опирается на весьма общую и распространенную идею, что наблюдаемые в эксперименте объекты можно адекватно описать (представить) точками в некотором теоретическом пространстве [1]. Поиск этого пространства осуществляется не по значениям самих характеризующих объекты признаков, а по данным представляющим различия или сходство этих объектов [2]. Использование методов МШ позволяет решать целый ряд прикладных задач: наглядное представление (визуализация) исходных данных, поиск и интерпретация латентных факторов, объясняющих расхождение между анализируемыми объектами, сжатие исходного массива данных с минимальными потерями их информативности.

В качестве иллюстрации возможностей и ограничений методов МШ в данной работе выступает анализ социального самочувствия восьми социальных групп, различающихся между собой по степени наличия в них богатства и власти. В ходе исследования были выделены признаки, влияющие на социальное самочувствие населения: самооценка профессионализма, опасения потерять работу, самооценка общественного признания, удовлетворенность материальным положением, удовлетворенность жизнью, беспокойство о завтрашнем дне, способность самостоятельно изме-

нить жизнь к лучшему, наличие качеств необходимых в современной России. Исходные данные были опубликованы в центральной печати [3].

Используя алгоритм метрического шкалирования Торнгенсона [2,4,5], была построена матрица различий, характеризующая меру непохожести анализируемых объектов. Для измерения расстояний между ними была введена тривиальная метрика Евклида. Методом главных компонент были вычислены координаты стимулов. По этим координатам анализируемые объекты были представлены в двумерном координатном пространстве, адекватно отображающем реальность. Далее был реализован алгоритм неметрического МШ [2,4,5]. После проведения стандартизации расстояний и оценок координат были вычислены отклонения теоретических от исходных данных. С помощью формулы Лингоса – Роскама были найдены новые (улучшенные) оценки координат. После двух итераций степень соответствия ранговых эмпирических и теоретических данных по стресс-формулам Краскала была признанной удовлетворительной.

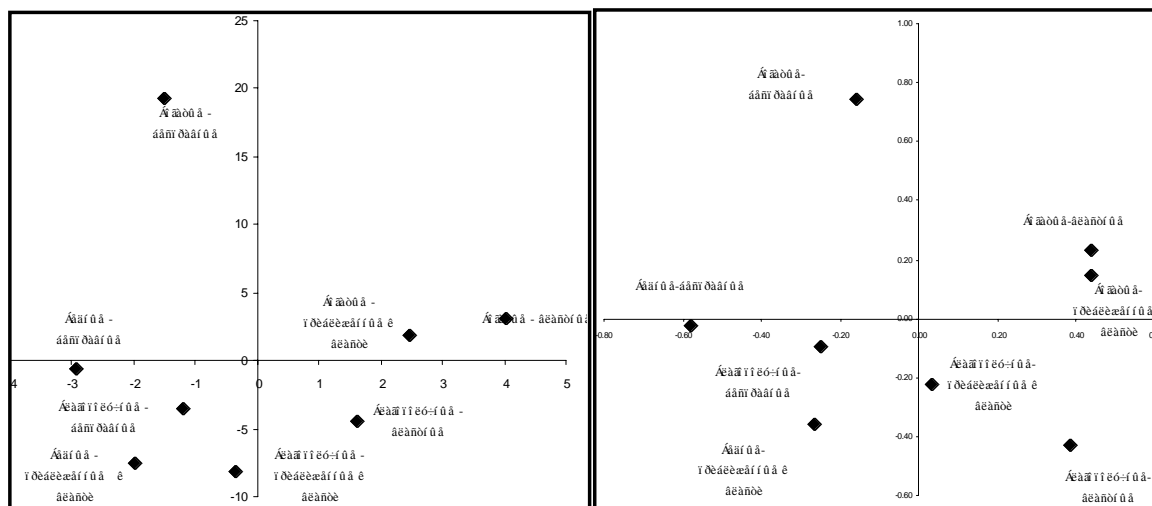

Рис. 1. Графическое представление координат стимулов: 1) метрическое МШ, 2) неметрическое МШ.

При анализе расположения точек в построенном координатном пространстве координатные оси были проинтерпретированы как субъективный и объективный факторы, влияющие на социальное самочувствие и определяющие расхождение между группами.

Ось X соответствует объективному фактору, влияющему на социальное самочувствие. К нему можно отнести образование, вид трудовой деятельности, материальный достаток и т.д. Т.е. под объективным фактором понимается наличие всевозможных, не зависящих от конкретного индивида обстоятельств и ситуаций в группе, обществе, в которых он может проявить свои личностные качества и способности.

Ось Y соответствует субъективному фактору, к которому можно отнести психологический склад личности, его самооценка, удовлетворенность жизнью, характеристики ценностно-мотивационной сферы, личностные амбиции.

Литература

1. Интерпретация и анализ данных в социологическом исследовании./ под ред. Андреенков В.Г.М.: Наука, 1987
2. Сошникова Л.А., Тимашевич В.Н., Уебе Г., Шефер М. Многомерный статистический анализ в экономике: Учеб. Пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999
3. Душацкий Л.Е. Материально-властные ресурсы россиян в самооценке и социальном самочувствии.// СОЦИС.2004.№4.с.64-71
4. Дэйвисон М. Многомерное шкалирование: методы наглядного представления данных/ Пер. с англ. М.: Финансы и статистика, 1988.
5. Клигер С.А., Косолапов М.С., Толстова Ю.Н. Шкалирование при сборе и анализе социологической информации. М.: Наука, 1978.

Реклама: способ воздействия на современное общество.

Л.Б. Иловайская

Волгоградский государственный университет

E-mail: loli13@yandex.ru

О рекламе так много пишется и говорится, что нам порой, кажется, что мы все о ней знаем. Мы не замечаем, как тонко мы подчинены рекламе. Рекламные сюжеты, слоганы, знаки, символика — все настолько просто, что не вызывает у нас никаких вопросов, а только оставляет в нашей памяти определенные образы, которые побуждают нас совершать то или иное действие.

Если придерживаться теории символического интеракционизма, то можно сказать, что восприятию индивидом смысла того или иного сообщения предшествует распознавание социального контекста, в рамках которого осуществляется коммуникация. Вне социального контекста отдельные высказывания или даже целые тексты могут иметь неопределенное значение либо восприниматься как бессмыслица. Для распознавания типа коммуникативной ситуации, которой соответствует рекламному используются многообразные «ключи» — знаки, которые более или менее тесно ассоциируются в данном сообществе с подобными ситуациями. В качестве таких знаков могут выступать лексика, прецедентные тексты (например, ритуальные цитирования в научных текстах), экстралингвистические средства, кинесика, проксемика.

Основное назначение многих произносимых фраз в рекламе — не описание положения вещей и не констатация фактов, а оказание воздействия на социальную реальность, а убеждение кого-то в чем-то, побуждение к совершению чего-либо (ярким примером может быть известный слоган: «Будущее за нами!»), просьбы, советы, предупреждения и т.д.. Воздействие рекламы оказывается эффективным в той мере, в какой рекламный текст, связывающий произнесение высказывания с достижением результата в определенной социальной ситуации, соответствует конвенци-

ям данного общества. Данное правило во многом зависит от статусных позиций и ролей участников рекламного взаимодействия.

Следует отметить, что в качестве параметров, определяющих эффективность рекламного воздействия в маркетинговых исследованиях используется три признака. Во-первых, так называемые «индексы социального статуса», характеризующие социальную «нагруженность» содержания рекламного текста, соотносящиеся с образом жизни определенного класса, этноса, половозрастной группы. Во-вторых, признаки-характеристики, свидетельствующие об институциональной принадлежности самого рекламного текста. Данные характеристики, по мнению Ж-Ф. Лиотара, можно определить как институциональные ограничения языковой игры: они обрывают возможные связи в коммуникативных сетях (есть вещи, о которых не принято говорить), отдают предпочтение некоторым классам высказываний (господство тех или иных классов высказываний характеризует дискурс определенной институции, например, господство команды в армии, молитвы в церкви, рассказа в семье, риторических вопросов в философии), определяют структуру текстов (соответствующие каноны задают различный состав и порядок следования частей для таких текстов, как проповедь, научный доклад, выпуск теленовостей). [4]. Третий класс социально обусловленных характеристик — это те признаки, которыми обладает реклама в силу принадлежности к конкретной ситуации (временной период, исторические события и т.д.).

Перечисленные характеристики могут рассматриваться в качестве индикаторов-носителей информации о социальном контексте того или иного рекламного сообщения они являются теми ориентирами, которые необходимы индивидам для распознавания и понимания рекламных текстов.

Важно отметить, что восприятие рекламного сообщения претерпевает трансформации и модификации под влиянием структуры знаний воспринимающего индивида. Для понимания механизмов рекламой коммуникации, важно учитывать, что восприятие рекламного сообщения связано с определенной конфигурацией ментальных структур воспринимающего субъекта. Эти структуры, получившие название «схем» («фреймов», «ментальных моделей»), представляют собой «упакованные блоки знаний, включающие информацию о том, как эти знания, информацию следует применять» [5]. По мнению Т. ван Дейка, в основе ментальных схем лежат не абстрактные знания о стереотипных событиях и ситуациях, а личностные представления носителей языка, аккумулирующие их предшествовавший индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции [5]. Информация, связанная с той или иной категорией, кодируется и заносится в память человека в соответствии типическими или нормальными ситуациями, которые используются для интерпретации этой категории. Изучение текстов различных социальных и культурных общностей позволяет воспроизвести те схемы, которые лежат в основе поведения и представлений людей, что помогает в дальнейшем создавать эффективную рекламу, которая воздействует на потребителя.

Литература

1. Дейян А., Реклама. «Сирин», 2002, с. 144.
2. Конечкая В. П., Социология коммуникации. М., 1997, с. 304.
3. Лиотар Жан-Франсуа, Состояние постмодерна. «Алетейя», 1998, с. 160.
4. Маньковская Н. Б., Эстетика постмодернизма. «Алетейя», 2000, с. 347с.
5. Ученова В. В., Философия рекламы. М., 2003, с. 208

Социальный портрет ребенка-бродяжки (на примере Орловской области).**Ю.В. Ильина***Орловский государственный университет**E-mail: abasha@list.ru*

Феномен бродяжничества детей и подростков в России не такое новое явление нашей современной жизни, как может показаться на первый взгляд. В истории нашей страны было не мало трагических событий, одним из последствий которых становилось увеличение количества детей – бродяжек.

Социально-экономический кризис в России, ухудшение уровня жизни населения, нарастание социальной напряженности значительно обострили проблему социального положения семей с несовершеннолетними детьми. Нестабильность политической, социально-экономической жизни значительно расширили спектр факторов, активно стимулирующих детскую безнадзорность, беспризорность, бродяжничество.

Цель нашего исследования – составить портрет среднестатистического ребенка – бродяжки Орловского региона.

По результатам исследования можно выделить следующие основные черты социального портрета ребенка-бродяжки:

1. Средний возраст детей данной категории в Орловском регионе – 13-14 лет. Из них 78% -мальчики, 22 % -девочки.

2. По своим характерологическим особенностям они не отличаются от среднестатистического ребенка той же категории по России: «он напоминает воспитанника детского дома: его отличают неразрывность эмоциональной сферы, задержка психического развития, неустойчивость внимания... Уличный ребенок – обычно ласковый, стремится к взрослому, желающий иметь эмоциональный контакт. Испытывал муки одиночества, он хочет вернуться в общество... Его отличают такие качества как гибкость ума, быстрота реакции, жесткость принимаемых решений, острота мышления на бытовом уровне, они творческие и находчивые, способные объединяться перед опасностью. Они хорошие психологи и великолепно разбираются во взрослых, обладают высокими коммуникативными способностями, и в основном, предвидят результат.» (С.А. Расчетина).

3. Наблюдается следующая представленность детей – бродяжек в Орловском регионе:

по типам: – оседлые (47 %, т.е. живут на одном и том же месте по несколько месяцев);

– сезонные (1% ездят на заработки в Орловскую область).

– кочующие (39%, смысл существования таких детей – бродить по всему

СНГ в поисках хлебных мест, в зависимости от времени года)

– случайные (11%, которые волей судьбы оказались в Орловском крае)

– семейные (2% бродяжничают вместе с родителями, братьями и сестрами).

4. Отсутствуют общие закономерности во внешнем облике ребенка – бродяжки. В основном он зависит от его возраста, стажа кочевой жизни и от «профессии». Те, кто побрираются, предпочитают одеваться жалостливее и не мыться, за собой смотрят. Ходить с длинными ногтями считается не совсем приличным, поэтому их обкусывают. Они умываются достаточно часто и иногда моют голову.

5. Любимая еда – «Сникерс», «Марс», мороженое и «Пепси». На это им денег не жалко. Питаться предпочитают в одиночку, покупать продукты в дальнем киоске, чтобы никто не мог сопоставить съеденное с той суммой, которая, возможно, осталась. Суп эти дети и подростки почти не едят, не потому что не любят, а потому что его в случае опасности с собой не унесёшь.

6. 98 % несовершеннолетних страдают различного рода патологиями и хроническими заболеваниями. Это усугубляется тем фактом, что 100% – регулярно употребляют алкоголь, полинаркотики, ведут распущенную половую жизнь в среднем с 12 лет.

Таким образом, тяжелое социально-экономическое положение спровоцировало новую волну бродяжничества среди детей и подростков в России. По данным только Орловского региона их зафиксировано около двух тысяч, а, сколько их реально – сказать трудно. У кого-то из них нет родителей. У других родители потеряли жилье и сами являются бродягами. Причины бродяжничества различны, но результат общий – дети вынуждены месяцами и годами жить в местах не предназначенных человеческого жилья, не имея нормального питания, не получая образования. И как правило они попадают в криминальную среду, где живут и воспитываются по ее законам.

Штрихи к концепции личности по Георгу Зиммелю

М.Ю. Казачков

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

E-mail: minnka@picem.net

1. Понятие и структура личности у Г.Зиммеля.

Личность в представлении Г.Зиммеля – сложное явление. Ее содержание составляет совокупность протекающих в индивидах душевных (психологических) процессов, которые образуют сложную структуру. Все, что наличествует в индивидах в виде этих процессов, можно разделить на две

сферы: несознательную и сознательную. В несознательной сфере протекают неосознаваемые психологические процессы. В сознательной — осознаваемые психологические процессы.

Взаимодействие этих содержательных элементов образует личность индивида и определяет его бытие. Причем каждый элемент этого содержания находится в постоянном взаимодействии с другими элементами. Именно это взаимодействие делает личность единством и является необходимым условием её существования [2]. В то же время, рассматриваемые психологические процессы являются материей обобществления, то есть они — исток и основа человеческих взаимодействий. Эти процессы проявляются в жизни в различных формах, образующих две сферы существования личности: социальную (воплощается во взаимодействии) и несоциальную (воплощается в других формах бытия). Для социологического изучения душевные процессы интересны именно в контексте обобществления, т.е. в контексте образования личностями общества, в котором эти процессы находят своё воплощение [3].

Таким образом, человек существует одновременно в обществе (для него) и вне общества (для себя). Бытие личности, с одной стороны, социально, а с другой, — не социально, причем социально и не социально одновременно [1]. При этом осуществляется синтез двух взаимопротивоположностей: личность — продукт и часть общества и одновременно центр своей собственной жизни. Поэтому основной формой существования индивида является противостояние любому порядку, в который он встроен. Вместе с тем человек способен синтезировать противоположности в единство. Это ключевая особенность мышления, которая делает возможным существование общества.

2. Место личности в обществе по Г.Зиммелю.

В каждой отдельной личности заложен определенный набор качеств, которые необходимы для выполнения той или иной функции и достижения того или иного результата. Эти функции и результаты зависят от места, занимаемого личностью в обществе. Поэтому каждая личность должна занимать «свое» место на основе соответствия тех качеств, которые ей присущи, и того результата, который она может произвести, обладая именно этими качествами.

Общество, по Г.Зиммелю, можно представить как упорядоченную совокупность мест. Для решения вопроса о месте и значении индивида в обществе привлекается принцип гармонии между индивидом и социальным целым. При этом индивид должен следовать императиву: «искать свое место, куда не найдешь», а общество, в свою очередь, каким-то образом (каким именно, Г.Зиммель не уточняет) подстраивается под цели отдельных личностей [1].

3. Особенности межличностных взаимоотношений у Г.Зиммеля.

Принцип гармонии у Г.Зиммеля — необходимое условие существования общества. И если бы этот принцип не был реализован, общество

было бы невозможно. Однако гармония не есть идиллия, а принцип гармонии не предполагает всеобщей любви и симпатии между людьми.

Это соответственно проявляется в межличностных отношениях. В них, по Г. Зиммелю, важнейшую роль играет врожденное стремление человека к враждебности, которое проявляется благодаря разнородности интересов отдельных личностей и общества. Однако это стремление существует наряду с потребностью в симпатии, также присущей человеку от природы. Два этих стремления в значительной мере определяют характер межличностных отношений, причем ни одно из них не может быть единственным и всеобъемлющим компонентом в поведении индивида [4].

Таким образом, под гармонией понимается скорее «соразмерность» сил, действующих в обществе, некий компромисс между ними, нежели идиллия и всеобщее взаимопонимание. Поэтому существуют различные формы межличностных взаимоотношений, которые возникают в ходе поиска личностями «своих» мест в структуре общества.

Литература

1. Зиммель Г., «Как возможно общество?» // Зиммель Г. Избранное в 2-х томах. Т.2. Созерцание жизни. М., 1996, С.509 – 526.
2. Зиммель Г., «Личность Бога» // Зиммель Г. Избранное в 2-х томах. Т.1. Культура. М., 1996, С.636 – 650.
3. Зиммель Г., «Проблема социологии» // Западноевропейская социология XIX – начала XX в.в. М., 1996, С.415 –436.
4. Зиммель Г., «Человек как враг» // Зиммель Г. Избранное в 2-х томах. Т.2. Созерцание жизни. М., 1996, С.500 – 508.

Социальная среда детей с ограниченными возможностями здоровья: проблемы социальной интеграции

И.Б. Кантемирова

Кубанский государственный университет

E-mail: inusya_soc@rambler.ru

В связи с актуализацией проблем детской инвалидности, исследовательская группа Кубанского государственного университета уже в течение трех лет занимается изучением проблем инвалидности в российском обществе, в том числе и проблем детской инвалидности на примере города Краснодара.

До настоящего времени практика работы с детьми-инвалидами заключалась в осуществлении медицинской реабилитации, протезировании и педагогической работе в условиях интернатов и специализированных реабилитационных центров.

Важной проблемой детей из специализированных учреждений (специализированных школ, интернатов, детских домов) является ограниченность круга общения своими сверстниками, обучающимися в этом же и подобных учреждениях, а, следовательно, ограниченность возможностей адаптации в «мире полноценных». Приоритетными задачами в решении

проблем адаптации и интеграции детей и подростков с ограниченными возможностями в общество являются получение профессионального образования и дальнейшее трудоустройство, создание системы трансляции специальной информации для инвалидов, разрешение бытовых трудностей. Многие из перечисленных аспектов напрямую зависят от непригодности градостроительной среды для перемещений и ориентации различных групп инвалидов в пространстве.

По итогам исследования выявлено, что детям и подросткам с ограниченными возможностями недостает положительных эмоций от общения с различными видами искусства и массовой культуры: посещение театров, цирков, молодежных развлекательных центров. Зачастую их культурно-досуговая сфера ограничена редкими благотворительными спектаклями или участием в художественной самодеятельности в стенах специализированного учебного учреждения.

Ограниченность культурно-досуговой сферы и социального взаимодействия (общения) со здоровыми сверстниками снижает шансы на успех социальной адаптации и интеграции во взрослой жизни, что усугубляется сформированными в обществе представлениями о неполноценности и профессиональной непригодности людей с ограниченными возможностями здоровья.

На основании результатов проведенного исследования среди школьников города Краснодара установлено, что учащиеся 9 – 11 классов демонстрируют в своем поведении не только негативные стороны отношения к детям с ограниченными возможностями здоровья, но и имеют определенные, зачастую подсознательные, позитивные установки. Негативное отношение проявляется в первую очередь в существовании различных «кличек» унижающего характера. Выявленные позитивные установки подтверждают, что в сознании учащихся сформирован определенный уровень толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями. Установки на принятие и непринятие одноклассниками инвалида в свою социальную среду характеризуются достаточно высоким показателем, что соответствует в среднем 4 баллам по пятибалльной шкале («1» – абсолютно не готов, «5» – полностью готов) желания и готовности принять ребенка-инвалида в качестве одноклассника. Такой положительный результат в свою очередь связан с определенным уровнем ожиданий класса в отношении «новичка». Включение нетипичного ребенка в среду устоявшейся социальной группы – класса, с его внутренней субкультурой, требует от ребенка с инвалидностью приложения собственных усилий с целью максимальной интеграции в среду своих сверстников, что предполагает обязательное усвоение норм и традиций, сложившихся в данном коллективе.

Результаты опроса экспертов подтверждают, что существует положительное и отрицательное влияние как специализированных образовательных, так и общеобразовательных учреждений на процесс интеграции детей-инвалидов в общество. Положительное влияние специализирован-

ных учреждений в первую очередь связано с комплексным подходом к программам адаптации и реабилитации учеников (медицинской, социально-бытовой, психологической и социально-профессиональной). Положительное же воздействие общеобразовательных школ связано, прежде всего, с получением опыта и навыков общения со здоровыми сверстниками, а также с приобретением опыта социальной деятельности в постоянно меняющейся среде «мира здоровых».

С одной стороны, российское общество к настоящему времени не достигло оптимального уровня материально-технической готовности общественных учреждений и социальной инфраструктуры, необходимого для максимальной интеграции людей с ограниченными возможностями в общество. С другой стороны, значительная часть самих инвалидов не готова к глубокой интеграции в общество – его профессионально-трудовую и культурно-досуговую среду. Такая неподготовленность связана с ограниченностью их опыта социальной деятельности и навыков коммуникации в среде людей, не имеющих ограничений жизнедеятельности.

Литература

1. Кастельс М. Информационная эпоха. М., 2000, с.351
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999, с.180

Сравнительный анализ факторов аддиктивного поведения старшекласников и безнадзорных несовершеннолетних (13-17 лет)

Т.Е. Киселева

Орловский государственный университет

E-mail: abasha@list.ru

На сегодняшний день неблагополучие семьи явилось мощным фактором роста детской безнадзорности и беспризорности в России. Это приводит к различным родам зависимости у несовершеннолетних, т.е. к аддиктивному поведению: наркомании, токсикомании, табакокурению, алкоголизму, компьютерной (интернет) зависимости. Эти примеры саморазрушающего поведения не только угрожают здоровью подрастающего поколения, но и влияют на национальную безопасность России в целом.

Цель нашего исследования – изучение взаимосвязи между факторами аддиктивного поведения у старшекласников и подростков – безнадзорников (13-17 лет). Мы предположили, что уровень аддикции у подростков – безнадзорников выше, чем у несовершеннолетних того же возраста в условиях общеобразовательного учреждения.

Основные методы исследования: интервьюирование, наблюдение и «Методика изучения личности дезадаптированного подростка и его ближайшего окружения», предложенная Ю.А. Клейбергом. В качестве респондентов выступили воспитанники Областного социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних (ОСРЦН) и учащиеся 9-х классов лицея № 18 г. Орла.

Изучаемые факторы аддиктивного поведения нами были разбиты в следующие структурные блоки:

- самооценка собственного здоровья;
- учебная деятельность;
- детско-родительские отношения;
- индивидуальные жизненные перспективы;
- взаимоотношения со сверстниками;
- уровень саморефлексии;
- отношение к здоровому образу жизни.

По результатам проведенного исследования можно говорить о следующих тенденциях:

1. Категория подростков – безнадзорников оценивают свое здоровье слабее, чем их сверстники из лицея №18. Так, 40% воспитанников ОСРЦН имеют хронические заболевания и разного рода патологии, что говорит об отсутствии адаптации к современным условиям.

2. Учебная деятельность, как сфера реализации своих склонностей и способностей, у подростков – безнадзорников оказывается полностью вытесненной (80 % равнодушны к учёбе), между тем как 70% лицеистов оценивают свои успехи в учёбе как хорошие.

3. Интересно, что 50% безнадзорников оценивают свои отношения в семье как конфликтные, по сравнению с 10-ю % учащихся лицея №18.

Т.о. мы что видим, два важнейших института – семья и школа, негативно влияют на процессы социализации подростков, что приводит к безнадзорности и бродяжничеству, а также несформированности социально – приемлемых форм поведения по отношению к себе и своему здоровью.

4. Говоря об индивидуальных жизненных перспективах – процентное соотношение совпадает (70% ребят имеют интересы развлекательного характера и лишь 30% имеют глубокие интересы). Таковы особенности подросткового возраста.

5. Подростки – безнадзорники наиболее ждут одобрения их поведения со стороны сверстников, нежели учащиеся – лицеисты (70% из них равнодушны к коллективу своих сверстников). Отсюда следует, что у безнадзорных детей более высок процент попадания не только в зависимость от психоактивных веществ, алкоголя, табака, но и стать жертвой насилия, различного рода преступных деяний и т.д.

6. Интересно, что на период проведения исследования, 100% подростков – безнадзорников в возрасте 13-17 лет регулярно курили (в среднем 7-8 сигарет в день) и употребляли алкоголь, между тем как 70% их сверстников из лицея № 18 принципиально отказывались от такого поведения по отношению к своему здоровью.

В целом нами были сделаны следующие выводы:

– состояние здоровья детей, находящихся в ОСРЦН характеризуется наличием патологий и хронических заболеваний (генетический (наследственный) фактор формирования аддикции).

– вытеснение из сфер воздействия таких основных социальных институтов как семья и школа, является отражением преобладания социального фактора аддиктивного поведения. Подросток – безнадзорник предоставлен «сам себе» в криминальных и маргинальных условиях уличной среды.

– безнадзорные подростки более подвержены внешнему влиянию, чем их сверстники, что является психологическим фактором формирования аддикций.

Позиционный и ролевой анализ как способ описания и моделирования свойств социальной сети

Е.И. Князева

Белорусский государственный университет, Белоруссия

E-mail: katrinknyazeva@tut.by

Методы позиционного и ролевого анализа представляют собой процедуру анализа структурного сходства акторов и обеспечивают исследователя инструментами для идентификации ролей и позиций, нахождения их среди множества отношений существующих в сети. Представители данного подхода (С. Нэйдел, Ф. Лоррейн, Г. Уайт, П. Паттисон и др.), как правило, используют термин «социальная позиция» в качестве аналога социальному статусу, определяя его как основную позицию во взаимоотношениях. Позиция рассматривается ими как множество неразличимых акторов, сходных в социальной активности, связях, или взаимодействиях, относительно акторов с другими позициями, причем им совсем необязательно иметь какие бы то ни было отношения друг с другом. Понятие социальной роли, в свою очередь, характеризует тип отношений между акторами или между позициями, которые они занимают.

Сходство акторов сети описывается таким формальным математическим свойством акторов как эквивалентность. Отметим, что нахождение данного свойства является центральным моментом практически всех методов позиционного и ролевого анализа. Согласно определению структурной эквивалентности (structural equivalence), акторы эквивалентны тогда, когда они занимают одинаковые позиции в социальной структуре, т. е. когда эквивалентны структура и тип взаимодействий данных акторов с другими.

Этапы позиционного анализа включают в себя: 1) формальное определение эквивалентности, т. е. математических условий, исходя из которых мы будем считать акторов эквивалентными (расстояние Евклида, корреляции); 2) нахождение определенного количества эквивалентных акторов в данной сети; 3) репрезентация эквивалентных акторов с использованием графов, матриц и блокмоделей (данная репрезентация осуществляется так же с помощью иерархической кластеризации и многомерного шкалирования); 4) определение адекватности репрезентации.

Определение структурной эквивалентности является довольно строгим, так что в чистом виде она встречается относительно редко (особен-

но в больших сетях). С целью ослабления данного ограничения исследователи, во-первых, обычно измеряют не наличие или отсутствие данного свойства, а его меру, степень выраженности, во-вторых, в ролевом анализе существует несколько более универсальных подходов, в частности, нахождение автоморфной (automorphic) и регулярной (regular) эквивалентности. Актеры являются автоморфно эквивалентными, если мы можем поменять их местами таким образом, что данный обмен не повлияет существенно на расстояния всех акторов в сети. То есть структурно эквивалентные акторы можно (теоретически) заменить друг на друга без особых последствий. Автоморфная эквивалентность предполагает, что можно поменять местами целые подструктуры сети. Концепция регулярной эквивалентности наиболее близка к социологической концепции социальной роли. В этом случае акторы эквивалентны, когда они одинаковым образом взаимодействуют с актерами одного типа, то есть в данном случае большинство социальных ролей определяется взаимозависимо, например, начальник — подчиненный, мужчина — женщина, муж — жена и др.

Каждый из трех данных уровней позиционного анализа является менее формальным, чем предыдущий. То есть структурно эквивалентные акторы могут быть как автоморфно эквивалентны, так и регулярно эквивалентны. Любые автоморфно эквивалентные акторы могут быть регулярно эквивалентными. Но далеко не все регулярно эквивалентные акторы являются структурно или автоморфно эквивалентными.

Таким образом, данная группа методов анализа социальных сетей, оптимально сочетающая в себе формальные и теоретические аспекты, представляет собой эффективный инструмент для определения сетевых ролей и позиций. Характерной особенностью, отличающих их от традиционных методов анализа социологической информации, является то, что с их помощью возможно не только описание, но и моделирование свойств отдельных акторов с помощью интегральных и глобальных свойств сети и наоборот.

**Социологический анализ социальной напряженности в период внедрения
организационных нововведений
(на примере пищевых предприятий Липецкой области)**

Н.М. Кобзева

*Филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института в
г. Липецке*

E-mail: kobzeva_nm@inbox.ru

В настоящее время практически все российские предприятия сталкиваются в своей деятельности с процессом нововведений и, как следствие, с возникающей социальной напряженностью. Для того, чтобы менеджеры организаций более эффективно могли управлять подобными ситуациями, автором была разработана математическая модель диагностики и прогнозирования, основанная на графе состояний латентных инноваци-

онных конфликтов, его математической модели и прогнозной функции [3]. Но имеющиеся вторичные данные [1, 2], входящие в область нашего исследования, не позволяли полностью рассчитать построенную модель.

С целью решения указанной проблемы автором было проведено социологическое. В качестве объекта исследования выступала социальная напряженность в коллективах пищевых предприятий Липецкой области, которая была вызвана внедрением нововведений на различных уровнях системы управления. Предмет исследования – вероятностные оценки состояний социальной напряженности.

Анализ факторов внешней среды включал в себя оценку уровня социально-экономического развития Липецкой области, состояния рынка труда, специфики пищевой промышленности, динамику и перспективы развития изучаемых предприятий. В результате было установлено, что факторы внешней среды оказывают косвенное влияние на уровень конфликтности внутрифирменных отношений.

Генеральная и выборочная совокупности исследования составляют соответственно $N=718$ и $n=374$ человек на семи пищевых предприятиях Липецкой области. Анализ сферы трудовой деятельности работников пищевых предприятий Липецкой области, участвовавших в опросе, показал, что 130 человек можно отнести к производственной, 120 человек – к финансово-экономической и 124 человека – к маркетинговой сфере трудовой деятельности. По официальному статусу респондентов выборочная совокупность включает в себя 227 сотрудников низкого уровня управления, 104 сотрудника среднего уровня управления и 43 сотрудника высшего уровня управления, что составляет 60,7%, 27,8% и 11,5% от общего числа опрошенных.

Оценка организационной структуры показала, что преобладающим ее типом является функциональная структура управления (6 из 7 пищевых предприятий). Исследование организационного поведения производилось с использованием социокультурной управленческой модели Ю.Д. Красовского [5]. Экспертная оценка сегментов организационного поведения позволила определить, что основным видом сформированных управленческих команд на пищевых предприятиях Липецкой области на данном этапе являются «свои» и «управленческий клан». Это соответствует экономическому и технологическому типам организационного поведения. На основании этого был сделан вывод о преобладании пресингового и ригористического сегментов в поведении персонала.

Исходя полученных нами данных по проблеме исследования можно сказать следующее. Если внутриорганизационные изменения затрагивают средний уровень управления то вероятность возникновения социальной напряженности составляет в случае внедрения радикальных нововведений составляет 35%, комбинаторных нововведений – 10% и модифицирующих нововведений – 2%, а вероятность предупреждения инновационных конфликтов равна соответственно 65%, 90% и 98%. Следовательно, что чем ниже уровень управления, на котором внедряется нововведе-

ние, тем ниже вероятность возникновения открытых инновационных конфликтов в коллективе предприятия.

В заключении хотелось бы отметить, что разработанная автором прогностическая модель представляет собой действенный инструмент диагностики и прогнозирования латентных инновационных конфликтов в системе внутрифирменных отношений, который позволяет:

1. количественно оценить уровень конфликтности внутрифирменных отношений в период внедрения внутриорганизационных нововведений;

2. выявить состояние (фазу) развития латентных инновационных конфликтов;

3. прогнозировать динамику внутрифирменных отношений в условиях инновационных конфликтов на латентном этапе их развития;

4. получать вероятностные значения достижения целей управления инновационными конфликтами в системе внутрифирменных отношений;

5. повысить степень информационной обеспеченности руководителей, минимизируя при этом уровень неопределенности и риска принятия нецелесообразного управленческого решения.

Литература

1. Анцупов А.Я. Шипилов А.Я. Конфликтология: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 2000.

2. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Уч. пособие для студентов высших учебных заведений. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 1996.

3. Кобзева Н.М. Управление внутрифирменными отношениями в условиях инновационных конфликтов: Автореферат канд. социол. наук. Липецк: ЛГПУ, 2003.

4. Кравченко А.И. Социология: Учебник. М.: ТК Велби, Изд-во «Прспект», 2004.

5. Красовский Ю.Д. Организационное поведение: Уч. пособие для вузов. М.: ЮНИТИ, 1999.

6. Мотышина М.С. Методы социально-экономического прогнозирования: Учебное пособие. СПб.: СПбУЭФ, 1994.

Институционализация физической культуры и спорта в современных условиях

С.И. Копытова

Пермский государственный университет

E-mail: s-kopytova@yandex.ru

Ты, человек, можешь сделать для своего здоровья и благополучия больше, чем любой врач, любая больница, любое лекарство, любое медицинское средство.

Дж. Калифано

В основе развития человека лежит его активная творческая деятельность. Культурный прогресс общества измеряется и определяется мас-

штабами создаваемой им человеческой личности. Интеграционные процессы развития общества, культуры просматриваются во взаимодействии человека с природной и социальной средой. Культивируя личность и социальную сферу, человек сознательно и, главным образом, бессознательно меняет природную среду (биосферу), частью которой является сам.

Ведущим фактором эволюции человека и всего человечества в современных условиях является состояние здоровья человека. Культура здоровья — «это степень совершенства, достигаемого в овладении теорией и практикой оптимизации жизнедеятельности человека, направленной на адекватную реализацию его генетического потенциала, укрепление и развитие резервных возможностей организма, с одной стороны, и оздоровление окружающей его биосоциальной среды — с другой, что в конечном итоге будет способствовать успешному выполнению функций индивида и прогрессу человечества в целом» [1]. Исследователи в области социальной медицины обращают внимание на то, что в цивилизованных странах больной теперь далеко не всегда рассматривается как жертва болезни. Всё большую популярность приобретает ориентация на то, что каждый должен быть ответственен сам за себя, в том числе, за своё здоровье. Здоровое тело — это определенного рода результат человеческой деятельности, свидетельство социальной адаптации индивида в обществе. Напротив, отсутствие такого тела весьма часто рассматривается как собственная вина человека, но не причина для сострадания со стороны общества. «Быть больным» всё чаще воспринимается как определенный образ жизни и особое место в обществе.

Физическая культура и спорт — основа здорового образа жизни, «это способ бытия человека в качестве социального существа, это система негенетически наследуемого социального опыта» [2]. С этой точки зрения физическая культура образует материальную и духовную среду, способствующую физическому и духовному формированию и совершенствованию человека. Но физическая культура — это не только область непосредственной работы с «телом», хотя именно телесно-двигательные качества человека являются предметом интереса в этой области. Как всякая сфера культуры, культура физическая — это, прежде всего, работа с духом человека, его внутренним, а не внешним миром. Она является естественным мостиком, позволяющим соединить социальное и биологическое в развитии человека. Более того, она является самым первым и базовым видом культуры, который формируется в человеке. Спорт — уникальный социальный институт развития, распространения и освоения культуры двигательной деятельности человека и человечества. Это социальное явление создало свою собственную структуру, специальную материальную базу, кадры, систему и принципы обучения и тренировки.

Для современного социума характерно понимание общественной и личной ценности феноменов физической культуры и спорта, важнейшую часть составляющих общей культуры общества. Физическая культура и спорт в

начале XXI в. – это мощные социальные феномены, способные формировать и преобразовывать как социальную реальность, так и личность.

Физическая культура и спорт в настоящее время, являясь современной мегасистемой, превратились в целую отрасль, и представляют собой особый социальный институт, наделенный соответствующими функциями. Средства физической культуры и спорта обладают универсальной способностью в комплексе решать проблемы здоровья населения и формирования здорового морально-психического климата в коллективах и в обществе в целом. Всемирно признано, что занятия физической культурой и спортом, являются средством поддержания и укрепления здоровья и профилактики различных заболеваний и вредных привычек. Физическая культура направлена на формирование индивидуальной и популяционной культуры здоровья.

Огромный социальный потенциал физической культуры и спорта необходимо в полной мере использовать на благо каждого человека, на благо процветания России, поскольку это наименее затратный и наиболее результативный рычаг морального и физического оздоровления нации. Не случайно все последние годы все чаще говорится о физической культуре не только как о самостоятельном социальном феномене, но и как об устойчивом качестве личности.

Физические упражнения, укрепление тела, поддержание формы, говоря в целом – культивирование спорта для рекреации стали жизненно важной частью нового образа жизни. Современная цивилизация превратила регулярные занятия физкультурой и распространение спорта среди масс в необходимость. Нет необходимости напоминать, что лучший вид деятельности – это деятельность, осуществляемая благодаря внутренним потребностям и убеждениям человека. Следовательно, идеальный инструмент обучения спорту – побуждение активности личности в соответствии с разделяемыми ей собственными стандартами.

Таким образом, физическая культура в современном понимании – феномен большей частью имеющий философско-социальное значение, нежели физиологическое, как это было ранее. Содержания ценностей физической культуры и спорта во многом совпадают. Тем не менее, следует учитывать их функциональные различия. Физическая культура возникает и развивается как один из первых и наиболее существенных способов социализации, а спорт – как средство и форма выявления социального признания высших способностей человека.

Литература

1. Бароненко В.А., Рапопорт Л.А. Здоровье и физическая культура студента. М., 2003, С.6.
2. Степанова О.Н. Маркетинг в сфере физической культуры и спорта. М., 2003, С.6.

Социальные представления о значных местах: семантика значности и история топосов в городском пространстве

М.С. Колесникова, О.В. Королевская
Самарский государственный университет
E-mail: king@mail.radiant.ru

Транзитивность современного российского общества поставила человека в условия конструирования иного социокультурного пространства, и, несмотря на устойчивость когнитивных и оценочных структур сознания, содержание представлений о социальном порядке также подвергается существенной трансформации. Однако, именно в силу этой устойчивости можно наблюдать ценностный «разрыв» в социальных представлениях разных возрастных групп: поколений, социализированных в условиях советского государства, и современников демократического российского государства. Один из примеров подобного разрыва можно наблюдать в маркировании городского пространства и объективации в нем представлений о городском пространстве в целом, так и об отдельных его местах, которые могут быть маркированы как «публичные», «приватные», «значные» и т.д., а также представлений об акторах, которые обладают контролем над этим пространством и принадлежат к определенным социально-экономическим, субкультурным или неформальным группам. Наряду с этим в содержание социальных представлений о городском пространстве входят и представления о практиках, осуществляемых в границах этих пространств. Отметим, что в транзитивном обществе происходит наделение старого физического пространства новыми социальными характеристиками, а, значит, возникают совершенно новые места («топосы») и соответствующие им практики поведения.

Однако здесь мы можем говорить не только о формировании совершенно нового пространства, но и о трансформации старых, уже существующих, а также практик, организованных этими пространствами. В любом городе существуют так называемые чистые пространственные «формы» (если пользоваться терминологией Г. Зиммеля), которые представляют собой определенную неизменяемую форму, наполняемую различным содержанием. Обрести форму, по Зиммелю, значит состояться в социальном пространстве в качестве некоего феномена – сообщества, института и т.п. Если содержание, обыденная семантика явления увязывает его с его происхождением и контекстом, то форма отграничивает и делает самим собой. Следуя Зиммелю, могут изменяться границы пространства, его внешнее и внутреннее пространство; могут меняться ценности, установки участников тех или иных топосов в городском пространстве, их принадлежность к определенным группам, функции и т.д. Однако сами места остаются. К числу таких мест относятся и значные места.

Пытаясь определить понятие значности и, далее, значного места мы сталкиваемся с необходимостью создания семантического поля понятия. Говоря о том, что городское пространство суть отражение пространства социального, мы можем создать семантическое поле через изучение со-

циальных представлений. Социальные представления здесь, сеть понятий, утверждений и объяснений, рождающихся в повседневной жизни в ходе межличностных коммуникаций. Это та социальная призма, через которую воспринимается (предстаёт) социальная реальность.

Проведенное автором зондажное исследование показало, что существует различие в социальных представлениях о значности и значных местах у старшего поколения, активная социализация которого проходила в советский период, и у той части населения, которая относится к группе молодежи. Если в советское время, к значным местам относили кинотеатры, танцплощадки, пивные, клубы и т.д., то сейчас же семантическое поле слова «значный» включает в себя следующие характеристики: «кутёж», «разврат», «удовольствия за деньги», «развлечения», «там, где страшно», «сытное место», «там, где обманывают» и т.д. На основе созданного семантического пространства понятия «значный», были выделены основные характеристики значных мест, их локализация в городском пространстве.

В ходе исследования выяснилось, что в исследуемых поколенческих группах существуют различия не только в определении слова «значный», что проявляется в существовании двух отличных семантических полей. «Карты значных мест» у старшего и молодого поколений зачастую накладываются друг на друга, то есть топосы обладают своей историей и памятью (память места). Однако эти две возрастные группы маркируют в качестве значных разные зоны города. Возможно различия в географии городских значных мест связаны с динамикой, изменениями социальных представлений, с мифологией и легендами о городских значных топосах, со сменой акторов и носителей представлений. Другой причиной, объясняющей изменение географии значных мест – внутренних и внешних границ – является изменение их функций, а, следовательно, и конструируемого этими местами социального пространства. Так, например, представители старшего поколения маркируют один из выделенных объектов изучения как место, где в советское время собирались гомосексуалисты, в молодежной группе отмечалось, что в настоящее время исследуемый топос является местом встречи неформальных стилевых молодежных групп.

Жизненный стиль различных групп среднего класса России

А.Н. Колесняк

Тверской государственной университет

E-mail: akolesnyak@mail.ru

Новые типы расслоения и дифференциации российского общества актуализируют социальный заказ на систематизацию и переосмысление теоретических и методологических подходов относительно различных интерпретаций практик социальных групп. Наиболее интересной для изучения представляется структура российского среднего класса.

Гетерогенность среднего класса в любом обществе является следствием неравного доступа к ресурсам входящих в него групп. Кроме того,

представители среднего класса придают разное значение экономическим, культурным и социальным капиталам, поэтому следует признать расхождение между критериями объективного наблюдения и критериями идентификации. В этой связи использование субъективного подхода самоидентификации с той или иной социальной группой не позволяет выявить структурную композицию такого социального образования как российский средний класс.

В этой ситуации представляется целесообразным провести анализ разнообразных повседневных практик представителей среднего класса с точки зрения различий в их жизненных стилях. Широко распространено понимание стиля жизни как относительно устойчивого образца организации повседневной жизни в рамках заданной жизненной ситуации с учетом доступных ресурсов. На выбор того или иного жизненного стиля оказывает влияние ряд факторов: культурный и материальный капитал родителей, уровень полученного образования, профессиональный статус и личный доход. Кроме того, теоретическими основаниями для развития стилевого анализа российского среднего класса стали идеи постмодернистской фрагментации социального пространства, риска, глобализации и индивидуализации.

Принципиальным преимуществом анализа стиля жизни можно назвать то, что он дает возможность понять культурный аспект социального устройства и, следовательно, связать разнообразие форм организации жизни с вертикальной и горизонтальной социальной стратификацией, адекватно отражая сложную сеть распределения и отношений в современных структурах неравенства. Подход, опирающийся на анализ жизненных стилей, представляется более гибким и реагирующим на многие нюансы формирования идентичности представителей групп среднего класса.

На самом деле невозможно сказать окончательно является ли доступ к материальным ресурсам, как принято считать, доминирующим признаком в структурировании среднего класса в России. В этом смысле перспективны иные точки зрения, признающие классовую структуру общества и в то же время позволяющие уточнить представления об этой структуре. Поскольку, культура играет все большую роль в воспроизводстве социальной структуры, она независимо от социально-экономической матрицы принимает на себя роль структурирующего агента.

В таком случае не исключается, что при изучении жизненных стилей различных групп среднего класса России можно обнаружить, что процесс его трансформации в структурную группу основан не только на вертикальном, но скорее на горизонтальном членении. Прикладные исследования позволят выявить признаки данной дифференциации.

**Методологические основы исследования протестантского сектантства
в свете концепции жизненных сил человека и общества.**

А.А. Короткова

Алтайский государственный университет

E-mail: basic_sf@socio.asu.ru

На современном этапе развития Алтайский край является многоконфессиональной территорией. В регионе на сегодняшний день зарегистрированы более 249 религиозных объединений, являющихся представительствами 21-го конфессионального направления. Особый интерес вызывают протестантские секты, т.к. в последние годы можно наблюдать рост интереса среди населения к этим религиозным организациям. Важно понять, в чем состоит причина успеха протестантизма в обществе с глубокими православными традициями.

Социология как мультипарадигмальная наука дает возможность применения концепции жизненных сил человека и общества для исследования религиозных сообществ в целом, и протестантского сектантства в частности.

Для социального знания характерно исследовать социальные аспекты религий, нередко абстрагируясь от вероисповедальных различий. Религия рассматривается как некий специфический социальный феномен, имеющий определенные функции в обществе, которые инвариантны по отношению к конфессиям. Для анализа протестантского сектантства в современном российском обществе, нам, кажется, более целесообразно обратить внимание на внутреннее содержание этой религии, формы ее существования, отношения к изменениям, происходящим в обществе. Такой подход может помочь более точно определить социокультурный статус этих религиозных объединений, и их роль в становлении нового российского общества.

Применение концепции жизненных сил в области социологии религии дает возможность посмотреть на религию не только как на социальный институт или рассмотреть отдельные социально-психологические аспекты религиозной практики, а проанализировать сектантство, прежде всего как социальное явление, не исключая из схемы исследования человека во всем многообразии его внутренних, индивидуальных характеристик.

В этом случае, центральными понятиями, требующими анализа и адекватного толкования, будут выступать «социальная» и «индивидуальная» субъектность.

Не раскрывая подробно суть этих терминов, они являются традиционными для этой теории и хорошо описаны в литературе, хотелось бы отметить, что «социальная» и «индивидуальная» субъектность это генетически взаимосвязанные термины, не мыслимые один без другого. Человек, реализует свою индивидуальную субъектность, свои внутренние потенции в социальной сфере, т.е. социальная субъектность есть результат развития и воплощения индивидуальной субъектности. Именно через соотношение этих двух понятий, сведенных до уровня эмпирических индикаторов, появляется возможность оценить жизненные силы того или ино-

го социального субъекта, в нашем случае такого явления как протестантское сектантство. Религия та сфера деятельности человека, где внутренние мотивы и стимулы играют центральную, организующую роль, а следовательно для того чтобы понять протестантское сектантство как социальный феномен, необходимо обратиться к внутреннему миру каждого отдельного верующего, а так же к тем формам социального самовыражения которые он выбирает.

Кроме того, в рамках данного подхода можно подойти к эмпирической интерпретации понятия «жизненные силы религиозных сообществ». Выявить основной набор признаков и индикаторов, необходимых для получения объективной информации о процессах, происходящих в социо – культурном пространстве России (имеется в виду догмы, идеологические положения, социально-религиозные взгляды, ценностные ориентации, а так же конкретное поведение верующих в политическом и экономическом пространстве общества). Это очень важно, поскольку объект изучения таков, что существует опасность абстрагирования от конкретной социально-религиозной действительности и перехода в область неверифицируемых философских рассуждений.

Таким образом, для определения социокультурного статуса протестантского сектантства, анализа основных тенденций его развития, выявления роли в изменениях, происходящих в обществе, может быть использована концепция жизненных сил. Данная социологическая теория в методологическом плане открывает новые грани исследования протестантских сект в современном российском обществе, позволяет оценить проблемы и перспективы распространения этого религиозного явления на территории России.

Литература

1. Григорьев С.И. Социологический витализм: от метафоры к концепции. М., 2003.
2. Вебер М. Хозяйственная этика мировых религий // Избранное. Образ общества. М., 1994.
3. Религиоведение. Учебное пособие и учебный словарь-минимум по религиоведению. М., 1998.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произведения. 1990

Российский лоббизм в США

С.С. Костяев

Институт США и Канады РАН

E-mail: kostyaevss@yahoo.com

Влияние зарубежных лобби в США трудно переоценить. Оно настолько значительно, что теоретики внешней политики США всерьез говорят об угрозе национальным интересам Америки со стороны разнообразных групп, отстаивающих иностранные интересы. Под вопрос ставится госу-

дарственная идентичность внешнеполитического курса. По данным министерства юстиции США в 2000 г. на первом месте по объему лоббистских расходов была Япония — 51 млн. долл., на втором Франция — 40 млн., на третьем Багамские острова — 31 млн. В 2003 г. ведущими торговыми партнерами США были: Канада — 393 млрд. долл., Мексика — 235 млрд., Китай — 180 млрд., Япония — 170 млрд. Россия в этом списке 30-я — 11,0 млрд. после Нигерии — 11,4 млрд.

Российский лоббизм в США занимает место, соответствующее объему наших торговых отношений. По *официальным* данным за весь период его существования с 1989 г. (тогда лоббистская фирма «Сидли энд Остин» (Sidley & Austin) зарегистрировалась по Закону 1938 г. о регистрации иностранных агентов от имени Московского народного банка) российские расходы на лоббизм составили всего 1,4 млн. долл. Любопытной чертой российского лоббизма в США является наличие его политической составляющей, отражающей перипетии политической истории РФ. В 2001–2002 гг. телекомпания НТВ оказывала лоббистские услуги одна из самых влиятельных юридических фирм Вашингтона «Пэттон, Боггс» (Patton, Boggs), получившая 430 тыс. долл. (рекордную для нашего лоббизма в США сумму, до сих пор не превзойденную). При ее содействии Конгресс США, 8.05.01 г. даже принял совместную резолюцию №128, внесенную членами Палаты представителей демократами Т. Лантосом (Lantos) и К. Смитом (Smith), согласно которой участие России в большой восьмерке должно было быть приостановлено. Более того, даже был принят Закон 2002 г. о демократии в России, по которому США вменяют себе в обязанность содействовать демократизации РФ. Госдепартамент же США неоднократно выражал свою «серьезную озабоченность» ситуацией вокруг НТВ. Однако для осуществления операции в Афганистане США требовалось содействие России в Средней Азии, и все эти документы остались только на бумаге.

Второй пример политического лоббизма. С 2003 г. интересы группы Менатеп и компании ЮКОС представляют соответственно «Ковингтон энд Бэрлинг» (Covington & Burling) и «АПКО Уордайд» (APCO Worldwide). За последние два года они заработали 380 тыс. долл. на российском лоббизме. Как и в предыдущем случае, лоббисты отрабатывают свои скромные по вашингтонским меркам гонорары: госдепартамент США постоянно заявляет о своей «серьезной озабоченности» ситуацией вокруг ЮКОСа, а также состоянием демократии в России; и как полагается, сенатский комитет по международным делам 17.02.05 г. провел «заказанные» клиентом слушания по демократии в России и в очередной раз прозвучала мысль о преобразовании Большой восьмерки в семерку. Но сотрудничество с РФ по вопросу о нераспространении ядерного оружия и взаимного контроля стратегических ядерных объектов является более важным фактором в данном случае, несопоставимым с размером средств, затраченных группой Менатеп.

В сфере экономического лоббизма в США с 1999 г. себя проявили следующие структуры: Верхнесахалинское металлургическое производственное объединение (1999) – крупнейший в мире производитель продукции из титановых, алюминиевых, магниевых сплавов, Внешэкономбанк (1999–2000), Тюменская нефтяная компания (до слияния с ВР) (1999–2002), ММВБ (1999–2003), Техснабэкспорт (2000), «Илим палп» – крупнейшая в России лесопромышленная корпорация, ИТЕРА, Республика Башкортостан, Курчатовский институт (2002), группа Альфа (2002–2003), Северсталь (2002–2005), Саратовский авиационный завод, Норильский никель (2003), РАО ЕС России, Евро-Азиатский еврейский конгресс (2003–2005). В целом экономический лоббизм менее существенен, чем политический: все вышеперечисленные организации вместе взятые затратили около 600 тыс. долл. на представительство своих интересов, что составляет 40% от общего объема российских расходов на лоббизм в США. Конечно, эти суммы наверняка занижены и не отражают реальных величин, но здесь показательно соотношение. Вряд ли есть основания предполагать, что представители ЮКОСа, Менатеп и НТВ были более правдивы в отчетной документации. В большинстве случаев речь шла о кратковременном консультировании, а не выстраивании долгосрочной системы представительства интересов, чем занимаются компании других стран, рассчитывающие на серьезное сотрудничество. На данный момент, как мы видим, почти у всех организаций контракты с лоббистскими фирмами не продлены. «Сидли энд Остин» хотя и числится лоббистом Северстали, но с момента заключения контракта в полугодовых отчетах указывает «отсутствие лоббистской деятельности». Что весьма похоже на правду, поскольку крайне жесткое квотирование стального экспорта из России в США никак не модифицируется.

Единственным активным игроком на поле бизнес-лоббизма в США остается РАО ЕС России, потратившее на эти цели за указанный период 280 тыс. долл. (46% всех расходов российского бизнеса на лоббизм в США). На него работает «Кэссиди Ассошиэйтс» (Cassidy Associates) – самая крупная лоббистская фирма в США с официальным годовым доходом более 20 млн. долл. Она не балует публику подробными отчетами о своей деятельности, и единственное, что мы знаем об интересах РАО ЕС в США, заключается в следующей фразе: «энергетическая политика и политика США в отношении СНГ и России». Голос российского лобби в США может стать более громким только при реальном увеличении нашего товарооборота и политической консолидации русской «диаспоры», а поскольку и то и другое весьма маловероятно, то и перспективы выглядят соответствующе.

**Специфика медиапространства современного промышленного города:
влияние на политическую ситуацию (на примере г. Череповца
Вологодской области).**

Н.С. Кракашова

Череповецкий государственный университет

E-mail: burdj@mail.ru

Рассмотрение массовых коммуникационных процессов, складывающихся в информационном пространстве любого общества, дает возможности для понимания составляющих доминирующей в сознании социума картины мира. Изучение специфики медиапространства того или иного города необходимо для того, чтобы своевременно выявлять проблемы, конфликты в сфере информационного обеспечения и предлагать оптимальные пути выхода из сложившейся ситуации. Данная тема особенно актуальна сейчас, когда вопрос формирования позитивного общественного мнения по поводу социальных и политических реформ на общегосударственном уровне зачастую оказывается проблематичным.

Ситуация в крупном промышленном и финансовом центре Вологодской области — Череповце — в данном контексте представляет особый интерес. Большая часть информационного пространства города контролируется информационно-издательским холдингом, включающем три газеты, две телекомпании, две радиостанции и т.д. Аудиторией является 320-тысячный город, который по множеству параметров соответствует типичному российскому индустриальному центру. Медиапространство Череповца можно считать в какой-то степени модельным для аналогичных городов-доноров, а проблемы и перспективы развития медиа — типовыми.

Градообразующим предприятием Череповца является ОАО «Северсталь». Основные СМИ города контролируются холдингом. Если вспомнить то, что происходит со средствами массовой информации на общенациональном уровне (так называемое огосударствление), данная тема становится особенно показательной в плане возможности воздействия на общественное сознание, политическую ситуацию, в том числе формирование властных структур.

Политическая коммуникация Череповца оказывается настолько контролируемой элитами промышленного города, что это не может не сказываться на электоральных процессах.

Но можно ли однозначно оценивать данную ситуацию как негативную или, напротив, позитивную? Представители холдинга неоднократно заявляли, что они не заинтересованы в навязывании определенного мнения, а лишь в стабилизации обстановки (недопущении, например, войн компроматов и т.д.). К тому же (по данным социологических опросов, проводимых Центром региональных исследований Череповца) основные потребности горожан в получении той или иной информации вполне удовлетворены. Оценка относительного информационного монополизма зависит от конкретной ситуации, конкретного социального и информационного контекста.

Таким образом, мы, наблюдая очевидный локальный монополизм в информационной сфере, а соответственно, и определенную зависимость от него общественного мнения, вынуждены признать, что у подавляющей части населения это не вызывает отторжения. Парадокс? Может быть. Но скорее — осознанная, последовательная коммуникационная политика, предполагающая не только понимание важности контроля над ведущими информационными каналами, но и понимание ответственности, возникающей вследствие этой ситуации.

Если провести параллель с общенациональными СМИ, то можно говорить о такой же зависимости мнений россиян от транслируемых властных сообщений. И хоть региональные СМИ время от времени противопоставляют государственным, часто они работают по схожим моделям. Однако можно предположить, что существуют некие естественные границы управляемости информационных потоков, за пределами которых контроль над СМИ утрачивает функции эффективного инструмента социального контроля.

Таким образом, мы видим, что специфика медиaprостранства оказывает огромное влияние на политическую ситуацию в обществе, и не стоит приуменьшать этой роли. Такая особенность медиaprостранства, как контроль над его элементами, настолько интересна и в то же время сложна, что не замечать ее невозможно.

Стереотипизация представлений о роли женщины в политике.

Н.Л. Крячкова

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: fireeater@yandex.ru*

В последнее время в России наблюдается повышенный интерес к изучению гендерных стереотипов, рассмотрению этого явления посвящено внимание социологов, психологов, лидеров феминистского движения. Исследователи проблематики гендера отмечают, в частности, что в постсоветский период «гендерная» асимметрия усилилась, права женщин оказались ущемлены. По их мнению, СМИ, оказывая значительное влияние на индивидов и общество в целом, создают определенные «гендерные» стереотипы, показывая динамику их изменений.

В качестве основной гипотезы данного исследования предполагается наличие взаимосвязи отражения в СМИ конкретных политических ситуаций, связанных с политическим участием женщин и реакции возможной женской аудитории на данные ситуации. Эта взаимосвязь рассматривается как фактор формирования предполагаемого гендерного стереотипа.

СМИ, как источник политической коммуникации и носитель объективной информации, является инструментом в системе социального представительства интересов граждан. Для проверки гипотезы были проанализированы печатные информационные издания за март 2004. Было сделано предположение об активности со стороны женских обществен-

но-политических объединений, политических деятелей, избирателей в поддержку И.Хакамады как кандидата в президенты РФ, что должно было быть зафиксировано в анализируемых печатных изданиях.

Анализ дискурса современных газет показывает, что сформированный стереотип женщины как в большинстве своем спортсменки, художника, социального работника дает представления о должном поведении мужчин и женщин, с которыми соотносятся реальные практики людей в повседневной жизни. Поддерживается и воспроизводится миф о «женской логике» как о некоей неспособности видеть причинно-следственную связь вещей, о чрезмерной женской эмоциональности, жажде денег и т.д. Своеобразный стереотип «мужчина – более политик, нежели женщина», обусловлен, скорее всего, пониманием и оценкой того факта, что политика в современной России в значительной степени предполагает использование властных, административных и финансовых ресурсов. Поскольку они сконцентрированы, в основном, в руках мужчин, то соответственно их возможности оцениваются женщинами гораздо выше.

Муссируется в СМИ и другой расхожий «аргумент», нацеленный на создание в общественном сознании, и особенно в сознании женской части населения, образа женщины-политика, основанного на непривлекательности, лишенности общественного идеала. Он эксплуатирует естественное стремление человека быть счастливым в личной жизни. (Кстати, это относится и к мужчине, и к женщине). Цепь рассуждений проста: в России больше женщин, и если, женщины будут «рваться» в политику, в мужское дело, при этом, неизбежно теряя «женственность», возможно большее число женщин так и не смогут вступить в брак.

Большинство публикаций в газетах приурочены к женскому празднику. Сложилось впечатление, что в остальное время либо женщины не принимают никакого участия в политической жизни страны, не стремятся к проявлению активной жизненной позиции сознательно, либо необходимо анализировать информационно-коммерческие издания, формирующие имидж современной женщины, посвящающей свое время приписанным ей обязанностям матери, домохозяйки, жены и т.д.

Несмотря на констатацию факта наличия женщины-политика как явления, имидж российской женщины-политика строится в направлении уменьшения чисто женских характеристик. Так, И.Хакамада, рассматривается как женщина со знаком равенства мужчине. Просто политик. Но и как женщина в том числе, когда дело касается «пионерства» в политической борьбе среди женщин. Таким образом, рассматривая гендерные аспекты имиджевых характеристик, можно говорить о том, что в сравнении с имиджем мужчины-политика, имидж женщины-политика больше напоминает его производную, но с жестко ограниченным набором возможных свойств.

Женские движения, основывая свои, во многом схожие программы, на постулатах феминизма, борющегося за политические права женщин, пришли к политическому размежеванию по идейным взглядам, позициям и

ориентациям. Возможно, именно поэтому, разрозненные женские общественно-политические объединения так и не нашли в себе сил сопротивляться официальной политической позиции власти, поддерживая «опального» кандидата.

Для характеристики сегодняшней ситуации, необходимо введение термина «политическое ожидание». Политическое ожидание – это объективные характеристики, которые включаются индивидами в число желанных и необходимых политических условий и ситуаций, на взаимодействие с которыми он рассчитывает. Сегодня политическое ожидание женщин можно оценить как достаточно низкое по отношению к перспективе избрания женщины в представительные органы власти и патриархально ориентированное. Во многом, политическое ожидание является результатом работы действующих стереотипов, сформированных в российском обществе в процессе исторического развития и в настоящее время, благодаря СМИ.

Таким образом, женщины в той же мере, что и мужчины воспроизводят старые гендерные стереотипы. Среди самих женщин довольно сильные позиции имеет убеждение в том, что политика и даже изучение политики – не женское дело. Хотя большинство женщин считает, что сегодня в стране нет серьезных формальных ограничителей для полноценной общественной и политической жизни и, соответственно, нет политической дискриминации по половому признаку, однако, и это кажется наиболее важным, одновременно с этим женщины отмечают такое количество проблем, с которыми им приходится сталкиваться в повседневной жизни, что политика и общественная жизнь не может для них ни отступить на задний план.

Литература

1. Гендерные отношения в современной России. Исследования 1990-х годов. Сборник статей под ред. Попковой. Л.Н. Изд-во «Самарский университет». 2003, 334 с.

2. Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? под. ред. Горшкова М.К. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2002, 168 с.

3. Клецина, И. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004, 408 с.

4. Крячкова Н. Политические PR-технологии в гендерном измерении. Женщины и выборы. // PR-технологии в управлении. Нижний Новгород, 2003.

К вопросу о символической природе вещей.

Е.А. Курбатова

Волгоградский Государственный Университет

E-mail: kasia3@yandex.ru

Любая вещь представляет собой, с одной стороны, воплощение ряда утилитарных функций, а с другой – имеет символическое значение. Следует отметить, что социокультурный дискурс вещей вообще делает воз-

возможным осмысление и изучение предметно-пространственной среды как социального феномена.

С точки зрения цели создания можно выделить два типа вещей:

1. вещи, созданные главным образом для удобства, комфорта, простоты обслуживания. Первые вещи создавались, чтобы облегчить жизнь человека, его труд и быт. У истоков материальной культуры круг вещей был достаточно ограничен, человек мог их непосредственно обозреть и чувствовать, они служили продолжением его собственных органов. Другими словами, внешний вид вещи должен был соответствовать требованиям рациональности, экономичности, точности выполнения операций. Такого рода вещи должны были удовлетворять непосредственные потребности человека. Вместе с тем, с изменением и усложнением общественной структуры, вещи начинают приобретать дополнительные коннотативные значения. Так, например, наличие гостиных комнат, то есть разделения пространства жилища на личное и общественное, уже свидетельствовало о статусе владельца. Вообще, большинство вещей, принадлежащих человеку, начинают оцениваться с точки зрения его общественного статуса и престижа.

2. вещи, созданные как материальное воплощение некоей социокультурной реальности, существующей главным образом в рамках общественного сознания или коллективных представлений. Они представляют собой символы, которые являются планом выражения для некоего содержания. Примером таких вещей, могут быть предметы культа, некоторые образцы монументального искусства, модные новинки. Надо сказать, что такого рода предметы теряют свое значение, то есть первичную функцию с изменениями в коллективных представлениях. Другими словами, они перестают существовать в своем первоначальном качестве. В дальнейшем, они, либо вообще теряют свое значение как вещи, либо предстают уже с другими коннотативными значениями. Например, пионерский галстук, который перестал существовать как вещь с утратой идеологической основы или древние предметы культа, которые теперь воспринимаются как историко-культурные ценности.

В информационном обществе символическая сторона вещей приобретает все большую значимость. Уровень развития производства позволяет выпускать качественные вещи в большом количестве, и как следствие, они оцениваются и дифференцируются уже не с точки зрения утилитарных свойств, которые приблизительно одинаковы, но с точки зрения разнообразия коннотативных значений. Более того, часто символические значения начинают преобладать и не практичные в использовании предметы популяризируются и широко используются.

Литература

1. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста. // Избранные статьи. Т.1. - Таллинн, 1992.

2. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры. // Избранные статьи. Т.1. - Таллинн, 1992.

3. Элиас Н. Придворное общество. М., 2002.

Проблемы и перспективы развития профильного социологического образования глазами студентов-социологов***Е.И. Лаврова****Тверской государственной технической университет**E-mail: grig@tstu.tver.ru*

В 1990-е годы социологическое образование в России вступило в новый важный этап своего развития. Подготовка профессиональных социологов в системе высшего образования получила широкое распространение

Социологическое образование дает возможность воспроизводить систему социологических знаний, распространять эти знания среди населения. Оно воздействует на экономическую, социальную, политическую, духовную жизнь общества за счет подготовки кадров специалистов, необходимых для развития социологической науки и практики. При этом развитие профильного социологического образования сочетается с совершенствованием социологической компоненты в системе подготовки специалистов среднего и высшего уровня профессиональной квалификации, а также в школьном гуманитарном образовании. Все большее значение приобретает формирование социологической культуры и социологического мышления общества.

Среди проблем, влияющих на качество социологического образования можно выделить как внешние (состояние самой социологической науки, финансирование фундаментальных разработок, спрос на социологов на рынке труда, разрыв в уровне социологического образования в столице и регионах), так и внутренние (подготовка преподавателей социологии, разработка и внедрение инновационных методов преподавания, формированием методологической культуры).

Определенный интерес представляет отношение к проблемам и перспективам развития профильного социологического образования самих субъектов образовательной деятельности, в частности, студентов-социологов. В связи с этим в мае 2004 г. среди студентов специальности «Социология» Тверского государственного технического университета было проведено прикладное социологическое исследование (N=100) с использованием метода анкетирования. В ряду проблем, присущих учебно-воспитательному процессу, респондентами были названы: недостаточная подготовка в области прикладной социологии, в частности, в области анализа данных (26% опрошенных), чрезмерное внимание к теоретической социологии (15%). Для активизации учебной деятельности студенты-социологи предложили более широкое использование на лекциях аудиовизуальной информации (29% респондентов), командную разработку программ социологических исследований и их проведение (21%). С целью совершенствования социологического образования 30% опрошенных студентов предлагают уделять больше внимания прикладной социологии. Среди общепрофессиональных и специальных дисциплин учебного плана наибольший интерес для студентов-социологов представляют: PR (12%), рекламоведение (10%), маркетинг (9%), наименьший интерес — со-

циальная экология (16 %), социальная статистика(14%), социология религии(12%).

Основополагающими факторами, влияющими на развитие социологического образования в России, по мнению студентов, выступают: потребность в специалистах для проведения прикладных исследований в разных областях (26% респондентов), потребность в социологах во всех отраслях общественной жизни (21%), общий рост потребностей рынка труда в специалистах социально-гуманитарного профиля (16%). Примерно 9% опрошенных отметили коммерческую заинтересованность вузов в открытии специальности «Социология», 7% указали на влияние моды, престижа профессии.

Закономерно, что ответы на вопрос о наиболее перспективных сферах применения социологических знаний в современном обществе, практически совпали с ответами на вопрос об областях социологического знания и профессиональной деятельности, интересующих самих студентов. Были названы — связи с общественностью, маркетинг, социология политических процессов, социология общественного мнения, рекламоведение.

По мнению студентов, в настоящее время проблема трудоустройства социологов является достаточно острой. Так, 72% респондентов уверены, что рынок социологов только начинает складываться. После окончания университета 30% студентов согласны на любую работу с достойной заработной платой, 30% — затруднились ответить на соответствующий вопрос, 14% — готовы совмещать работу по специальности с еще одной дополнительной, 11% — хотят работать строго по специальности, 6% — ставят перед собой цель продолжить образование, и только 2% (!) хотят заниматься преподавательской деятельностью.

Анализ результатов проведенного социологического исследования позволил выработать ряд предложений по совершенствованию социологического образования в ТГТУ: укрепить прикладную направленность преподаваемых дисциплин, больше внимания уделять подготовке в области анализа социологических данных, чаще организовывать дискуссии в рамках семинарских занятий, усилить связь тематики курсовых и дипломных работ с профессиональными интересами студентов, активнее взаимодействовать с другими вузами для обмена опытом организации социологического образования, расширить участие в межвузовских студенческих научно-практических конференциях, налаживать связи с организациями и учреждениями региона с целью трудоустройства выпускников. Можно предположить, что проблемы, выявленные в ходе опроса студентов — социологов Тверского государственного технического университета, являются типичными для современного этапа развития социологического образования в региональных вузах.

**Проектирование модели социально – педагогической профилактики
противоправного поведения подростков*****Т.В. Лаврушина****Орловский государственный университет**E-mail: ankrut@rekom.ru*

Правонарушения подростков во всем мире являются одной из самых актуальных проблем. С каждым годом подростковая криминальная среда омолаживается. Исследования ученых показали, что к основным причинам противоправного поведения детей и подростков следует отнести влияние семьи (40%), негативное влияние средств Массовой Информации (30%), школа (20%), улица (10%). Это обстоятельство влечет за собой необходимость ранней профилактики правонарушений среди несовершеннолетних.

В ходе нашего исследования, нами были рассмотрены теоретические основы социально-педагогической профилактики правонарушений несовершеннолетних, которая включала в себя:

- Изучение причин противоправного поведения подростков.

К основным мы отнесли: социально-экономические; демографические; семейное благополучие и неблагополучие; отсутствие трудовой занятости подростков.

- Изучение основных направлений государственной социальной политики по предупреждению противоправного поведения среди несовершеннолетних.

К ним относятся: трудоустройство и занятость подростковой среды, повышение профессионально-образовательного уровня подростков, развитие ювенальной юстиции в России, организация досуга для несовершеннолетних, восстановление и развитие учреждений досуга, культуры и спорта и т.д.

В результате анализа мы пришли к выводу о необходимости изучения противоправного поведения детей и подростков как социально-педагогического феномена. Поэтому нами предпринята попытка создание проекта модели социально-педагогической профилактики правонарушений подростков. На наш взгляд, наша модель исключает односторонний подход в предупреждении правонарушений несовершеннолетних. Это позволяет рассматривать личность ребенка не только как продукт воспитательного воздействия, но и учитывать объективные факторы, оказывающие влияние на личность (социальная среда).

При реализации социально-профилактических программ необходимо соблюдение следующих принципов:

- содержательность, направленность, непрерывность социально-педагогического процесса;
- осознание перспективности в социально-педагогической деятельности;
- изучение, с одной стороны, требование общества и каждого отдельного региона к несовершеннолетнему правонарушителю, а с другой –

индивидуальных особенностей и общих законов развития личности подростка;

- поддержка и развитие внутренних, зачастую внешне не проявляющихся, социально- значимых и социально-приемлемых интересов и способностей ребенка-правонарушителя;
- отсутствие навязчивости и назойливости в социально-педагогической деятельности;
- терпение и выносливость всех участников социально- профилактического процесса;
- активность самого подростка, чтобы он понимал оказываемое на него ресоциализирующее воздействие, проявляя при этом свою инициативу и волевое усилие.

В целом модель социально-педагогической профилактики можно представить в виде поуровневой схемы.

Первый уровень – включает в себя социально-педагогическое и профилактическое воздействие всей системы воспитания и обучения.

Второй уровень – целенаправленная работа по социально-педагогической ресоциализации отдельных трудных подростков, которая может осуществляться в общеобразовательных учреждениях, профессиональных училищах и других учебных заведениях.

Третий уровень – состоит в том, чтобы несовершеннолетнего как можно быстрее «вырвать» из сцепления неблагоприятных факторов, «направить» на него меры социально-педагогического и воспитательно-профилактического характера. В некоторых случаях уделить ему больше внимания, ограничить срок нахождения под отрицательным воздействием, помочь сформировать крепкие социальные связи позитивного характера.

Культурная динамика глобализации в России.

Д.А. Лагутин

Волгоградский Государственный Университет

E-mail: troublesome@yandex.ru

Идея данной работы возникла после прочтения книги «Многоликая глобализация»[1], авторы которой, используя концепцию Питера Бергера о «четырех ликах глобальной культуры»[1], проводили исследования культурной глобализации в своих странах. Целью настоящей работы станет на основе теоретической концепции П.Бергера и эмпирических данных российской повседневности выявить степень включенности России в процесс культурной глобализации.

Прежде чем перейти к собственно анализу, необходимо указать, что же это, собственно, за лица. Итак, П. Бергер предлагает рассматривать культурную глобализацию по 4-м ее аспектам: 1) «давосская культура»[1] – международная культура ведущих деловых и политических кругов мира; 2) «клубная культура интеллектуалов»[1] – культура западной интеллигенции со своим специфическим набором ценностей; 3) «культура мак-

мира»[1] – глобальная массовая культура; 4) формирование новых религиозных движений. Кроме того, Бергер предложил типологию результатов взаимодействия глобальной и локальной культур: 1) замещение местной культуры глобальной; 2) сосуществование глобальной и местной культур без сколько-нибудь заметного их слияния; 3) синтез глобальной и локальной культур; 4) отрицание глобальной культуры в результате мощной локальной реакции[1].

Сделав необходимые теоретические приготовления, мы можем приступить к непосредственному описанию российских реалий с неизбежным выводом об уровне принятия глобальной культуры.

Стоит напомнить, что глобализация (в том виде, в котором она понимается большинством исследователей) явление довольно молодое, которому едва ли можно дать больше 20ти лет. Таким образом, после распада Советского Союза в 1991 году Россия обнаружила себя в центре нарождающихся глобальных процессов.

Рассматривая первый лик глобальной культуры следует указать, что на мировой арене котируются исключительно сырьевые компании, такие как ТНК (слияние которой с британской компанией ВР стало одним из главных бизнес-событий 2003 года), Сибнефть, Лукойл, Газпром. Объясняется это прежде всего отсталостью наукоемкой отрасли машиностроения.

Говоря о влиянии «давосской культуры»[1] на повседневность, следует сказать, что в России (как и во всем мире) в крупных городах сформировалась довольно устойчивая группа менеджеров среднего и высшего звена – яппи, являющаяся в высшей степени космополитичной, разделяющая западные ценности не только в работе, но и в личной жизни.

Что касается «клубной культуры интеллектуалов»[1], то главная особенность заключается в полной переориентации взглядов большинства ученых-обществоведов с марксистских позиций на позиции либерализма. И дело не столько в том, что эта переориентация произошла, дело в тех последствиях, которые она принесла для страны в целом. У всех еще свежи в памяти последствия внедрения идей Ф. Хайека на российскую почву безотносительно к ее специфике. В настоящее время общественная мысль России находится под влиянием западных интеллектуальных ценностей, не в последнюю очередь из-за грантовой политики зарубежных фондов.

Рассматривая степень вовлеченности России в глобальную массовую культуру (имеющую американские корни), следует указать главную особенность проникновения западных культурных образцов на российский рынок: все достижения западной культуры представлялись российскому потребителю (находившемуся за «железным занавесом») как нечто априорно лучшее, как нечто такое, что делает человека человеком. Например, компания Макдоналдс (своеобразный флагман глобализма), открывая свой первый ресторан 15 лет назад в центре Москвы, продавала не только гамбургеры, но и частицу западной жизни вместе с ними. И если для россиянина того периода – западная жизнь была чем-то неизведанным и притягательным, то в настоящее время элементы западной массо-

вой культуры стали неотъемлемой частью культуры повседневной. И гамбургер превратился просто в гамбургер.

Что касается общественных и религиозных движений, то в середине 90-ых страну захлестнула волна миссионеров, представлявших различные ветви протестантизма (Свидетели Иеговы, Гедеоновы Братья, Мормоны, Пятидесятники и т.д.), которые вместе со своей верой несли и определенный набор ценностей, свойственной «духу капитализма». Однако это своеобразное крещение Руси не имело такого отклика как, скажем, в Юго-Восточной Азии, в виду сильных позиций РПЦ в новой России.

В заключении заметим, что говорить о синтезе глобальной и локальной культур в случае России говорить сложно в виду того, что значительная часть населения страны не имеет возможности пользоваться преимуществами глобализации. Речь скорее идет о сосуществовании двух типов культур глобальной (центры) и локальной (периферия).

Литература

1. Многоликая глобализация./ под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М., 2004, с. 379

Социально-психологическое управление деятельностью организации

Е. С. Лесных

Липецкий государственный педагогический университет

E-mail: ivburm@yandex.ru

У вопроса изучения проблем управления, отвечающего современным требованиям экономики, имеется множество аспектов. Невозможно исследовать проблемы современного менеджмента без учёта способа, при помощи которого организация формируется и изменяется в рамках конкретных институциональных систем функционирования, а также способа, посредством которого она изменяет их.

Цель данной работы состоит в предложении методической модели исследования теоретических и методологических основ социально-психологического управления деятельностью организации; обоснования концепции управления как сложного двойственного взаимодействия внутренних характеристик организации (в том числе и персонала) и эффективности институциональной системы управления. В отличие от других моделей исследования теории управления, автор предлагает свою модель, учитывающую социально-психологическое управление и её связь с моделью эффективного управления.

В данной модели исследования управление представлено как инструмент, позволяющий рассмотреть и исследовать процедуры координации деятельности организации и тем самым сосредоточить внимание на социально-психологических проблемах управления. Структурно-логическая модель построена таким образом, чтобы последовательно и комплексно исследовать именно социально-психологические аспекты управления.

Социально-психологический менеджмент имеет дело с человеком, взятым в его социальном качестве, которое представляет собой совокупность элементов, определённым образом взаимосвязанных и обусловленных типом взаимодействия личности с другими людьми в конкретных условиях. Среди них представляется целесообразным отметить, что особенное значение для менеджмента предприятия играет управленческий менталитет. Используя структурно-функциональный подход, определим понятие управленческий менталитет как совокупность образа деятельности, правовых архетипов и представлений, социальных установок, устойчивых образцов управленческого мышления, которые в разных социальных группах имеют собственное содержание и лежат в основе целеполагания системы управления, определяют миссию организации, её основные задачи, способы повышения эффективности, а также специфику поведения управленца.

Важную и значимую роль в данном аспекте также играет организационная культура, которая оказывает особое влияние на успехи и эффективность организации, на развитие «духа» корпорации, основанного на социально-психологических особенностях людей.

Таким образом, исследование проблемы социально-психологического управления деятельностью организации подводит к вопросу: а не будет ли это манипулированием персоналом? Эта мысль допустима, но, наш взгляд, это не так, учитывая социально-психологические особенности, менеджеру проще будет управлять. Во-первых, он будет знать систему ценностей и интересов персонала, личные качества каждого работника. Во-вторых, узнав все эти качества, и, принимая определённые решения, руководитель будет знать примерную реакцию на свои действия, сможет правильно управлять и прогнозировать конфликты в организации, а также направлять деятельность организации в нужном направлении с учётом её эффективного функционирования.

Факты, приведённые выше, могут и не убедить кого-либо, поэтому нами было проведено исследование по данной проблеме. Фактологической основой программного исследования стало имитационное матричное табулирование, а логическим завершением — построение графа проблем объединения причинного анализа, таким образом, факты, полученные из одного исследования, стали основой для проведения качественно иного метода исследования. Имитационное матричное табулирование заключалось в поиске социально-психологических составляющих, которые различные авторы определяют как необходимые и значимые для эффективной деятельности организации, после чего строилась матрица проблемы, верхняя строка которой заполнялась фактами, взятыми из различных источников, а в нижней строке отмечались коэффициенты ранжирования. Сфокусировав внимание на определённом круге фактов, необходимых и значимых для социально-психологического управления и сконструировав выборочную совокупность, мы аккумулировали необходимую информацию для проведения причинного анализа. Построив сеть когнитивных карт (графов), мы

тем самым выявили сочетание составляющих, влияющих на социально-психологическое состояние организации, за которым, как выяснилось позже необходимо следить и управлять. Ими оказались: личные нормы и ценности персонала, ментальные особенности каждого, уровень конфликтности, коммуникабельность, цели и ожидания персонала, расположение к работе, психическое состояние (плохое настроение, недостаточная самореализация). После построения матрицы проблем объединения, и изображения графа проблем, оказалось, что социальные и психологические аспекты для управления и развития социальной организации важны даже больше, чем материальное обеспечение, но практически также нужны как техническое обеспечение и научно-технические разработки.

Таким образом, данная научно-исследовательская работа доказала с теоретической точки зрения необходимость и важность социально-психологических аспектов в управлении, которые прямо влияют на эффективность организации.

Структура и динамика этнополитического процесса

Т.Н. Литвинова

Дальневосточный государственный технический университет

E-mail: tantin@mail.ru

Рост числа этнических конфликтов в современном мире ставит перед исследователями задачу осмысления структуры и динамики этнополитических процессов. Под этнополитическим процессом мы понимаем особый вид социально-политических и исторических процессов, который представляет собой совокупность связанных между собой в пространстве и во времени действий различных этносов (этносоциальных и политических институтов и групп), направленных на достижение их целей и защиту интересов через использование власти.

Для анализа структуры этнополитического процесса мы используем методологию Т. Парсонса, который выделил следующие компоненты общественных систем: 1) субъективный (индивиды, группы, коллективы населения); 2) коммуникативный (их роли и отношения); 3) регулятивный (нормы) и 4) идеологический (ценности) [1].

По нашему мнению, основным *субъектом* этнополитического процесса является этнос. Ю.В. Бромлей детерминирует этнос, как исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также сознанием своего единства и отличием от других подобных образований (самосознанием) [2].

В результате взаимодействия этносов как политических субъектов создаются устойчивые связи и взаимоотношения, возникают правила, нормы, организации, то есть воспроизводятся и создаются политические институты. Таким образом, мы можем различать *институционализированные* (национально-политическое движение (организация), автономия, республи-

лика) и *неинституционализованные* (этносоциальные общности, кланы) субъекты этнополитического процесса.

Коммуникативный компонент, в первую очередь, зависит от особенностей межнациональных отношений и политического статуса (роли) различных этносов в государстве. Представитель западной политологии Дж. Ротшильд предлагает семь схем межэтнического взаимодействия в полиэтнических государствах: 1) политически доминирующее большинство – подчиненное меньшинство (Шри-Ланка: сингалы – тамилы); 2) политически доминирующее меньшинство – подчиненное большинство (типичная колониальная ситуация); 3) доминирующее ядро противостоит конгломерату периферийных этносов (СССР: русские – другие народы); 4) биполярный баланс: одна этническая группа доминирует политически, а другая экономически (Малайзия: малайцы – китайцы); 5) ситуация экономически сильных, но политически уязвимых этнических меньшинств (китайцы в Таиланде, ливанцы в Западной Африке); 6) многослойная градация влияния и численности этнических групп (современная Кения); 7) многообразие различных по численности этнических групп (пример – Заир) [3].

Таким образом, коммуникативный компонент может быть представлен двумя наиболее распространенными видами межэтнического взаимодействия: субъект-объектными (доминирование одной этнической группы (титульной нации) над остальными) и объект-объектными (равными) отношениями народов в полиэтническом государстве, и определяется состоянием конфликта и сотрудничества между ними.

Регулятивным компонентом выступает государство и регламентируемые им нормы поведения субъектов этнополитического процесса, которые фиксируются в конституции и национальном законодательстве. Например, в Канаде было принято несколько законов, посвященных регулированию межэтнических проблем: Закон об иммиграции 1976 г., акт «Об официальных языках Канады» 1988 г., Закон о многокультурности 1988 г. [4]

Идеологическим компонентом этнополитического процесса являются ценностные ориентации его участников. Высшей ценностью для любого этнического сообщества является сохранение его идентичности и важнейших атрибутов (языка, культуры, религии, традиций) и обретение национальной государственности.

Динамика этнополитического процесса может быть представлена периодической сменой фаз кризиса и стабильности. **Этнополитический кризис** свидетельствует о наличии противоречий между этносом и государством и межэтнической напряженности. **Этнополитическая стабильность** – это фаза политического равновесия государственной власти и интересов и потребностей отдельного этноса. Этнополитический кризис сопровождается увеличением влияния дестабилизирующих факторов (политических, экономических, социальных), обострением борьбы этносов за власть, что повышает вероятность насильственных действий (конфликтов).

Литература

1. Парсонс Т. Структурные компоненты обществ // [http://socioworld.narod.ru/text/history par strf.html](http://socioworld.narod.ru/text/history_par_strf.html)
2. Этнические процессы в современном мире / Под ред. Ю.В. Бромлея. М., 1987, С.7.
3. Rothschild J., *Ethnopolitics: A Conceptual Framework*. N.Y., 1981, P. 71-75.
4. Еременко Е.О. Современная этнополитическая ситуация в Канаде // *Мировая экономика и международные отношения*, 2001, №4, С.78.

Влияние социальных мифов на формирование социальных установок россиян в контексте современного социокультурного пространства.*О.А. Логинова**Алтайский государственный университет**E-mail: basic_sf@socio.asu.ru*

Изучение социальных установок больших социальных групп является одной из актуальных проблем современной социологии. Социальная установка традиционно понимается как 1). устойчивая предрасположенность индивида или группы к действию, ориентированному на социально значимый объект; к определенному способу реагирования; 2). психологическое переживание индивидом ценности, значения социального объекта, организованное на основе предшествующего опыта, оказывающее направляющее влияние на поведение. Однако для исследований установки оказывается характерным одновременно разноречивой ее интерпретации в разных теоретических схемах и единое методологическое ограничение сферой индивидуального поведения: социальная установка рассматривается преимущественно в индивидуально-психологическом аспекте. Ограничение исследований социальной установки рамками психологии индивида также логично ведет к тому, что за пределами исследования остается ее свойство выполнять функции регулятора не только на индивидуальном, но и на социальном уровне. Ведь социальная установка объединяет в себе эти свойства, будучи «впечатанной» в структуру поведения членов социальной группы [1].

Тем самым, признавая социальность как особое качество установки, нельзя не отметить ее взаимосвязь с архетипическими комплексами в структуре массового сознания. Одним из возможных приемов исследования системы социальных установок больших социальных групп является анализ процесса их формирования через призму социальных мифов. Процессы качественных изменений в массовом сознании актуализируют изучение социальных установок, в том числе, мифологических и утопических систем, или комплексов, в структуре социокультурных приоритетов россиян. В связи с этим, представляется адекватным исследовать формирование социальных установок посредством анализа мифологических и утопических систем.

Обобщение различных концепций мифов позволяет выделить его основные особенности: коренится в бессознательном; имеет устойчивый характер; обобщает и фиксирует стихийный социальный опыт; задает некоторые особенности модели восприятия и освоения окружающего мира. Совокупный социальный опыт трансформирует содержание мифа, логическая схема и изначальные лекала которого остаются неприкосновенными; на смену одним мифам с неизбежностью приходят другие [2;3].

Гипотеза о влиянии мифов – устойчивых и глубинных структур – на систему социальных установок больших социальных групп, поведение человека и общества в целом может быть проверена на эмпирическом материале. Систему социальных установок представителей различных социальных групп, общностей и слоев можно рассмотреть в рамках полярных позиций континуумов, трех основных компонент или различных ментальных типов: 1). «традиционализм – модернизм»; 2). «коллективизм – индивидуализм»; 3). «пассивность – активность».

Так, например, для «традиционалистского» типа сознания характерен этатистский комплекс социальных установок, характеризующийся ценностями защищенности, общности, порядка, стабильности, согласия, общей (разделяемой) культуры, а также ориентациями на защиту от насилия со стороны другого государства или культуры. Для «модернистского» типа сознания характерен комплекс либеральных идей, ценностей, социальных установок; ведущими для него являются ценности личности, свободы, инновации. Причем, важно, что хотя формально комплексы социальных установок «традиционалистского» и «модернистского» ментальных типов практически в одинаковой степени представлены в сознании современных россиян, ни одно из этих умонастроений не подавляет другое.

Рассматривая факторы мифологизации сознания, необходимо отметить, что существует так называемая целевая аудитория, воспринимающая мифологические системы. Это, в первую очередь, средние слои населения (как по уровню дохода, так и по уровню образования). У этой аудитории есть интерес к СМИ, возможность смотреть, читать, способность воспринимать материалы, но нет достаточной доли критичности. К тому же, степень мифологизированности сознания напрямую зависит от формирования идеологической идентичности граждан, т.е. люди – носители идеологических комплексов – оказываются более «мифологизированными», чем остальные. Наиболее специфическими для «традиционалистского» типа сознания являются мифы об уникальности России: это «глобально-политические» и «исторические» мифы. Для «модернистов» наиболее важным является цикл «экономических» мифов. В современной России мифологические системы дифференцируются: «традиционалистская» распространяется на все общество, а «модернистская» начинает обособляться [4].

Таким образом, анализ социальных мифологем, присущих современному российскому обществу, позволяет более комплексно рассмотреть основные социальные установки массового сознания в целом, а также отдельно для каждой социальной общности, группы и т.д.

Литература

1. http://www.i-u.ru/biblio/archive/hrest_socpsih
2. Полосин В. С. Миф, религия, государство. — М., 1998.
3. Элиаде М. Аспекты мифа. — М., 2000.
4. Базовые ценности россиян. — М., 2003.

«Центр — регионы»: баланс взаимоотношений*Е. О. Лысенко**Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова**E-mail: lysenko_ekaterin@mail.ru*

Происходящие в настоящее время процессы трансформация социально-экономических отношений активизировали динамику развития региональных социумов как целостных территориальных сообществ, имеющих собственную специфику функционирования, формирования ценностных ориентаций, территориальных интересов, базовых моделей поведения и т.д. В этой связи региональные социумы становятся самостоятельными субъектами общественных отношений, занимая в общегосударственном разделении труда и его кооперации определенное место и выполняя взаимовыгодную роль. Но при этом принципиально важно, чтобы при развитии каждого регионального социума максимально возможно учитывались особенности его территории, ее природные и трудовые ресурсы, традиции и национальная самобытность. При ущемлении их прав и полномочий начинается протест регионов как атомизированных единиц, обладающих собственной идентичностью и собственными осознанными интересами.

Развитие регионального самосознания и его превращение в мощный политический и социально-экономический фактор делает необходимым для каждого государства поиск баланса в отношениях «центр — регионы». Несоответствие политики Центра региональным интересам большинства населения — одна из основных причин ее неудач.

Центр представляет собой подсистему общегосударственного контроля и управления. У этой подсистемы есть свои императивы — целостность территории государства, обеспечение единой общегосударственной политики. Она стремится создать управленческую вертикаль, пронизывающую все политико-географические (управленческие) уровни и обеспечивающую их четкую субординацию. В свою очередь, региональная общность — это подсистема обеспечения территориальных интересов. Ее императив — самостоятельное решение местных вопросов. Для этого она стремится создать управленческую автономию, собственное политическое пространство, независимое по определенным параметрам от центра [1, 59].

Баланс отношений между Центром и региональными общностями определяет состояние всего государства. Сохранение субординации при самой широкой автономии регионов — та «точка равновесия» (идеальный

тип взаимоотношений), к достижению которой необходимо стремиться управленцам всех уровней.

Компромисс Центра и регионов обычно предполагает обмен политической лояльности последних на более или менее широкие полномочия. По словам Р. Туровского, «палата регионов» является ведущим институтом обеспечения региональных интересов на уровне государства. Влияние регионов на Центр может обеспечиваться различными формулами справедливого распределения центральной власти между региональными представителями. Например, при наличии президента и вице-президента может быть законодательно определена их принадлежность к разным регионам (например, Швейцария). В федерациях, где государствообразующими субъектами являются этнокультурные группы, регулируется этнический состав федеральных органов власти. Таким образом, решается вопрос консолидации этнических интересов в рамках единой, хотя в некоторых случаях объективно слабой, власти.

Территориальная справедливость также может обеспечиваться через размещение федеральных властных структур в различных регионах. В некоторых странах создаются коллективные органы управления, включающие представителей и даже глав регионов. В ОАЭ, например, действует Высший совет, в состав которого входят все правители эмиратов. Аналогично в Малайзии верховным органом власти является Совет правителей, в который входят наследные правители и губернаторы остальных штатов.

Следует сказать, что в более сложных по своей структуре федерациях, особенно с менее развитой региональной идентичностью, создание таких коллективных органов нецелесообразно. Но есть интересный опыт существования совещательных органов, в состав которых входят представители Центра и регионов. В этой связи Р. Туровский приводит в качестве примера опыт Германии, где регулярно проводятся съезды и конференции глав правительств и парламентов федерации и земель. Такие структуры являются важнейшей площадкой для согласования федеральных и региональных интересов. Этот опыт используется и в Австрии, где также практикуются совместные комиссии и конференции [2].

Наконец, немаловажное значение имеет участие в национальной политике региональных партий, с помощью которых тот или иной регион стремится обеспечить лоббирование своих интересов в национальном парламенте (Канада, Аргентина, Италия).

Итак, основные параметры, определяющие баланс отношений «Центр – регионы», связаны с устройством взаимоотношений между центральной и региональной властью, их переплетением и взаимопроникновением. Для обеспечения политической стабильности государства Центр вынужден идти на уступку интересам конкретной территории, предоставляя ей определенную степень самоуправления. При этом территория остается в составе единого государства, а уровень внутривластной напряженности спадает. Распространен индивидуальный подход к регионам, когда в каждом конкретном случае определяется своя формула баланса

отношений «Центр – регион», но это ведет к усилению территориально-политической асимметрии. Необходимо многоуровневое региональное структурирование государства.

Комплексный сравнительный анализ процессов территориально-государственного строительства должен привести к определению закономерностей, связывающих разнородные факторы с уровнями и типами автономизации территорий. Проблема создания на территории России федеративного государства, определение его адекватной модели остается одной из самых актуальных. Возможно, задача состоит не в повышении однородности условий жизни различных сообществ, а в достижении *оптимального и гармоничного сочетания* их территориальных интересов. Социум (в т.ч. региональный) – система, и как система, состоящая из множества элементов, способен к само регуляции, внутреннему регулированию составных частей. Механизм регуляции выражается через стремление субъектов воспроизводственного процесса достичь определенного уровня показателей развития, необходимого для выхода всей системы на путь устойчивого развития. Переход к устойчивому развитию социума в целом возможен только в том случае, если будет обеспечено устойчивое развитие всех составляющих его частей (региональных социумов).

Литература

1. Туровский Р.Ф. Баланс отношений «Центр – регионы» как основа территориально-государственного строительства//Мировая экономика и международные отношения, 2003, №12.

2. Рыкин В.С. Австрийский федерализм: история и современность//Новая и новейшая история, 1999, №3. С. 56-71.

Исследование феномена бездомности в контексте социальной работы

Д.Н. Лябегин

Петрозаводский государственный университет

E-mail: sociolog@psu.karelia.ru

По предварительным данным в Петрозаводске сегодня проживают около 1,5 тысяч бездомных. Несмотря на это, решение проблемы бездомности не входит в число приоритетных направлений социальной политики городской администрации. Известно, что возможность реализовать многие из прав, гарантированных Конституцией РФ, россиянин может только при наличии регистрации по месту жительства. Человек без регистрации лишен возможности официально трудоустроиться, не может воспользоваться услугами системы здравоохранения, не получает пенсию и другие социальные пособия, не может голосовать. Как следствие, бездомные лишены элементарных основ жизнеобеспечения – горячей еды, одежды, крыши над головой. Гражданин Российской Федерации, лишившийся регистрации, с формальной точки зрения перестает существовать в обществе, – он попадает в порочный круг, в котором очень трудно избежать бездомности и вернуться к полноценной жизни.

Ряды бездомных людей в России в основном пополняются тремя категориями граждан:

1) бывшие заключенные, освобожденные из мест лишения свободы без необходимых документов, удостоверяющих личность;

2) граждане, лишившиеся жилья и регистрации по месту жительства в результате действий мошенников (в этой группе большинство составляют пожилые, одинокие или в ином отношении уязвимые люди);

3) граждане, утратившие жилплощадь в результате семейных проблем.

Большую часть среди бездомных составляют мужчины (75%). В последнее время наметилась тенденция увеличения в этой группе населения доли женщин и детей.

Осложняет проблему и тот факт, что слово «бомж» уже долгие годы является стигмой, клеймом, носит явно негативный стилистический оттенок. Сочетание этих четырех букв породило в сознании общества неприязнь, отчуждение, иногда ненависть к бездомным людям. Тема бездомности и образ бездомного активно эксплуатируется в русскоязычных СМИ и Интернете. Чаще всего, используя в отношении бездомных слово «бомжи», СМИ распространяют на всю социальную группу негативный образ, который в той или иной степени характерен лишь для незначительной ее части и к тому же не является исключительно специфическим для этой группы.

Анализ феномена бездомности позволяет заключить, что традиционно сложившиеся технологии социальной работы с бездомными «действуют» в условиях кризисной жизненной ситуации клиента, такой, когда клиент балансирует на грани жизни и смерти. С нашей точки зрения, такой подход разрушает саму идею социальной помощи и защиты, и потому в работе с данной категорией клиентов акцент должен быть существенным образом смещен в сторону профилактики этой кризисной ситуации.

Разработке этой задачи посвящены научные и проектные исследования феномена бездомности в г. Петрозаводске. Специфика проводимых исследований состоит в том, что предполагается не только изучить проблемы бездомных, их социальный паспорт, но и проанализировать отношение к этим людям со стороны медицинских и социальных работников, сотрудников правоохранительных органов, простых граждан. Именно этот аспект отличает исследование, проводимое студентами специальности «социальная работа» Петрозаводского государственного университета. По результатам исследования предполагается скорректировать направления и теоретических исследований, и практических разработок, преимущественно заключающихся в предоставлении ночлега, срочной медицинской помощи, комплекса услуг через акцию «Экстренная помощь» (горячей еды, срочной медицинской помощи, теплой одежды и обуви).

Практические технологии социальной работы с бездомными должны учитывать все вышеперечисленное и в описании явления бездомности и, главное, в восприятии его окружающими, от которых требуется поддержка нуждающимся гражданам в виде жизненного и профессионального

опыта, специальной подготовки, доброго слова, простой человеческой доброжелательности и готовности протянуть руку помощи.

Социальные факторы, способствующие развитию тенденции роста числа неполных семей в современных условиях

М.В. Макарова

Уфимский Государственный Авиационный Технический Университет

E-mail: rmakarova@mail.ru

Неполная семья, как модель современной семьи, стала фактом, распространенным практически повсеместно. Причем рост данной категории набирает обороты. Возможность создания неполной семьи, как альтернатива семейного поведения, закрепляется в сознании как зрелых людей, так и молодежи, еще только готовящейся к семейной жизни, о чем свидетельствуют данные многих исследований.

В последнее время социально-экономическая роль женщины в обществе и в семье изменилась. Роль «кормильца семьи» постепенно переходит с мужских плеч и разделяется между супругами. Фактически женщина совмещает и функции, традиционно относящиеся к мужским и женские функции, что становится основой для формирования стереотипа «независимости» женщины. Сегодня женщина имеет возможность хорошо зарабатывать, и в случаях, когда достойного спутника жизни найти так и не удалось, либо при сопоставлении с неудачным опытом семейной жизни со стороны окружения, — одинокое материнство представляется женщине наиболее оптимальным вариантом устройства своей личной жизни. Таким образом, экономическая независимость женщин стала одной из основных причин, облегчающих принятие решения о создании семьи без мужа.

Психологами выявлено, что, пытаясь разобраться в ситуации и определить пути решения, мы ориентируемся в большинстве не на собственный опыт, а на общественное мнение. Очевидно, что сегодня одинокая или разведенная мать не выделяется из толпы в образе «белой вороны» и ее решение крайне редко осуждается обществом. В нашей стране, как и во всем мире, существуют клубы одиноких матерей, общества, в которых заняты женщины, воспитывающие ребенка без мужа. Некоторые женщины общаются между собой и во всемирной электронной сети, на специализированных сайтах и форумах. Женщины делятся опытом решения своих проблем, находят поддержку в словах людей, прошедших через подобные ситуации. Встречаются случаи, когда женщина принимает решение о создании семьи без мужа именно в результате такого общения.

В последние годы в обществе стала очень распространенной тенденция сожительства мужчины и женщины без официальной регистрации отношений — так называемый «пробный брак». Рост удельного веса такой формы брака происходит по ряду причин: 1) желание попробовать себя в новой роли; 2) низкая степень ответственности; 3) мода; 4) воз-

возможность быстро удовлетворить свои потребности: в любви, в заботе, в духовном общении, сексуально-эротическую потребность и другие. При всех очевидных плюсах такой формы отношений, социальное положение сожителей остается неопределенным. Молодые люди, находясь в пробном браке, не могут представлять семью, выступая от ее имени в социальных институтах, поскольку отсутствует формальный статус данного сожительства. Соответственно обязанности и ответственность между партнерами в подобных союзах определяется исключительно их личными установками. В случае рождения ребенка в таком союзе положение женщины становится весьма нестабильным и в последствии риск образования неполной семьи из сожительства гораздо выше, чем в случае зарегистрированного брака.

И, наконец, одним из самых значимых факторов, определяющих нестабильность семейного поведения, является родительский опыт. Многие исследования подтверждают, что процент разводящихся лиц и внебрачных рождений, значительно выше среди мужчин и женщин, воспитанных в неполной семье, чем среди стабильных супружеских союзов. Отчасти виной этому неправильное усвоение полоролевого поведения в неполной семье и масса ошибок одиноких матерей в воспитании ребенка. Однако в повторении негативного семейного опыта родителей прослеживается определенная гендерная зависимость. Данные авторского исследования подтвердили, что женщина в большей степени определяет стабильность семьи, чем мужчина. 50 % опрошенных подростков, чья мать воспитывалась в неполной семье, отметили лояльное отношение к неполным семьям и не исключают возможности создания неполной семьи для себя. Доля респондентов, чьи отцы воспитывались в неполной семье, положительно ответившие на вопрос о возможности создания неполной семьи, составила лишь 9,1 %. Возможно, одна из причин этого кроется в том, что женщина от природы склонна поступать в соответствии с накопленным опытом. Мужчина же, напротив, в силу природной склонности к новаторству, способен изменять свое поведение в зависимости от меняющейся ситуации.

В заключении хочется сказать, что системное изучение факторов, детерминирующих нестабильность семьи, поможет разработать и внедрить в практику профилактические меры, способствующие укреплению статуса семьи и предотвращению роста неполных семей в современном обществе.

Многообразие процессов социального воспроизводства в современном обществе

М.Н. Макарова

Удмуртский государственный университет

E-mail: mtn@uni.udm.ru

В современной ситуации проблемы воспроизводства социальных структур всех уровней приобретают важность не только в связи с потреб-

ностью в социально-демографическом или социально-экономическом регулировании, но и актуализацией проблем трансляции социокультурных схем и изменений социально-классовых отношений. В этой связи становится необходимым построение новых моделей социального воспроизводства, предусматривающих как специфику инновационного потенциала современных обществ, так и необходимость фиксации социальных связей и отношений, обладающих набором относительно устойчивых характеристик.

В социальном воспроизводстве следует выделить два компонента. Первый представляет собой *воспроизводство системы* (например, классовой структуры, или отношений господства — подчинения). Это базовый компонент воспроизводства, предполагающего, прежде всего, сохранение и трансформацию определенных отношений, обеспечивающих сохранение и развитие общества как целого. Второй компонент предполагает *воспроизводство субъекта* как совокупность стратегий и способов поведения и восприятия субъектом социального мира, посредством которых осуществляется воспроизводство системы в целом. Мы рассмотрим три типа обществ, характеризующихся определенными способами социальных связей, механизмами социального воспроизводства, а также типами субъектов с определенным характером идентичности и стратегиями усвоения или изменения социальных условий.

Наиболее простым и в то же время традиционным способом воспроизводства социальных образцов является модель господства — подчинения. Социальное отношение «элита — масса» является наиболее поляризованным в этом типе общества, предусматривающем также иные формы структурирования, однако всякий раз основывающиеся на вертикально-иерархическом распределении ресурсов. Признаком этого типа являются различные формы регулирования вышестоящими структурами (государством, социальными институтами, элитными группами) воспроизводства нижестоящих групп.

В этой форме ведущая роль принадлежит *воспроизводству системы*. На каждом уровне социальной иерархии существуют определенные каналы воспроизводства, которые посредством нормативно-ценностных регулятивов, а также путем создания специфической социокультурной среды регулируют поведение индивида и создают условия для приобщения его к социальным нормам. Этот тип воспроизводства можно назвать *иерархическим*, а тип субъекта — *массовым*.

Вторая модель возникает как ответ на деструктивные последствия первой, в частности, на давление иерархической структуры и контроль социальных институтов над процессами воспроизводства и социальным поведением индивидов и групп. Одним из важнейших механизмов этого типа воспроизводства является идеология, проповедующая оппозиционность как постоянное состояние борьбы с властными структурами и угрозой уничтожения. Поэтому такой тип воспроизводства может быть назван *оппозиционным*, хотя формы протестной деятельности могут быть до-

статочны мирными и ограничиваться лишь саморепрезентацией. Что касается субъекта воспроизводства, то это уже не массовый, а *локальный субъект*, защищающий некие интересы и претендующий на определенную территорию для воспроизводства в рамках существующей системы социальных отношений.

Третья модель основана на глобальных трансформациях постиндустриального общества, нарушающих традиционные формы социальной дифференциации, «прикреплявшие» индивида к определенному институту и тем самым обеспечивающие его воспроизводство. В этих условиях на фоне становления новых структур и их постоянных изменений массовые и коллективные стратегии воспроизводства начинают уступать индивидуальным стратегиям. Следовательно, подобный тип воспроизводства можно назвать *индивидуализированным*, а тип субъекта – *индивидуальным*.

Выделение различных типов воспроизводства является следствием многообразия его способов в современном обществе. Представленная трехмерная модель воспроизводства имеет универсальный характер и позволяет рассматривать различные компоненты социальной структуры и социальные группы, как в контексте воспроизводства их основных характеристик, так и применительно к происходящим в них изменениям.

Сетевой подход к анализу деятельности иностранных инвесторов на российском рынке

Ю.А. Макрушина

Уральский Государственный Университет им. А. М. Горького

E-mail: students2005@mail.ru

Сетевой подход как разновидность структурного анализа имеет ряд преимуществ, предоставляющих особые возможности для исследователя. Прежде всего, вместо традиционной иерархической модели взаимодействий на рынке субъекты взаимодействия в ходе анализа помещаются в горизонтальную плоскость, что позволяет переместить акцент со свойств субъектов на показатели, непосредственно определяющие взаимодействие, и избежать атомистической крайности в построении теоретической модели.

Кроме того, особую значимость приобретают вновь появляющиеся в сложившейся системе взаимодействия связи: их установление и способы поддержания представляют основу структурного анализа в данном подходе. Так, в результате установления новых связей, а также изменения моделей и правил взаимодействия, система приобретает характеристики динамики развития и позволяет отслеживать причины установления либо избегания социального взаимодействия на рынке.

Наконец, субъекты взаимодействия могут быть представлены не только в виде социальных общностей, групп и индивидов, но и в виде отдельных корпораций, фирм, общественных и государственных объединений и т.д., осуществляющих взаимодействие через своих представителей и

предлагающих собственные нормы и правила взаимодействия. Данные институциональные ограничения зачастую вырабатываются непосредственно в процессе взаимодействия и отражают как специфику каждого из субъектов, так и всей их совокупности в рамках социального поля. Соответственно, следуя сетевому подходу, исследователь имеет возможность преодолеть также и нормативность, традиционно присутствующую в структурном подходе к анализу.

В результате, региональный рынок может быть представлен в виде совокупности связей между экономическими субъектами, осуществляющими взаимодействие, которое, в свою очередь, имеет в своей основе экономические мотивы, однако определяется совокупностью институциональных ограничений в виде социальных норм и правил.

Иностранные инвесторы, чей интерес в установлении взаимодействия на российском рынке существенно вырос в девяностые годы двадцатого века, представляют пример субъекта, чей вклад в изменение структуры социальных связей не был в достаточной мере изучен. В то же время, российский рынок, с одной стороны, по-прежнему находящийся в процессе трансформации, а с другой стороны, традиционно характеризующийся значимой ролью социальных связей для возможности осуществления любого иного взаимодействия, предоставляет возможность для применения и проверки возможностей сетевого подхода.

В настоящее время в науке представлены и доказаны как свойственные различным рынкам обе возможные точки зрения о вкладе иностранных инвесторов в структуру социальных связей. Согласно первой из них, иностранные инвесторы представляют собой субъект, вносящий существенные изменения [1]. Устанавливая связь с первым субъектом на местном рынке, иностранные компании анализируют практики, способы организации и ведения бизнеса и впоследствии включаются в более широкие социальные сети [2], имея возможность даже парализовать существующие между экономическими субъектами связи [3].

Согласно иной точке зрения, иностранные инвесторы могут избрать и стратегию избегания, организовав собственную сеть даже после первоначальной включенности во взаимодействие с местными компаниями [3], и предоставить полную автономию своим местным представителям в установлении взаимодействия на местном рынке [4], что повлечет за собой отсутствие изменений в структуре деловых сетей местного рынка.

Учитывая значимость роли социальных связей для осуществления взаимодействия на российском рынке, способы их установления и поддержания иностранными инвесторами как представляют особый интерес для анализа в настоящее время, так и могут быть с успехом изучены с помощью сетевого подхода.

Литература

1. Cooke Ph., Morgan K., The Associational Economy: Firms, Regions, and Innovation. Oxford: Oxford University Press, 1998.

2. Stark D., Vedres B., «Sequences of network ties and processes of regime change and globalization in Hungary, 1987-2001.» // Статья представленная на семинаре Ирландского Фонда Науки по Сетевому конструированию рынков, 2003, Май 27-31.

3. Hardy J., «Cathedrals in the Desert? Transnationals, corporate strategy and locality in Wroclow» // *Regional Studies*, 1998, № 32, С. 639-652.

4. Millhous L., Minnesota firm surviving in the chaotic Russia economic market, 1998. Домашняя страница Вест Честер Университета. Просмотрена 5 апреля, 2004. (<http://communication.wcupa.edu/faculty/millhous/portfolio/russia.htm>).

Отношения власти в университете: критический анализ

О.В. Малец

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: maletz@yandex.ru

Отношения власти в организации, их структура, а также механизмы осуществления власти до сих пор остаются малоизученной темой в отечественной и зарубежной социологии. Целью представляемого исследования является изучение отношений власти в университете как особой организации, которая формально характеризуется демократическим управлением. Результаты исследования показывают, что, несмотря на соблюдение всех демократических процедур, «демократичность» университетского управления является иллюзорной: группы, обладающие наибольшей властью, с помощью разнообразных механизмов обеспечивают принятие решений, способствующих сохранению и воспроизводству их власти и самой структуры властных отношений в университете.

В основе исследования лежит концепция власти как «трехмерного» феномена Стивена Лукса [1]. Эта концепция активно используется в политической социологии для анализа политических конфликтов и их отсутствия в потенциально конфликтной ситуации. Первое измерение власти Лукс определяет в соответствии с классическими теориями власти и демократии (М. Вебер, Р. Даль), в которых власть рассматривается как доминирование той или иной группы в процессе принятия политических решений в ходе открытых переговоров и прений между несколькими группами. В этом случае принятие политических решений основано на ряде принципов: индивиды и группы (посредством своих представителей) могут открыто высказывать все свои предложения и притязания, конфликты являются признаком столкновения или ущемления интересов групп, а неучастие в принятии решений – признаком согласия с принятыми решениями.

Второе измерение власти дополняет первое. Оно определяется как способность групп, обладающих большей властью, препятствовать участию тех или иных групп в политическом процессе и высказыванию их предложений и притязаний. Так, некоторые группы исключаются из при-

нятия решений, а ряд вопросов и вовсе не попадает в список рассматриваемых проблем. Однако и второе измерение не исчерпывает многообразия властных отношений.

Лукс предлагает дополнить первые два измерения третьим. С его точки зрения, власть определяется еще и как способность группы формировать представления представителей других групп об их интересах, потребностях и ожиданиях, иными словами, навязывать идеи и манипулировать их сознанием. Таким образом, власть определяется следующим образом: «А осуществляет власть над Б, когда А воздействует на Б, вопреки интересам последнего», где интересы рассматриваются как то, что Б предпочел бы, если бы у него был выбор [1, с. 34]. Согласно этому определению, группы, обладающие властью, могут добиваться принятия решений, наиболее выгодных для сохранения их собственного положения, даже в условиях демократии посредством создания процедурных и неформальных барьеров для участия групп в принятии решений и высказывания своих притязаний и манипуляции представлениями представителей этих групп о своих интересах.

Эту модель отношений власти подтвердило исследование политического поведения населения долины Аппалачи Д. Гавенты [2], однако оно не дает представления о том, как концепция власти Лукса работает в исследованиях организаций. В апреле-мае 2004 года было проведено исследование вузов Санкт-Петербурга и Ленинградской области методом полуструктурированных интервью с представителями разных групп в социальной структуре университета (преподаватели, руководители, студенты). На основе результатов данного исследования можно сделать вывод о том, что даже в организации, в которой важнейшие решения принимаются коллегиально, демократическим путем, группы, обладающие большей властью, обеспечивают принятие решений, способствующих не только сохранению их власти, но и воспроизводству системы властных отношений в целом.

На первый взгляд и по признанию многих респондентов, конфликты не свойственны высшей школе. Согласно одномерному определению власти, это свидетельствует о существующем внутри университета или факультета консенсусе. Профессорско-преподавательский состав и студенты согласны с решениями, которые принимает избранный ученым совет, кафедра и руководители университета и его подразделений, их интересы не ущемляются, а участия в принятии решений не требуется. Тем не менее, этот консенсус можно назвать ложным. Группы, обладающие большей властью, как правило, руководители университетов и подразделений и близкие к ним влиятельные профессора, используют ряд механизмов для того, чтобы предотвратить возникновение конфликтных ситуаций, несущих угрозу их положению, в том числе путем конструирования формальных и неформальных правил для участия в принятии решений и высказывании своих предложений и притязаний.

Студенты исключаются из политического процесса на факультетах и в университетах в целом, поскольку отсутствуют сами каналы и механиз-

мы влияния студентов на преподавателей и руководителей, а существующие механизмы, как правило, малоэффективны. Если студенты все же находят способ выразить свое недовольство, их претензии и притязания обыкновенно порицаются. Студенческие инициативы не поощряются, влияние студентов на содержание образования сведено к минимуму. Студенты признают, что к их интересам ущемляются в существующей системе властных отношений.

Преподаватели, особенно молодые сотрудники университетов, также признают, что их не всегда удовлетворяет существующая формальная и неформальная структура властных отношений в университете. Руководители университетов и подразделений часто манипулируют материальными, временными и информационными ресурсами для упрочения привилегированного собственного положения и положения приближенных к ним преподавателей. Манипуляции ресурсами как механизм сохранения власти и воспроизводства структуры власти дополняются и культивируемой в высшей школе системой этических норм, благодаря которым многие преподаватели не могут реализовать свой потенциал. Они не верят в то, что могут изменить систему отношений в университете, и этим объясняют свое бездействие. Руководители и близкие к ним преподаватели решают судьбу идей, проектов и инициатив, однако критерии не четки и размыты и зачастую сводятся к апелляции к профессиональному опыту и чутью руководителей и профессоров. Эти решения воспринимаются как окончательные, несмотря на неясность критериев оценки и отбора. Система норм способствует воспроизводству существующей системы властных отношений, поскольку выигрывают в ней те, кто приспособливается к таким условиям в процессе усвоения соответствующих норм поведения.

Многомерная модель властных отношений, предложенная С. Луксом, позволяет вскрыть механизмы воспроизводства властных отношений в университете как особом типе формальных организаций, изучить манипулятивные технологии достижения ложного консенсуса среди членов организации, а именно технологии конструирования процедурных, нормативных и идеологических барьеров для участия в процессе принятия решений, используемых обладающими властью группами для исключения других групп из процесса принятия решений.

Литература

1. Lukes, S. Power: A Radical View. London, 1974.
2. Gaventa, J. Power and Powerlessness. Quiescence and Rebellion in an Appalachian Valley. Urbana, 1982.

Диссипативный характер развития социально-демографических процессов.

Э.Ж. Мамбеталиева

Кыргызский Национальный Университет имени Ж.Баласагына, Киргизия

E-mail: erkay@rambler.ru

В последние 12-15 лет демографические и особенно социальные изменения в Кыргызстане приобрели сложный динамичный, нелинейный, многофакторный, порой хаотический характер. Это обусловлено **открытостью** страны, усиливающейся с момента провозглашения независимости, суверенитета государства в 1991 г., и развитием демократизации нашего общества. Развитие Кыргызской Республики, как сложной открытой системы, имеет позитивные и негативные особенности, формы, сущностные и содержательные моменты. Это относится и к социально-демографическим процессам.

I. О подходе к анализу.

Целенаправленные и стихийные преобразования в Кыргызстане в силу его открытости происходят под воздействием постоянно изменяющихся как внутренних условий, обстоятельств, факторов, так и внешней среды. Извне на Кыргызстан повлияли распад СССР, мировая посткоммунистическая трансформация, глобальные преобразования в постиндустриальных странах, транзитность многих государств, экономические и финансовые пертурбации в мире, всплеск терроризма, рост наркомании, усиление наркоторговли и т.д. Новая фаза духовного, социального, политического и экономического развития коренным образом изменила все условия жизни населения внутри республики и повлияла на социально-демографические процессы. Однако социальная цена перехода от старой к новой жизни, от плановой к рыночной экономике оказалось намного выше, чем ожидалось.

В 2000 г. журналисты как-то спросили А.Акаева: «Чего бы Вы больше всего хотели?». Президент ответил умно и точно, но для широких масс населения непонятно: «Я хочу, чтобы в Кыргызстане не увеличивалась, не возрастала энтропия». И дальше он попытался объяснить этот принцип, даже сослался на Л.Больцмана, но быстро остановился в своем было вспыхнувшем увлечении физикой. С позиций современных наук о сложности — COMPLEXITY — желаемое социальное положение в Кыргызстане было замечено в самой сути.

Попытаемся и мы осветить социально-демографические процессы в нашей стране с «энтропийных термодинамических» позиций, но не в физическом, а в сугубо социальном ракурсе анализа. В физике энтропия связывается с диссипацией — рассеиванием массы, энергии и информации. В отличие от природы в социуме масса предстает как численность населения; энергия — как труд, деятельность, активность людей; информация, в данном случае — это сведения о стране и различных гранях жизни ее народа.

II. Демографическая диссипация.

В последние годы и сегодня диссипативные демографические процессы в Кыргызской Республике проявляются наглядно.

Демографические процессы, определяя изменения структуры населения, одновременно служат исходной базой для исчисления объемов средств, выделяемых на социальное обеспечение. В среднем нагрузка на одного трудоспособного человека в социальном обеспечении нетрудоспособной части населения в республике в 4,5 раза больше, чем в развитых странах, а абсолютная величина в сотни раз ниже. Следовательно, социальные вопросы становятся сверхнапряженными.

Существенно усиливают демографическую диссипацию в Кыргызстане миграция населения, особенно внешняя. Она свидетельствует о неблагоприятном положении дел в связанных с миграцией сферах жизни нашего общества.

III. Рассеивание социальной активности (энергии).

На рубеже II и III тысячелетий у нас в стране происходит интенсивная диссипация и социальной энергии. Об этом свидетельствуют комплекс взаимосвязанных явлений. Прежде всего, это резкое сокращение промышленного производства по всем основным отраслям. Иными компонентами социального диссипативного процесса выступают снижение трудовой активности населения, высокий уровень безработицы, рост внешних (более 1,5 млрд. долларов) и внутренних (около 6,5 млрд. сомов) государственных долгов⁴, разбазаривание и воровство сырьевых, производственных ресурсов, капиталов и т.д. Все это лишь некоторые внутренние факторы, вызвавшие появление и рост бедности населения Кыргызстана, что в свою очередь приводит к снижению деятельностных потенциалов людей.

Линейными подходами и мерками бездумного управления нельзя изменить сложные нелинейные, неоднородные, неравновесные динамические социальные процессы, которые к тому же когерируют друг с другом и интегрируются в совместном воздействии.

В 90-е годы ухудшилось положение стран СНГ по такому глобальному показателю, как индекс развития человеческого потенциала. Основной причиной его снижения стало сокращение доходов. Два других показателя, влияющих на размер индекса – продолжительность жизни и развитие образования – пока оказались у нас менее подвержены внезапным переменам.

Завершая краткий обзор общих характеристик основных современных социально-демографических процессов в Кыргызстане, заметим, что значительный ряд из них в своем диссипативном развитии эволюционирует к необратимости.

---

⁴ См.: Кыргызстан: энциклопедия. Б., 2001. С.246

«Социальное дно»: особенности занятости и образа жизни***Р.К. Махмудов****Ставропольский государственный университет**E-mail: rakimkam@mail.ru*

В последнее время российское общество поляризуется на «сверхбогатых» и «всех остальных», с особой когортой «обитателей социального дна», основу которого составляют люди лишившиеся жилья, работы, и, практически не имеющие надежды на обретение статуса «нормального гражданина». С другой стороны, выделяется и некая «элита социального дна», к которой, как мы считаем, можно отнести людей, занимающихся проституцией. Острота и актуальность указанных выше проблем определили наш научный интерес к проблеме, цель и задачи исследования. Основная цель работы — выявление особенностей и закономерностей распространения явлений «социального дна» в городе Ставрополе.

В 2003-2005 гг. нами было проведено выборочное исследование бомжей и проституток в городе Ставрополе. Исследование проводилось по самостоятельным программам для каждого из указанных выше явлений, что позволило выявить качественные и количественные характеристики проституток и бомжей (их социально-демографическую структуру, особенности некоторых биографий, направления социальной адаптации, микрогеографические черты).

Результаты социологического опроса проституток, телефонного опроса фирм, контент-анализ объявлений в прессе позволил просчитать примерный оборот средств в данной сфере. По нашим данным в городе примерно около 1 тыс. «работников», среднее количество рабочих дней в месяц (в силу разных обстоятельств) составляет около 20, среднее число клиентов — 4-5 человек в день, в среднем «услуги стоят» — 500 руб. Итого за двенадцать месяцев года получаем ежегодный денежный оборот примерно равный 20 млн. долларов (!). Вряд ли в краевом центре найдутся промышленные предприятия или учреждения сферы услуг, способные «перекрыть» данный показатель. Эксперты дают примерно такую же оценку. Учитывая степень осреднения, сумма будет еще больше.

В ходе исследования нами составлен обобщенный социально-демографический портрет проституток в городе Ставрополе и типология проституток, проведенная нами по нескольким критериям. Во-первых, это стоимость «услуг»; во-вторых, «место работы» (конкретная территория в пределах города, четко ориентированная на социально-экономические объекты); в-третьих, внутренний менталитет самой работницы. Итак, по нашему мнению, среди проституток г. Ставрополя выделяются следующие группы:

- люкс («элита», стоимость услуг около 400\$, работают в очень дорогих гостиницах, очень часто имеют постоянную клиентуру из самых высоких социальных слоев города и края, а также высокопоставленных приезжих гостей).

- домашние (стоимость услуг около 600руб., работают только дома, считают, что ни при каких обстоятельствах не поменяют характер своей «занятости»);
- «фирменные» (стоимость услуг около 500руб., работают в специализированных фирмах, возможен переход в другие типологические группы);
- гостиничные (стоимость услуг около 600руб., работают в гостиницах, одна из «низших» типологических групп);
- дорожные или «плечевые» («дно» проституции, стоимость услуг около 200-300руб., практически не имеют шансов «выбраться наверх»).

Каждый тип проституток имеет свою пространственную организацию в пределах города (домашние, например, в спальных районах; «плечевые» – на главных транспортных артериях города; элитные в дорогих гостиницах, ресторанах, клубах).

Количество проституток и цены на их услуги постоянно растут, так, по нашим данным в 2003 г. в Ставрополе было около 30 фирм «секс-индустрии», а в 2005 г. их число перевалило за 50, а цены выросли более чем вдвое.

Исследование бомжей дало следующие результаты: в городе по данным МВД их около 700 человек. Многие из них занимаются попрошайничеством. Социальный портрет пауперов. Возрастная структура: 7-20 лет (30%), 20-30 лет (10%), 30-60 лет (60%). Образование: начальное – 25%, неполное среднее – 50%, среднее специальное – 20%, высшее – 5%. В числе опрошенных: 25% из других регионов России, 25% из стран СНГ (Молдова, Украина), остальные из Ставропольского края.

Причинами, по которым они оказались на «дне», были названы: алкоголизм и наркомания; тюремное прошлое; смерть кормильца; «кинули» при операции с недвижимостью;

Их средний дневной заработок – 40-70 рублей. Как правило, перспектив в жизни они не видят, считая себя ненужными людьми.

Нами составлены карты и снят фильм о жизни обитателей «социального дна» совместно с одной из телекомпаний края. Разработаны практические рекомендации по решению проблемы «социального дна».

В целом проблема оказалась намного шире и многограннее, чем мы ожидали. Результаты нельзя оценивать однозначно. Итак, проблема ждет своего решения, которое вряд ли будет скорым и легким, а пока к ней нужно привлекать внимание ученых, СМИ, общественных организаций.

Конструирование социокультурного пространства провинции (на примере молодежной субкультуры г. Хабаровска)

О.А. Мизко

Хабаровский Государственный Педагогический Университет

E-mail: mizko@yandex.ru

Регионы (районы) – одна из очень многих форм организации людей в пространстве, переход к анализу человека в контексте региональной са-

моидентификации – это исследование провинции, ее субъектов, объектов, границ, страт как элементов социокультурного пространства. Исследование и конструирование, понимание и творческая работа со спецификой конкретной территории отнюдь не означают замыкания на региональности, нужно учитывать провинциальную ментальность (обусловленную некоторой степенью замкнутости на региональных проблемах) как общее и территориальную принадлежность как частность.

Социокультурное пространство – это проблемное поле, ограниченное определенным набором субкультурных страт, возникших в связи с осознанием наличия в обществе не просто социальных групп, но и наличия «субкультурных общностей», носителей субкультурного сознания. В отличие от социального пространства, основа и сущность социокультурного – в отсутствии заданной иерархии, в принципиальной равноправии субкультур, деление на которые осуществляется на основании сходных картин мира, социокультурное пространство уникально для каждого конкретного города, и напрямую связано с понятием «образ города». Образ города – это проявление группового сознания горожан; его элементы отражают пространственно-временные особенности города с учетом характеристик его культурных феноменов.

Целью нашего исследования является изучение специфики социокультурного пространства конкретного города в зависимости от степени провинциальности, как меры историко-культурного развития. Объект исследования – молодежная субкультура г. Хабаровска как часть пространства провинциального города.

Одними из показателей провинциальности социокультурного пространства являются: 1) замкнутость; 2) плотность и структурированность; 3) однородность. На примере молодежной субкультуры г. Хабаровска мы попытаемся определить уровень провинциальности данного города и его специфику.

1) Замкнутость социокультурного пространства провинции – это показатель, как законченности, целостности общественной системы, так и ее консерватизма, ограниченности внутренних резервов. Это сопровождается складыванием своей социокультурной мифологии (миф о феномене дальневосточной рок-музыки), оформлением высоких рейтингов местных художественных объединений и т.д. Большинство из представленных в городе молодежных субкультур (толкиенисты, рок-музыканты, рейверы, рэперы и др.) в настоящее время не пытаются выйти на межгородской, межрегиональный и всероссийский уровень, а предпочитают замкнутость провинциального пространства своего города, на этом уровне претензионность данных объединений выглядит более адекватной реальности.

2) Структурированность и плотность социокультурного пространства провинции связаны с отсутствием механизмов гибкого взаимодействия официальной и неофициальной культуры. Высокая степень структурированности аппарата официальных культурных учреждений не позволяет многим из неофициальных объединений приобрести статус официаль-

ных для содействия развитию своего движения. До сих пор нет ни одного официально зарегистрированного клуба ролевых игр, а это связано и с переходом на коммерческую основу, и с постоянной территорией, с финансированием, с иным социальным статусом.

3) С замкнутостью социокультурного пространства связана однородность его элементов и их взаимодействие на единых принципах. Отсутствие или недостаток разнообразия субкультур активизирует энтропийные тенденции в социуме, отсутствие явной творческой дифференциации внутри самих молодежных субкультур приводит к стагнации и регрессу самого явления. Это связано в первую очередь с большим количеством расколов внутри субкультур и созданием огромного числа новых объединений на базе старых, с сохранением тех же культуротворческих характеристик и свойств. Не создаются инновационные проекты, а распадаются старые на одинаковые, однородные элементы. Единство здесь достигается не через разнообразие и сосуществование различных позиций, а через подобие и соответствие какому-то общему стандарту.

Таким образом, на основании анализа молодежной субкультуры г. Хабаровска мы можем сделать вывод о прямой связи провинциальной ментальности со спецификой социокультурного пространства конкретного города. Оценочный анализ данной специфики, прогноз дальнейшего развития ситуации — основа последующих исследований, что послужит не только интересной научной темой, но и актуальной с точки зрения прогнозирования и моделирования будущего развития российского общества.

Традиции в трансформирующемся обществе.

Е.А. Мирошниченко

*Харьковский гуманитарный университет
«Народная украинская академия», Украина
E-mail: marfusha.m@mail.ru*

«Традиция с биологической точки зрения есть форма коллективной адаптации общины к её среде. Уничтожьте традицию, и вы лишите социальный организм его защитного покрова и обречёте его на медленный неизбежный процесс умирания».

Б. Малиновский.

В реальных социальных условиях можно обнаружить множество комбинаций современного и традиционного. Следует признать, что традиции сегодня — не самый популярный предмет социологического анализа. Расхожее противопоставление традиционных и модернизированных обществ относит традиции в условное архаическое прошлое и не находит им места в современности, не говоря уже о будущем. Неоднозначность трактовки традиций, их роли в разные периоды жизни социума актуализирует исследовательский интерес к этому социальному феномену.

Во второй половине XX века отечественные и зарубежные исследователи получили весьма важный результат, раскрывающий сущность и функциональное предназначение традиций в целостной исторической

практике народа. Было установлено, что традицию нельзя рассматривать как статическое образование — она способна отзываться на требование времени, адаптироваться к переменам. Источник трансформации находится в самой традиции, ибо в ней тесно переплетены креативно-динамические и стабилизирующие элементы. Традиция способна интегрировать новые элементы, заметно обновляться по форме и отчасти изменять свое содержание. Вместе с тем она сохранится до тех пор, пока в ней действует скрытый алгоритм связи ценностных доминант (культурных образцов), на которых она базируется изначально [1]. В этой связи имеет большое значение соотношение традиций и инноваций. Если традиция — устойчивый элемент культуры, основа механизма преемственности, то содержание инновации, находящейся в определенном противоречии с традицией, может возникнуть только в ее недрах. Тем самым традиция определяет направленность социальных трансформаций, выступает ограничителем инноваций и важным критерием их легитимности в представлении основной части населения.

Потенциальную роль традиций в современном обществе замечательно иллюстрирует пример социальных изменений в Юго-Восточной Азии, соответствующих такой перемене отношений между ценностями и социальными институтами, когда старые ценности явились источником институтов современности. Для опыта Юго-Восточной Азии характерно сближение антагонистических черт традиционного и современного общества, их взаимодополнительность, включающая в себя ориентацию на новое, с учетом традиции; использование традиции как предпосылки модернизации; светскую организацию социальной жизни, но значение религии и мифологии в духовной жизни; значение выделенной персональности и, вместе с тем, одобрение и использование имеющихся форм коллективности; сочетание мировоззренческих и инструментальных ценностей; совмещение психологических характеристик человека традиционного и современного общества; эффективное использование науки при осуществлении традиционных, ценностных легитимаций социального выбора, соотношение локального и глобального. Такой список мог бы быть сконструирован как мысленная попытка смягчить конфликты модернизации, но она показалась бы утопической, если бы не было реально успешного поиска новых институтов и структур на основе традиции [2, 3].

Каждое столкновение с западной системой ценностей превращается в испытание на прочность традиционных систем; некоторые традиционные формы бытия социума не выдерживают беспрецедентного натиска западных моделей, которые основаны на мощнейшей унификации многих сторон жизни. Всё большее место занимают симптомы социальной атомизации, индивидуализма западного толка. Нигилизм сгустился в некий феномен, охвативший группы людей, целые народы и бесчисленное количество индивидов. Равнодушие, различные наркомании, некритическая терпимость и цинизм, стремление к власти ради власти, овеществле-

ние человека, оправдывающее порабощение во имя свободы и убийство во имя жизни, — список более чем характерный для ставших уже привычными констатаций экзистенциального неблагополучия современного человека, социальных групп, общества в целом.

Однако это ещё не означает, что исторически сложившиеся нормы и ценности напрочь исчезают из жизни общества. Они могут принимать непривычные формы; в результате симбиоза традиционных норм и постмодернистских прагматических принципов может образоваться некий новый концепт (как показывает опыт Юго-Восточной Азии). В условиях современной интенсификации социальных процессов традиции не могут оставаться неизменными. Сегодня их усвоение связано с определёнными изменениями, реинтерпретацией. В целом, всё более очевидным становится колоссальный адаптационный потенциал традиционализма. Каким бы сильным ни было давление западных ориентиров, традиционные ценности не исчезнут, а окажутся органически встроенными в национальную культуру.

Литература

1. Социология. Основы общей теории (под ред. Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева). М.: Норма, 2002, с. 150-151

Интеграционный потенциал системы образования в современных условиях

Е.Г. Михайлева

*Харьковский гуманитарный университет
«Народная украинская академия», Украина
E-mail: soc@nua.kharkov.ua*

Современное общество стремительно движется по глобализационной траектории. Данная траектория сопровождается комплексом интеграционных и сегментационных тенденций, которые охватывают значительную часть социальных процессов.

Образование в таких условиях играет особую роль. Оно становится тем социальным институтом, благодаря которому социальные субъекты могут успешно реализовывать свой потенциал и наиболее успешные социальные практики.

В конечном итоге образование все больше приобретает значение некоторого «производителя ресурса», который в условиях вызовов современности выступает ведущим в общественном развитии.

Именно в силу такой роли, а также благодаря своим традиционным функциям институт образования наполняется некоторым интеграционным потенциалом, значимым для социума в целом.

Тем не менее, современное состояние системы образования в трансформирующихся обществах сегодня нестабильно, рассогласовано с потребностями социума, и поэтому находится в поисках собственной обновленной стратегии развития.

Достаточно активное влияние на данные процессы оказывает формирование единого образовательного пространства в общеевропейском масштабе и между странами СНГ. И если в отношении последних развитие систем образования в значительной степени синхронизировано, то выход на европейское образовательное пространство требует значительных корректировок в подходах к развитию образования.

Значительный потенциал решения этих задач лежит внутри самой системы образования, который усиливается тенденциями развития непрерывного образования в мире. Одним из непосредственных механизмов, способствующих этому, выступает интеграционный потенциал образовательного пространства, что может выступать как средством включения в ведущие тенденции развития образования, так и способом сохранения сильных сторон национальных образовательных систем.

На сегодняшний день потребность в интеграции такого рода уже сформирована — 74% специалистов в сфере образования считают, что интеграция образовательного пространства в современной Украине необходима⁵. При этом, следует отметить, что рассматриваемые сегодня приоритеты интеграции отражают те ключевые потребности, которые существуют в системе образования. Так, 28% экспертов определяют приоритетность интеграции между всеми учебными заведениями Украины (что подчеркивает стремление к объединению для усиления национальной системы образования). 24% акцентируют внимание на необходимости интеграции между учебными заведениями одного профиля подготовки (что отражает тенденцию профессионализации концепции образования в целом, а также стремление к более успешному позиционированию специальностей в образовательном пространстве и на рынке труда и профессий). 20% склоняются к мнению о необходимости активной общеевропейской образовательной интеграции.

Безусловным лидером в определении направлений и цели интеграции выступает сегодня обеспечение качества образования (50%).

Очевидно, что в современных условиях реализация интеграционного потенциала системы образования сталкивается с рядом трудностей. Наиболее активно вмешивающимися факторами с этой точки зрения являются социальные и технологические факторы, а теми, кто способствуют осуществлению интеграционных процессов — экономические и политические.

Таким образом, интеграция национальных образовательных пространств рассматривается сегодня как средство эффективного решения проблем, существующих в системах образования. Наряду с этим, она может способствовать эффективному выполнению системой образования своих функций.

---

⁵ Экспертный опрос специалистов в сфере образования, проведенный в декабре 2003 - феврале 2004 года кафедрой социологии ХГУ "НУА". Методом анкетирования опрошено 38 экспертов, представляющих все регионы Украины.

Перспективы и тенденции развития российской модели управления*А. С. Мужичек**ФГОУ ВПО Ставропольский государственный аграрный университет**E-mail: cniiad@stgau.ru*

В каждой стране бизнес, а, следовательно, и менеджмент имеет свое «национальное лицо», свои отличительные особенности, во многом обусловленные историческими и культурными традициями. В российской теории управления научное и практическое значение приобретает проблема изучения перспектив и тенденций формирования и развития российской модели менеджмента.

Многие исследователи утверждают, что сегодня говорить о специфическом российском менеджменте еще рано. Однако существует и другая точка зрения, связанная с констатацией факта становления российской модели менеджмента и изучения тенденций ее развития, представленная такими учеными, как А. П. Прохоров и др. Социально-экономическая ситуация в России сложилась таким образом, что российская модель управления претерпевает значительные изменения и, по мнению специалистов, «в переходных к рынку условиях модель российского менеджмента только формируется» [1].

История российской модели менеджмента — это «в первую очередь история неуклонного совершенствования форм и методов противостояния государства, с одной стороны, и населения (объединенного в первичные производственные и социальные ячейки-кластеры) — с другой» [2].

Традиционная для России управленческая модель сводится, прежде всего, к жесткому государственному контролю экономической жизни. В ее рамках путь преодоления отставания — «проведение модернизации по западным образцам с помощью государственной мобилизации ресурсов общества и перераспределения их на решающие направления» [3]. XX век убедительно продемонстрировал, что «у России стремление к мировому признанию сильнее инстинкта самосохранения» [4]. Высказывается не лишнее оснований мнение о том, что «общественный консенсус по поводу неприемлемости зависимого положения России в мире и недопустимости превращения ее во второстепенную страну может стать основой новой национальной идеи» [5]. Из этой ситуации возможен один выход — модернизация национальной модели управления ради сохранения базовых характеристик. Таким образом, наиболее вероятной перспективой российской модели управления является ее дальнейшее развитие.

Россия уже «переросла» ту стадию развития, на которой государственный аппарат «склеивает» разрозненное общество и выступает ключевым звеном системы управления, но еще не созрела для передачи основных управленческих функций непосредственно гражданам. Следовательно, эти функции придется осуществлять промежуточным уровням управления — все тем же кластерным структурам, предприятиям и организациям.

В конце 80-х — первой половине 90-х XX века социальная структура российского общества кардинально изменилась. Появился класс пред-

принимателей. Однако в целом можно констатировать, что единый предпринимательский класс со своей системой ценностей, общими правилами поведения и образом жизни все еще продолжает формироваться.

Новое поколение руководителей, по мнению И.Лавровского, «не думает о том, какая модель им ближе: американская или японская. Теперь понятно, что никакая. То есть им близко все» [6].

Исследования показывают, что отдельные регионы России предрасположены к разным экономическим моделям, существующим в странах с развитой рыночной экономикой. Модель западно-европейского менеджмента более приемлема для Северо-Западного региона, в том числе Санкт-Петербурга, Новгорода, Пскова и для ряда районов Западной Сибири. А для Восточной Сибири, центра Урала и Московской области, как оказывается, больше подходит американская модель хозяйствования.

В связи с развитием глобализации, под которой мы будем понимать «открытость границ для торговых и финансовых потоков и ведение международного бизнеса на уровне транснациональных корпораций (ТНК)» [7], бросающей за всю историю бизнеса самый масштабный вызов руководителям, требуя от них такой гибкости, которая возможна лишь при полной гармонии со средой как вне компании, так и внутри нее. Поэтому глобализация несет в себе не только новые возможности, но и огромные риски.

Сегодня каждая компания в соответствии с задатками, пристрастиями и опытом своих руководителей, в зависимости от интеллектуального уровня персонала, финансовых возможностей и других причин творит собственную, неповторимую модель управления»

Креативность, по признанию экспертов является самой яркой отличительной чертой наших руководителей. Но в то же время российские руководители не устают демонстрировать насилие, склонность к авторитарности, вместо гибкости — нежелание играть по каким бы то ни было правилам.

Отсутствие внятной долгосрочной стратегии, неопределенное отношение государства к бизнесу порождают у последнего проблему целеполагания и самоидентификации. Неопределенность питает негативные представления о бизнесменах в массовом сознании и по существу блокирует установление партнерских отношений между работниками и работодателями.

Две модели менеджмента в конце концов могут быть названы российскими. Первую воплощает небольшая (с точки зрения глобальной экономики) компания с авторитарным лидером во главе, который является ее собственником и менеджером одновременно. Руководитель, гибко реагируя на изменения во внешней среде, переносит господствующие там принципы жизни — не по законам, а «по понятиям» — внутрь компании, рассматривает государственную власть не как гарант равных условий конкуренции, а как средство получения вне рыночных конкурентных преимуществ.

Вторая модель российского менеджмента, которая пока выглядит утопией, — это глобальный бизнес, ориентированный на долгосрочное развитие. Конкуренентоспособность ему придает профессиональный менеджмент, опирающийся на гармонию взаимоотношений внутри фирмы. Такие национальные особенности, как гуманитарный склад ума, умение работать в команде, творческий подход к решению проблем, придают менеджерам дополнительную гибкость. Эта модель станет реальностью при одном условии: если менеджеры сумеют склонить общественное мнение на свою сторону, и государство уменьшит свое вмешательство в сферу предпринимательства. А сделать это можно только при помощи высокой управленческой культуры и постоянному совершенствованию профессиональных навыков российских менеджеров.

Литература

1. Казначевская Г.Б. Менеджмент. — Ростов н/Д, 2002, с. 46.
2. Прохоров А.П. Развитие российской модели менеджмента // «Менеджмент в России и за рубежом», № 2, 2003, с.37
3. Там же, с.39
4. Прохоров А.П. Русская модель управления. — М., 2002, с. 25.
5. Нестеренко А. Переходный период закончился. Что дальше? // Вопросы экономики. — 2000. — № 6, с. 15.
6. Лавровский И. Русский размер менеджмента, или рецепты издалека // Эксперт. — 2000. — № 25, с. 20-21.
7. Приказчиков Д. Глобализация: взгляд с порога тысячелетия // Управление в России: отказ от иллюзий. СПб, 2000, с. 79.

Government relations как механизм реализации интересов.

А.М. Мысягин

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: totru@rambler.ru*

Понятие *government relations* (GR) — взаимоотношения с государственными органами власти вышло из понятия *public relations* (PR) — взаимоотношения с общественностью. Изначально, GR считался составной частью PR, но в сегодняшнем конкурентном мире, именно отношения с властью играют важнейшую роль, как в сфере бизнеса, так и политики.

В сегодняшней России необходимость хороших отношений с государственными структурами стала аксиомой. Проблема заключается в характере принятия важнейших государственных решений, потому что, как известно, все решения в России принимает Администрация президента В.В. Путина. Власть сегодня контролирует как хозяйственные процессы (любая компания должна спросить разрешение на продажу или покупку промышленного актива), так и политические (де-факто контроль над «независимыми» Государственной думой и судами, создание гражданского общества «сверху»). Подобная централизация на государственном уровне, что, как показывают опросы общественного мнения, не беспокоит

ит россиян, привела к укреплению вертикали власти и на местах, в регионах. Данная ситуация опасна уничтожением оппозиции и, как следствие, установлением авторитаризма.

При таком положении вещей в теоретической плоскости необходимо рассмотреть концепцию «заинтересованных групп» А. Бентли. В основе теории Бентли и его подхода к изучению процесса государственного управления лежит понятие деятельности людей, предопределенной их интересами и направленной на их реализацию. Общие интересы объединяют людей по группам, которые различаются по своей деятельности. Деятельность «заинтересованных групп» и их взаимодействие рассматриваются как постоянно изменяющиеся процессы, в ходе которого осуществляется давление общественных сил на правительство с целью принятия или непринятия политического решения. В ходе этого процесса доминантами выступают сильные группы, заставляя повиноваться более слабые, а само государственное управление включает в себя урегулирование конфликтов и достижение равновесия между соперничающими группами.

Данная концепция видится идеальной для характеристики технологий GR, так как под заинтересованной группой может подразумеваться как бизнес-группа, так и группа политиков. Главная задача технологий GR — создание благоприятного имиджа членов заинтересованной группы в глазах представительной власти. Поэтому всемирно признанная технология GR — *лоббизм* в России уходит на второй план. Лоббизм подразумевает давление, как прямое, так и опосредованное, а российская власть не приемлет такого отношения. Безусловно, в определенных рамках давление возможно, но как показал пример М. Ходорковского, чиновничество не потерпит даже возможности уменьшения их влияния.

Исходя из тезиса — самые мощные заинтересованные группы — это представители бизнес-структур — то стоит отметить *два основополагающих метода*, которые чаще всего используются в рамках GR:

1. *полная аполитичность* — невмешательство в политический процесс, участие только с одобрения власти.

2. *полная лояльность* действующей власти — отсутствие критических замечаний по решениям исполнительной власти; активное участие в благотворительности, социальных проектах и развитии «гражданского общества», которое санкционировала власть; спонсорская помощь «партии власти» и других партий, которые поддерживает власть; предоставление медиа-активов для реализации целей власти.

Еще одной особенностью взаимоотношений заинтересованных групп и власти в России является *отсутствие плюрализма мнений*. Представители власти «привыкают» к определенному кругу заинтересованных групп, члены этого круга фактически имеют права монополиста в своих отраслях, что, безусловно, негативно сказывается на развитии страны в целом.

Важной чертой российского GR является *вынужденный характер*. Это связано с несовершенством законодательства и в целом неэффективности системы. Сейчас каждая организация в стране, не имея хороших от-

ношений с органами власти, ставит себя в очень трудное положение. Разумеется, для политической организации данный факт может иметь положительный оттенок, но для коммерческой организации сложные отношения с властью принесут только отрицательные аспекты развития.

Говоря о перспективах развития GR в России, можно предположить, что GR будет развиваться такими же темпами, как будет развиваться бизнес в России, а развитие бизнеса напрямую зависит от развития демократии и конкурентного рынка.

Литература

1. Перегудов, С.П. Группы интересов и российское государство/ С.П. Перегудов, Н.Ю. Лапина, И.С. Семенов. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 350с.
2. Джордан, Г. Группы давления, партии и социальные движения: есть ли потребность в новых разграничениях?/ Г.Джордан //МЭиМО. – 1997. – №1. – с.23-39.
3. Паппэ, Я.Ш. Олигархи. Экономическая хроника 1992-2000/ Я.Ш. Паппэ. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 243с.
4. Минченко Е.Н., Студеникин Н.В. Современные тенденции в технологиях лоббизма. //http://www.stratagema.org/lobbizm.php?tpc=10851438839772354655&onetpg=full10851438839786406873
5. Наумов С. PR и GR в одном флаконе.// Http://www.stratagema.org/lobbizm.php?tpc=10946504782477974498&onetpg=full10946504782510701290

Социологический анализ категории «доверие»

Т.В. Мышляева

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

К изучению проблемы доверия обращались многие исследователи и мыслители, проблематика доверия имеет богатую социологическую традицию. В современном социологическом знании наблюдается всплеск интереса к проблеме доверия, особенно активно доверие изучается в рамках экономической социологии. Доверие является тем необходимым компонентом, который образует контекст, способствующий построению эффективного взаимодействия. В социологической теории понятие доверия имеет, как минимум, четыре основания своего определения.

1. Культурный код общества, разделяемые ценности, переходящие в социальный капитал
  2. Форма знания, используемая для решения проблем информационного дефицита в ситуации принятия решения
  3. Рационализированный способ решения проблем рисков, определенный вид инвестиций
  4. Стабилизация ожиданий в условиях возрастания ролевой сложности
- Рассмотрение проблем доверия сквозь призму проблем культуры и социального капитала общества характерно преимущественно для теоретических построений Э.Дюркгейма, Ф.Фукуямы, Р.Патнэма, П.Штомпки. Э.

Дюркгейм рассматривал проблему доверия через теорию социальной солидарности. Именно тождественность изначальных ценностей членов общества является основной предпосылкой интеграции и социального порядка общества. Общие нормы и ценности объединяют людей и делают их поведение предсказуемым, что является условием возникновения доверия и сотрудничества между индивидами в современных обществах.⁶ Фукуяма считает, что доверие основывается на этических ценностях, которые разделяют представители определенной группы или общества. Штомпка определяет доверие как культурный ресурс, способствующий реализации потенциала действия. Доверие рассматривается как инструмент перехода в неизвестное будущее. Штомпка обращает свое внимание на различные явления и феномены, сопровождающие процесс доверия.

Доверие как механизм стабилизации ожиданий

Культурные ценности и поведенческие нормы образуют определенную структуру, в рамках которой осуществляется социальное взаимодействие. Тесную связь между доверием и определенными социальными ожиданиями, характерными для данного типа общества, отмечал еще Ф. Теннис. Рассмотрение доверия как механизма стабилизации ожиданий в условиях возрастания ролевой сложности характерно для модели доверия, предлагаемой А. Селигменом. А. Селигмен, изучая феномен доверия, выявляет его существенные отличия от таких феноменов, как вера и уверенность. Анализируя «доверие к абстрактным системам», Селигмен выделяет в этом явлении два аспекта: доверие как ощущение ответственности, долга, обязанности (trust) и доверие как значимая степень достоверности, уверенности в завтрашнем дне (confidence). В своей работе он опирается на первую трактовку этого понятия и тесно увязывает его с термином «социальная роль». Подход к доверию как механизму стабилизации ожиданий с несколько иных позиций демонстрирует Э. Гидденс. Здесь доверие играет роль механизма стабилизации ожиданий в рамках отношений человек — система и реализуется через доверие к абстрактным системам.

Доверие как форма знания об окружающем мире

Третьим основанием выделения доверия является акцент на его когнитивной функции. Среди классиков такой подход демонстрирует Г. Зиммель в книге «Философия денег». Он рассматривает обмен как символ современности, как доминирующее социальное отношение в обществе, ярким выражением которого является система кредитования. Подход к доверию как форме знания о мире в целом, получает новый импульс развития в рамках теории жизненного мира, разработанной А. Шюцем. Здесь доверие анализируется на микроуровне и рассматривается скорее как процесс, а не как явление. Шюц выделяет особый вид доверия, его можно называть доверительностью (trustiness) или установкой на доверие.

Доверие как рациональный способ решения проблем рисков

Н. Луман рассматривает доверие как один из механизмов минимизации рисков и решения проблемы информационного дефицита при необходимости принятия решения. В изложении Лумана доверие является

⁶ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995

рациональным механизмом минимизации рисков, следствием функционирования которого является стабилизация ожиданий. Центральная особенность связана с временным аспектом доверия. Индивид, демонстрирующий лояльность, изначально выражает согласие с принятием неизвестного сценария будущего. У термина доверие есть некоторые ограничения: доверие функционирует как механизм только в том случае, если есть какая-либо критическая альтернатива. Механизм доверия направлен на рациональную оценку и выбор наиболее выгодной альтернативы. Уверенность не приемлет рациональный анализ альтернатив, это механизм нейтрализации, устранения альтернатив, индифферентность к выбору.

Конфликтогенность современного карьерного роста молодежи

Л.В. Назарова

Ростовский государственный университет

E-mail: ippk2004@yandex.ru; info@ippk.rsu.ru

В общественном смысле карьера человека зависит от тех условий, которые создает общество в плане развития личности, получения образования, воспитания в семье и других социальных институтах. В условиях демократии формируется наиболее благоприятная среда, с точки зрения, поливариантности в выборе карьерного пути индивидом, а также благодаря возможности доступа к различным карьерным ресурсам. Но существуют и объективные трудности профессионального самоопределения молодежи в условиях неясности перспектив развития в стране ряда отраслей производства, плохого материального обеспечения сфер науки, культуры, образования.

Карьера – это субъективно осознанные собственные суждения работника о своем трудовом будущем, ожидаемые пути самовыражения и удовлетворения трудом; это поступательное продвижение по служебной лестнице, расширение навыков, способностей, квалификационных возможностей и размеров вознаграждения, связанных с деятельностью работника.

Интерпретация конфликта как средства достижения индивидами или группами собственных целей внутри организации относится к целевому подходу изучения конфликтов. Индивиды и группы в первую очередь заинтересованы в преследовании своих собственных интересов даже за счет организации в целом, что и является источником конфликта. Карьерный рост молодого человека обязательно включает такие форму протекания конфликта как конкуренция – это особый тип противоборства, цель которого получения одностороннего преимущества или доступа к дефицитным ресурсам. В конкуренции четко обозначены и осознаемы цель и конечный результат.

Принадлежность индивида к определенной социальной общности следует рассматривать в качестве стартовых условий самореализации личности, занятия определенной позиции, обеспечивающей карьерного роста в будущем. Потенциал карьеры в данном случае определяется мес-

том социальной общности в общественной иерархии. Люди, принадлежащие к различным стратам, имеют неодинаковый уровень дохода и, следовательно, разные возможности в получении образования, приобретении других условий социализации личности. Это приводит к росту агрессивности и конфликтности в современных организациях и обществе в целом, а также не востребованности в ресурсах целостного человека, фрустрации одной из основных потребностей индивида как субъекта — в самореализации и самоактуализации, что способствует подавлению потребности человека в развитии.

Проблема молодежной интеграции в общество усиливается: постоянно требуется доказывать, что ее социальное влияние определяется ясным видением « нового жизненного мира ». Ощущение нестабильности молодежи и незащищенности характерно для 60,1% молодых людей. Страхи и тревоги вызваны не виртуальными фобиями, а отсутствием социальных вакансий для молодежи, нерешенностью проблем прогрессирующей безработицы.

Организация — это, в некотором смысле, « замкнутая община ». Молодой работник в организации на виду у всех, сотрудники как бы связаны « круговой порукой », анонимность действий искажается, одобрение или одобрение коллег играет решающую не только в психологическом самочувствии, но и в карьере. Внутриличностные методы заключаются в умении правильно организовать свое собственное поведение, высказать свою точку зрения, не вызывая защитной реакции со стороны другого человека. Для этого нужно вводить учебные программы по формированию конфликтной компетентности которые обусловлены решением следующих задач: преодоление негативного отношения к конфликту; формирование навыков анализа конфликтных ситуаций; освоение навыков ведения переговоров для разрешения противоречий; тренировки навыков конструирования продуктивных конфликтов; овладения способами организации бесконфликтного поведения. [1].

Урегулированный конфликт улучшает психологические характеристики коллектива и вызывает интенсификацию социальной активности. Чтобы карьера молодежи в организации имела менее конфликтногенную, иерархически упорядоченную тактику, безусловно нужна поддержка руководства. Руководитель должен наряду с решением повседневных управленческих проблем мотивировать людей к действиям, нацеленным на будущее процветание организации и персонала. Дж. Бернс назвал его « трансформационным лидером ». [2].

Актуальность темы исследования вызвана тем, что хроническая нехватка адаптационных, воспроизводственных, инновационных, институциональных и социально-психологических ресурсов работников, деструктивные противоречия между ними вызывают аккумуляцию протестного потенциала в сфере трудовых отношений на производстве, потенциально опасного для неокрепшей российской рыночной экономики. [3].

В заключение, хотелось бы отметить, что в каждой отдельной ситуации конфликт предстает не только как неизбежный, но и необходимый для

инновационных изменений, элемент организационной жизни. Именно в этой ситуации молодежь может обнаружить свой потенциал и стать заметным для других, что увеличивает возможность карьерного роста.

Литература

1. Хасан Б.И. Конструктивная психология конфликта. СПб., 2003.
2. J. Burns. Leadership // Harper & New York. 1978.
3. Шаленко В.Н. Социально-трудовые конфликты в России: анализ динамики и методы разрешения // Социальный протест и трудовой конфликт. Под ред. В.В. Козловского. СПб., 1999.

Новая парадигма образования и динамика образовательных технологий.

Е.В. Науменко

*Ростовский Государственный Университет
E-mail: ippk2004@yandex.ru; info@ippk.rsu.ru*

Проблема кризиса высшего образования возникла не сегодня и является своеобразным промежуточным итогом трансформации системы высшего образования.

Кризис образовательной системы проявляется в следующем:

1. В том, что человечество вступило в новую фазу своего развития, получившую название информационное общество. В связи с этим возникает проблема освоения нарастающего потока профессиональной информации. Отставание в решении этой проблемы порождает эффект функциональной неграмотности, не позволяющей специалисту эффективно выполнять профессиональные функции после окончания высшего учебного заведения.

2. Доминирование в обучении традиционной «информационно – знаниевой» парадигмы, средством которой является репродуктивная методика: трансляция готового знания по предмету, направленное на расширенное знание (принцип энциклопедизма) [1]. Обучение ориентировано на запоминание и воспроизводство полученных в ходе обучения знаний, умений и навыков. В системе образования в XX столетии на первый план выступают задачи объяснения и понимания огромного, накопленного всеми предшествующими познавательным опытом фактического материала (принцип теоретизма). В результате выпускнику необходимо пополнять багаж полученных в вузе знаний, которые координально меняются в течении 3-5 лет.

Анализ социального мониторинга студентов и выпускников вуза, а также опроса работодателей показал, что более 74% выпускников трудоустраиваются не по специальности после окончания университета, 10,9% продолжают обучение в магистратуре, аспирантуре и менее 3% состоят на учете в службах занятости.

Изменения образовательных технологий в высших учебных заведениях является актуальной проблемой, которая в равной степени затрагивает интересы преподавателей и студентов.

Необходимость смены образовательных технологий назрела достаточно остро, о чем свидетельствуют данные опроса студентов на предмет их удовлетворенности учебой: высокий – 6,56 %; выше среднего – 43,44%; средний – 42,19 %; низкий – 7,81 % [2].

Реалиями времени диктуется необходимость развития познавательной самостоятельности студентов. Студенты должны «научиться учиться», выбирать, перерабатывать и получать ту информацию, которая необходима им в профессиональной деятельности.

Преодоление кризиса, в котором оказалось высшее образование в настоящее время, многие специалисты связывают с переходом от обучающих парадигмальных моделей образования к развивающим. То есть переход к новой парадигме, основу которой составляют такие познавательные ориентиры, как фундаментализм, методологизм, эвристичность и гуманитарность. Этот переход актуализирует как проблему трансформации содержания образования, так и проблему управления его процессом, в котором главным становится «сотворчество» студента и преподавателя в ходе производства новых знаний и умений, направленное на развитие в первую очередь его интеллектуальных возможностей и способностей, которые должны стать средством индивидуального освоения науки и культуры, основой профессиональной компетентности и внутренним источником ее развития.

Переход к новым образовательным технологиям – это деятельностный путь педагога к осознанию и освоению новой парадигмы образования, хотя и от технологии возможно восхождение к иному качеству педагогического мышления. Новая образовательная ситуация требует качественного изменения функций субъектов образовательного процесса и своеобразного «перепозиционирования» студента и преподавателя в образовательном пространстве.

Но студент играет в новой образовательной парадигме такую же роль, что и преподаватель; он не просто «объект обучения», а от него требуется активность и творчество. Поэтому возникает вопрос: готов ли нынешний студент к предстоящим переменам?

Быть студентом означает не только готовность обучаться, но и быть рационально воспитанным человеком. Так, у К. Маннхейма социально воспитанный человек – тот, кто умеет ориентироваться в изменяющемся мире, способен выявлять его характерные тенденции и обладать практическими навыками [3].

Литература

В результате общество получит конкурентоспособного специалиста, который, обладая вышеперечисленными качествами, сможет эффективно решать задачи, поставленные перед ним.

1. Герасимов Г.И., Лубский А.В. «Лекции в высшей школе» // Гуманитарный ежегодник 2004, №3., Ростов н/Д, С.300.

2. Лапшов В.А., Слива А.В., Фокина В.Н. «Социологический мониторинг в системе управления качеством обучения в вузе»// Социология образования. 2004, №11, С.27.

3. Маннгейм К. Очерки социологии знания. Проблемы поколений – состоятельность – экономические амбиции. М., 2000, С.114.

Критерии институционализации общественного мнения

Н.А. Несебря

Пермский государственный университет

E-mail: natnes@land.ru

Современная социологическая наука не ставит под сомнение способность общественного мнения институционализироваться в определенных социальных, политических и экономических условиях в различных сферах общественной жизни. Дано достаточно разнообразных определений института общественного мнения, охарактеризованы его функции, исследована структура.[1] Однако по-прежнему актуальной остается проблема выработки критериев оценки степени институционализованности общественного мнения, на основании которых можно было бы судить об уровне как неформальной, так и формальной институциональной закреплённости данного явления.

К критериям институционализации общественного мнения можно отнести следующее. *Во-первых*, закреплённость категории «общественное мнение» (лексически возможной в разных формах) в обыденном и специализированном сознании и специфику ее употребления. О реализации данного критерия можно судить по частоте и разнообразию контекста использования категории представителями органов власти, общественных организаций, журналистами, социологами, политологами и пр. В 2004 году нами было проведено выборочное исследование региональных пермских газет (в том числе региональных вкладок центральных изданий) в период с 1985 по 2003 год включительно. Изучалось употребление категории «общественное мнение» в газетных статьях и репортажах. Анализ полученных результатов показал, что до 1991 года данная категория используется журналистами крайне редко, а предметная сфера общественного мнения, о котором пишут репортеры, узка. С 1991 года интенсивность употребления категории растет, предметный ареал оценок населения расширяется, чаще встречаются замечания о несогласии общественности с деятельностью властных органов, выступлениями политиков, проводимыми социальными и экономическими решениями. Результаты исследования позволяют сделать вывод о начале становления социального института общественного мнения в России (в частности, на региональном уровне) как интенсивном процессе именно с первой трети 1990-х годов.

Вторым критерием институционализации общественного мнения можно считать нормативную закреплённость: а) различных каналов вы-

ражения общественного мнения (определяемую на федеральном уровне через наличие Законов «О референдуме РФ», «Об общественных объединениях», «О СМИ», «О политических партиях» и др., на региональном и местном уровнях – Постановлений о работе с письменными обращениями граждан, о создании общественной приемной и пр.); б) прав и прерогатив общественного мнения (оцениваемая по ограниченности круга вопросов, по которым обращение к мнению населения обязательно). В российском законодательстве прописано лишь два вопроса обязательных к решению на референдуме – о принятии Конституции РФ (ФКЗ «О референдуме РФ», вопрос выносится на общероссийский референдум) и об изменении границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление (Конституция РФ, вопрос выносится на местный референдум). И, наконец, в) механизма включения общественного мнения в управленческий процесс на разных уровнях. В России нормативно данный механизм закреплен и в Конституции РФ, и в различных Законах – например, «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», «Об общих принципах организации местного самоуправления РФ». Оценивая перспективы реализации данного критерия необходимо заметить, что уход от избрания глав субъектов РФ через прямое голосование населения региона существенно ограничивает перспективы институционализации общественного мнения, так как сужает возможности включения последнего в управленческий процесс.

Наличие организаций, изучающих общественное мнение (как всероссийских – ВЦИОМа, РОМИРа, ФОМа, так и региональных, например, в Пермской области – Центра социологических исследований ПГУ, лаборатории социологии ПГТУ, Урал-Инсо), является *третьим* критерием институционализации общественного мнения. Причем, чем больше подобных организаций, чем они разнообразней (от официально относящихся к различным властным структурам до независимых), тем скорее можно говорить об общественном мнении как становившемся социальном институте.

Наконец, *четвертым* критерием институционализации является подготовка специалистов в области изучения и формирования общественного мнения (открытие в российских вузах специальностей «Социолог», «Политолог», «Специалист по связям с общественностью» свидетельствует о частичной реализации данного критерия) и востребованность подобных специалистов на рынке труда (что пока остается в большинстве российских регионах лишь желаемым будущим).

Оценка степени институциональной сформированности общественного мнения на основании приведенных критериев позволит составить целостное впечатление о социальных и политических процессах, протекающих как на социетальном уровне, так и на уровне отдельного региона, муниципального образования, построить эффективно управленческий процесс.

Литература

1. См., например: Splichal, Slavko Public opinion: developments and controversies in the Twentieth Century. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 1999.

Концепция сетевого общества М. Кастельса и общественные изменения в Украине**К. Новикова***Католический Университет в Люблине, Польша**E-mail: katerina.novikova@wp.pl*

Возникшая в середине 90-х годов XX века концепция глобального сетевого общества, принадлежащая американскому социологу Мануэлю Кастельсу, представляет интерес не только для теоретической социологии. «Модель локальных изменений», то есть возникновения информационного, или по терминологии Кастельса «информационального» общества в экономически развитых западных странах стала оригинальной в ряду теорий изменений, и при этом подкреплённой богатым материалом. [1] Критики концепции Кастельса поддают сомнению её универсальность, приводя ряд несовершенств или пробелов, [2] однако это не уменьшает аналитическую ценность содержащихся в ней выводов для рассмотрения структурных изменений обществ, экономик и культур эпохи глобализации.

Произошедшие в последние полгода общественно-политические изменения в Украине требуют свежего взгляда не только объективной журналистики или политической науки, но так же и социологии глобальных процессов. На наш взгляд, наряду со становлением элементов гражданского общества, прошла всестороннюю проверку на жизнеспособность в Украине и «информационная» модель развития общества, не исключая и некоторые элементы сетевых структур и сетевой организационной логики. Именно широкое развитие альтернативных источников информации, неподконтрольных власти или заинтересованным бизнес-группам, является необходимым условием фактического становления гражданского общества. [3] Появление подобных медиа и стало основным фактором общественно-политических изменений в Украине, пробуждения гражданского и углубления национального сознания, а таким образом, формирования информационного общества. При этом следует утвердить не количественные изменения (в абсолютных числах они произошли ещё в начале 1990-х), а именно качественные, когда, несмотря на ограниченное количество оппозиционных классических медиа, таких как телевидение или радио, такое уникальное в своей эластичности средство массовой информации как интернет стал действительным и бесперебойно действующим источником разносторонней информации и свободы, универсальным средством, достигающим во всевозможные точки, разноудаленные друг от друга, без центра или руководства, в реальном времени и многогранном пространстве.

Информация из всемирной паутины действительно была и остается разносторонней до полемичности, ведь как отмечает М. Кастельс, интернет «особенно податлив укреплению противоречивых тенденций, видимых в современном мире ... он не является ни утопией, ни дистопией, а просто выражением нас самих ... специфическим языком». [4] Даже если этот язык имеют возможность использовать преимущественно только

молодые, активные и со средним или выше достатком, мгновенный по скорости и дополненным мобильностью простой коммуникации через телефон между неограниченным количеством «пользователей», интернет максимально быстро из всех СМИ (помогая им в то же время) реагировал и реагирует на события и тенденции общественно-политической жизни Украины. При этом уникальным подспорьем успеха стала горизонтальная логика сети, когда в ответ на контроль власти на интернет-изданием, внимание пользователей переключалось на несколько других, возникших вокруг.

В концепции Кастельса есть пункт, критикуемый многими теоретиками, касающийся «действия знания над знанием, как основного источника продуктивности». [5] Исследователи указывают на фактическую подмену понятий «знания» и «коммуникация» в понятии «информация» для правдоподобности схемы. Но для данного случая, именно коммуникация, открытый доступ, как можно большое количество и быстрота передачи общественно важной информации отыгрывает решающее значение в общественно-политических изменениях и становлении гражданского общества в Украине.

Таким образом, усиление влияния общества на государство созвучно с децентрализационной и гибкой логикой сетевого общества и нашло свое выражение в современных тенденциях развития украинского общества, которое уже нашло себя во взаимозависимой глобальной сети «потоков власти» со всеми её характерными чертами, такими как технологии генерирования и распространения информации и символическая коммуникация, противопоставление Сети и Себя, «The Net» and «The Self», незаменимость коммуникации во избежание алиенации и изоляции отдельных частей общества, превращение первичной идентичности в огромной важности источник значений, будь это этно- или политико-национальная идея идентичности, религиозное или классовое самоопределение.

Литература

1. Castells, Manuel, The Rise of the Network Society, Oxford: Blackwell Publishers, (1996) 2001. С. 21.

2. Иванов Д. В., Императив виртуализации: Современные теории общественных изменений / Предисл. А. О. Бороноева, СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2002., С. 39.

3. Сіленко А., «Інфокомунікаційні технології та розвиток громадянського суспільства»// Політичний менеджмент, №5 (8) (жовтень 2004), доступ 7 марта 2005 <http://www.politik.org.ua/vid/magcontent.php3?m=1&n=32&c=538> .

4. Castells, Manuel, Galaktyka Internetu. Refleksje nad Internetem, biznesem I społeczeństwem, Poznań: Rebis, 2003. С. 16.

5. Castells, Manuel., The Rise of the Network Society., Oxford: Blackwell Publishers, (1996) 2001. С. 17.

Мигрантофобия и этническая идентичность.*Н.М. Нос**Кубанский государственный университет**E-mail: nosnatali@mail.ru*

Проблема интеграции, то есть полноценного включения мигрантов в жизнь местного сообщества, является одним из самых важных моментов современной социальной реальности в России. Среди мигрантов есть представители разных национальностей, но большинство из них связаны с Россией происхождением, культурой, родным языком. Несмотря на это, переселенцы и местное население далеко не всегда успешно адаптируются друг к другу. Одним из препятствий на этом пути является мигрантофобия. Причины ее распространения, содержание и формы проявления стали предметом социологических исследований и научных дискуссий. Научно-практическое значение для регулирования отношений мигрантов и местного населения имеет изучение процессов взаимодействия и трансформации взаимосвязанных идентичностей: «мы» – местные жители, «они» – мигранты.

Мигрантофобия является специфической разновидностью ксенофобии (боязнь чужих). Как феномен сознания она сфокусирована на объекте психологического переживания и связана с возникновением и культивированием страхов по поводу мигрантов. Определяющее значение в формировании мигрантофобии имеет образование в среде местных групп индивидов, для которых характерно: осознание предпочтения своих соплеменников «чужим», пришлым, некоренным, и усиление чувства национальной солидарности; стремление к защите территории проживания и возрождению чувства территориальности для «титულიной» нации; обострение чувства справедливости при принятии решений; игнорирование законных потребностей других групп населения на данной территории, признаваемых «чужими». [3, с. 54]

Этническая идентичность, по определению Солдатовой Г.У, это и есть этничность, как «неотъемлемая часть общей социальной идентичности человека, формирование и функционирование которой подчиняется определённым социально-психологическим закономерностям». [1, с. 48] Этничность – это групповая характеристика, которая обнаруживается в групповом сравнении «нас» с «не-нами» по антропологическим признакам самоидентификации людей. [2, с. 18] Она мифологична и в этом её мобилизующая сила. Этничность является эмоционально чувственной категорией; она бывает иррациональной в духе «коллективного бессознательного» в форме эмоциональных императивов (достоинство, гордость, обиды, фобии), что влияет на образы восприятия мигрантов. [1, с. 49]

В кризисной, нестабильной ситуации этническая группа склонна воспринимать себя как жертву различного рода притязаний со стороны мигрантов. [2, с. 19] При межгрупповой коммуникации значимость этнического «Я» естественным образом возрастает, поэтому существуют идентичности «для себя» и идентичности «для других». Дихотомия между чле-

нами «Мы»-группы и членами других общностей является сравнением, перерастающим в оценочное противопоставление. В этой ситуации этничность приобретает формы этноцентризма, а по отношению к мигрантам — мигрантофобии.

Оппозиция идентичностей, выраженная явлением мигрантофобии может возникнуть на основе несовместимости социальных ценностей, несовпадении инициатив (целей и стратегий межгруппового поведения) в структуре общества, разрыва между ожидаемым удовлетворением потребностей и действительным их удовлетворением. Социальная нестабильность резко актуализирует потребность в присоединении и социальных связях — солидарности, идентичности, принадлежности к группе. Нарастание социальной и межэтнической напряжённости активизирует процесс формирования мигрантофобии через выявление и идентификацию предполагаемых (прямых или косвенных) виновников (мигрантов) групповых состояний неудовлетворённости, вызванных негативными процессами в обществе. Поэтому устойчивость идентичности и её позитивность можно назвать определяющими моментами для ощущения группой психологической безопасности и стабильности.

Мигрантофобия — это феномен, конструируемый сознанием в виде семантических образов, посредством которых этническая группа местных жителей пытается определить причины групповой неудовлетворенности той или иной группой этнических мигрантов и оппозиционности с ней. При этом она выполняет функции социальной защиты, поддержания устойчивости, возможности осуществления определённых видов активности, а также удовлетворения потребности в социальном, экономическом и психологическом объединении, что особенно актуально в условиях нестабильности

Литература

1. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряжённости. М., 1998.
2. Сикевич З.В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.
3. Файзулин Ф.С., Зарипов А.Я. Грани этнической идентификации. // Социологическое исследование. — 1997, — №8.

Студенческая наука в Украине: проблемы и пути возрождения

О.С. Овакмян

*Харьковский гуманитарный университет
«Народная украинская академия», Украина
E-mail: rector@nua.kharkov.ua; soc@nua.kharkov.ua*

В последнее время мировая научная мысль активно ищет пути эффективного формирования интеллектуального потенциала общества. Наиболее весомый вклад в этот процесс вносит такой социальный институт как образование. Образование охватывает вчерашний, сегодняшний и завтрашний день в жизни человека, содействует осознанию им динамичес-

ких процессов общественного развития. Оно обеспечивает способность человека к самореализации, т.е. действительному участию в создании окружающего мира, помогает критически оценить себя с точки зрения соответствия общественным требованиям. Одновременно образование, обеспечивая наиболее полное и многостороннее развитие интеллектуальных и духовных возможностей человека, в известном смысле творит личность.

В государственной национальной программе развития образования в Украине определена стратегия развития образования на ближайшие годы и перспективу, в которой всевозрастающую роль призвана сыграть вузовская наука, как органическая часть системы высшего образования, базовый элемент и движущая сила его развития.

Время учебы в вузе является для юношей и девушек весьма важным периодом жизни. Диалектика их взаимосвязи с окружающим миром определяет, что во время учебы вместе с изменением личности происходит изменение ее взглядов и отношений. Поэтому процесс обучения студентов в высшем учебном заведении все более должен опираться на самостоятельную, близкую к исследовательской деятельность студентов.

Несомненно, одним из важнейших вопросов, связанных с развитием науки, является студенческая наука, а именно, привлечение студентов к научной работе, к участию в научных исследованиях. К сожалению, только 6,0 % студентов говорят о том, что для них учеба в вузе – это, прежде всего, участие в научных исследованиях по интересующим проблемам⁷. Аналогичная ситуация сложилась и с теоретической разработанностью этих вопросов: научно-исследовательская работа студентов, работа студенческого научного общества (СНО), особенности научной работы со студентами – эти вопросы почти не раскрываются в современных украинских публикациях, хотя важность этого процесса не оспаривается [1].

Можно отметить, что в развитии сектора студенческой науки в вузах за последнее время сложился определенный опыт, соответствующий новому характеру общественных отношений. Так, разворачивается активная индивидуальная работа с наиболее одаренными студентами и просто со всеми, кто интересуется наукой и методикой научных исследований, в рамках научных кружков и проблемных групп, участия в научных семинарах кафедр. Как правило, многие из вузов проводят ежегодные студенческие научно-практические конференции по своей основной проблематике. Например, Народная украинская академия проводит ежегодно Международную студенческую конференцию, посвященную вопросам образования.

Тем не менее, уровень вовлеченности студентов в научно-исследовательскую работу остается низким (17,5% принимают участие в научно-исследовательской работе вуза), что в целом снижает реальные возможности развития творческого потенциала личности каждого студента. Обоб-

---

⁷ Исследование, "Мотивы получения высшего образования", проведенное Лабораторией проблем высшей школы Харьковского гуманитарного университета при участии автора "Народная украинская академия" (методом анкетирования в 2002 г. опрошено 864 студентов украинских вузов)

щая результаты социологического исследования⁸, мы можем выделить несколько причин, в связи с которыми студенты оказываются отстраненными от выполнения работ исследовательского характера: недостаточная информированность студентов об организации системы НИР в вузе (только 13,4% студентов отметили, что для организации НИР в их вузе характерна «широкая информированность о научных проблемах, которые исследуются на факультете»); малый объем знаний о теории научных исследований (большинство студентов не имеют даже представления о возможных формах научных работ и алгоритме их построения, отсюда и вытекает такая проблема как неупорядоченность специальных и общих знаний, неуверенность в своих силах. Отсутствие навыков экспериментальной работы, как одну из основных трудностей при выполнении работ исследовательского характера отметили 30% студентов); низкий уровень исследовательских умений (коэффициент исследовательских умений студентов харьковских вузов составил 0,68); эпизодичность и отсутствие преемственности в выполнении научных исследований (только 14,1% студентов украинских вузов отметили, что для организации НИРС присуща «систематичность работы на протяжении всего учебного года»); несовершенство педагогического управления НИРС; неразработанность способов стимулирования субъектов научно-исследовательской деятельности.

Основным решением возникших проблем развития студенческой науки в Украине является, на наш взгляд, система развития творческого потенциала личности студента, как интегральной характеристики. При этом особое внимание необходимо уделить построению единого режима выполнения научных исследований (ЕРНИ), что обеспечит поэтапное становление и реализацию творческого потенциала личности студента.

Литература

1. Швиденко В. Й. Удосконалення науково-дослідної роботи студентів // Проблеми освіти. К., 1995, Вип. 3, С. 144–146.

Управление трудовой миграцией в России: поиск эффективных методов

Н.Н. Одинокова

Российский государственный социальный университет

E-mail: Odinokova@mail.ru

Современная эпоха поставила ряд глобальных проблем, от оптимального решения которых зависит само существование и развитие человечества в целом, всех наций и народов. В числе таких проблем важнейшее место занимает миграция населения.

Миграция населения – это любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории

⁸ Исследование "Проблемы студенческой жизни глазами студента", проведенное Лабораторией проблем высшей школы Харьковского гуманитарного университета "Народная украинская академия" при участии автора (методом анкетирования в 2004 г. опрошено 1205 студентов харьковских вузов).

для осуществления учебы или трудовой деятельности на период, составляющий не менее 90 суток.[1]

Наша страна в течение последних 10 лет столкнулась с новой для себя проблемой внешней трудовой миграции. Проблемой для всего мира не новой, существующей давно, имеющей множество рецептов решения, но нигде не решенной в полном объеме.

Современная миграционная ситуация в Российской Федерации, являясь следствием сложной социально-экономической и демографической обстановки, свидетельствует о том, что для достижения социального процветания и экономического прогресса требуются трудовые ресурсы. По прогнозам экспертов уже с 2006-2007 годов начнется весьма быстрое сокращение абсолютного числа россиян в трудоспособном возрасте. К 2050-му их может оказаться на 45 процентов меньше, чем было в 2000 году, а к 2100-му останется лишь 35 процентов от исходного числа в начале этого века.

Поэтому России необходимо провести комплекс мер по стимулированию и ограничению перемещений людей в объемах и направлениях, отвечающих текущим и стратегическим потребностям территории, соответствующих реальным условиям и обеспечивающих позитивное развитие региона, населения и мигрантов[2].

В марте 2003 г. была принята Концепция регулирования миграционных процессов Российской Федерации, одной из приоритетных целей которой является удовлетворение потребностей растущей российской экономики в трудовых ресурсах, рациональное размещение населения на территории страны, использование интеллектуального и трудового потенциала мигрантов.

Однако, реализация Концепции регулирования миграционных процессов в настоящий момент затруднена. Это связано с тем, что в стране отсутствует целенаправленная, сложившаяся миграционная политика. Из государственных органов, занимающихся регулированием миграционных процессов, можно назвать лишь Федеральную миграционную службу МВД РФ, которая занимается управлением иммиграционными процессами. Конечно, привлечение иностранной рабочей силы напрямую связано с иммиграционными процессами, но для эффективного управления трудовой миграцией этой структуры явно недостаточно.

В настоящее время в России введена система квотирования, которая определяет количество и качество прибывающих трудовых ресурсов. Однако, при расчете данных показателей важно учитывать стратегическую позицию государства в отношении иностранных мигрантов, которая в настоящее время отсутствует.

Россия сейчас является центром притяжения трудовых мигрантов как из республик бывшего Советского Союза, так и из стран дальнего зарубежья. Только за 2003 год на заработки в Россию приехали граждане из 119 государств. Основными поставщиками иностранной рабочей силы являются Украина, Молдова, Узбекистан, Таджикистан и Китай.

Важно отметить, что в виду прозрачных границ Российской Федерации со странами СНГ, большое количество мигрантов из этих стран пересекают границу незаконно. Россия в настоящее время занимает третье место по числу нелегальных мигрантов.

Российские власти говорят о заинтересованности страны в приеме мигрантов, так как труд становится самым дефицитным ресурсом в России. Органы государственной власти РФ никак не могут дать ответ на вопрос: «Каким образом будет складываться трудовая миграционная система в России?». Но именно сейчас, важно решить, какова будет миграционная политика в нашей стране на долгосрочный период: сдерживающая внешние трудовые миграционные потоки или привлекающая трудовые ресурсы с целью вовлечения их в российскую экономику.

Необходимо проводить четкую и жесткую миграционную политику в отношении внешней трудовой миграции в части касаясь незаконного пересечения границы, работы мигрантов в теневом секторе экономики и др., но в то же время необходимо максимально упростить систему регистрации мигрантов на территории страны. Реализацией миграционной политики должна заниматься специально созданная система органов, которая будет рассматривать проблемы внешней трудовой миграции в системе общей миграционной ситуации и с учетом потребностей экономики в трудовых ресурсах, демографической обстановки, на основе полного всестороннего статистического анализа миграционной ситуации в стране.

Литература

1. Воробьева О.Д. Миграционная политика // серия «Миграция населения», приложение к ж. «Миграция в России». Выпуск шестой. М.: Минфедерации России, 2002 г. с. 110
2. Воробьева О.Д. Автореферат на соискание ученой степени доктора экономических наук по теме «Методологические проблемы разработки и реализации государственной миграционной политики», М., 2003 г. с. 10

Социологическое измерение готовности населения г. Томска к природоохранной деятельности

Т.А. Орешкина, А.В. Коняшкин, Т.Ф. Борисова

Томский государственный университет

E-mail: A30004A@mail.ru

В контексте нарастающего экологического кризиса проблемы взаимодействия общества и природы стали изучаться в рамках многих наук, в том числе и социологии.

РОО «Томская экологическая студенческая инспекция им.Л.Блинова» проводит опросы общественного мнения, оценивая эффективность информационных природоохранных акций и готовность населения к природоохранной деятельности. В докладе рассматриваются результаты социологического опроса, проведенного в г. Томске после гражданской акции «Скажи МОКСу¹ нет!».

Полевой этап исследования проводился с 9 по 15 декабря 2004 года. Генеральная совокупность – население г.Томска от 18 лет и старше. Метод исследования – формализованное интервью. Выборка – 520 респондентов. Тип выборки – случайная, квотированная по полу и возрасту.

Первым вопросом в методике респондентам предлагалось оценить общую экологическую обстановку в городе, используя пятибалльную шкалу. В целом экологическая обстановка томичами оценивается как «средняя», средний балл по выборке 2,7. Кроме этого ответ «средняя» был и самым популярным – его выбрали 51% опрошенных. Как хорошую или даже отличную экологическую обстановку оценили 16% респондентов, как плохую (или совсем плохую) – 31%.

На выборке наблюдается статистически значимый и при этом весьма высокий коэффициент корреляции между оценкой экологической безопасности и знанием о радиоактивном производстве на Сибирском химическом комбинате: $r=0,26$. О том, что на территории области работает Сибирский химический комбинат, не знает только 1% респондентов, то есть фактически все жители города знают о самом факте существования комбината. При этом абсолютное большинство (84%) также знает, что деятельность СХК так или иначе связана с радиоактивными веществами.

Отдельно в задачи исследования входила оценка эффективности конкретного мероприятия, осуществленного организацией: в ноябре 2004 года ТЭСИ проводила акцию «Скажи МОКСу нет!» с приглашением группы «Чайф». 41% опрошенных не смогли вспомнить ничего ни о концерте, ни об акции. Голоса остальных респондентов распределились следующим образом. 13% просто вспомнили, что в ноябре был концерт группы «Чайф», 18% не смогли уверенно вспомнить, хотя и слышали что-то подобное (то есть не дали отрицательного ответа) и остальные 28% знали об акции и о концерте. То есть эффект от ее проведения можно оценить как достаточно высокий.

Последним в методике стоял вопрос об отношении томичей к проекту строительства завода по переработке МОКС-топлива Сибирским химическим комбинатом на территории Томской области. Респондентам предлагалось высказаться за или против строительства, а также указать, в какой форме они готовы поддержать акции протеста против строительства.

В основном респонденты выступают против строительства такого завода. Только 10% дали ответ «меня все это не интересует». Еще 6% высказались за строительство завода. Остальные 84% высказали готовность поддержать в той или иной форме акции протеста (сумма ответов больше 84%, так как можно было выбирать больше одного ответа).

Условно ответы можно разделить по степени активности протеста. Наибольшее число ответов собрал самый пассивный по степени протеста ответ «готов поставить подпись под обращением в адрес Президента» – 58%. Еще 34% готовы пойти на более активную форму «готов принять участие в референдуме». Наконец, еще 24% выбрали для себя возможными активные формы протеста: «высказать свое мнение через средства

массовой информации» – 8% и «принять участие в акции или митинге протеста» – 16%.

В таблице 1 приведены разрезы вариантов ответов по социально-демографическим и иным группам.

Таблица 1. Готовность поддержки акций протеста в социально-демографических группах, % по строкам

	Под- пись	Рефе- рендум	СМИ	Ми- тинг	Я – За	Мне все равно
Пол						
Мужчины	53	39	7	12	9	9
Женщины	62	31	10	19	4	10
Возраст						
18-30	55	21	8	27	9	10
31-45	58	45	9	8	4	5
46-50	62	35	9	18	8	12
50+	53	28	5	13	5	17
Образование						
Начальное, среднее	57	35	2	8	5	10
Среднее специальное	61	39	9	15	4	8
Высшее	56	31	10	20	9	11
Занятость						
Руководители	63	50	13	38	25	0
Работники по найму в коммерческих фирмах	56	37	8	11	8	11
Частные предприниматели	55	64	9	4	6	4
Государственные, муни- ципальные служащие	69	36	7	9	4	7
Образование, наука (бюджетная сфера)	63	35	19	25	4	8
Здравоохранение (бюджетная сфера)	79	25	7	14	0	4
Остальная бюджетная сфера	71	38	14	29	5	5
Учащийся ПТУ, студент ВУЗа	46	19	5	31	10	10
Пенсионеры	54	28	5	12	5	19
Домохозяйки	58	32	5	11	5	16
Безработные	60	0	10	10	10	10

Таким образом, данное социологическое исследование позволило оценить готовность населения участвовать в решении экологических проблем. Социологические опросы позволяют исследовать динамику массового экологического сознания и способствуют выработке наиболее действенных методов его формирования.

В целом, социология экологического сознания в последнее время стала обретать статус особого исследовательского направления. Однако ввиду отсутствия общей теории изменения массового экологического сознания и ряда других причин проэкологические социальные изменения остаются наименее разработанной сферой экосоциологии.

¹МОКС-топливо [от англ. mixed-oxide fuel (MOX)] – смешанное оксидное уран-плутониевое топливо для реакторов атомных станций на основе изотопов оружейного плутония-239 и урана-238.

Профессиональный менталитет российского чиновника: сравнительный анализ

А.Е. Павлов

Ростовский государственный университет

E-mail: aleksey-p2@yandex.ru

Исследование профессионального менталитета чиновника является не актуальным, поскольку представления о профессиональном менталитете российского чиновника дают возможность лучше понять роль государственного управления в условиях трансформации российского общества. Существующие в современной социологии разнообразные подходы к изучению менталитета не позволяют сравнивать полученные результаты, поэтому разработка единого конструкта, дающего возможность проводить сравнительное исследование профессионального менталитета чиновника в различных социокультурных средах, носит проблемный характер.

Профессиональный менталитет чиновника – это совокупность осознанных и неосознанных представлений, ценностей и установок чиновника в сфере его профессиональной деятельности.

Исходя из такого понимания профессионального менталитета чиновника, представляется возможным выделить особую модель или систему индикаторов, отражающих представления, ценности и установки чиновника. В качестве таких индикаторов могут служить: отношение к народу, отношение к сослуживцам, отношение к приказу, отношение к государственной службе, а также отношение к доходу, профессиональной подготовке и способу решения профессиональных служебных задач.

Используя такую модель, удалось выявить и сравнить профессиональный менталитет чиновников следующих типов: идеальный чиновник индустриального общества, дореволюционный российский чиновник, современный российский чиновник. Кроме того, оказалось возможным опередить региональную специфику профессионального менталитета чиновника на Юге России. Модель профессионального менталитета иде-

ального чиновника индустриального общества была реконструирована по работам Макса Вебера, дореволюционного российского чиновника — по произведениям М.Е.Салтыкова-Щедрина, модель профессионального менталитета современного российского чиновника — на основе научно-публицистического материала.

Сопоставляя профессиональный менталитет современного российского чиновника с профессиональным менталитетом дореволюционного чиновника, удалось выявить традиционную и новационную составляющие в структуре представлений, ценностей и установок. Основы традиционной составляющей формировались на протяжении XVIII — XIX веков. Традиционными чертами являются: этатизм по отношению к государственной власти, использование служебного положения в корыстных целях, незаинтересованность в решении социальных проблем, взяточничество и т.д. Помимо традиционной составляющей, обеспечившей преемственность профессионального менталитета дореволюционного и современного российского чиновника, представляется возможным выделить новационную составляющую, присущую менталитету только российского чиновника: для сегодняшнего чиновника характерно своеобразие, непослушность, что разрушает прежнее представление о государственной власти. Поскольку никто сегодня не может быть уверен в даже ближайшем будущем страны, государственный аппарат опасается той власти, которая не внушает уверенности в своей прочности; поскольку государственная служба теперь не является для чиновника самой престижной, так как удовлетворить свои потребности в материальном благосостоянии можно гораздо быстрее, то многие чиновники сегодня предпочитают заниматься бизнесом.

Сравнивая профессиональный менталитет современного чиновника и идеального чиновника индустриального общества Макса Вебера, то можно также выделить общие и различные черты в их менталитете. Общей чертой для российского чиновника и идеального чиновника Макса Вебера является корпоративное сознание. Для них обоих приоритетным становится не результат, а действие, которое сохраняет статус в бюрократической организации, стремление подменить социально-политическую реальность бюрократической. Важным для чиновника является одобрение его действий со стороны вышестоящего начальника. Однако, в период трансформации появлялись некоторые российские чиновники, которые стремились к результату. Поэтому устойчивая тенденция в менталитете современного российского чиновника — уйти в политику. Многие из чиновников создают партии, участвуют в выборах. Еще одна черта, отличающая современного российского чиновника от чиновника идеального — стремление обеспечить безбедное существование. Поэтому российский чиновник участвует в распределении прибыли через свою семью, через подставных лиц, продолжает действовать на основе принципа централизованной редиистрибуции: власть рождает собственность.

Влияние роста стрессогенных факторов на здоровье населения**С.В. Павлов***Московская медицинская академия им. И.М. Сеченова**E-mail: psergey-777@mail.ru*

За последние десятилетия слово «стресс» вошло в речевой обиход, отразив печальное приобретение человечества середины XX века, порождение негативной, оборотной стороны научно-технического прогресса. За удобства и комфорт современные люди платят урбанизации одну из самых тяжелых даней, когда-либо обременявших род людской. Шумы и обездвиженность, загрязнение окружающей среды, многочисленные производственные отрицательные факторы, психологическая несовместимость, социальные проблемы – вот где истоки стрессового состояния. Рассматривая рост влияния таких факторов как угроза жизни, социальные и экономические изменения и др., трудно обнаружить исторические периоды, менее динамичные в этом отношении, чем настоящий.

Известно, что от 20 до 40% общих заболеваний работников промышленности связано с условиями труда. Современное оборудование и технологии производства следует максимально приспособлять к возможностям человека. В противном случае никакой рост ассигнований на здравоохранение не сможет обеспечить улучшение здоровья, соблюдение здорового образа жизни.

Существенное влияние на здоровье и здоровый образ жизни оказывает социально-психологический климат в трудовых коллективах. Неудовлетворительная психологическая обстановка на производстве – одна из причин прогулов, текучести кадров, перемены места работы и даже места жительства, что конечно же сказывается на здоровье людей. Применительно к трудоспособному населению важной составной частью здорового образа жизни является занятость. Безработица, даже при наличии пособий, оказывает угнетающее влияние на большинство стремящихся работать людей, деформирует сложившийся, устойчивый образ жизни, порождает стрессовые состояния [1].

На рубеже 1950-1960-х годов психическое здоровье в промышленности стало интенсивно изучаться в рамках поведенческих наук. Сегодня этот подход представлен тремя основными направлениями, выделенными по их теоретическому пониманию проблемы индустриального стресса. Первый из них основан на классическом понимании стресса как общего адаптационного синдрома [5]. Второй подход основывается на «медицинской» модели стресса [6]. Третий подход использует «инженерную» («мичиганскую») модель стресса.

Эффекты влияния индустриального стресса на население трудоспособного возраста могут быть представлены в виде трех взаимопересекающихся групп показателей: 1) заболеваемости; 2) абсентеизма, т.е. отсутствия на работе; 3) производительности.

Уровень совокупных «потерь в результате стресса» в организациях, работающих на территории США (которые вылились в статистику абсенте-

изма, понижения показателей производительности труда, возмещения страховок из-за несчастных случаев, болезней и прямых медицинских расходов), составил, в среднем, 150 млрд. долларов в год [3]. В Великобритании, одно лишь явление абсентеизма из-за стрессов «стоило» в 10 раз дороже всех остальных производственных «неприятностей», вместе взятых. В форме болезней, прогулов, скоропостижной смерти или преждевременного выхода на пенсию ввиду алкоголизма, убытки стресса составляют в экономике Великобритании примерно 2 млрд. фунтов стерлингов в год [4].

По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) [2] численность пострадавших при несчастных случаях на производстве с утратой трудоспособности и со смертельным исходом в 2003 году составила 107 тыс. человек, потери рабочего времени от несчастных случаев на производстве составили 3,3 млн. человеко-дней, а расходы на выплату пособий по временной нетрудоспособности и социальной помощи составили 70,3 млрд. рублей. В бюджете Фонда социального страхования РФ на 2005 год расходы на пособия по временной нетрудоспособности по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний запланированы на сумму 1.644.412 тыс. рублей, а расходы на медицинскую, социальную и профессиональную реабилитацию пострадавших, обеспечение предупредительных мер по сокращению производственного травматизма и профессиональных заболеваний – 4.478.800 тыс. рублей.

В некоторых странах, таких как США и Финляндия, прослеживается понижение уровня вызванных стрессом сердечно-сосудистых заболеваний и алкоголизма, в то время как в других странах, уровень этих показателей растет. Данная тенденция связана с тем, что расходы на здравоохранение и выплаты по болезни для занятого населения постоянно и стремительно растут, и в связи с этим работодателю дешевле проводить профилактику стрессовых состояний, чем оплачивать издержки по болезни своих сотрудников. В России работодатели, не придают профилактическим программам должного смысла, продолжая нести издержки по листам нетрудоспособности.

В третьем тысячелетии ожидается ухудшение ситуации. Стресс обычно вызывается радикальными переменами, неумением справиться с ними и высокой нагрузкой на работе. Слово «перемена» станет в грядущем тысячелетии ведущим мотивом, за которым неотступно следует боязнь за сохранность рабочего места, столкновение корпоративных культур и существенно разные стили управленческого лидерства – иными словами, массивные реорганизационные преобразования, неизбежно влекущие за собой стресс.

Литература

1. Решетников А.В. Социология медицины (введение в научную дисциплину): Руководство. – М.: Медицина, 2002. С. 429-438.
2. Российский статистический ежегодник. 2004: Стат. сб./Росстат. – М., 2004. С 169-170.

3. Karasek R., Theorell T. Healthy work: Stress, productivity and the reconstruction of working life. — New York: John Wiley, 1990.
4. Lunde-Jensen P. The costs of occupational accidents and work related sickness in the Nordic countries. *Janus*, 1994, 18 (4), 25-26.
5. Selye H. The Stress of Life. — New York: McGraw Hill, 1956.
6. Wolff H. Stress in Disease. — Springfield: Thomas, 1953.

Профориентация в общем образовании Франции

О.И. Павлова

Московский государственный педагогический университет

Вопросы профессиональной ориентации учащихся в условиях модернизации образования особенно актуальны и, прежде всего, в контексте перехода российских общеобразовательных школ на профильное обучение. В связи с этим целесообразно изучение зарубежного опыта, в частности, Франции, где создана одна из наиболее успешных систем профессиональной ориентации учащихся.

Главные особенности этой системы:

— взаимосвязь профессиональной ориентации и учебной (профильной) ориентации обеспечивает наиболее адекватный уровень профессионального самоопределения

французского школьника;

— наличие внешкольной профессиональной ориентации, представленной сетью

государственных учреждений различных уровней — окружного (академического), департаментского, местного, координируемых Министерством Национального образования. Ее целями является разработка законодательных директив, научно-теоретических основ с учетом государственной кадровой политики, издательство и выпуск необходимой печатной, а также мультимедийной продукции.

— организация внутришкольной профессиональной ориентации. Она осуществляется посредством деятельности педагогического коллектива школы (администрации, классных руководителей, психолога, социального педагога, врача), тесно сотрудничающего с советниками по ориентации из Центра по информации и ориентации.

— обеспечение единства и взаимосвязи внутришкольной и внешкольной профессиональной ориентации советником по информации и ориентации, являющимся независимым (автономным) экспертом.

Изучив особенности рассматриваемой системы, мы обозначили возможные направления использования данного опыта в российском школьном образовании:

— создание целостной государственной системы профориентации учащихся;

— обеспечить подготовку специалистов в области профориентации;

– организация комплексной профориентационной работы в школах, реализующейся во взаимодействии социальных, психологических, медицинских служб, педагогического коллектива и семей учащихся;

– тесное сотрудничество школ с учреждениями по профориентации с целью консультирования, ознакомления учащихся и их родителей с особенностями тех или иных профессий, рынком труда, учебными заведениями, учитывая кадровые потребности страны и конкретного региона.

– развитие профильного обучения в среднем образовании;

Ориентирование на выбранную стратегию профессиональной ориентации учащихся позволит совершенствовать отечественное образование и значительно повысить эффективность кадровой политики страны.

Специфика социального расслоения молодежи в сфере образования

Е.В. Панова

*Волгоградский государственный университет
E-mail: panoval@rambler.ru, panovaelena@mail.ru*

Сфера образования в России сегодня является относительно открытой для представителей различных социальных страт и слоев населения страны. Подключение к образованию представителей различных слоев молодежи, как правило, должно способствовать выравниванию их стартовых жизненных позиций. Однако в современной России огромную роль играет материально-экономический фактор, накладывающий свой отпечаток на расслоение молодежи в образовательном поле.

Молодежь в образовательном срезе (категория «учащейся» молодежи) включает студентов ВУЗов, колледжей, техникумов и ПТУ, а также старших школьников. На сегодняшней день в среде обучаемых на разных уровнях образования заметно усиливаются процессы социального расслоения. Образовательные учреждения из институтов социальной консолидации все больше превращаются в институты социальной стратификации. Так, например, исследователи указывают, что за последнее время в студенческой среде интенсивно происходят дифференцирующие процессы, ведущие к социальной поляризации. «Социальное положение студенчества как некогда довольно однородной группы учащихся (имеются в виду студенты дневных отделений ВУЗов) претерпевает существенные изменения. Представители студенчества с разным уровнем дохода, характером занятости, семейным положением и т.д., обладая специальными признаками учащейся молодежи, существенно различаются по своим материальным возможностям, ценностным ориентациям, духовным потребностям и, как следствие, стилю жизни» [1].

Расслоение внутри студенческой среды очевидно: «на высоте» студенты высших учебных заведений, чем средних (колледжи, техникумы), а также студенты государственных ВУЗов. В России далеко не все негосударственные учебные заведения имеют «марку», однако в качестве дополнительного (второго) образования они способны повысить молодому вла-

дельцу их диплома не только личностно-образовательный, но социальный статус. Любопытен тот факт, что в сфере образования молодые люди сегодня ориентированы на государственный уровень, а при последующем трудоустройстве выбор падает на частный (негосударственный) сектор экономики. Помимо этого, наличествует также расслоение студентов, обучающихся на платной и бюджетной основах в рамках государственных образовательных учреждениях. Оценить степень престижности здесь проблематично, скорее это свидетельствует об материально-экономическом положении семьи. На качество получаемого образования играет значительную роль помимо материальных возможностей родителей, их образовательный уровень. Как правило, молодые люди получают образование не ниже образования своих родителей, т.е. такое же и выше.

Широкий рынок предоставляемых сегодня образовательных услуг, коммерциализация образования, начиная от средней школы и заканчивая послевузовским обучением, продуцирует расслоение молодежной группы. Молодой человек выступает на этом рынке как рационально действующий субъект, обменивающий финансовые средства на символический капитал и символические ресурсы (диплом, аттестат). Исследования показывают, что в ПТУ учатся преимущественно дети из низкодоходных групп, в техникумах — из средних по уровню дохода, наиболее затратные образовательные учреждения — колледж и ВУЗ [2].

Как отмечает В.И. Ильин, система образования как социальный институт играет огромную роль в воспроизводстве социальной иерархии в современных обществах. Другими словами, здесь обеспечивается поддержание существующего социального неравенства посредством важнейшего элемента этой системы — механизма сортировки населения между различными этажами социальной иерархии (на «образованных» и «необразованных», «способных и неспособных»). Иерархия, создаваемая системой образования, сохраняется затем в будущем. «Неравенство учебных заведений — это основа неравенства жизненных шансов их выпускников на рынке труда. Разные институты, университеты отправляют своих выпускников на разные этажи социальной иерархии» [3].

Итак, в современной России наличествует расслоение групп и страт в различных социальных полях, в том числе и образовательном. В зависимости от доступности формы образования, его качества, престижности, — главных индикаторов образовательного статуса, — молодежь оказывается распределенной по различным этажам социальной лестницы. Образование, с одной стороны, способствует закреплению «начального» (стартового) социального статуса, с другой, — выступает инструментом социальной мобильности. Оно, таким образом, ведет к повышению личного, образовательного статуса, способствуя затем обретению профессионального статуса, материально-экономического, что в конечном итоге определяет социальную позицию молодого человека в будущем при переходе в следующую возрастную когорту. Все же проблему составляет даже не само стратифицированное распределение молодежи по различным образова-

тельным этажам, — а то, что расслоение в сфере образования, как базис, послужит основой для расслоения в других социальных полях.

Литература

1. Карабанов С.Н. Стил жизни студенческой молодежи в условиях трансформации современной России: Дисс. канд. социол. наук / ВолГУ. — Волгоград, 2003. С.3.

2. См. подробнее: Градосельская Г. Образовательно-экономические стратегии населения // Высшее образование в России. 2004. №4. С.88-101.

3. Ильин В.И. Социальное неравенство. — М., 2000. С.111.

Социология и симулякр

Ю.О. Папушина

Государственный университет — Высшая школа экономики

E-mail: papush@rsmc.edu.ru

Цель данных тезисов заключается в том, чтобы определить понятие «симулякр» как аналитический инструмент социологии и показать направления его дальнейшего использования.

Хотя концепция Ж. Бодрийяра так или иначе упоминается во многих статьях, монографиях и учебных пособиях, центральные категории, используемые этим автором, ещё не подвергались критическому анализу. Наверное, поэтому, понятие «симулякр» остаётся скорее «отличительным знаком» французского учёного, нежели действительно аналитическим инструментом науки. Чтобы выяснить возможности данного понятия как аналитического инструмента, необходимо понять его собственное содержание.

У самого Бодрийяра мы не найдём определения понятия «симулякр». Однако, он не первый и далеко не единственный автор, который использует эту категорию. Так, Жиль Делёз, трактуя концепцию идей и вещей Платона, даёт следующие определения симулякра: 1) «претендент, не имеющий основания», «тщательно скрывающий отсутствие сходства», «несущий внутренний дисбаланс», 2) «образ, лишенный подобия» [3]. Оба эти определения исходят из различения модели, копии и симулякра, осуществляемого на основании характера средств, с помощью которых были образованы копии, и степени сходства модели и копии. Однако, было бы некорректно определять симулякр просто как образ вещи в n-ой степени. В этом случае теряется его основная особенность и главная проблема — проблема тождества и различия. Собственно, само понятие «симулякр» возникает, когда необходимо различить адекватную копию и копию, сущность которой не тождественна сущности модели. Таким образом, в понятии «симулякр» объединяются явления тождества и различия, символа, знака и сигнала, которые сами по себе являются центральными для социологии [4, 5]. А симулякр отражает специфическое взаимодействие этих явлений в повседневной жизни и деятельности людей. Возвращаясь к Бодрийяру, следует отметить, что он как раз и пытается, используя понятие «симулякр», показать, как конституируются процессы социальной диффе-

ренциации и стратификации в области символического, как действует механизм означивания и осуществляется циркуляция символов[1,2].

Чтобы определить горизонты практического применения понятия «симулякр», необходимо рассмотреть сверх-задачи платоновского (в толковании Делёза) и бодрийяровского изучения симулякра. Платон, а вслед за ним Делёз, рассматривают симулякр как копию, которая не отвечает сущности модели, «вмешивается и втирается во всё, лезет не в своё дело» и вообще «обладает демоническим характером»[3]. Отсюда и необходимость «держаться в узде», подавлять симулякры, не давать им вмешиваться в нормальный ход вещей. Бодрийяр же описывает «общество победившего симулякра» и, хотя он не скрывает своего негативного отношения к нему, ничего изменять или как-то по-иному воздействовать на это общество нужным не считает[2]. Более того, Бодрийяр, распространяя «победившую» симулятивную модель на все аспекты человеческой активности, неявно формулирует новый исследовательский вопрос: как существуют симулякры в обществе? Этот общий вопрос можно развивать далее: как симулякры проявляют себя в реальности, каковы механизмы их возникновения, какова степень их тождества или дифференциации и по отношению к чему, в рамках какого кода и какими символами они выражаются?

Поскольку Бодрийяр смысловой акцент своей концепции смещает на процессы потребления, собственно в «обществе победившего симулякра» все процессы являются потреблением, а также, учитывая актуальность темы потребления для российской действительности, разработку возможностей практического использования понятия «симулякр» имеет смысл начинать с изучения процессов потребления с точки зрения «симулятивного проекта». Потребление, по Бодрийяру, это символическая деятельность, связанная, в первую очередь, с манипуляцией знаками и смыслами[2], поэтому, можно утверждать, что симулякр – объект сознания, который отражает социально обусловленные значения вещей, смыслы, связанные с этими вещами. Совокупность симулякров составляет систему образов объектов (применительно к потреблению вещей) и их значений. Таким образом, сфера практического использования понятия «симулякр» – анализ системы смыслов и значений объектов потребления, сложившихся в социуме, их динамики и взаимодействия.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет – 2002.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: РУДОМИНО – 2001.
3. Делёз Ж. Платон и симулякр. <http://www.philosophy.ru/library/misc/intent/07deleuze.html>
4. Качанов Ю.Л. Социологические различия и социологический текст. // СоцИс. 2002. №7. <http://socis.isras.ru/>
5. Кардамонов О.А. «Символ» в эмпирических социальных исследованиях. // СоцИс. 2004. № 6. <http://socis.isras.ru/>

Социальная профилактика деструктивного воздействия новых религиозных организаций на личность

Н.В. Петрова

Уфимский Государственный Нефтяной Технический Университет

E-mail: SN-610-01Pet@yandex.ru

Республика Башкортостан относится к группе регионов России с ярко выраженной многоконфессиональностью (по данным последней переписи, в Башкортостане проживают представители 130 национальностей) и присутствием новых нетрадиционных религиозных организаций в средней степени (17% от общего числа зарегистрированных религиозных организаций).

Объектом нашего исследования является деструктивный характер деятельности новых нетрадиционных религиозных организаций, а также социальная профилактика данного воздействия. Деструктивность воздействия новых религиозных организаций на личность проявляется на 2-х уровнях:

1. личностном (проявляется в нарушении права на свободу и независимость человеческой личности: применение современных методик психологического воздействия, гипноза, контроля сознания, поведения, мышления и эмоций, употребление адептами психотропных веществ и т.п., что влечет за собой потерю индивидуальности, общее ухудшение качества жизни.

В полной потере человека как полноценного члена общества: человек оставляет семью, работу, учебу, отказывается от осуществления основных прав и обязанностей гражданина. Организация «Свидетели Иеговы», например, отказывается отдавать честь любому национальному флагу, отвергает необходимость оборонять свою страну от захватчиков. Ее адепты не признают никакой власти кроме божественной, они избегают участвовать в праздниках.

В нарушении прав на здоровье человека, ущербе физическому и психическому здоровью человека (плохое питание, сон, психические расстройства; отказ от получения необходимой медицинской помощи. Организация «Свидетели Иеговы», например, запрещает переливание крови, осуждает психологическую помощь, запрещает вакцинацию, трансплантацию и пересадку кожи и т.п.).

2. общественном (проявляется в разрушении основ конституционного строя, государственности, традиционной этнокультуры, морали общества и менталитета народа, поддержании религиозной вражды ко всем, не признающим веру новых религиозных движений, если говорить об организациях религиозно-экстремистского толка, то в подрыве национальной безопасности государства и т.д.).

В этих обстоятельствах мы предлагаем систему социальной профилактики со стороны основных социальных институтов гражданского общества: государства, общества, средств массовой информации, общественных организаций, семьи.

Таким образом, социальная профилактика — это система законодательно определенных норм, санкций, мероприятий со стороны основных

социальных институтов, направленных на создание гармоничных отношений новых религиозных организаций и общества, предупреждение негативного воздействия данных организаций на личность и ликвидацию последствий данного воздействия.

В случае социальной профилактики со стороны государства возникает жесткий вопрос о законности права государства исполнять регулирующую роль в духовной сфере.

Согласно экспертному опросу, проведенному автором (2004 г., РБ, опрошено 50 экспертов, подразделяющихся на 3 кластера, 1 – социологи, психологи, религиоведы, 2 – все уровни духовенства, 3 – служащие специализированных отделов государственных структур), ответы на вопрос: «Какой политики, по Вашему мнению, должна придерживаться Россия в отношении новых религиозных организаций?», ответы распределились следующим образом.

Вариант ответа	Количество полученных ответов
Подход невмешательства государства в духовную сферу	5
Законодательно регулировать, но сохранять нейтралитет	14
Более строгая регламентация деятельности новых религиозных организаций со стороны государства, вплоть до частичных запретов конкретных организаций	28
Полный запрет деятельности новых религиозных организаций	3

Предлагаемая нами модель социальной профилактики строится именно на регулировании, а не на управлении религией. Причем в регулировании должен присутствовать дифференцированный подход, то есть при наличии в деятельности религиозной организации признаков сильной деструктивной направленности, государство вправе запретить ее деятельность на территории России.

В системе социальной профилактики основным является вопрос о социальных институтах, которые будут ее осуществлять. На наш взгляд, эффективная система по предупреждению воздействия новых религиозных организаций на личность должна основываться на трех видах профилактики.

Прежде всего, это меры профилактики со стороны государства, поскольку, во-первых, государство, согласно Конституции РФ, является гарантом прав и свобод человека, во-вторых, государство наделено правоприменительной практикой в отношении случаев нарушения данных прав.

Вторым звеном профилактики деятельности новых религиозных организаций, на наш взгляд, выступает общество в целом, а именно: культура общества, спорт, кружки самодеятельности, средства массовой информа-

ции, общественные организации. Присутствие данного компонента в процессе профилактики обусловлено его влиянием на формирование общественного мнения, установок молодежи, а также влиянием на образ жизни молодежи и формы проведения свободного времени.

В этой связи необходимо рассматривать средства массовой информации как институт, обеспечивающий формирование общественного мнения по проблеме новых религиозных организаций, и влияющий на образ жизни молодежи. Важная роль среди институтов, «отвечающих за» проведение свободного времени принадлежит культуре, спорту, кружкам самодеятельности.

Следующий элемент в системе профилактики – это семья. Так, государство, согласно Венскому заключительному документу ОБСЕ 1989 года, обязано уважать «свободу родителей обеспечивать религиозное и нравственное обучение своих детей в согласии с их собственными убеждениями». Наличие социального института семьи в процессе управления обусловлено еще и тем, что семья является первым агентом социализации подростка, средой, в которой формируются мировоззренческие установки молодого человека. И именно от наличия религиозного воспитания в семье зависит дальнейшее участие человека в религиозной жизни и, соответственно, в новых религиозных организациях

Анализ практики работы с новыми религиозными организациями показывает, что для разработки концепции необходимо выделить следующие сложности в существующей системе социальной профилактики России.

Во-первых, это высокая трудность идентификации и выделения новых религиозных объединений среди различных психологических, образовательно-культурных и иных объединений, а также в определении именно деструктивных организаций среди множества религиозных организаций.

В Государственном реестре Министерства Юстиции на 1 января 2004 г. зарегистрированы 21448 религиозных организаций, представляющих более 60 конфессий, Церквей, религиозных направлений и деноминаций (кроме того, большое число религиозных организаций и групп (примерно 30%) действуют без регистрации, не получая статуса юридического лица).

При этом новые религиозные организации, в том числе и имеющие явно деструктивные признаки, могут регистрироваться под видом общественных организаций, профсоюзов и др.

Во-вторых, само вероучение новой религиозной организации часто могут идентифицировать как таковое только специалисты высокого уровня. К тому же, на наш взгляд, обнаруживается разобщенность специалистов по деятельности новых религиозных организаций, отсутствие координации в работе.

Мы выделяем следующие функции социальной профилактики:

Регулирующая, правовая функция социальной профилактики направлена на регламентацию деятельности новых религиозных организаций законодательным путем. По нашему мнению, в настоящий момент разработка данной функции является первоочередной задачей социальной

профилактики, поскольку обнаруживаются недостатки в правовом механизме регулирования деятельности новых религиозных организаций.

Контрольная функция социальной профилактики направлена на разработку системы санкций, уголовных наказаний за нарушение законодательства, прав и свобод личности, подрыв национальной безопасности государства. А также определяет систему контрольных органов, осуществляющих функцию надзора за деятельностью религиозных организаций.

В этих условиях, большое значение в выработке уровня сопротивляемости общества приобретает *информационная функция* социальной профилактики. Наша исследовательская позиция по отношению к необходимости информированности общества заключается в следующем: чем выше уровень информированности общества, тем менее распространенным будет деятельность новых религиозных организаций и меньшими последствия от их деятельности.

Поэтому одним из приоритетных направлений сдерживания деструктивной религиозной экспансии является более полное и объективное информирование населения о деятельности (в том числе и криминального характера) религиозных объединений. К сожалению, в настоящее время в России в этой области ситуация должна быть названа «информационным голодом». И как следствие, которого, низкий уровень информированности населения, обнаружившийся в ходе социологического исследования.

Согласно результатам авторского опроса населения (по РБ, выборка 1300 человек, 2004 г.) только 31% знакомы с некоторыми названиями новых религиозных организаций, часть из них, а именно только 12% в подобные организации никогда бы не вступили, оставшаяся часть могла проявить интерес к данному типу религиозных организаций, поскольку не осведомлена о действительном вреде некоторых новых религиозных организаций.

Профилактическая функция социальной профилактики направлена на ликвидацию последствий негативного воздействия новых религиозных организаций на личность. Эту функцию социальной профилактики выполняют общественные организации и центры различной формы собственности, обеспечивающие реабилитацию людей, попавших в новые религиозные организации, а также помощь родственникам adeptов новых религиозных организаций.

Особенности репрезентации субкультурных идентичностей в Интернете.

М.А. Пупенко

Ульяновский Государственный Университет

E-mail: alfina@yandex.ru

Интернет оказывает все более возрастающее влияние на природу коммуникаций и социального взаимодействия. В связи с развитием новых условий социальной жизни, понятие «субкультура» входит в сферу инте-

ресов социологов как теоретическая модель в исследованиях молодежи на новом уровне. Приверженцы традиционного подхода [П.Коэн, Дж.Кларк, М. Брэйк, Т. Джефферсон и др.] к субкультурам говорили о том, что «понятие» субкультура в обычном его контексте не применимо к виртуальной реальности, так как традиционное понятие субкультуры тесно связано с обычными социальными отношениями, которые отсутствуют в виртуальном пространстве, рассматривая Интернет как пространство свободное от всех вышеперечисленных отношений и обязательств. Основные наработки по субкультурам были сделаны учеными в эпоху, когда не существовало современных технологий. В ситуации возрастающего смешения стилей в молодежной культуре, подобное восприятие молодежи не актуально.

Исследуя репрезентацию субкультурной идентичности в Интернете, мы можем выделить следующее

- Идентичность использующаяся в онлайн-коммуникациях молодых людей, живущих в различных социокультурных контекстах, ограничена рамками реального, повседневного опыта, более того локальные характеристики оказываются значимыми .

- Виртуальное общение напрямую связано с реальным общением. Это становится ясным из общих коллективных кодов «поведения фаната», эти коды связаны с разделением общего опыта, традиционного чувства общности возникающим в результате личного общения на концертах.[1]

- Виртуальные практики влияют на реальное поведение.

- Существует множество способов, в которых проявляется креативное использование Интернета молодежью, что в свою очередь порождает самоконструирующиеся и рефлексивные формы субкультурной идентичности.[2]

Таким образом, как культурный источник в контексте повседневности, Интернет стоит в ряду других ресурсов, которые молодежь использует в создании значимых и аутентичных идентичностей, определяющиеся знаниями, властью и эксклюзивностью — ключевыми элементами принадлежности к субкультуре, определяемыми молодыми людьми и девушками.

Аура эксклюзивности сопутствующая участию в онлайн-дискуссиях о музыке и /или других молодежно-ориентированных форм популярной культуры усиливается из-за нескольких факторов. Во-первых, участие в подобном онлайн-обмене ограничен возможностью доступа и чисто техническими навыками использования Интернет. Во-вторых, в подобном онлайн-контексте, демонстрация знания и компетенции как «субкультурный капитал возможности Интернета стали основой для конструирования альтернативных/андеграундных/субкультурных идентичностей . [3]

Литература

1. Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М: Изд-во института социологии РАН» ,2000,264 с.

2. Facer, K. and Furlong, R.(2001) «Beyond the Myth of the ‘Cyberkid’: Young People at the Margins of the Information Revolution», *Journal of the Youth Studies*,4(4)-451-69

3. Thornton, S. (1997) *'Club Cultures; Music, Music and Subcultural Capital'*(Cambridge: Polity Press)

Молодежные субкультуры информационного общества

М.А. Писарева

Тверской государственный технический университет

E-mail: pmm@perm.raid.ru

Информационное общество представляет собой принципиально новый тип социума. В процессе его становления значительные изменения происходят во всех подсистемах общественной жизни. Это в полной мере касается и социокультурной сферы.

Современное общество невозможно представить без молодежных субкультур. Субкультурная деятельность молодежи является одним из способов интеграции молодого поколения в активную социальную жизнь общества. Социология выделяет в структуре молодежной субкультуры определенные ценности, специфические нормы и образцы поведения участников субкультурной группы, собственную статусную структуру, свои источники информации и каналы коммуникации, определенный набор способов времяпрепровождения, вкусов и предпочтений, а также моду, жаргон и фольклор. Многообразие молодежных субкультур потребовало от науки их типологизации, в основе которой могут лежать различные критерии (социальная направленность, структура, образ жизни). Становление информационного общества неизбежно способствует формированию субкультурных общностей, связанных с компьютерной техникой и информационными технологиями. В научной и публицистической литературе участников подобных субкультурных групп чаще всего называют хакерами. Однако четкой интерпретации феномен хакерства до сих пор не получил. Исследователи используют это понятие как в широком (хакер – человек, профессионально разбирающийся в компьютерной технике), так и в узком (хакер – взломщик компьютерных систем) смыслах [1,2,3]. Помимо хакеров социологи выделяют и другие субкультурные группы подобной направленности (крэкеры, фрейки и др.). Реальная оценка места компьютерных субкультурных групп в системе субкультурной дифференциации молодежи возможно только на основе специальных эмпирических исследований. Проблемы организации подобных исследований связаны с недостаточной разработанностью критериев отнесения индивидов и социальных групп к субкультурной общности хакеров, а также с тем, что в силу специфики своей субкультурной деятельности хакеры относятся к «закрытой» субкультуре. Традиционной средой формирования хакерской субкультуры выступают студенты компьютерных специальностей. Поэтому с целью изучения основных признаков хакерской субкультуры в ноябре-декабре 2004 года было проведено социологическое исследование с использованием метода глубинного интервью среди студентов специальности «Вычислительные машины, ком-

плексы, системы и сети» Тверского государственного технического университета. Было опрошено двенадцать студентов 3-4 курсов. Большинство опрошенных считают, что хакер – это профессионал высокого уровня в области компьютерной техники и информационных технологий. Однако мотивы субкультурной деятельности хакеров, выделенные респондентами разнообразны: стремление к профессиональному самосовершенствованию, повышению квалификации; отдых и развлечение; склонность к анархии и противоправным действиям; «погружение» в виртуальную реальность из-за проблем в общении; стремление заработать деньги.

На вопрос «Считаете ли Вы, что субкультура хакеров представляет собой определенную целостность?» большинство респондентов ответили положительно. При этом часть опрошенных признает существование особых хакерских сообществ, где хакеры делятся своим опытом, обмениваются информацией. По мнению опрошенных, реальная жизнь хакеров сильно отличается от существующих стереотипов общественного сознания, сформированных средствами массовой информации. Исследование также показало, что в настоящее время невозможно выделить типичный внешний облик хакера (одежда, прическа, манера поведения). Также разнообразны музыкальные вкусы и читательские интересы, т.е. те стороны жизни представителей компьютерных субкультур, которые непосредственно не связаны с основной субкультурной деятельностью.

Анализ научной литературы и результатов эмпирического исследования позволяют выделить ряд специфических особенностей компьютерных молодежных субкультур: 1) подобные субкультурные группы трудно соотносить с каким-либо существующим типом молодежной субкультуры; 2) значительное разнообразие субкультурных общностей обычно объединяемых понятием «хакеры»; 3) слабая институционализация компьютерных субкультур; 4) закрытый характер субкультурных групп; 5) насыщенность субкультурного сленга обилием специальных технических терминов.

Многие из этих особенностей связаны с незрелостью информационного общества в России, с продолжающимися процессами информатизации и компьютеризации социума. Появление молодежных субкультур, связанных с информационными технологиями, является признаком будущих глобальных перемен в социальной структуре и стратификации общества постиндустриальной эпохи.

1. Анисимова И.В., «Российские хакеры как социальная группа» // Сборник материалов Всерос. науч.-практ. конференции. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2001, с.154-156.

2. Скородумова О.Б., «Хакеры как феномен информационного пространства» // Социологические исследования, 2004, № 2, с.67-74.

3. Соколова И.В., Социальная информатика. М., 2002, с.92-93.

Выявление идеального типа мужчины и женщины на основе анализа брачных объявлений*Н.Л. Подвойская**Астраханский государственный университет**E-mail: podvoyskaya_nata@mail.ru*

В настоящее время актуализируется проблема идеального типа мужчины и женщины в современных условиях. В словаре современной западной социологии дается следующее определение: «идеальный тип – теоретическая конструкция (понятие или система понятий), представляющая определенный аспект (процесс, момент, связь и т.д.) социальной реальности в индивидуальном своеобразии, логической непротиворечивости и рациональной правильности». По мнению М.Вебера, в идеальном типе фиксируется «культурный смысл» того или иного явления. Мы считаем, что, определяя идеальный тип мужчины и женщины в современных условиях, нам удастся проанализировать взаимоотношения полов, а значит, дать определенные характеристики существующей культуре. Именно в идеале человек выражает свое отношение к действительности и оценивает ее с позиций своих интересов и ценностей, которые в свою очередь являются регуляторами культуры. Интересны слова А.И.Герцена: «Идеал для всякой эпохи – она сама, очищенная от случайностей, преображенное созерцание настоящего. Разумеется, чем всеобъемлемее и полнее настоящее, тем всемирнее и истиннее его идеал»[1].

Надо отметить, что, по мнению многих исследователей, любой идеал практически всегда содержит критику того или иного момента существующей действительности или действительности в целом. Однако идеал – это не только критика, это еще и утверждение новых положительных и желательных характеристик действительности в недалеком будущем. Другими словами, идеал – это противоречие между имеющимся и желаемым.

В образовании идеала участвуют творческое воображение, фантазия, с помощью которых человек мысленно выходит за пределы наличной ситуации и провозглашает порой новые, возможно, ранее невиданные идеалы. Но фантазии не всегда достаточно для формирования идеала. Нужно не только создавать утопию, но и трезво оценивать окружающую действительность, с тем, чтобы созданный нами идеал был реален. Таким образом, идеал представляет собой результат единства познавательного и ценностного аспекта отношения к действительности, причем определяющей стороной этого единства является все-таки ценностная установка.

Следует обратить внимание на то, что идеал никогда не был бы идеалом, если бы он отражал только интересы субъекта. Как считают исследователи, идеал – это своеобразное проявление сущности предмета. В нем не может фиксироваться все то, что нам хочется в нем видеть, идеал должен быть желаемым состоянием, которое допускается его сущностью. При условии, что это желаемое состояние может установиться в результате преобразования уже существующих характеристик по внутренним

или внешним причинам. Следовательно, идеал – конечный итог определенной тенденции развития объекта.

С целью выявления идеального типа мужчины и женщины, наиболее востребованного в современной жизни, нами был проведен контент-анализ 600 брачных объявлений (из них мужских – 296, женских – 304). Материалы взяты из газет г. Москвы и г. Астрахани за 2004 г. (с января по май). На основе эмпирических данных была также предпринята попытка дать общую характеристику мужчинам и женщинам, которые стремятся найти свою «вторую половину» с помощью средств массовой информации.

Самое большое количество женщин, ищущих спутника жизни, находится в возрасте от 21 до 30 лет. Они характеризуют себя как симпатичную или красивую, привлекательную, без вредных привычек, без жилой площади, с высшим образованием, с ребенком.

Идеальным типом мужчины для такой женщины является мужчина в возрасте от 31 до 40 лет, рост от 175 и выше, порядочный, добрый, состоятельный, богатый, умный, симпатичный, серьезный. Эта категория женщин желает познакомиться в основном для создания семьи или серьезных отношений.

В отличие от женщин у мужчин, желающих познакомиться, возрастные рамки сдвигаются на 10 лет (т.е. мужчины от 31 до 40 лет). Мужчины этой группы дают себе следующую характеристику: без материально-жилищных проблем, без вредных привычек, порядочный, симпатичный, с высшим образованием, добрый, интеллигентный, серьезный, с чувством юмора.

Идеал для такого мужчины – женщина в возрасте от 21 до 40 лет, стройная, без детей, добрая, без вредных привычек, симпатичная или красивая, хозяйка, порядочная, интеллигентная, не склонная к полноте, скромная, верная, ласковая, с чувством юмора, приятная, заботливая, не состоявшая в браке, интересная и домашняя. Мужчины этой группы желают найти себе женщин для создания семьи, серьезных отношений или приятных встреч.

Таким образом, если сравнивать требования мужчин и женщин, то можно отметить такую особенность: у женщин идеальный тип мужчины четче выражен (это проявляется в меньшем количестве требуемых качеств). В то время как мужчины хотят познакомиться с женщинами не только для создания семьи, но и для приятных встреч, для приятных встреч именно днем, для жизни и любви, для счастья, для рождения детей, для совместного проживания на ее территории, для переписки и более.

Местные СМИ в освещении экологических проблем (на примере газет Новгородской области и Республики Карелия)

М.А. Подлесная

Институт социологии Российской академии наук

E-mail: mpodlesnaya@mail.ru

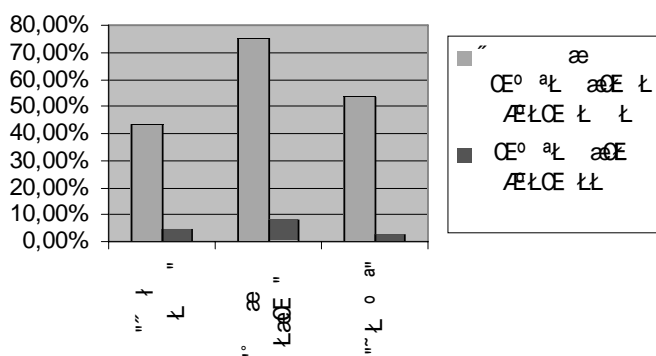
Целью данного исследования стало выявление роли местных СМИ в освещении экологических проблем. В качестве теоретико-методологичес-

кой основы был использован конструкционистский подход в теории массовой коммуникации (Г. Блумер, М. Спектор, Дж. Китсьюд, Пол Ф. Лазарфельд, Роберт К. Мертон и др.), согласно которому СМИ мы изучаем не как социальный институт формирующий общественное мнение, а как агента, включенного в процесс конструирования определенной социальной реальности.

Для определения роли местных СМИ в освещении экологических проблем в нашей работе мы использовали статистический метод контент-анализа публикаций газет Новгородской области («Наша жизнь» – г. Пестово, «Красная искра» – г. Боровичи) и Республики Карелия («Диалог» – г. Медвежьегорск) и глубинные интервью с представителями определенных социальных групп, участвующих в формировании социальной реальности, в частности по вопросам окружающей среды. Это интервью с представителями местных администраций, сотрудниками газет, радио, телевидения, с наиболее активными группами от населения (учителя школ, колледжей, ВУЗов, учащаяся молодежь и т.д.) и с руководителями местных эконоНПО. Предполагалось, что обработка публикаций методом контент-анализ даст нам количественные характеристики изучаемого предмета, а глубинные интервью позволят оценить качественную составляющую, выявить отношения между объектами исследования и степень их участия в создании социальной реальности по экологическим вопросам.

Отбор данных регионов производился на основании действующей в них промышленности, ее специфики и возможных в связи с этим экологических проблемах и последствиях. Как известно, в Новгородской области и Республике Карелия преимущественно добывающая промышленность и в основном промышленные загрязнения.

Методом контент-анализа всего было обработано 2928 публикаций трех газет Новгородской области и Республики Карелия за 2002 год*, из которых 156 мы отнесли к публикациям по экологическим вопросам. Кроме того было взято 56 глубинных интервью с представителями выделенных нами социальных групп.

Гистограмма №1 «По значениям признаков «количество номеров газет с экологическими публикациями» и «количество экологических публикаций от общего числа статей» в трех местных газетах «Наша жизнь», «Красная искра» и «Диалог» за 2002 год»

* Отбор публикаций за 2002 год был продиктован несколькими причинами. Первая из них связана со стабилизацией экономики и общества в целом именно в этот период. Вторая связана с тем, что 2002 год - это половина первого срока президентства В.В. Путина и соответственно первые результаты деятельности проводимой им политики, в том числе в области природопользования и охраны окружающей среды. Предположительно, начиная с этого момента мы можем говорить о тенденциях развития экологической политики в России и находить отражение этого в СМИ, в том числе и тех экологических проблем, которые интерпретируются или нет как социальные.

При анализе экологических публикаций и интервью мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, экологические проблемы на местном уровне редко выдвигаются социально значимыми группами, в том числе и местными СМИ, как утверждения-требования, т.е. как риторика требовательного характера (обращения с жалобами и письмами протеста, протестные публикации в прессе и т.д.). В связи с этим экологические проблемы не являются социально значимыми, т.е. вызывающими обеспокоенность среди общественности и требующие всеобщего обсуждения, рассмотрения, принятия управленческих решений на уровне легитимной власти. Анализируя освещение экологических проблем в местной прессе, приходится наблюдать процесс их «деконструирования», блокирования или дедраматизации, который обозначает деятельность, препятствующую выдвижению утверждений требовательного характера относительно тех иных социальных условий. На примере нашего анализа подтверждением данному утверждению может служить: 1. незначительное участие местных властей в освещении экологических вопросов; 2. незаинтересованность местного сообщества в подобных сюжетах; 3. представление экологической информации на страницах местной прессы без «наклеивания ярлыка» проблемы, т.е. как ситуации, которая не определяется как вредная, опасная, угрожающая.

Во-вторых, экологические проблемы на местном уровне не выдерживают конкуренции с другими социальными проблемами, в частности, экономического характера. Материальное неблагополучие российских районов не позволяет экологической проблематике быть в числе актуальных и обсуждаемых тем. Местные власти как основные функционеры, осуществляющие отбор вопросов и тем самым формирующие повестку дня, намеренно исключают экологическую проблематику из области важных вопросов.

В-третьих, экологические проблемы практически не включены в публичную повестку дня. И связано это с тем, что они не выдерживают конкуренцию в потоке других проблем. Конкуренция между социальными проблемами — это борьба между различными противоборствующими группами и, как видно из нашего анализа, освещение проблем окружающей среды поддерживается не многими, чаще всего представителями «зеленых» или специалистами природоохранных служб.

Литература

1. Anderson A. 1990. Media, culture and environment.
2. Hansen A. 1993. Mass Media and Environmental Issues. Leicester University Press: Leicester.
3. Грабельников А.А. Массовая информация в России от первой газеты до информационного общества. — М.: Изд-во РУДН, 2001.
4. Джон Тернер. Социальное влияние. — М., 2003.
5. Иванов В.Н., Назаров М.М. Массовая коммуникация в условиях глобализации // СОЦИС, №15, 2003.
6. Макаров М. Основы теории дискурса. — М.: «Гнозис», 2003.

7. Мейер М. М. Повестка дня для общества. Роль СМИ в российской политике в 1996-2000 гг. — М.: Изд-во ИС РАН, 2003.

Роль семьи в формировании здоровья мужчины и женщины

Е.А. Подолян

Уральский государственный университет им. А.М. Горького

E-mail: svintus_c@inbox.ru

В настоящее время здоровье понимается большинством людей как отсутствие болезней, как природная данность; лишь немногие задумываются о том, что его необходимо сохранять и укреплять. Микро- и макроокружение играет особую роль в формировании здоровья человека. Семья оказывает огромное влияние на здоровье каждого своего члена. Главным и необходимым, что дает семья для сохранения и укрепления здоровья, прежде всего, являются забота по отношению ко «второй половинке» и поддержка (советы, рекомендации; эмоциональная помощь) в любых вопросах и проблемах, связанных со здоровьем. Это возможно при условии наличия искренней, настоящей любви между супругами: тогда здоровье одного становится частью другого, как будто оно общее на двоих, и о «второй половинке» заботишься как о себе самом.

В январе-феврале 2005 года в городе Заречный Свердловской области было проведено социологическое исследование на тему «Роль семьи в формировании здоровья мужчины и женщины», главной целью которого было рассмотреть, каким образом семья влияет на здоровье отдельно мужчины и женщины. Объектом исследования были мужчины и женщины, состоящие в зарегистрированном или гражданском браке. Было проведено количественное исследование методом опроса (выборка квотная, $n = 175$ человек).

Результаты: 1. *Здоровье большинством людей рассматривается как природная данность, при этом именно семья заботится о здоровье человека, при необходимости подталкивает его к сохранению и укреплению собственного здоровья.* По данным опроса около половины жителей города Заречный вспоминают о своём здоровье только при сильных заболеваниях (45,7%) или при небольших недомоганиях (32,0%). Помнят о нём постоянно примерно четверть (22,3%). Это говорит нам об отношении людей к своему здоровью: у большинства не существует твёрдой установки (убеждения) в сознании на то, что необходимо принимать меры по сохранению и укреплению здоровья, «необходимы знания, которые стали бы бытием» [1]. Так, по мнению мужчин и женщин города Заречный, наряду с другими факторами семья оказывает существенное влияние на их здоровье (42,9%). Большинство опрошенных отметили следующее: семья может обеспечить благоприятную психологическую обстановку (66,9%), но при этом многие решили, что семья может помочь только при тяжёлых заболеваниях (43,4%). При этом женщин, которые считают так, почти в два раза больше, чем мужчин.

1.1. *Женщины заботятся о здоровье мужчин больше, чем мужчины о здоровье женщин.* На вопрос, как часто Вы заботитесь о «второй половинке», чуть больше половины ответили, что постоянно, но среди них женщин на 20% больше, чем мужчин. Изначально, главная задача женщины заключалась в том, чтобы родить и вырастить детей — эту возможность женщине дала природа. Женщина проявляла заботливость: кто как ни она сможет лучше позаботиться о малыше. Такое отношение она перенесла и на мужчин (не зря говорят, что мужчины — это большие дети). Мужчина просто привык, что о нём заботятся: он меньше заботится сам о себе, как и о своей супруге.

1.2. *Женщины более внимательно (заботливо) относятся к своему здоровью, чем мужчины к своему, однако замужние женщины уделяют своему здоровью времени и внимания меньше, чем несемейные.* Более адекватное отношение у женщин к собственному здоровью связано с функцией воспроизводства и деторождения. Отношение к здоровью обуславливается во многом социальными ролями в семье, которые в свою очередь основаны на природных различиях между мужчиной и женщиной. Относительно методов сохранения и укрепления собственного здоровья при воспоминании о нем, наиболее популярные ответы среди женщин были: использование витаминов и пищевых добавок (52,9%), своевременное обращение к врачу (38,5%), рациональное питание (28,8%), игнорирование стрессовых ситуаций (19,2%). В то время как мужчины, когда вспоминают о здоровье, ничего не делают (35,2%), в лучшем случае используют витамины и пищевые добавки (25,4%), рационально питаются (21,1%) (при этом за приготовление пищи в основном ответственна женщина), делают ежедневную зарядку (16,9%), и т.д.

1.3 *Семейные мужчины и женщины более здоровы, чем несемейные.* Исследователями было доказано, что «лучше всего для здоровья быть семейным, значительно хуже — холостым и совсем плохо — разведённым» [2]. Семейные люди в отличие от одиноких имеют возможность заботиться друг о друге, проявлять внимание и ласку.

«Семья может оказывать целительное воздействие на каждого своего члена, давать эмоциональную поддержку, не заменимую ничем. Но атмосфера семьи может оказывать и негативное воздействие на душевное равновесие личности, снижать эмоциональный комфорт, ... ослаблять её психологическую устойчивость» [3], а, следовательно, ухудшается физическое, сексуальное, социальное и др. здоровье. Отношения между супругами в данном случае выступают как регуляция поведения касательно своего здоровья и формирования здоровья любимого и близкого человека. Заметим, что необходимо дополнительно давать знания о влиянии семейных отношений на здоровье человека путём написания статей, книг, выпуском методических пособий, проведением семинаров, лекций для будущих семей и для семей «со стажем».

Литература

1. И.И. Брехман, Валеология — наука о здоровье. — 2-е изд., доп., перераб. — М.: Физкул-а и спорт, 1990. 208 с., ил. — (Наука — здоровье). — с. 63-71.

2. В.П. Шейнов, Мужчина +Женщина: познать и покорить, <http://www.follow.ru/article/224/54> (декабрь, 2004).

3. Психология здоровья: Учебник для вузов/Под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Питер, 2003. – 607с.: ил. – (Серия «Учебник для вузов») – с.110.

**Имидж региона как один из наиболее действенных
социально-психологических региональных регуляторов**

М.С. Польшинская

Ростовский Государственный Университет

E-mail: stoptolove@yandex.ru

Создание положительного имиджа региона – одна из актуальных проблем на сегодняшний день. С одной стороны, продвижение имиджа регионов – перспективный путь преодоления трудностей в формировании имиджа России в целом. Здесь уместно привести небольшую метафору. Формирование имиджа регионов с точки зрения формирования имиджа России в чем-то напоминает поведение контрабандистов. Если мы не можем через те барьеры, которые существуют, протащить что-то большое, то мы разделяем его на части, протаскиваем отдельные кусочки с тем, чтобы уже по ту сторону барьера собрать заново в целую картинку. Формируя имидж регионов, мы можем в значительной степени обойти те стереотипы, препятствия, которые существуют по отношению к имиджу России в целом. А ни для кого не секрет, что позитивный образ страны – важнейший инструмент защиты интересов России на мировой арене. С другой стороны, политические и экономические элиты каждого региона заинтересованы в усилении значимости своей территории на уровне федерального центра. Это способствует привлечению внимания к региону, дает возможность более эффективно лоббировать свои интересы, улучшать инвестиционный климат, получать дополнительные ресурсы для развития региональной экономики, становиться кадровым резервом федеральных элит. Одним из необходимых условий решения этих задач является системное продвижение имиджа региона на федеральном уровне.

В современной ситуации регион не может рассматриваться как самостоятельная замкнутая территория. Он живет в значительной степени за счет тех ресурсов, которые он привлекает, за счет тех систем связей, в которые он включается, и именно для этого и становится необходимым определение своего места в этой более глобальной системе, чем конкретная территория. При условии равных затрат (деньги, нервы, время) Клиент (в нашем случае это – человек или организация, выгодные региону (инвестор, бизнес – партнер, покупатель)) покупает, голосует или вкладывает деньги в то, что ему «наиболее приятно». Поэтому неизбежно растет значение факторов внеценовой конкуренции.

Имидж территории – «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков территории, собственного опыта людей и слухов, влияющих на создание опреде-

ленного образа» [5]. Иначе говоря, среди элементов имиджа следует выделять объективную и субъективную составляющие. Важнейшая объективная составляющая – совокупность конкурентных преимуществ и недостатков. Они обуславливаются особенностями отраслевой специализации региона, наличием экспортного потенциала, территориальной удаленностью и транспортной освоенностью, интеллектуальным и инновационным потенциалом и его соответствием целям развития региона, уровнем развития социальной сферы, состоянием производственного потенциала и сложившимся уровнем инвестиционной активности и т.д. Субъективный характер второй составляющей имиджа территории определяется действием трех факторов. Во-первых, это обусловлено оценкой территории отечественными и иностранными политиками, предпринимателями, туристами на основе собственных наблюдений и опыта. Во-вторых, имидж территории в значительной степени зависит от действий региональных и местных органов власти, которые, демонстрируя определенные политические способности и амбиции, могут реализовать «иконный маркетинг», связанный с образом конкретных лиц. В-третьих, субъективизацию образа территории может усиливать ее односторонняя характеристика в СМИ. Регион не должен быть представлен в информационном потоке совершенно случайными событиями, большинство из которых носит скандальный характер – убийства, крушения, скандалы и т.п., в то время как ежедневно происходит множество позитивных событий. «Для наглядного примера можно рассмотреть сформированный за последнее десятилетие имидж Северного Кавказского региона, входящего в состав ЮФО. На протяжении последних лет средствами массовой информации вольно или невольно формируется мнение, что Северный Кавказ является источником зла, антикавказские настроения становятся порой, чуть ли не доминантой, определяющей характер многих политических и экономических событий. Почти ежедневно СМИ информируют нас об очередном теракте, взрыве, захвате заложников и т.д. Зритель, читатель лишь услышав об этом, практически не сомневается в том, что это дело рук «кавказцев»...»

Выход из такой или подобной ситуации можно представить в двух вариантах.

1. «Регионам необходимо сначала разработать комплексную программу развития, установить принципы функционирования, сформировать инфраструктуру, проявить конкурентные качества (факторы притягательности), обеспечить дружелюбие, социальный оптимизм населения и профессионализм работников, а затем во всеуслышание объявить по телевидению, радио, в газетах и через Интернет: «Мы – хорошие, у нас все замечательно, приезжайте к нам!», т.е. поработать уже над имиджем, коммуникациями. Но если инфраструктура территории слаба, то она непривлекательна для финансистов, а финансовая бедность, в свою очередь, не позволит улучшить инфраструктуру или создать факторы привлекательности.

2. С бедными финансовыми ресурсами реальнее начинать с низкочатратных технологий: формировать имидж, проявлять уже имеющиеся кон-

курентные преимущества и отыскивать целевые группы «потребителей территории», которые помогут сформировать более притягательную инфраструктуру и привлечь инвестиции для реализации долгосрочных программ развития территории. Безусловно, среди таких «потребителей территории» надо постоянно видеть далеко не только иностранцев, но и, прежде всего, собственное население и предпринимательские круги. Постепенное улучшение их самочувствия — гарантия дальнейшего развития» [4].

Впрочем, есть и третий вариант — двигаться, объединяя усилия разных регионов, в том числе с разным уровнем развития и разным маркетинговым потенциалом (о возможности этого пути говорят первые шаги в создании по инициативе правительства Москвы системы межрегиональных маркетинговых центров).

Литература

1. Ольшанский Д.В. Политический PR. М.: Питер, 2003, с. 293-294.
2. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001, с. 188.
3. Гринчел Б.М., Костылева Н.Е. «Важнейшие факторы повышения конкурентоспособности регионов» // www.2003.regionforum.ru, 2003, апрель.
4. Панкрухин А.П. «Зачем, кому и какой нужен маркетинг территорий» // <http://www.koism.rags.ru>.
5. Черная И.П. «Маркетинг имиджа как стратегическое направление территориального маркетинга» // Маркетинг в России и за рубежом, 2002, №4.

Репрезентация пола в бюрократических структурах

О.А. Полюшкевич

Иркутский государственный университет

E-mail: okwook@mail.ru

Согласно Максу Веберу, центральным элементом бюрократического господства является его безличность. Необходимо подчеркнуть, что в трактовке М. Вебера современный тип бюрократического господства надо понимать как одно из великих достижений буржуазного общества: членами общества правят теперь исходя не из сословного состояния, личных отношений зависимости или милости властителя, а на основе равных правил для всех. Прогнозируемость, надежность процедур и формализованность нужно понять на этом фоне не только как выражение рационализации, являющейся предварительным условием и характеристикой самоутверждающегося индустриального общества, но и как защиту граждан от произвола властвующего. Администрация в принципе обращается со всеми одинаково, по одинаковым правилам [2]. Согласно этому критерию формальной организации — она функционирует независимо от индивидуальных характеристик ее членов, как и ее «клиентов» и «пол» не должен влиять на действие в организациях, связанное с их целями.

Эта точка зрения не раз оспаривалась. Буржуазная концепция равенства была подвергнута развернутой критике не только с феминистских позиций. По поводу роли пола в бюрократических процессах принятия решений и действиях также справедливо, что формальный критерий может находиться в противоречии с повседневностью и, соответственно, с «правилами», по которым фактически происходит действие. Правда, «открытие» неформальных структур в трудовых организациях в 1930-х гг. привело к дифференциации перспектив. Однако «пол» в качестве возможного структурообразующего фактора оставался вне поля зрения. Лишь в 1970-х гг. феминистский дискурс начал развивать это направление. Начало феминистской дискуссии об организации в новейшее время совпало с выходом в 1977 г. книги Розабет Мосс Кантер. Автор отрицает имманентную бюрократическим структурам тенденцию к дискриминации женщин. Она признает наличие дискриминации женщин в организациях; но такая основана не на гендерной дифференциации, а на дифференциации власти. Перейти к симметричному соотношению полов, по ее мнению, возможно, помогая женщинам достичь руководящих позиций. До тех пор, пока женщины находятся в положении меньшинства, принадлежность к женскому полу будет конструироваться как негативное различие. Проведенный Кантер анализ видимости перестройки, как и ее меткие высказывания о «критической массе», основываются на тезисе, что гендерная дифференциация конструируется через дифференциацию власти, то есть через статус меньшинства. Анализ отношений между шефом и секретаршей показывает, что они включают личные и эмоциональные составляющие, противоречащие предполагаемой рациональности организации. По ее мнению, это иррациональный импульс, пережиток прошлого, который будет преодолен с продвижением женщин в организациях.

Другие исследовательницы на ранней стадии изучения этого вопроса зачастую приходили к противоположному выводу: маргинальное положение женщин является структурной необходимостью современного типа организации, который, таким образом, продуцирует неравное соотношение полов. Отношения власти в организации понимаются здесь как выражение общественной организации гендера [3]. Отношения между шефом и секретаршей представляются парадигмальными для отношений между мужчинами и женщинами на рабочем месте, поскольку те лишь отражают общие различия в обладании властью между мужчинами и женщинами. С этой точки зрения, изменение такой ситуации возможно не через приобщение женщин к мужской власти, а через их отказ от подавления сексуальности в организациях и ее развитие [3]. Женщины должны ориентироваться на позитивные стороны гетеросексуальности и путем ре-эротизации преодолеть господство мужской рациональности. Как убеждены некоторые авторы, хотя и в разной степени [1, 3], веберовское понятие рациональности, лежащее в основе его концепции бюрократической организации как исторически преобладающей в Новое время, поясняет конструирование современной маскулинности.

Однако сейчас это противоречие можно считать оставшимся в прошлом; тезис о предопределенности гендерного неравенства структурой организации считается опровергнутым [1]. Изменению жизни женщин — достижению равного уровня образования, равных профессиональных устремлений — соответствует больший интерес исследователей к действиям, они уделяют больше внимания и культурному аспекту [3]. Новые исследования обращаются к роли микрополитики в организациях [1, 3], задаются вопросом о возможностях сокращения гендерной асимметрии путем парадоксальных интервенций, интересуются тем, какие тенденции повседневной практики на предприятиях указывают на преодоление «асимметричной гендерной культуры», и таким образом делают постоянным предметом рефлексии гендерное неравенство в повседневной жизни организаций. При этом критический дискурс внутри гендерных исследований и феминологии критически вводится через его овеществление [1] и методологически рефлексивируется [2].

Инспирированная феминистками дискуссия об организации привлекла внимание к «гендерной субструктуре» организаций, которая, впрочем, еще ожидает детального анализа. Кроме того, представлениям об «организации» и «бюрократии» как монолитных блоках, в которых женственность всегда принижается и женщины всегда являются «жертвами» власти и иерархии, пришла на смену более гибкая позиция. Каждая организация проводит «гендерную политику», сознает она это или нет. Последняя может быть элементом организационной инновации или же — в традиционном, иерархизирующем варианте — блокады инноваций [1].

Литература

1. Alvesson M., Billing Y. Gender and Organization: Towards a Differentiated Understanding, in: Organization Studies, London-New York, 1992.
2. Bologh R. W., Love or Greatness. Max Weber and Masculine Thinking — A Feminist Inquiry. London, 1990.
3. Pringle R. Secretaries Talk: Sexuality, Power and Work, London-New York, 1988

Особенности функционирования института наставников в структуре промышленного предприятия (на примере Рязанского государственного приборного завода)

Ю. Раменская

*Рязанский государственный педагогический университет им. С.А.Есенина
E-mail: bagor@rambler.ru*

Процесс перехода на новую должность или новую работу — достаточно сложный период в жизни любого человека. Прежде, чем он сможет работать эффективно в соответствии с новыми требованиями, ему необходимо адаптироваться какое — то время на новом месте или в новой для него организации. В этот период его часто посещает чувство неуверенности в своих действиях и решениях. Если он не ощущает поддержки со

стороны организации, у него появляются сомнения в том, что он поступил правильно, решив устроиться в эту организацию. Чем чаще такие сомнения посещают его, тем ниже уровень его доверия к организации, лояльности и, как следствие, качества выполнения работы.

Повышению индивидуальной отдачи сотрудников помогает наставничество – искусство обучения и развития персонала с целью повышения эффективности его работы. Наставник не только способствует повышению производительности труда, но и помогает своему подопечному проходить адаптацию и осваивать должностные обязанности.

Определим **наставничество как систему учебно-воспитательных мероприятий, направленных на формирование необходимых профессиональных и личностных качеств работника, осуществляемых наставником в процессе трудовой деятельности.**

Таким образом, **цель наставничества** – систематическая подготовка работников с необходимой предприятию квалификацией, оказание помощи в их адаптации. Содействие руководству завода в формировании сплоченного, грамотного коллектива.

Основными задачами наставника являются:

- помощь вновь принятым работникам в освоении и выполнении возложенных на них обязанностей;
- поощрение инициативности и интереса к работе, создание условий для развития творческого потенциала вновь принятых работников;
- оказание помощи при адаптации в коллективе, освоении корпоративной культуры, закреплении на предприятии.

В целях оценки эффективности работы наставников и оптимизации деятельности по обучению и адаптации молодых работников на РГПЗ Центром развития персонала был проведен социологический опрос. В исследовании приняли участие сотрудники различных подразделений, за которыми на начальном этапе их деятельности был закреплен наставник. При проведении исследования был избран метод анкетирования.

Наставничество является традиционным методом профессиональной подготовки рабочих кадров на производстве. В ходе опроса абсолютное большинство (100%) сотрудников отметили, что в процессе работы с инструктором производственного обучения приобрели все необходимые знания и навыки для успешного выполнения работы в своей профессиональной области.

33.3% работников не устраивает режим проведения занятий. Остальные 66.6% находят его вполне удобным для себя.

Роль наставника предполагает не только профессиональное обучение молодых кадров, но и предъявляет высокие требования к личностным качествам сотрудника ее осуществляющего, его способностям к воспитательной работе. По мнению 61.1% опрошенных, наставник весьма успешно справился со своими обязанностями; 33.3% отметили, что он был достаточно успешен. 94.4% работников согласились с тем, что при адаптации в новом коллективе со стороны наставника им была оказана необ-

ходимая поддержка и помощь. Молодые сотрудники указали следующие позитивные аспекты в работе с наставником:

- возможность обратиться к опытному, квалифицированному специалисту с целью получения консультации по производственным вопросам
- непосредственная помощь на производстве
- искренняя заинтересованность наставника результатами труда

Среди позитивных личностных качеств наставников были отмечены следующие: отзывчивость, внимание, усидчивость, аккуратность, оперативность решения производственных вопросов. Негативных аспектов в ходе исследования не было выявлено.

88.8% опрошенных видит необходимость в повышении своей квалификации, приобретении дополнительных знаний и навыков. В 11.1% случаев такой необходимости не существует. 61.1% респондентов считают наиболее предпочтительной для себя организацию обучения на базе подразделения (цеха). Это связано с возможностью сочетания теоретических знаний с практическими навыками, и одновременно возможностью зарабатывать. 27.7% респондентов выразили заинтересованность в повышении квалификации на базе Центра развития персонала.

Институт наставничества на РГПЗ считается одним из самых эффективных направлений формирования корпоративности на предприятии.

Роль Интернета в процессе социализации учеников старших классов (9-11 классы) средних школ г. Екатеринбурга

А.П. Редина

Уральский Государственный Университет им. А.М. Горького

E-mail: rednastya@rambler.ru

Период юности (14-16 лет) является значимым этапом в возрастном развитии личности. В этот период происходит не только перестройка ранее сложившихся психологических структур, но возникают новые образования, закладываются основы самостоятельного поведения, вырисовывается общая направленность в формировании нравственных представлений и социальных установок. Традиционно первичными сферами социализации, как правило, являются семья, воспитательные и учебные заведения, трудовые коллективы, круг друзей, знакомых и соседей. В современном информационном обществе немаловажное влияние на процесс социализации оказывают средства массовой коммуникации, а именно Интернет. Созданный руками людей, он унаследовал черты существующего мира и в немалой степени является его отражением.

Социокультурная среда, в которой воспитывается человек, представляет собой источник, питающий развитие личности. Среда несёт те общественные нормы, ценности, роли, церемонии, орудия, системы знаков, с которыми сталкивается индивид в процессе социализации. И если роль семьи, школы, круга друзей в процессе социализации старшеклассников давно изучена, то роль Интернета и доля его участия в этом процессе до

сих пор до конца не ясны. Учёные стали задумываться об этом совсем недавно, когда Интернет стал доступен более широким слоям общества, но до сих пор исследования проводились лишь психологами, а социологических исследований касающихся этой области лишь единицы. Поэтому мы считаем, что данная тема является актуальной и мало исследованной.

Целью нашего исследования является изучение мотивации обращения подростков к Интернету. Объектом исследования выступают ученики старших классов (9-11 классы) средних школ г. Екатеринбурга. Исследования было проведено методом опроса.

В ходе исследования были получены и систематизированы следующие результаты:

1. Исследование показало, что для подростков важен быстрый поиск конкретной информации (90,0%) и получение новых знаний (83,0%), также не на последних местах стоит и потребность в овладении новыми видами деятельности, тренировка и проверка своих возможностей (71,0%).

2. Старшеклассники чаще всего используют Интернет для поиска конкретной информации по учёбе (81,0%), а затем уже для отдыха, развлечения (67,0%) и личного общения (35,5%), т.е. он помогает удовлетворить их потребность в саморазвитии, потребность в рекреации и потребность в общении.

В результате обработки полученных данных можно сделать вывод, что в основе деятельности старшеклассников, пользующихся Интернетом, лежат следующие виды мотивов:

1. Деловая (учебная) мотивация (90,0%)
2. Познавательная мотивация (83,0%)
3. Коммуникативная мотивация (71,5%)
4. Рекреационная или игровая мотивация (71,0%)
5. Мотивация самореализации (61,0%)
6. Мотивация самоутверждения (41,0%)
7. Аффилиативная мотивация (27,5%)

Также большинство опрошенных смогли объективно оценить последствия работы в Интернете, которые они ощущают на себе. Старшеклассники отметили пополнение знаний (77,0%), чувство включённости в глобальный информационный процесс (44,5%), развитие воображения (30,0%) и развитие личности в целом (28,0%). Затем 28,0% опрошенных отметили увлечение Интернетом в ущерб другим делам, потерю времени и отвлечение от реальных дел (27,5%). Также стоит сказать, что 3,0% опрошенных отметили у себя ухудшение самочувствия. Не смогли адекватно оценить последствия работы в Интернете лишь 1,0% опрошенных. Таким образом, старшеклассники в равной степени отметили как позитивные, так и негативные последствия работы в Интернете.

В заключение надо отметить, что Интернет занимает значительное место в процессе социализации учеников старших классов. Можно сказать,

что он выступает в роли определённого социального института, такого как семья, школа и т.д. При помощи Интернета старшеклассники удовлетворяют свои потребности самостоятельно, не завися от взрослых.

Модели молодежного потребления в массовом коммуникационном пространстве (на примере анализа глянцевого журнала для молодежи).

О.А. Решетило

Ульяновский Государственный Университет

E-mail: reshetilo@mail.ru

Множество исследователей современности отмечают бесспорный факт огромной роли СМК в жизни общества. В громких словах о «влиянии СМК на человека» мы должны видеть не только процессы убеждения, внушения, манипуляции, но и их способность сохранять целостность общественных отношений и структур. В этом смысле особенно пристальное внимание нами должно быть уделено молодежи, для которой СМК становятся одним из главных источников ценностей, норм и моделей поведения, так как процесс социализации и социокультурной идентификации молодежи в современном мире протекает под решающим воздействием СМК.

В рамках данной работы фокус нашего анализа составили модели молодежного потребления, транслируемые СМК, а именно молодежными глянцевыми журналами. Следует отметить, что автор не ставил перед собой задачу постичь процесс воздействия массовой коммуникации на молодежь, и выяснить эффекты СМК; мы лишь произвели поиск потребительских моделей, которые предлагаются наиболее популярными (по данным рейтингов) глянцевыми журналами молодежи. Рассматривая сообщения определенного характера в СМК, мы, в первую очередь, пытались вычленив основную концепцию издания, выкристаллизовать идеологию, проследить способы ее оперирования, а также выявить ключевые знаки. В результате, мы получили образ потенциальной аудитории журнала, с определенными характеристиками и особенностями, а также вышли к основной цели нашего исследования – моделям молодежного потребления.

Прежде всего, необходимо дать определения ключевым понятиям работы:

Потребление – это определяемый культурными нормами способ удовлетворения потребностей индивидов, а также действия, служащие для этой цели [1].

Модель потребления – образец в той или иной категории потребления, продвигающийся в массы (в данном случае с помощью СМК) в качестве достойного подражания.

В рамках данного исследования анализировались следующие категории потребления:

1. Реальное потребление товаров.
2. Досуговое потребление.
3. «Образовательно-карьерное» потребление.

Исходя из анализа содержания 4-х изданий для молодежи (Yes (апрель 2004), Oops (июль 2004), Elle-girl (март 2004), Seventeen (июль 2004)), мы можем сделать определенные выводы:

1. Потребление получает громадный размах, простираясь в область досуга и образования, которые также имеют свои приоритеты и модели, достойные подражания.

2. Несмотря на то, что многие журналы позиционируют себя как журналы для молодежи, большинство их посланий обращены к девушкам.

3. Обилие молодежных изданий не позволяет провести четкие границы различий между ними. Модели потребления, транслируемые этими изданиями, позволяют нарисовать достаточно однообразный портрет современной девушки. Она одевается, пользуется косметикой стандартного перечня марок. Она должна иметь высшее образование – вопрос в том на родине или за рубежом (зависит от материального положения). Она может работать, что всячески приветствуется, но если позволяют средства, может тратить время и деньги на досуг, который тоже не отличается особым разнообразием: это или путешествия, или домашние развлечения (перед TV или за книгой), или ночные клубы.

Исследование, проведенное в рамках данной работы, не претендует на отражение ситуации, связанной с трансляцией моделей потребления в полном объеме. Мы лишь допускаем тот факт, что СМК несут некие модели потребления в массы, а вот эффект восприятия и принятия этих моделей – другой вопрос. Реализуются ли обнаруженные модели потребления в реальных практиках современной молодежи – следующая задача в нашей работе над проблемой, решение которой позволит определить роль СМК в процессе формирования потребительских ценностей современной молодежи.

Литература

1. Афанасьевский В. Л., Краснов С. В. Потребление как феномен культуры. // *Философия культуры: межвузовский сборник научных статей.* – Самара, 1995, С. 50.

2. Карпухин О., Макаревич Э. *Формирование масс: природа общественных связей и технологии «паблик рилейшнз».* Опыт историко-социологического исследования. Калининград, 2001, 547 с.

3. *Культурные миры молодых россиян: три жизненные ситуации.* М., 2000, 224 с.

4. Назаров М. М. *Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования.* – М., 2003, 428 с.

5. Омельченко Е. Л. *Молодежные культуры и субкультуры.* М., 2000, 264 с.

6. *Социология потребления/ Под. ред. Л. Т. Волчковой, Ю. Гронова, В. Н. Мининой.* Спб., 2001, 240 с.

Проблема определения масштабов бедности. Альтернативный подход**Я.В. Родина***Пензенский государственный университет**E-mail: siup@stup.ac.ru*

Повышение уровня жизни россиян является важнейшей программной задачей социальной политики Российского государства. В числе приоритетов правительства – восстановление доходов и максимальное стимулирование платежеспособного спроса населения. Для этого разработаны основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу. По словам Президента РФ Владимира Путина, искоренение бедности сегодня – приоритетное направление социальной политики государства. Средством достижения этой цели выступают рост ВВП и совершенствование механизма его распределения на макро- и микроуровнях.

Официальная российская статистика, как, впрочем, и в большинстве зарубежных стран, базируется на определении бедности через исчисление среднедушевого дохода, хотя реально категория бедности связана с потреблением. Причина вполне прозаическая – информация о доходах доступна в гораздо большей степени, чем информация о потреблении. Поэтому роль социологии в изучении феномена бедности трудно переоценить. Сегодня это наш основной источник знания, по отношению к которому статистика не более чем справочное приложение.

Главная цель данной работы состоит в разработке современного методологического подхода к изучению проблемы бедности, основанного на оценке деприваций и исключений в потреблении различных социально-демографических групп населения Пензенской области.

Исследование было завершено в апреле 2004 года. Экспериментальный характер проекта требовал формирования целенаправленной выборки с равным количеством респондентов. В выборку были включены представители 7 социальных групп (приблизительно по 15 человек): 1) рабочие, 2) служащие бюджетных организаций, 3) служащие частного сектора, 4) руководители учреждений, 5) студенты, 6) безработные и 7) пенсионеры. Структура выборки позволила изучать индивидуальные различия на группах с разными возможностями и разными ценностными ориентациями. Выборка контролировалась также по полу и возрасту. Результаты представляют хорошую базу для будущего анализа и поиска ответов на вопросы, стоящие сегодня на повестке дня. Какие социальные группы несут тяжелое бремя лишений? Какие именно лишения приходится переносить различным категориям населения? Как протекают эти процессы в конкретных регионах России?

Используя метод депривации (лишений в потреблении) авторы ставили задачу определения того общепринятого набора жизненных благ, и видов деятельности, который отделял бы бедные семьи от небедных. То есть выяснить, что, по мнению респондентов, является признаком бедности.

Полученные эмпирические данные позволили рассмотреть три возможных варианта индексов лишений, которые реализуют различные алгоритмы расчета и, соответственно, фиксируют различающиеся уровни распространения бедности, степень концентрации лишений в каждой конкретной семье.

Проведенный регрессионный анализ позволил проанализировать связь между лишениями, которые испытывает семья, и факторами, традиционно выступающими характеристиками уровня жизни (связанными с доходами, демографическим составом семьи и др.).

Исследование показало, что в среднем 62% обеспеченных респондентов имели полный или значительный недостаток в 15 сферах потребления. В группу бедных были включены те, у кого наблюдается самый низкий уровень потребления продуктов питания (22% от общего числа семей, участвовавших в исследовании) и одежды (34%), чей среднедушевой доход в месяц был ниже прожиточного (физиологического) минимума по городу и области или равнялся ему.

Что касается масштаба реальной депривации бедных и их оценки своей жизни, то по сравнению с другими регионами Пенза и область является одним из достаточно «благополучных» уголков России, где есть рынок труда, где не задерживают зарплату и пенсию, где не отключают электричество и отопление. Однако депривация бедных достигает и здесь значительных размеров (38%). Большинство новых и традиционно бедных отказывают себе в потреблении мяса, фруктов. Кроме того, малоимущие постоянно испытывают трудности в покупке одежды, домашнего имущества, в исполнении обычных социальных обязанностей.

Работа представляет собой попытку применить современные мировые методологии в измерение и в конечном итоге — в борьбу с самым негативным социально-экономическим феноменом последних лет в России — ростом зоны бедности.

Постмодернизм как философский проект в эпоху глобализации

А.В. Ролёнок

Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: arolionok@rambler.ru

Глобализация актуализирует постмодернизм как тот дискурс, который направлен на выявление родовых черт новой эпохи, эпохи постмодерна. Однако эти родовые черты, как и весь постмодерн, если следовать их пониманию со стороны интеллектуалов глобализации, поразительным образом вписываются в общий проект глобализации с ее сверхпотребительской логикой, логикой свободного движения капиталов и вытекающей отсюда гипермобильности, постоянной смены чего бы там ни было, непрекращающегося поиска новых ощущений. Эту логику можно суммировать, как стремление все поддерживать в постоянном движении, бытие-в-движении как метаценность, стремясь при этом уничтожить все, что от-

носится к постоянному и определенному, защищенному месту. Быть в движении — значит жить во времени, а не в пространстве, значит, возможность пренебрегать последним.

Вся эта логика сводится к преодолению зависимости капитала от пространства, от локальных или местных факторов. Поэтому формируется сознательный образ локальности и привычки к такому образу жизни как «лузерскому» образу, образу несостоявшегося человека, который не представляет для глобальной «системы» никакого интереса, он для нее лишней, бесполезный элемент, с которым можно лишь заигрывать в глобальность, дабы держать в подчинении. «Система» даже готова предоставить ему свободу и демократию, чтобы он играл с ними, мнил себя творцом и хозяином судьбы в рамках национального государства, которое лишилось суверенитета, а стало быть, и власти, которая сконцентрировалась в руках тех, кто инвестирует.

Интеллектуалы формируют новые идеальные идентичности, за которыми не стоит никого сообщества (стало быть, интеллектуалы сами создают симулякры и сами призывают к следованию им), которые вновь носят глобальный характер и призывают к движению, призывают стать туристом, прогуливающимся по этой жизни, для которого нет дома как локального предопределения, но в то же время его дом везде, куда бы он не приехал. Везде он найдет нужную ему еду с любой национальной кухни, везде он найдет тот товар, который ему захочется потребить, он найдет глобальную «определенность» в глобальном хаосе. Его идентичность есть не задача жизни, а бесконечная идентификация. Он скорее найдет свой дом в потребительских вещах, в потреблении, нежели в Другом, в понимании Другого как человека. На это также указывает путь «изобретенных» идентичностей: будь один и потребляй, ведь если ты остановишься и спросишь, кто я такой вне вещей, ты мгновенно станешь локальным, ты станешь придатком этой вещи, ты мгновенно впадешь в неопределенность открывшихся для тебя вещей самих по себе, неопределенность, которая скрывается за определенной вещью-для-нас.

В этом можно проследить рождение «индивидуализированного общества», в котором, поэтому, важна краткосрочная ментальность и неопределенность как главный «системный» элемент. Элемент идеологии как ложного искаженного сознания, призыв следовать за тем и к тому, чего на самом деле нет. Если вы внутри этого потребительского круга, где каждую секунду изобретают для вас нечто новое, к чему можно стремиться и что можно потребить, вы становитесь предсказуемыми, вы становитесь под контрольными, вы становитесь массой (это не восстание масс, а их тотальное создание и их тотальная манипуляция, подавление, зондирование или как угодно еще), которой легко управлять и манипулировать посредством бесконечным симулякром и СМИ как главного их генератора и ретранслятора.

Преодолеть эту пропасть между «частной» жизнью как жизнью бродяги, бедняка, низов посредством личного усилия, мужества, либо став мо-

бильными, практически нет шансов, просто потому, что нет того моста (между сферами или структурами глобальности, нет мобильности как таковой), о котором говорят интеллектуалы, вне их, вне СМИ, вне тех, кто инвестируют.

Но проблема состоит в том, что субъект глобализации (будь то интеллектуалы-глобалисты на службе или нет у инвеститоров, как и сами инвеститоры) оказывается вовлеченным в этот круг. Только в структуре «нового глобального беспорядка» они играют сверху, они играют с низом, карта которого, как и сами правила игры известны только верхушке, играют, чтобы оставаться на верху и обладать хотя бы какой-то «определенностью», хотя бы в виде масс, их контроля и предопределенности их положения. Это идеология глобального меньшинства, но идеология, которая не только управляет массами, но в значительной мере и сдерживает самих своих «субъектов», держит их в такой же неопределенности (поистине системного элемента идеологии).

Акция «День самоуправления» как инновационный метод современного муниципального управления в Иркутске

Н.В. Рудакова

Иркутский Государственный университет

E-mail: nata@ru.baikal.ru

По прошествии более десяти лет с начала осуществления в Российской Федерации реформы местного самоуправления актуальной остается проблема формирования и консолидации городской общности, развития местной демократии и политической культуры. Современный российский город характеризует, с одной стороны, низкий уровень привлечения органами местной власти населения к управлению, а с другой, — рост социальной апатии, недоверия к политике руководства, отстраненность, отчужденность горожан от процесса принятия и реализации управленческих решений. Отсутствует восприятие горожан как полноценных, равноправных субъектов управления, не разработана реально действующая система связей между народом и властью. Население неподготовлено к систематической работе с органами муниципальной власти, у горожан отсутствуют традиции самостоятельного и ответственного решения проблем местного значения. Очевидно, что реформа местного самоуправления идет не снизу, а сверху и, следовательно, вряд ли означает установление подлинного народовластия.

Необходима новая парадигма, предполагающая переход от административных методов управления к вовлечению горожан и интеллектуального ресурса в управленческие процессы, новые механизмы активизации городского сообщества, новые методы эффективной интеграции населения в городские процессы.

10 декабря 2004 года в Иркутске — административном, промышленном, транспортном и культурном центре Иркутской области и Восточной

Сибири – был запущен уникальный в управленческой практике города проект студенческого самоуправления [1]. Мероприятия подобного рода проводят всего в нескольких городах России. Данный эксперимент по праву можно определить как инновационный метод привлечения населения к проблемам городского управления, как новую форму сотрудничества, соуправления, сотворчества местных властей и общественности в лице студентов. Суть акции состояла в передаче ключевых постов городской администрации Иркутска студентам – членам студенческого совета. На один день обязанности мэра, его заместителей, руководителей аппарата мэра, глав округов, руководителей комитетов и департаментов и других крупных городских чиновников были возложены на активистов молодежной общественности. Среди 19 дублеров были поделены все сферы жизни города – экономика, торговля, молодежная политика, муниципальное имущество и др. До вступления в должность студенты проходили обязательную стажировку, чтобы в день самоуправления иметь представление о вопросах, которыми придется заниматься, ознакомились со своими будущими обязанностями.

Мероприятие преследовало решение следующих задач:

1) приближение власти к населению, в данном случае к представителям молодежи, формирование взаимоотношений между горожанами и представителями власти;

2) пробуждение стремления не только видеть проблемы города, но и прилагать усилия к их разрешению, привлечение молодежи к участию в социально значимых проектах;

3) повышение социального, образовательного и культурного уровня молодежи, формирование правовой и политической культуры, обучение организаторскому мастерству, развитие управленческих способностей и активной гражданской позиции, самостоятельности, ответственности, инициативы, умение действовать в соответствии с законом, быть ответственными за собственные поступки, самостоятельно разрешать те проблемы, с которыми сегодня сталкиваются горожане;

4) получение представления о системе городского управления изнутри, исследование приоритетных направлений деятельности структурных подразделений Администрации города, выявление проблем в сфере городского развития;

5) формирование и внесение предложений о перспективах развития города;

6) формирование кадрового резерва муниципальных органов власти.

Осуществление эксперимента имело положительные результаты, поставленные цели были достигнуты. На заседании Высшего административного комитета города было принято решение о ежегодном проведении акции «День самоуправления», причем попытаться занять кресла муниципальных чиновников смогут не только студенты, но и представители других общественных организаций. Коэволюция управленческих структур и местного населения в рамках данного мероприятия была про-

возглашена необходимым условием для прогрессивного развития города и придания управлению истинно общественного характера. Обоюдный интерес к совместным действиям горожан и муниципальных управляющих признан основой построения реально и эффективно действующей системы внутригородского управления.

Литература

1. Попова О. «Взрослые игры (В кресла руководителей города сядут студенты)» // Комсомольская правда (Иркутский еженедельный выпуск), 2004, №46(132), С. 5.

Архетипические основания современной политической культуры России.

О.Г. Рюмкова

Астраханский государственный университет (Россия)

E-mail: success@e-mail.ru issbe@aspu.ru

Особенность политической культуры России — постоянное присутствие и воспроизводство в ней архетипических черт культуры, воплощаемых, в частности, в мифах.

Как известно, картина мира архаического общества организована по принципу дуализма, отсюда универсальное деление на «своих» и «чужих», на «друзей» и «врагов». Б.Ф. Поршнев считает, что «только ощущение, что есть «они», рождает желание самоопределиваться по отношению к «ним», обособиться от них в качестве «мы» [1]. Таким образом, «мы», противопоставленное категории «они», стало универсальной формой самосознания всякой общности людей. Нетрудно убедиться, что указанные принципы в какой-то мере определяют отношение россиян к политике. Она мыслится не как пространство диалога, а скорее как арена борьбы сил «добра» и «зла», где образ врага становится основным элементом, обеспечивающим интеграцию.

Восприятие мира на основе дихотомической модели «мы — они» формирует представление о локальной территории (сакральный Космос), на которой проживает определенная общность и окружающем враждебном пространстве. Так как для архаического сознания характерно слияние личности с группой, идентифицирующейся с территорией обитания или тотемом-предком, для мифологического человека жизнь вне этой общности и территории невозможна. Индивидуальное «я» в данном случае, не осознано и не выделено [2].

В условиях социокультурного кризиса современный человек готов отказаться от индивидуальности в обмен на чувство безопасности, которое дает реальное или мифологическое слияние с группой. Идентификация происходит по этно-конфессиональным характеристикам, а потом дополняется региональными, где регион выступает в качестве аналога русской общины-мира и противостоит центру [3].

Все происходящие события в мифологеме «мы — они» рассматриваются как проявления доброй воли героя или злой воли врага. Отсюда ми-

фологизация вождя, который наделен недоступной простому человеку связью с прошлым, с его героями, играющими роль тотемных покровителей. Так происходит идентификация с вождем, который становится центром, организующим общность, и приобретает сакральные функции, наиболее распространенной из которых является – роль спасителя. В последние годы в момент прихода к власти роль «спасителя» в массовом сознании играли М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин и, наконец, действующий Президент РФ В.В. Путин. Аналогичная модель восприятия каждого нового руководителя действует и на региональном уровне.

Для наиболее полного воплощения архетипического образа вождя, ассоциируемого с чудом, необходимо, чтобы рядом с ним постоянно существовал стереотипизированный образ врага, с которым в данной модели соотносится, как правило, понятие «заговор», от которого вождь «спасает» остальных членов общности. В указанном соотношении проявляется мифологизированное восприятие реальности, строящееся вокруг двух противоположных полюсов «мы – они» [4].

Через всю русскую историю проходит идеал правды или справедливости. В России этот идеал связан с понятием народ, обладающим как мифологическая общность правом на абсолютную истину («народ всегда прав», «глас народа глас Божий» и т.п.). Это право распространялось на тех, кто выступал от имени народа, все остальные автоматически попадали в категорию «они», по отношению, к которой оправдывались любые методы борьбы. В этих условиях понятие «демократия», включающее уважительное отношение к позиции меньшинства («другого»), остается во многом абстрактной (хотя, возможно, и привлекательной) категорией. Подобным образом можно проследить влияние на культуру таких идеалов народа, как Лада и Воли.

Таким образом, мы попытались обозначить основные архетипы в политической истории России. Воплощенные в политических мифах, они находят отражение в современной политической ситуации в стране. И могут служить показателем того, насколько глубоко укоренены в народном сознании определенные идеи. Поэтому актуальным, особенно в переходный процесс, в России становится признание необходимости в современных преобразовательных процессах учитывать особенность внутренней логики развития страны. Это не значит, что Россия должна находиться в полной изоляции от внешнего влияния, наоборот закономерным остается ее развитие в контексте общемирового. Но многие, так называемые «западные ценности», без национального преобразования не будут восприняты большей частью общества и произойдет их закономерное отторжение, что мы и наблюдаем сегодня.

Литература

1. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С.81.
2. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999. С. 74.

3. *Евгеньева Т.В.* Архаическая мифология в современной политической культуре // *Полития*. 1999. №1. С.39.

4. *Образы власти в постсоветской России. Политико-психологический анализ / Под ред. Шестопаля Е.Б.М., 2004. С.62-63.*

Проблема «третьего» возраста в современном обществе России (на примере северных регионов)

Г.С. Рябинкин

Сыктывкарский государственный университет

E-mail: gryabinkin@yandex.ru

В связи с увеличением численности пожилых людей в современном российском обществе происходит усугубление ряда проблем, наибольший интерес из которых вызывает дискриминация. Распространенными ее формами являются: соперничество за рабочее место, т.к. не все могут существовать за счет государственного обеспечения и им приходится искать новые источники дополнительного дохода; снижение социального уважения в глазах молодых и трудоспособных граждан; поведение, отражающее глубоко затаенную тревогу некоторых людей первой и второй возрастной группы; а так же дискриминация внутри общества. Общеизвестен тот факт, что после выхода на пенсию человек вынужден искать пути заработка дополнительных денежных средств для обеспечения себя, а так же детей и внуков. Кроме того, актуальной является проблема по выстраиванию эффективных взаимоотношений внутри семьи.

Проблема дискриминации, как основная социальная проблема в современном обществе, обсуждалась на втором заседании Генеральной Ассамблеи ООН по проблеме старения, на которой были разработаны основные принципы государственной социальной политики стран участниц. Однако, до сегодняшнего дня остается актуальной проблема «эйджизма». Этот термин ввел американский ученый-геронтолог и основатель национального института старения Роберт Батлер. В 1969 году он предложил понимать ageism – как новый вид дискриминации, основанной на возрасте. В своей работе он относит эйджизм к понятиям: расизм, сексизм, конфесионизм, и т.д.[3]. Позднее, в 1980 году, А.Такслер вводит определение дискриминации «третьей группы»: «Любое отношение, действие, подчиняющее человека или группу из-за возраста, или любого назначения ролей в обществе, просто на основе возраста».[4] Встречи с «бытовой дискриминацией» повседневны, но что же государство делает для ее прекращения? Пожилой человек «самого преклонного возраста» уязвим и зависит от других людей для удовлетворения своих самых элементарных потребностей. Находясь на попечении своей семьи, он терпит унижения, потому что не в силах защититься.

В современном обществе отмечен глобальный процесс старения населения, но его уникальность в России заключается в том, что на фоне увеличения продолжительности жизни, резко встает проблема восполнения

рабочих мест, т.к. сокращается доля лиц находящихся в трудоспособном возрасте. Освободившиеся рабочие места с легкостью занимают трудоспособными гражданами из стран СНГ, которые в дальнейшем пополняют ряды пожилых людей.

В России увеличение численности людей «третьего возраста» — тех, кто старше 60 лет — стало заметно после переписи населения 2002 года. Исследования выявили значительный рост группы «третьего возраста». В целом, ситуация в России за период проведения двух последних переписей, т.е. с 1989 по 2002 годы, показывает возрастание группы пожилых людей на 9,5 % за счет сокращения рождаемости населения — с конца 80-х начала 90-х, когда страна потеряла около 10052 тыс. детей в возрасте до 9 лет, т.е. эта группа сократилась на 7 % и составила 9,2 % от общей численности населения.[1]

В Республике Коми за последние десять лет население моложе трудоспособного возраста сократилось на 9 %, а старше — увеличилось на 5 %, причем увеличение этой группы на 3,5 % произошло в период с 1990 по 1998 гг. Такой демографический взлет связан со сложными экономическими реформами, в результате, которых из крупных промышленных городов начался отток граждан трудоспособного возраста.[2]

Проводимые нами эмпирические исследования в некоторых ветеранских организациях г. Сыктывкара показывают, что до 50 % пожилых людей чувствуют на себе дискриминационный характер взаимоотношений как внутри семьи, так и со стороны государства.

Данные статистических комиссий показывают насколько быстро идет процесс старения в России и в Республике Коми, причем в новом феномене проявляется тенденция феминизации, т.к. женщины живут дольше мужчин в среднем на 10 лет. Факт старения населения отмечен во всех развитых странах, поэтому сейчас важно начать адаптацию социума к новым изменениям в возрастной структуре, чтобы снизить негативные последствия эйджизма. Проблема нравственного отношения между возрастными, важна для нашего будущего.[2]

Таким образом, в современном обществе существует проблема «третьего» возраста, которая требует дополнительных исследований и разработки методов ее решения.

Литература

[1] Доклад «Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года» Федеральная служба государственной статистики. www.gks.ru Copyright, 2004. т.13.

[2] Экспресс-информация о возрастном составе. Коми Госкомстат, 2004. С.54.

[3] Butler, R. N.. Age-ism: Another form of bigotry. *The Gerontologist*, 9, 1969. P 243.

[4] Traxler, A. J. (1980). Let's get gerontologized: Developing a sensitivity to aging. the multi-purpose senior center concept: A training manual for practitioners working with the aging. Springfield, IL: Illinois Department of Aging. P.4.

Проблемы молодежного экстремизма: кейс-стади скинхедов**О.А. Садовская***Петрозаводского государственного университета**E-mail: olesya@sampo.ru*

Явление экстремизма после террористических актов в ряде российских городов стало не просто актуальным, но и потребовало самого пристального к себе отношения, и с точки зрения научного анализа, и применительно к широкому кругу практических задач. Сам экстремизм, будучи многоликим, имеет не только социальные, но и биолого-генетические корни, но механизм его в принципе един — «превышение пределов допустимого с обязательным наличием умысла» [1]. Многие вопросы остаются без убедительного ответа до сих пор: в чем причины устойчивости экстремизма, каково соотношение его объективных и субъективных предпосылок, в чем общее и особенное в его проявлениях, каково значение культуры и воспитания как сдерживающих факторов и т.д.

Как известно, в молодежной среде экстремизм встречается несколько чаще, как в силу психологических особенностей возраста (юношеский максимализм, повышенная эмоциональность и т.п.), так и социальных причин (неустойчивость и маргинальность статуса). В то же время поколение, которое сегодня входит в жизнь, наиболее адекватно векторным тенденциям развития, от его качественных характеристик во многом будет зависеть судьба экстремизма в России.

Этими обстоятельствами и определялся выбор объекта нашего социологического исследования. Движение скинхедов (или «бритоголовых») относится к наиболее радикальным молодежным субкультурам. [2]. В Петрозаводске они не являются многочисленной и влиятельной группировкой, но большинство наиболее ярких примеров проявления национального и социального экстремизма в городе за последние годы были связаны именно с ними.

Основной целью эмпирического исследования было изучение социальных и психологических характеристик «скинов» и выявление их мотивации участия в данном объединении. В качестве исследовательского подхода был выбран качественный метод кейс-стади, в котором явление изучается в реальном жизненном контексте. Сбор первичных данных проходил с помощью глубинных индивидуальных интервью, групповых интервью, наблюдения и описания событий их участниками. В ходе исследования была опрошена малая группа скинхедов, состоящая из 5 человек от 16 до 25 лет, из них одна девушка, стаж участия в объединении которых больше 1 года.

Что же показало исследование? Как правило, скинхеды — это выходцы из неблагополучных и малообеспеченных семей. Это те, кто ощущает, что слабо вписались в современную жизнь и во многом не соответствуют ее требованиям. У них существует своя сформировавшаяся субкультура: сленг, анекдоты, стиль одежды, музыкальные вкусы. Однако на данный момент прослеживается тенденция отхода от традиционной моды с це-

лью минимизации привлечения внимания: теперь скинхеды делают больший упор на идеологию. Хорошо налаженные по всей стране связи помогают распространению необходимой информации, литературы. Следует отметить, что скинхеды зачастую преувеличивают свои возможности и численность — они хотят окутать себя таинственностью и тем самым казаться значительнее. Кроме лиц других национальностей скинхеды агрессивно настроены против скинхедов-коммунистов (Red Skinheads), антифашистов (SHARP), представителей субкультур, предпочитающих иностранную музыку (панки, рэперы), наркоманов. Мотивами вступления в экстремистские формирования такого рода, как показало исследование, являются потребности в: 1) событийности (создание искусственных событий при ощущении своего отсутствия в качестве социального объекта); 2) принадлежности к группе (стремление избежать одиночества, «быть своим»); 3) понимании (возможность заглушить безразличие или чрезмерную опеку окружающих с помощью эмоциональной близости); 4) защите (стремление примкнуть к себе подобным для социальной защиты); 5) признании (достижение успеха в неформальной группе при отсутствии его возможности в существующих социальных институтах); 6) смысле (иллюзорное убеждение определенного смысла в борьбе с несправедливостью мира); 7) самовыражении (способность проявления своей индивидуальности) [3]. Интересно отметить, что некоторые полученные результаты отличаются от данных, представленных в отечественной литературе. Возможно, это объясняется отсутствием широких полевых исследований в данной области.

Литература

1. Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и вопросы профилактики/Под ред. А.А. Козлова. Санкт-Петербург: Химиздат, 2003. С.7-8.
2. Луков В.А. Особенности молодежных субкультур в России // Социс. 2002. №10.
3. Розин М.В. «Психологические причины демонстративного поведения членов неформальных молодежных группировок» // Общественные самодетельные движения: проблемы и перспективы развития: Сб. науч. тр. — М., 1990, С. 111-123.

Мотивационный процесс как фактор трудового поведения

Л.Д. Сальманова

Уфимский государственный авиационный технический университет

E-mail: s_lenara@mail.ru

Реалии сегодняшнего дня довольно отчетливо указывают на взаимосвязь эффективности производства от развития социальных отношений, возникающих в процессе взаимодействия людей на предприятии, важнейшим из которых является отношение работника к труду. Отношение к труду характеризует степень использования возможностей человека

для высокопроизводительной и высокоэффективной деятельности на предприятии. Оно проявляется в трудовой мотивации, в самооценке уровня удовлетворенности трудом и в соответствующем поведении работников. Определяющее воздействие на формирование отношения к труду оказывает мотивация трудовой деятельности, как совокупность внутренних побудительных сил – потребностей, интересов, ценностей, ценностных ориентаций, установок, мотивов, идеалов и внешних побудительных сил – стимулов повышения трудовой активности работников.

В настоящее время, в период перехода от традиционно-советских производственных отношений, основанных на государственном планировании к рыночным отношениям, происходят соответствующие изменения в структуре трудовой мотивации личности. Сместились акценты в системе ценностных ориентаций, трудового поведения, трудовых взаимоотношений.

Надо отметить, что мотивация, работающих в государственных учреждениях и коммерческих организациях имеют существенное различия, что показывают результаты исследования, проведенного в г. Уфе.

Основными точками соприкосновения двух структур в мотивационной системе являются гарантии рабочего места, интенсивность труда (нормы выработки), уровень оплаты труда, условия и содержание труда (характер трудовых задач).

Одним из важнейших факторов мотивации является уровень заработной платы, что, в общем-то, неудивительно, учитывая тенденции всеобщей коммерциализации всех сфер жизнедеятельности человека. Однако, как показало исследование, если в госструктуре оплата труда часто выступает зачастую в качестве элемента недовольства и неудовлетворенности трудом (56% недовольных, и 36% желающих перейти на другую более высокооплачиваемую работу), то в коммерческой организации данный фактор фигурирует как побудитель к более активной профессиональной деятельности. Напротив, гарантированность рабочего места, своевременность оплаты труда и уверенность в завтрашнем дне выступает основным мотивом работы в госучреждении у 47% опрошенных и 31% работников коммерческих организации отметили данные показатели в качестве отрицательных факторов мотивации.

Больше значение при формировании мотивации выступает содержание труда. В государственной структуре данный фактор охарактеризован следующими элементами как ответственность, важность предоставляемой услуги, умственный характер труда; работники же коммерческих структур под содержанием труда подчеркивают возможную степень креативности и проявления инициативы. Так же в коммерческой организации интенсивность труда имеет прямую зависимость с возможностью повышения уровня материальной обеспеченности, то есть вложенные силы «окупаются», так отметили 41% опрошенных лиц.

Итак, исходя из вышеизложенного, отметим, что разгосударствление и приватизация, основанные на многообразии форм собственности, во-первых, побуждают к интенсивному труду и соответствующему трудовому

поведению, в то же время предприимчивое поведение пока еще не обеспечивается социальными гарантиями; во-вторых, создают потенциальную возможность конкуренции и ведут к качественному изменению трудового поведения. Мотивация работника носит мобилизующий характер. В государственной же структуре мотивы больше носят оправдательный характер, когда в мотиве заложено отношение индивида к должному, нормирующему извне образцу, эталону поведения, социальной и нравственной норме.

На сегодняшний день существует множество теорий мотивации, такие как «Иерархия потребностей А. Маслоу», «Потребность во власти, успехе (достижении целей) Д. Маккеланда», «Двухфакторная модель Герцберга», «Теория ожиданий (эксспектаций) В. Врума», «Теория Х» и «Теория У» Д. Макгрегора», «Мотивационная теория справедливости», «Модель Портера – Лоулера», посредством которых наиболее часто пытаются объяснить мотивы поведения людей. Тем не менее, все эти теории востребованы не в полной мере, поскольку в отношении их довольно часто высказываются упреки и критические замечания. На данном этапе общественного развития система мотивирования не приобрела четкого механизма регулирования, что связано с ломкой традиционных по части стереотипных моделей поведения и развития новых форм трудового поведения.

Литература

1. Ромашов О.В. Социология труда: Учеб. пособие. — М.: Гардарики, 1999. — 320 с.
2. Генкин Б.М. Экономика и социология труда: Учебник для вузов. — 3-е изд., доп. — М.: Издательство НОРМА, 2001. — 448 с.

Толерантность во взаимоотношениях людей на межконфессиональной основе в Республике

Л.З. Садыкова

Уфимский Научный Центр Российской Академии Наук

E-mail: Lrayanova@yandex.ru

Башкортостан — полиэтническая, многоконфессиональная республика. Существующая в мировом масштабе напряженность в отношениях между представителями различных религий имеет свое отражение и здесь. Поэтому изучение межконфессиональных отношений в настоящее время актуально. Исследование ситуации в республике позволит не только поддерживать отношения мира и согласия между представителями разных конфессий, но и на этом примере предупреждать и решать подобные проблемы в других регионах Российской Федерации.

Межконфессиональные отношения — это отношения между представителями различных религий, течений и направлений, которые определяют особенности и характер деятельности в различных сферах: политической, экономической, духовной, социальной. Они регулируются религиозными представлениями, настроениями, ценностями, действиями и зависят

от них. Как правило, межконфессиональные отношения сводятся к веротерпимости, религиозной нетерпимости и конфликтным ситуациям.

С целью выяснения состояния межконфессиональных отношений в Республике Башкортостан автором было проведено социологическое исследование. Данное исследование, в первую очередь, было призвано подтвердить или опровергнуть основную гипотезу – наличие толерантности во взаимоотношениях между христианами и мусульманами в Башкортостане. Объем выборки (1100 человек) был пропорционально распределен по территории республики. Выборка четырехступенчатая: улицы и дома отбирались случайным методом, квартиры – систематическим, респонденты – целенаправленно. Метод сбора информации – анкетирование. В опросе приняли участие 55% христиан православных, 34,2% мусульман, 9% неверующих, остальные (1,8%) исповедуют другую веру. Такой высокий процент верующих легко объясним: православие и ислам воспринимаются не только как собственно религиозная система, а как естественная культурная среда, национальный образ жизни. Известно, что понятия религия и национальность отождествляют многие: если русский – значит православный, если башкир или татарин, то мусульманин. Анализируя двумерные таблицы сопряжения, можно подтвердить вышеизложенное положение социологическими данными. Итак, среди православных христиан 90,6% русских, 6,7% других национальностей (украинцы, мордва и т.д.), ни одного башкира и всего 2,7% татар (кряшены). Исповедуют ислам 65,6% татар, 31,2% башкир, и 1,3% русских.

25,2 % респондентов оценили состояние межрелигиозных отношений в России как плохое и скорее плохое, чем хорошее. Согласно ответам респондентов ситуация в Башкортостане в этом отношении лучше: всего 10,8% респондентов дали такие же ответы относительно республики. В связи с этим 22,7% опрошенных считают, что проблема межрелигиозных отношений занимает самое важное место в общественной жизни РФ (для РБ – 3,9%). На другом полюсе континуума «очень важно – не важно совсем» респонденты, которые считают, что данной проблемы не существует в России – 4,7%, в Башкортостане – 20,8%.

Среди всех опрошенных преимущественное большинство (74,5%) положительно относится к православию, 24% респондентов – нейтрально. И всего 1,5% выборки отрицательно относятся к этому вероисповеданию. Отрицательное отношение к исламу испытывают 4,6% респондентов. Все остальные относятся положительно (57,2%) или нейтрально (35,5%). Респондентов попросили охарактеризовать личное отношение не только к религиозной системе, а к представителям иной конфессии (мусульман к христианам и христиан к мусульманам). Полученные данные подтверждают наличие высокого уровня толерантности между представителями христианского и мусульманского вероисповедания. Большинство опрошенных доброжелательно относятся к людям, исповедующим другую религию. Среди христиан всего 1,1% ощущают отрицательные чувства по отношению к последователям ислама. Незначительно

также число мусульман, испытывающих отрицательные эмоции к представителям христианства.

Для выяснения толерантных установок населения республики немаловажное значение имеют межличностные отношения, поведенческая составляющая. На вопрос «Случалось ли Вам быть участником/свидетелем конфликтов по поводу религиозной принадлежности на бытовом уровне?» 66,8% опрошенных дали отрицательный ответ. Каждый пятый опрошенный (21,8%) подтвердил, что был участником либо свидетелем конфликтной ситуации на религиозной почве. Важно знать, как отреагируют жители республики при проявлении элементов межрелигиозных конфликтов. 29,8% респондентов выразили намерение способствовать тому, чтобы конфликты не обострились, а проблемы решались спокойно. Половина опрошенных (49,8%) проявила безразличие относительно таких споров и конфликтов. Однако здесь нет повода для беспокойства. Скорее это говорит об отсутствии твердых убеждений религиозного характера, которые следует отстаивать во что бы то ни стало. Достаточно высок процент респондентов (16,5%), затруднившихся дать ответ. Возможно, это связано с отсутствием подобного опыта и трудностью спроектировать свое поведение.

Достаточно объективным показателем межконфессионального климата служит показатель интенсивности и качества общения в трудовом коллективе (ВУЗе, ССУЗе, школе). По данным опроса преимущественное большинство (61,8%) хорошо оценивают сложившиеся отношения с коллегами (однокурсниками, одноклассниками), исповедующими другую религию. 21,9% опрошенных нейтрально относятся к людям другой веры, с которыми они взаимодействуют по месту работы или учебы. Это вполне вписывается в моральные толерантные установки, в которых одним из самых важных правил является отсутствие негативного отношения к Другому, в нашем случае – представителям другого вероисповедания. Ни один человек в ходе исследования не выбрал в качестве причины плохого отношения с коллегами (однокурсниками, одноклассниками) религиозную принадлежность. Одним из факторов, подтверждающим наличие толерантности среди представителей христианского и мусульманского вероисповедания, является то, что 49% опрошенных не обращают внимания, какой веры придерживаются их друзья.

Таким образом, межконфессиональная интолерантность в целом не свойственна жителям Башкортостана. Если и есть отдельные проявления, то они выступают скорее следствием противоречий, порожденных происходящими социально-экономическими и политическими изменениями в стране.

Русская Православная Церковь и государство: проблемы сотрудничества и взаимодействия

М.С. Семенов

Тюменский государственный университет

За последние годы в Российской Федерации произошло возрождение религиозной жизни общества. Этот политико-правовой и социально-культурный процесс, связанный с восстановлением в своих правах религиозной культуры, свободы совести, легализацией и ростом социальной активности верующих, коснулся всех религиозных организаций нашей многонациональной страны, особенно одной из главных — Русской Православной Церкви.

Современное состояние Православной Церкви показывает, как поразительно изменилась модальность отношения государства к религии и как возросла общественная потребность в её активной гражданской позиции.

В наше время власть перестала быть богоборческой и атеистической и уже не препятствует, а подчас прислушивается к голосу Церкви и, порой, способствует её деятельности, признавая таковую полезной и необходимой для своего благополучия.

Церковь не сторонится ключевых проблем общественной жизни и не уходит от трудных вопросов, забывая о том, что именно она должна быть предстательницей за всех униженных и оскорбленных, за всех, кто оказался в беде. В наше нелегкое время она стремится всемерно помогать обществу. Диалог, который она ведёт с государством и обществом в сферах нравственности, образования и культуры, благотворно влияет на все социальные структуры.

Православная Церковь принимает активное участие в общественных и социальных процессах, чтобы смягчить, облагородить и в известной мере «одухотворить» их, задать им нравственный вектор. Именно Церковь способна дать сегодня мощный импульс всему обществу в поисках согласия на путях консолидации и обретения своей национальной аутентичности. Из истории известно, что Русская Православная Церковь во все времена на деле воплощала высокие идеалы милосердия, человеколюбия, жертвенности, сострадания и любви, осуществляя служение, направленное на оказание помощи и поддержку страждущих и нуждающихся. Она имеет огромный опыт подобной деятельности, который мог бы быть востребованным для современного общества.

За последнее десятилетие, в новых условиях существования, Русская Православная Церковь выработала новую форму отношений с государством и обществом и, следует признать, что хотя эта форма подходит как Церкви, так и обществу, но всё-таки у Церкви сегодня много проблем, которые не могут быть разрешены без помощи государства. В особой поддержке нуждается большинство социальных проектов Церкви, которые направлены на восстановление духовности, социальной справедливости, нравственного воспитания и оздоровление нашего государства. Мы видим по всей стране общую тенденцию возрождения Православия —

строятся новые, восстанавливаются старые храмы, приюты, дома старчества, благотворительные учреждения, увеличивается число верующих, Православная Церковь, как показывают опросы социологов, пользуется доверием большинства россиян и является самым влиятельным социальным институтом в российском социуме.

В настоящее время назрела необходимость изучения процессов взаимодействия Русской Православной Церкви и государства в области социального служения российскому обществу путём выяснения общественного мнения об эффективности данного партнёрства и выявления сфер общественной жизни, в которых, помимо участия государства, необходимо участие Церкви.

С этой целью было произведено пилотажное исследование методом опроса посредством анкетирования. Расчёт выборочной совокупности был определён по условию выделения среди респондентов двух полярных групп. В первую группу вошли представители религиозного сообщества (священнослужители, работники и наиболее активные прихожане тюменских православных храмов), а во вторую – представители различных групп светских граждан. Всего было опрошено 180 человек. Из них 36% составили мужчины, 64% – женщины. Средний возраст участников анкетирования – 40-49 лет. Среди опрошенных преобладали респонденты с высшим (40%) и средне-специальным образованием (33%).

Как показало исследование, респонденты считают, что Русская Православная Церковь в социальном служении должна быть неизменным партнёром и главным помощником государства, так как имеет огромный потенциал и опыт в деле служения на благо обществу.

По мнению опрошенных приоритетными социальными задачами Церкви в современном российском обществе должны быть:

- обеспечение духовного возрождения России путем формирования устойчивой системы ценностей (75% считают первостепенной задачей);
- формирование духовного единения российского народа (69%);
- формирование и поддержка в обществе важнейших социально-нравственных качеств, таких как терпимость, доброжелательность, патриотизм, уважение, честность, трудолюбие (67%);
- помощь в обретении людьми истинного смысла жизни и целостного мировоззрения (66%);
- помощь людям в решении их внутренних проблем (самоопределение, одиночество, психологические проблемы и др.) (56%);
- сохранение и возрождение культурного наследия общества (53%);
- участие в моральной реабилитации людей, имеющих серьезные физические заболевания (помощь в больницах, хосписах) (53%);
- помощь обществу в решении проблем наркомании и алкоголизма (48%);
- участие в процессе реабилитации заключенных в местах лишения свободы и осуществление моральной поддержки воинов, находящихся в «горячих точках» (45%).

Другими не маловажными задачами для Православной Церкви, по мнению отвечавших, является работа со СМИ, укрепление устоев традиционной семьи и воспитание детей в духе Православной веры. В связи с этим 67% участников опроса считают необходимым введение религиозного воспитания и образования в детских дошкольных учреждениях, а 51% – в средних учебных заведениях.

Выясняя мнение жителей города Тюмени о необходимости государственной помощи Православной Церкви в осуществлении её служения в обществе были получены следующие ответы: 66% считают, что Русская Православная Церковь, как социальный институт общества, имеет полное право на всемерную государственную поддержку, при этом не только материальную, но даже и идеологическую, а 34% полагают, что Церковь должна обходиться без государственной поддержки.

Что касается перспектив взаимоотношения Русской Православной Церкви и государства на ближайшее будущее, то респонденты, давшие ответ, в основном рассчитывают на сохранение существующих доброжелательных отношений, надеются на дальнейшее сближение институтов государства и Церкви. Только лишь несколько участников опроса посчитали, что перспектив в сложившихся отношениях сотрудничества не существует, что они изменятся в худшую сторону, вплоть до гонений на Церковь со стороны государства.

Таким образом, необходимо признать, что сложившаяся система отношений государство-Церковь, вполне соответствует социальным запросам современного российского общества и направлена на решение его важных социальных проблем. Государство должно, наконец, осознать, что без опоры на твердый фундамент религиозной нравственности и социального партнерства Русской Православной Церкви, не возможно эффективно осуществлять социальное служение на благо общества. Поэтому государство должно содействовать развитию сотрудничества с Русской Православной Церковью и всемерно помогать ей в осуществлении социального служения.

Технология управления процессом социальной адаптации граждан, освобожденных из мест лишения свободы

И.В. Семченко

*Белгородский государственный технологический университет
им. В.Г.Шухова*

Преступность существует почти столько, сколько существует человечество, и всего это явление представляло собой очень важную социальную проблему, само существование которой заставляло выявлять ее причины и искать способы противодействия. Платон связывал предупреждение преступления с воспитанием «добродетель учить можно нет ничего удивительного, когда у хороших родителей бывают худые дети, а у худых хорошие дети» [1]. Аристотель впервые отметил и такие причины преступ-

лений, которые коренились во внешних для преступника условиях: беспорядки в государстве[2]. Таким образом, многие основополагающие идеи о причинном комплексе преступности были заложены еще в древности.

Профессор судебной медицины Ч. Ломброзо утверждал, что причины преступности надо искать не в обществе, не во внешней к человеку среде, а в генетических свойствах человека. Другой итальянский исследователь Э. Ферри определял преступность как нормальное биологическое и социальное явление, немаловажным является и разработанный им закон «преступной насыщенности»[3].

Классик мировой социологической мысли Э. Дюркгейм исследовал причины преступности, прежде всего социальные, разработав концепцию социальной аномии. По Дюркгейму, это: «состояние социальной дезорганизации, разрушенности или ослабленности социальных связей и нормативной системы общества»[4]. Э. Шур говорит о том, что «бессмысленно думать о ликвидации всех преступлений»[5], Ф. Таненбаум отмечает тот факт, что преступность постоянна так же, как и общество.

Необходимо отметить, что преступность есть явление, присущее любой социально-экономической и политической системе, и в каждой из них, помимо общих для преступности причин, есть свои, проистекающие из конкретно-исторических, экономических, политических, социальных и иных (в том числе индивидуальных для человека) условий жизни общества.

Адаптивная деятельность является составной частью социальной деятельности и проявляется наиболее интенсивно в дисгармоничные моменты взаимодействия индивида с социальной средой на стыке старого и нового, привычного и необычного. Содержание социальной адаптации составляет адаптивная деятельность – целенаправленные практические усилия, реализующие желание, готовность и способность человека освоиться в конкретной ситуации или исполняемой им социальной деятельности.

Учитывая понимание сути социальной адаптации, определим, относительно объекта нашего исследования, социальную адаптацию как процесс приспособления, освобожденных из мест лишения свободы к кодексу социальных норм и ролей, принятых в гражданском обществе, обеспечивающий их включения в социальные структуры, дающий возможность личностного развития и трудовой занятости.

Мы исходим из положения, согласно которому личность может быть социализированной, но дезадаптированной. Более того, дезадаптация человека может быть прямым следствием высокой степени и полноты его социализированности в той группе (среде), в которой протекает его основная деятельность. Адаптивный потенциал бывшего осужденного имеет амбивалентный характер и связано это, прежде всего, со своеобразным и противоречивым положением между двумя различными обществами – осужденными и «нормальными». Так, социальное положение, характеризующее своего рода «ролевым мораторием», позволяет использовать это время для тщательной ревизии своих адаптивных ресурсов и возможностей, поиска путей и средств наиболее благоприятного выхода для субъ-

екта их применения. Кроме того, загруженность жизненными проблемами, необходимость заботиться о материальном обеспечении себя и своей семьи, отсутствие определенного социального статуса и связанных с ним возможностей значительно обедняет адаптивный потенциал, не позволяет сконцентрировать все адаптивные усилия и ресурсы на той части процесса социальной адаптации, который касается приспособления к новому статусу и ролевым предписаниям относительно профессионального самоопределения. Для более полной адаптации человеку трудоспособного возраста (это относится к нашему объекту исследования) необходима постоянная занятость, трудоустройство. Удовлетворенность трудом обычно связана с индивидуальной установкой конкретного работника.

Социальная адаптация, в самом общем виде, раскрывает и уточняет идентичность личности, гармонизируя тем самым смысл и стратегию её жизнедеятельности в динамичной, непрерывно изменяющейся социокультурной среде.

Литература

1. Сочинения Платона., Ч.1. СПб., 1841. с.183.
2. Аристотель. Соч. Т.4, – М.-1983. с 389.
3. Ферри Э., Уголовная социология, СПб, 1910. с. 312.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Одесса, 1900. с. 294.
5. Шур. Э. Наше преступное общество. М., 1979. с.258.

Опыт территориальной реорганизации муниципальных образований зарубежных стран

Д.М. Серебrenников

Бурятский государственный университет

E-mail: serebren@burnet.ru

Административно-территориальное устройство стран отличается разнообразием территориальных структур. Несмотря на это, есть общее, что их объединяет, – они являются территориальной базой для построения и деятельности местных органов, прежде всего выборных. Поскольку существует тесная и непосредственная связь, зависимость системы местных органов от территориальной организации страны, актуальным становится вопрос о видах территориальных единиц, в рамках которых функционирует местная власть.

Опыт изменения границ муниципальных образований был и позитивным, и негативным. Повсеместным для послевоенной Европы было укрупнение муниципальных образований, введение в ряде стран ограничений по размеру муниципалитетов. Попытки «командного слияния» муниципалитетов заканчивались неудачей даже в таких высокоцентрализованных странах, как Франция. Напротив, успех достигался при объединении муниципалитетов на добровольной основе. Даже если новые границы надмуниципальных образований проводились «сверху», это делалось на основе длительного опыта межмуниципальной кооперации и дорогосто-

ящих исследований, обеспечивших всесторонний учет хозяйственных, исторических и культурных связей муниципалитетов. Примерами могут служить Швеция и Дания. В Швеции сотрудничающие муниципалитеты объединились вокруг городов на основе освоения межселенных территорий. Окончательное муниципальное деление закрепило сложившуюся систему блоков. В Дании для определения границ округов было проведено исследование, которое представило сложившиеся торговые зоны (44 зоны), зоны концентрации трудовых ресурсов (123 «центра притяжения») и многие другие сферы взаимовлияния, вплоть до границ продажи и доставки местных газет, и дало полную картину взаимозависимостей. Был проведен детальный учет «эффекта масштаба» для оказания разных типов общественных услуг. Законом были утверждены принципы изменения муниципального деления (округа охватывают сельские муниципалитеты и города; один город – один муниципалитет, что подразумевало обеспеченность города территорией для промышленного и другого развития).

В Финляндии 20 лет назад была предпринята попытка серьезно уменьшить число муниципалитетов «сверху», с государственного уровня. Однако в результате политических дебатов по территориальной реформе победил принцип добровольности объединения. Параллельно была создана система государственных субсидий для исполнения государственных полномочий. Государство поощряет объединение муниципалитетов через предоставление дополнительных субсидий, то есть реформа проходит не административным путем, а стимулируется экономически [1].

Показателен опыт проведения реформ местного самоуправления в странах бывшего социалистического лагеря – Польше и бывшей ГДР. В Польше в соответствии с законом о местном самоуправлении оно должно осуществляться на основе принципов subsidiarity и приоритета прав граждан. В качестве базовой основы осуществления местного самоуправления была выбрана гмина (община). Управленческая деятельность местного сообщества осуществляется через органы «гминного» (местного) самоуправления, основная задача которых, равно как и органов государственной власти в Польше, – оказывать услуги жителям.

Анализируя уроки объединения Германии, немецкие специалисты выявили ряд ошибок, которые могут послужить уроком и для России [2]:

- во-первых, система местного самоуправления, как правило, затрагивает широкие слои общества, поэтому ее реформирование не должно быть таким резким и кардинальным, как это имело место при переходе «новых» федеральных земель к западногерманской системе;
- во-вторых, для осуществления на практике реформы местного самоуправления необходима достаточно многочисленная прослойка квалифицированных специалистов в области коммунального права, управления и финансов.

Несмотря на то, что в России в полную силу Закон «Об общих принципах организации МСУ в РФ» вступит только 1 января 2006 года, в преддверии этой даты уже начались вызванные некоторыми положени-

ями Закона конфликты. В какой-то степени он упорядочивает систему МСУ, но в тоже время по многим позициям, особенно в том, что касается изменения границ и статуса уже существующих муниципальных образований, он создает остроконфликтные ситуации и ведет к дестабилизации сложившейся во многих регионах системы управления. Это ещё раз доказывает важность и необходимость учета зарубежных принципов построения структуры местного самоуправления в общем и территориальной организации муниципальных образований в частности.

Литература

1. Зарубежный опыт территориальной организации местного самоуправления, ИМЕ дайджест, 2002

2. Баранова К.К. Бюджетный федерализм и местное самоуправление в Германии. Москва: Дело и сервис, 2000.

Оценка кадрового потенциала как важнейшая составляющая эффективной политики управления предприятием

С.В. Серебрякова

Самарский государственный технический университет

E-mail: svetika-s@yandex.ru

Рациональное использование самого главного на сегодняшний день ресурса любой организации – персонала является одним из ключевых факторов эффективной социально-экономической политики предприятия и роста его конкурентоспособности. В связи с этим актуальным для руководства предприятий представляется анализ сложившейся организационной культуры в коллективе, потребностей, мотивации и удовлетворенности работников, уровня их здоровья и стрессоустойчивости, умений, способностей, расположенности к обучению и других компонент кадрового потенциала как начального и необходимого этапа выработки общей стратегии развития предприятия в современных экономических условиях.

Целью данного исследования является разработка системы независимой аналитической оценки трудового потенциала организации и апробирование ее на базе крупнейшего предприятия машиностроительной отрасли – ОАО «Завод авиационных подшипников» в городе Самаре.

Необходимым и наиболее плодотворным в рамках данной работы видится решение следующих задач:

1. Классификация современных теоретических подходов к изучению термина «трудовой потенциал» (структуры, функций, свойств).

2. Выделение факторов формирования, определение условий оптимального использования и развития трудового потенциала в рамках предприятия.

3. Выявление и последующая корректировка (в случае необходимости) методов, инструментов, методик, показателей, критериев сопоставления, необходимых для проведения оценки кадрового потенциала на ОАО «ЗАП».

4. Анализ реального уровня элементов психофизиологической (пол, возраст, здоровье), ценностно-ориентационной (мотивация, потребности),

нормативно-ролевой (профессиональная, организационная культура, тип поведения), адаптационной (активность, творчество, мобильность) и статусной (образование, квалификация, семейный статус, заработок) компонент трудового потенциала на предприятии.

5. Расчет показателей, необходимых для оценки положения предприятия на рынке труда, и анализ их динамики по периодам: уровень удовлетворенности работников, уровень укомплектованности кадрами, средняя заработная плата, качество трудовых ресурсов, местоположение предприятия и др.

6. Расчет величины трудового потенциала ОАО «ЗАП».

7. Выявление активно влияющих составляющих трудового потенциала на объем товарной продукции, ее качество, прибыль, себестоимость продукции, рентабельность, доход, коэффициенты экономической эффективности методом сравнения за различные периоды работы предприятия.

В качестве объекта исследования выбран сборочный цех №3 ОАО «Завод авиационных подшипников» численностью 230 человек.

Результатом настоящего этапа исследования можно считать создание методики, позволяющей провести в значительно малые сроки (около 1 рабочей недели), мониторинг количественных и качественных составляющих трудового потенциала любого структурного подразделения промышленного предприятия. Полученные результаты впоследствии помогут скорректировать направления работы таких служб как отдел кадров, отдел охраны труда, действия службы безопасности, медицинских работников и психологов на производстве.

Стипендиаты международных образовательных программ как агенты межкультурной коммуникации

М.А. Сугутина

Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: marysig@inbox.ru

Практики обучения за рубежом по международным образовательным программам становятся все более распространенными в современной России. Происходит увеличение численности таких программ и повышение активности соответствующих организаций, обеспечивающих культурные, образовательные и научные обмены между Россией и странами Европейского Союза. Этот факт свидетельствует, с одной стороны, о заинтересованности ЕС в сотрудничестве с Россией; а с другой, о том, что в нашей стране в последние годы формируется особая социальная группа — выпускники международных образовательных программ.

Студенты, обучающиеся за рубежом по тем или иным программам международных фондов, — «инородные тела», погруженные на несколько лет в чуждую им культуру. Они могут быть более или менее подготовлены к такому «погружению», однако, та ситуация межкультурной коммуникации, в которой они оказываются — это типичная «ситуация перехо-

да». В. Тэрнер называет это «лиминальной фазой» [1]. Более того, рассматриваемая социальная группа проходит эту фазу дважды. Впервые — выехав из России, во второй раз — вернувшись в Россию. Стипендиаты особым образом ресоциализируются, реадаптируются: практики и ценностные установки, сформированные в процессе учебы за рубежом и перенесенные в российскую действительность, отличают стипендиатов международных образовательных программ от выпускников российских вузов, не имеющих опыта «погружения» в другую культуру. Это особая социальная группа, для которой характерны специфические жизненные стратегии и практики.

С целью выявления норм, ценностей и моделей поведения, принадлежащих различным культурам, но характерных для стипендиатов-выпускников международных образовательных программ, мы провели социологическое исследование.

Объектом исследования являются стипендиаты европейских международных образовательных программ, вернувшиеся в Россию после обучения по гуманитарным специальностям в странах Европейского Союза в течение одного-двух лет; а также эксперты в области международных образовательных программ — руководители российских представительств программ в Москве. Стипендиаты обучались в ФРГ, Великобритании, Франции, Нидерландах, Финляндии и Польше, являются выпускниками гуманитарных факультетов российских вузов, вернулись в Россию после обучения за рубежом в интервале 1999 — 2002 гг.

Сбор эмпирических данных проходил в четыре этапа.

1. Сбор и анализ статистических данных о численности программ, стипендиатов, возвращающихся ежегодно в Россию.

2. Пилотажные интервью со стипендиатами и экспертами.

3. Экспертные интервью.

4. Анкетирование стипендиатов.

При анализе эмпирических данных было принято решение базировать на методологии Grounded Theory, которая предполагает индуктивное восхождение от наблюдаемого феномена к теории.

В ходе исследования практик стипендиатов и процессов их адаптации после возвращения в Россию мы обратились к понятию «жизненный мир». Им обозначается совокупность реальностей, одной из которых является повседневность. Согласно А. Шюцу, каждый индивид оказывается «помещенным» в повседневность особым образом — это касается как восприятия себя, так и смысловых характеристик окружающего мира [2].

Таким образом, интерпретация первичной социологической информации осуществлялась в феноменологической парадигме. В соответствии с ней, информация об особенностях жизненных стратегий и повседневных практик выпускников содержится в пространстве субъективных конструкций повседневности, которые им присущи.

В результате, мы пришли к выводу о том, что стипендиаты-выпускники международных образовательных программ являются агентами меж-

культурной коммуникации, обеспечивая неформальную связь культур, обмен, межкультурный диалог. Их функция как агентов «другой» культуры в отдельных случаях слабо выражена в связи с частичной ассимиляцией и ситуативной идентификацией. Однако большинство выпускников совмещают в себе нормы, ценности и модели поведения, принадлежащие разным культурам, но проявляющиеся ситуативно.

1. Тэрнер В. «Ритуальный процесс». // Тэрнер В. Символ и ритуал. М., 1983.

2. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

Феномен граффити в социально-культурном пространстве

Т.В. Склярук

Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина

E-mail: lo-lo_yusliko@list.ru

Феномен граффити рассматривается в научной литературе неоднозначно. Наиболее распространенными являются две позиции: способ протеста (возможность обратить на себя внимание и заявить обществу: «движение стенных росписей» в 70-е гг., обусловленное борьбой национальных меньшинств за свои права) и результат деятельности определенной субкультуры, являющейся носителем определенного жизненного стиля, системы ценностей и ценностных ориентаций.

В научной литературе особенности молодежной субкультуры рассматриваются в контексте различных концепций: с точки зрения структурно-функционального подхода (Т. Парсонса), концепция «рег групп» (Р. Бэлл, Дж. Колеман, Ф. Тонбрук, М. Маркефка), концепция К. Мангейма для объяснения функционирования молодежной субкультуры, с позиций феноменологии (А. Шютц, П. Бергер, Т. Лукман) [3], что дает возможность для обоснования места субкультуры граффити в трансформирующемся социальном пространстве. **Символы граффити.** Социологический анализ предполагает прочтение социальных смыслов, оценки формирующихся образов, знаковой и символической системы. Символ стены выступает у граффити наиболее важным ценностным ориентиром. «Райтеры» делают попытки приручить стену, сделать ее своим союзником, обратить фактор самоограничения в фактор самовыражения. Само направление граффити и различных сообществ, входящих в него, способ прорыва стены, под которой может подразумеваться жесткая система общественных отношений, политических настроений и движений. В истории множество примеров «стен», демонстрирующих различные ограничения, как вещественных — Китайская стена, Берлинская, так и субстанциональных — «Железный занавес» в советские времена и т.д. Субкультура граффити протестует против разного рода «стен» — общественных установок и норм, социального контроля.

Институционализация субкультуры граффити. В пользу отнесения граффити к специфической молодежной субкультуре свидетельствует факт институционализации, что подтверждается проводимыми конкурсами в разных городах мира (наиболее популярны они в Амстердаме), проектами создания музея граффити (где экспонатами будут служить фрагменты стен, как неотъемлемой части самого вида искусства, а также уличными музеями граффити, так называемыми «залами славы», существующими уже в Нью-Йорке, Париже, Амстердаме). Институционализация граффити подтверждается существованиями различных периодических изданий, которые посвящены деятельности граффити и созданию специфических сайтов в Интернете — от рисунков различных команд до магазинов, где можно приобрести инструменты, необходимые для работы. Самостоятельным фактором является формирование адекватного «сленга», подчеркивающего импульсивность манеры (к примеру, художник-исполнитель — «райтер», «бомба» — рисунок; «бомбить стену» — рисовать на стене; «копирование» — «откусывание», а высшая оценка «декоративного совершенства» выражается восклицанием — «Смерть!»)

Ценности граффити. Основными ценностями представителей субкультуры граффити являются самовыражение, принадлежность к референтной группе — команде, риск, дух соперничества, творчество. Риск, запретность и новые формы стиля «письма» — жизненные силы граффити, поскольку это своего рода реакция на разные запреты институтов общества. Сообщества «райтеров» различны, их социальные характеристики требуют самостоятельного исследования.

Все ли можно отнести к граффити из того арсенала, что появляется на стенах? Автор проанализировал 300 изображений граффити разных регионов Украины, в том числе 200 — г. Одессы и 100 — г. Львова. Феноменологический анализ социальных смыслов настенных рисунков показал, что граффити как социальное движение обладает рядом специфических характеристик. Существует группа лиц, которых отличает собственный стиль и относительно целостный социальный смысл. Наиболее распространенными являются сообщества, для которых главное — рисунки, которые продолжают (завершают, дополняют) какую-то деталь уже созданного на стене рисунка; художественные надписи (слово, словосочетание, фразы), исполненные в определенном стиле, будь-то *train, wild* и т.д.; росписи (*tags*), которые идут либо с рисунком, либо отдельно как визитная карточка — то, что представляет собой своеобразный *nom de plume* артиста. «Фаны» — лица, имеющие отношение к уличным стенам. Они рисуют без эстетики, стиля и вкуса, просто делают надписи. «Юные максималисты» — те «райтеры», которым нравится писать на стенах свои имена (типа — *Volathe best*), матерные слова. «Профи» (*style masters*) — те, которые активно, не покладая рук, трудятся во имя улучшения и украшения стен, принимают участие в конкурсах, а также зарабатывают себе на жизнь этим видом деятельности. Они выполняют, как правило, легальные работы любого уровня сложности (граффити оформление), а «профи» «в от-

ставке» – те, кто разорвал свои отношения с сообществами граффити. **Выводы:** символическое значение «стены» как «концентратора» общественных антогонизмов в субкультуре «райтеров» важны для дальнейшего анализа социальных смыслов. Эвристическим представляется использование его в качестве знаковой системы, различия ментальности Запада и Востока Украины, а также смыслов. Ограниченным на наш взгляд, является подход, связанный с рассмотрением граффити как разновидности девиантной, вандалистской субкультуры. Креативная сторона граффити проявляется в том, что они формирует новую символическую «настенную реальность», которая требует отдельного изучения и глубокого социологического анализа с использованием качественных методик, что позволит наиболее полно судить о семантической нагрузке проступаемых на стенах сообщений.

Литература

1. Головаха І. Соціальне значення асоціальних графіті (Побутування та функції сучасних київських графіті). //Соціологія: теорія, метода, маркетинг, 2004, №2, с.64-78.
2. Культура и культурология. Словарь. М., 2003, с.274.
3. Победа Н.А. Социология культуры. Одесса, 1997, с. 84-103.
4. Соколов М. Граффити. // Декоративное искусство СССР, 1988, № 12, с.22-26.
5. Яворницька О. Теорія субкультур в соціологічній перспективі. //Часопис І, №24, с.100 – 116.

Социально-ориентированный имидж коммерческого банка: стратегия продвижения розничных услуг.

А.В. Скрябин

Ивановский Государственный Университет

E-mail: sahasav@mail.ru

Последние пять лет российский банковский сектор характеризуется тремя, ярко выраженными тенденциями развития, где банки: 1)идут в регионы, 2)развивают новые услуги, 3)увеличивают направление розничной деятельности, услуг населению

Расширяя долю услуг населению в структуре своей деятельности, банк становится в большей степени зависимым от тех социальных процессов и социальных проблем, которые определяют финансовое поведение общества.

Существует целый ряд факторов, определяющих специфику развития рынка розничных банковских услуг в России:

- недоверие к банкам, которое осталось после кризисов
- прочные позиции Сбербанка на рынке услуг населению

Несмотря на множество недостатков, низкие проценты по депозитам, неудобные условия, очень невысокий уровень сервиса, Сбербанк остаётся частью привычки, символом доверия и надёжности

– слабо развитая культура пользования финансовыми услугами

Например, пластиковые банковские карты большая часть населения использует для того, чтобы обналичивать заработную плату и далеко не во многих компаниях, особенно в регионах, есть возможность расплатиться с помощью карты.[5]

– определяющим фактором в принятии решения о вкладе и пользовании банковской услугой выступает критерий надежности [4]

– наибольшим влиянием на потенциального вкладчика при выборе банка обладают близкие и хорошо знакомые люди, их мнение воздействует сильнее рекламы [5].

В условиях нарастающей конкуренции, когда все банки предлагают сходный набор услуг, когда низкий уровень доверия, отсутствует культура пользования банковскими услугами, нет информированности и понимания, наиболее эффективным способом формирования благоприятного имиджа банка и продвижения розничных банковских услуг видится использование стратегии CRM (Cause Related Marketing) – маркетинг, основанный на социально значимой проблеме.

Маркетинг, основанный на социально значимой проблеме – это стратегическое позиционирование, связывающее компанию и предлагаемую ей услугу или товар с социально значимой проблемой. [1]

Применение CRM стратегии банка должно осуществляться с анализа существующих проблем и процессов в обществе, активное участие в решении социальных проблем – это составляющая имиджа банка; построение системы услуг адаптированной к возможностям и требованиям общества и продвижение этих услуг в соотношении с решением этой проблемы – это составляющая имиджа, как услуги, так и самого финансового учреждения.

Например, политика кредитования может быть дифференцирована по группам населения по уровню дохода, по возрасту, это может стать эффективной социальной программой направленной на решение социальных проблем и стратегией привлечения вкладчиков. Частично такие программы уже использовались некоторыми банками, но условия их были во многом не доступны или отсутствовала система информирования об условиях пользования этими услугами.

Здесь важнейшую роль будет играть социально-ориентированная система продвижения. Сейчас многие банки используют рекламу, рассчитывая на привлечение вкладчиков, но её эффективность зачастую остаётся низкой. Для увеличения количества клиентов банку необходимо создать ореол доверия, заботы и надёжности, с помощью скорее не рекламной, а PR компании. Её содержание – это участие в решении социальных проблем региона, в котором находится сфера банковских интересов, меценатство и благотворительность, целевые программы помощи направленные на определённые социальные группы, информационные программы по ТВ, радио, прессе о том, как вложить деньги и не быть обманутым, какие возможности дают банковские услуги, но самое главное всё это должно

быть наполнено действительно искренним пониманием того, что люди главная ценность!

Социально-ориентированные программы могут стать фактором формирования благоприятного имиджа, продвижение собственных инвестиций в социальную сферу создаёт представление о долгосрочных перспективах и надёжности банка. Кроме этого такая система создаёт целую агентскую сеть пользователей банковских услуг, что в условиях недоверия к рекламе является фактором привлечения новых клиентов.

Литература

1 Ахмедов Н.А. Широченская И.П. Маркетинг социально значимой проблемы как новое направление в повышении лояльности по отношению к компании, и её торговым маркам.// Маркетинг в России и за рубежом – №1 2003 г. с. 3

2 Белова Т. Банки рвутся в провинцию. Профессионал – Иваново 11 октября 2004г с. 1,4

3 www.fom.ru

4 www.wciom.ru

5 www.zircon.ru

Становление законодательных органов субъектов Федерации в современной России (на примере Владимирской, Костромской и Ярославской областей)

А.В. Соколов

Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова

E-mail: Alex8119@mail.ru

Формирование современной модели разделения властей в субъектах Российской Федерации, а соответственно, и современного законодательного органа субъекта Федерации, началось с начала 1990-х, когда были приняты значительные изменения законодательной базы, регламентирующей функционирования органов власти и управления. За короткий период времени, всего за три года, были приняты закон «О некоторых вопросах правового регулирования деятельности краевых, областных Советов народных депутатов» (октябрь 1990 года), Указ Президента России №75 «О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти РСФСР» (август 1991), закон «О выборах главы администрации» (октябрь 1991 года), закон «О краевом, областном Совете и краевой, областной администрации» (март 1992 года). Данные нормативные акты кардинально изменили соотношение полномочий региональных органов власти и управления, а также их внутреннюю структуру. Органы исполнительной власти были отделены от законодательных, и лишь отдельные должности в исполнительных органах (кроме должности главы исполнительной власти региона) предполагалось замещать по согласованию с законодательным органом.

В октябре 1993 года Президент России подписал Указы «Об основных началах организации государственной власти в субъектах российской Федерации» и «Об утверждении Основных положений о выборах в представительные органы государственной власти края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа». Данные нормативные акты снизили численный состав законодательных органов регионов (в среднем в 4-15 раз), количественный состав депутатов, работающих на постоянной основе, объем полномочий в сфере законотворчества и контроля над исполнительной властью.

В результате, за короткий период времени произошел переход от главенства региональных парламентов во взаимодействии региональных властных институтов. К 1993 году в большинстве регионов России сложились системы институтов, в основном характеризовавшиеся относительным равновесием полномочий глав регионов и автономных законодательных органов в условиях схемы разделения властей, близкой к президентско-парламентской. Однако президентские указы 1993 года обозначили переход от автономных к подчиненным региональным законодательным (представительным) органам и от смешанной модели разделения властей к президентской.

Существование же системы Советов с «исполнительной вертикалью» оказалось непрочным, и кризис сентября-октября 1993 года, завершившийся роспуском представительных органов предопределил переход к полностью или частично подчиненным законодательным органам и увеличение полномочий региональных исполнительных органов власти в условиях сохранения «исполнительной вертикали».

Роспуск Советов потребовал проведения в 1993-1994 года выборов депутатов в законодательные органы субъектов Федерации. Эти выборы проводились уже в соответствии с новыми принципами и законодательством, однако победу одержали в них в первую очередь чиновники и директора предприятий, составившие до 2/3 депутатского корпуса. А это снизило политическое влияние законодательной власти. Позже доля чиновников сократилась, однако представители бизнеса наоборот расширили свое представительство. Это предопределило «конструктивный» подход законодательных органов к инициативам главы региона исполнительной власти в целом.

После роспуска Советов законодательные органы во Владимирской, Костромской и Ярославской областях были избраны в 1994 году. Во Владимирской области он был назван Законодательным Собранием, в Костромской — областной Думой, а в Ярославской — Государственной Думой. Различался и количественный состав, который составил 21, 15 и 23 депутата соответственно. В последующем он менялся. Во Владимирской области в 1996 году его увеличили до 37, а в Ярославской области до 50 человек. В Костромской областной Думе изменения происходили неоднократно, в 1996 году увеличили состав Думы до 21 человек, в 1997 году снизило до 19, а в 2000 году увеличили до 24.

Этот период характеризовался и процессом принятия регионального законодательства регулирующего процесс избрания депутатов законодательных органов, процесс их функционирования, а также сферу их полномочий. Правовой основой деятельности законодательных собраний, помимо федерального законодательства, являются Уставы областей, Регламенты законодательных органов, законы о статусе депутатов, а в Костромской и Владимирской областях также и закон о соответствующем законодательном органе.

Отсутствие четких федеральных стандартов привело формированию разнообразных процедур избрания депутатов законодательных органов субъектов Федерации, разнообразию их структур, норм функционирования, объемов полномочий и компетенций.

В результате спектр политических возможностей парламентов колебался от полной подчиненности главе региона до автономии. До половины представительных органов субъектов Российской Федерации, если и не сумели добиться автономного статуса, то, во всяком случае, избежали прямого подчинения главам регионов. Складывавшийся политико-властный дизайн определялся в каждом регионе уникальным сочетанием внутренних и внешних факторов. Немалую роль в этом сыграла и преемственность состава законодательного органа, нередко достигавшая 50%. Характер взаимодействия законодательного и исполнительного органов соответствовал президентским и президентско-парламентским типам разделения властей.

Сложившуюся ситуацию во многом закрепил принятый в 1999 году закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов субъектов Федерации». Данный нормативный акт определил основные полномочия региональных органов власти, порядок их формирования. Следует отметить, что он способствовал усилению законодательных органов, так как закрепил минимальный объем их полномочий, до этого не всегда соблюдавшийся в региональном законодательстве.

В последующем были приняты дополнения к данному закону, регламентирующие полномочия региональных парламентов по отстранению глав субъектов Федерации от должности, а в 2004 году – по согласованию кандидатуры руководителя, предложенной Президентом страны. В частности, Законодательное Собрание Владимирской области уже в феврале 2005 года дало согласие на назначение губернатором Н. Виноградова (ранее занимавшего этот пост по результатам всенародного голосования). Были определены и более четкие процедуры избрания депутатов – не менее половины из них должны избираться по пропорциональной системе. Государственная Дума Ярославской области была избрана по новой процедуре в марте 2004 года, а законодательные органы Владимирской и Костромской областей будут избраны в 2005 году.

Таким образом, можно выделить несколько этапов трансформации законодательного (представительного) органа власти в субъектах Федера-

ции: 1) июнь 1990 года – октябрь 1993 года, характеризующийся сломом советской системы региональных представительных органов; 2) октябрь 1993 года – 1999 год, характеризующийся становлением, в основном под воздействием региональных факторов, нового института – парламента субъекта Федерации; 3) с 2000 года происходит изменение сложившейся за 1990-е годы системы властных институтов, в том числе законодательных, уже под воздействием федеральных инициатив. В результате реализации данных нововведений в России будет восстановлена исполнительная вертикаль практически идентичная вертикали начала 1990-х, хотя и с качественно иным представительным органом.

Проблема личности в трудах Ч.Х. Кули и Дж.Г. Мида.

Д.К. Спирина

Астраханский Государственный Университет (Россия)

E-mail: issbe@aspu.ru

Возрастание в социологии интереса к проблематике личности актуализировало, в частности, вопрос о влиянии социального окружения на ее формирование.

К изучению целостного человеческого «Я» и его личностного самоопределения в микросоциальном окружении обратилось возникшее в первые десятилетия XX века интеракционистское направление. Суть его заключалась в том, что поведение человека рассматривалось с социально ориентированной позиции как внешнее проявление его внутреннего мира в практической жизни – повседневном межличностном взаимодействии.

Этот взгляд получил широкое распространение среди исследователей начала XX века. Главными теоретиками здесь стали американские социологи Ч.Х. Кули и Дж.Г. Мид.

Основная заслуга Ч.Х. Кули заключается в том, что он предложил концепцию «зеркального Я». Ориентиром для нее служит Я другого человека, то есть представление индивида о том, что думают о нем окружающие. Кули утверждал, что каждый человек строит свое «Я», основываясь на реакции других людей, с которыми вступает в контакт. Как отражение в зеркале дает образ физического «Я», так восприятие мнения других людей о поведении и внешности индивида формирует образ социального «Я».

«Зеркальное Я» возникает на основе символического взаимодействия индивида с разнообразными первичными группами, в которых он состоит. Непосредственные отношения между членами группы предоставляют индивиду обратную связь для самооценки. «Я – концепция» формируется методом проб и ошибок, в ходе которого усваиваются ценности, установки и роли.

Таким образом, формирование личности индивида происходит под воздействием его социального окружения. Человек может занимать агрессивную или покорно–смирненную позицию по отношению к мнению и оценкам обществом его поведения. Но, независимо от этого, безусловна их

значимость для него. Даже личности, производящие впечатление самодостаточных, всего лишь заменяют значимых людей воображением, воспринимают одни влияния и отвергают другие, выбирают лидеров, свой индивидуальный стиль. Таким образом, «Я» является продуктом социального внушения. Однако Ч.Х. Кули предостерегает от излишней ориентации на социальное окружение, которая в своей крайней форме может привести к утрате индивидуальности и, следовательно, чувства собственного «Я».

Дж.Г. Мид разработал теорию, в которой объясняется сущность процесса восприятия индивидом других личностей и развита концепция «обобщенного другого», дополняющая теорию «зеркального Я». В соответствии с концепцией Дж.Г. Мида «обобщенный другой» представляет собой всеобщие ценности и стандарты поведения некоторой группы, которые формируют у ее членов индивидуальный образ Я.

Дж.Г. Мид считал, что человек может развивать свое «Я» лишь тогда, когда он способен познавать себя самого как объект. Это возможно, поскольку индивид перенимает отношение других к себе самому, то есть, «перспективу другого». Такое «объективное познание себя» происходит в каждой интерактивной ситуации с другими, но оно ни в коем случае не ограничивается этим, а находит свое продолжение в мышлении индивида, что является для Дж.Г. Мида продолжением социальной коммуникации, внутренним диалогом с другими. Ими могут быть «значимые другие», конкретные лица непосредственного окружения, или «обобщенные другие», носители ролей, которые олицетворяют для нас институт, организацию или группу.

Итак, Ч.Х. Кули и Дж.Г. Мид первыми подчеркнули значение субъективно интерпретируемой обратной связи, получаемой от других людей. С их точки зрения личность является продуктом ролевого взаимодействия (интеракции) между людьми. Само общество рассматривается как сумма самодовлеющих межличностных взаимодействий «Я» и «Ты», «Я» и «Другие». При этом самосознание и ценностная ориентация представляют собой «зеркальное» отражение реакции на нее окружающих людей.

Отсюда следует, что личность воспринимает себя как таковую не прямо, а лишь косвенно — посредством мнений и оценок ее другими индивидами. Все это обуславливает формирование личности социально-психологическими факторами. Расширение представлений о личности как продукте социального взаимодействия отделяет образ «Я» от природных связей и зависимостей.

Процесс социализации в современном обществе вызывает необходимость ориентироваться на «обобщенных других», которые становятся все более абстрактными. «Я» человека, его идентичность самому себе возникает в результате интеракции с окружающим социальным миром. В этом состоит универсальный механизм формирования личности в социуме.

Исследование структуры потребительских расходов населения Пензенской области

С.Г. Спирина

*Пензенский государственный университет архитектуры и строительства
E-mail: spi_sveta@rambler.ru*

Изучение структуры потребительских расходов домашних хозяйств позволяет получить вполне достоверную информацию относительно качества и уровня жизни населения страны и региона, что объясняет актуальность детального исследования потребительского поведения населения в условиях социально-экономических преобразований отечественной экономики.

По результатам социологического исследования структура потребления домашних хозяйств Пензенской области в 2003 году выглядела следующим образом: на питание – 40,8%; на оплату коммунальных услуг – 17,5%; на покупку одежды и обуви – 17,1%; на транспорт – 7,2%; остается в резерве – 7,2%; на выплату страховых взносов и налогов – 5,1%; на досуг (путешествия, развлечения) – 5,1%; другие виды расходов – 2,34%.

Как видно, самую большую долю в структуре потребительских расходов занимают затраты на питание, что свидетельствует о низком уровне доходов и соответственно уровне жизни населения, т.к. в странах с развитой рыночной экономикой, например, в США, этот показатель в 2 раза меньше. Официальная статистика дает еще более удручающие результаты. Так, доля расходов на питание по некоторым данным достигает 70–80%. Считается (по крайней мере, благодаря Энгелю, Райту, Швабе и др.), что чем меньше денежных средств тратит семья на питание (в относительном выражении), тем выше их уровень благосостояния, и наоборот. Наряду с затратами на продукты питания значительную часть потребительских расходов составляют оплата коммунальных услуг и покупка одежды и обуви, что также свидетельствует о достаточно низком уровне жизни населения. Это доказывает, что основную часть своих доходов население Пензенской области вынуждено тратить на самое необходимое и при этом не имеет возможности осуществлять в достаточной мере расходы на досуг, путешествие, образование и т.д.

По результатам данного исследования в резерве у домашних хозяйств остается около 7,1% потребительских доходов. Эти данные несколько расходятся с полученной в тот же период времени в ходе аналогичного исследования нормой сбережений (12,3%). Возможно, это связано с тем, что структуру расходов домашние хозяйства описывали укрупненно и возможно небольшую долю средств, остающихся в резерве, они просто не указывали. Поэтому реальная норма сбережений, скорее всего, находится где-то между этими значениями.

В расходах совсем небольшую долю занимают расходы на досуг – около 5,1%, что свидетельствует о достаточно низком уровне жизни населения Пензенской области.

Структура потребительских расходов достаточно сильно изменяется по мере перехода от одной доходной группы к другой, что вполне объяснимо. Так, Дж. Гэлбрейт, анализируя динамику потребностей и доходов населения, заключил, что для каждого слоя населения, отличающегося от других слоев в рыночной экономике, прежде всего, уровнем доходов, существуют свои наборы потребительских корзин.

Исследование структуры потребительских расходов в зависимости от уровня доходов дало следующие результаты. Доля расходов на питание уменьшается по мере увеличения дохода, т.е. наблюдается обратная зависимость. Следует отметить, что доля расходов на питание резко сокращается при переходе от доходной группы 3000–5000 руб. на одного человека в месяц до 5000–7000 руб. и от 7000–10000 руб. до более 10000 руб.. Наверное, это можно объяснить тем, что домохозяйства с доходами 5000–10000 руб. относятся к среднедоходной группе, а более 10000 руб. – это домохозяйства с высоким уровнем дохода.

Структурные закономерности формирования бюджетов семей были сформулированы немецким статистиком Э. Энгелем и опубликованы в 1857 г. в работе «Производство и потребление в Саксонии». Он доказал, что с увеличением дохода в бюджете семьи доля расходов на питание уменьшается, доля расходов на одежду не изменяется, доля расходов на жилище, включая отопление и освещение, остается постоянной, доля расходов на образование и лечение увеличивается. Затраты на одежду и обувь, напротив, возрастают по мере увеличения доходов, что определяется тем, что люди с более высокими доходами отдают предпочтение более качественным и соответственно более дорогим предметам потребления. Доля затрат на досуг также имеет прямую зависимость от уровня доходов, что вполне объяснимо, т.к. люди с более высокими доходами могут позволить тратить достаточно большие денежные средства на досуг, т.е. отдых и развлечения. Доля средств, остающихся в резерве, также имеет прямую зависимость от уровня доходов.

Таким образом, можно сделать вывод, что структура потребительских расходов домашних хозяйств зависит от уровня дохода и свидетельствует о достаточно низком уровне жизни населения Пензенской области. Кроме того, исследование структуры потребительских расходов показало, что в резерве у домашних хозяйств остается незначительная доля доходов, которая по мере роста уровня доходов постепенно увеличивается, но при этом остается намного ниже, чем в странах с развитой рыночной экономикой. Это еще раз подтверждает вывод о необходимости принятия мер, направленных на увеличение доходов населения, что в свою очередь будет способствовать росту нормы сбережений и, как следствие, инвестиционному потенциалу населения.

Особенности вторичной занятости школьников*А.А. Стародубов**Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского**E-mail: starodubovaa@info.sguru*

Ситуация работающих студентов уже давно стала нормой в современном российском обществе, в системе образования и трудоустройства. На это есть свои причины и они достаточно понятны.

Интерес вызывает то, что частичная трудовая занятость все активнее проникает в школьную среду. Если в 1995 г. работали от 7 до 11% школьников [9], то в начале 2004 г. уже более 40% [10]. Почему и как работают школьники, что дает им вторичная занятость и позволяет ли школьная нагрузка иметь работу?

Проведенное исследование показывает, что две трети школьников начинают работать, учась в 9-м или 10-м классе (34% и 32% соответственно). В 11-м классе их доля резко снижается и составляет всего 7%. По всей видимости, начинать работать в 11-м классе считается уже поздно — те, кто хотел, сделал это раньше, а в 11-м классе перед учениками возникают другие проблемы — подготовка к окончанию школы и поступлению в вуз. Это подтверждается тем фактом, что в 11-м классе непосредственно работают лишь 14% учеников, а у 31% уже неработающих опыт вторичной занятости остался за плечами.

Лишь 14% школьников работают на постоянной основе. В основном же работа носит временный (47%) или разовый характер (39%).

Наиболее популярные сферы вторичной занятости школьников — это участие в сетевом маркетинге и неквалифицированный физический труд (по 31% каждый). Далее следует участие в промо-акциях — 24%. Это вполне взаимосвязано и объяснимо: входные требования и характер такой работы напрямую не связаны с уровнем образования и опытом работы, существует возможность корректировать график работы и в итоге получать неплохие для школьника деньги.

Естественно, рабочий стаж большинства школьников (61%) очень маленький — до полугода. При этом юноши подрабатывают чаще (51% от числа юношей), чем девушки (33% от числа девушек). Наверное, это проявление более активно выраженного стремления к самостоятельности, независимости и самоутверждению. Примечательно, что чаще работают школьники со склонностью к изучению технических наук (64%), затем — естественных (44%), гуманитарии на последнем месте — 35%.

Бесспорно, лидирующим мотивом вторичной занятости является стремление заработать — 72%. Примечательно, что на втором месте — развлечение, в качестве которого воспринимается работа, — 26%. Если учесть, что респонденты могли выбрать два мотива своей занятости, то мы имеем свойственное молодым людям в настоящее время сочетание сильно

⁹ В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. "Проблемы вторичной занятости учащейся молодежи: состояние и перспективы" // Социс, 1996, № 5, С.89.

¹⁰ Опрос проводился среди учеников 9-11 классов школы № 18 г.Саратова в феврале-марте 2004 г., объем сплошной выборки - 186 чел.

выраженных рациональных, прагматических установок (стремление заработать) и установки на развлечение, получение нового опыта.

Возможно, последним отчасти объясняются высокие показатели удовлетворенности школьников своим доходом. Он в принципе устраивает 42% и вполне устраивает 34%. Явно недовольных немного – всего 12%. Это притом, что около 30% работающих школьников не имеют фиксированного вознаграждения и получают каждый раз разные суммы. Доход 21% крайне низок – до 1 тыс.руб. Кроме того, как показывает корреляционный анализ, удовлетворенность вознаграждением и его размер слабо связаны.

С другой стороны, это можно объяснить низким уровнем притязаний в таком возрасте и достаточностью зарабатываемых денег для мелких покупок (39%) или для покупок себе одежды и обуви – 42%. Очевидно, что в остальном школьникам помогают родители, потому что не всегда работающие школьники – выходцы из малообеспеченных семей.

Если считать малообеспеченными семьи с совокупным месячным доходом до 5 тыс.руб. включительно, то работают до 50% школьников из таких семей. В семьях с доходом выше и значительно выше 5 тыс.руб. работают около 37% школьников. Тем не менее, результаты корреляционного анализа говорят о том, что доход семьи не может рассматриваться в качестве фактора, определяющего вторичную занятость школьника.

Поскольку работа связана с затратами времени и сил, интересно как учатся работающие школьники? 60% работающих школьников посещают практически все уроки, 23% – их большую часть. Для сравнения, неработающих школьников, посещающих все уроки, – 71%, а посещающих большую часть занятий – 9%.

55% работающих школьников получают в основном «4», а 40% заявляют, что получают каждый раз различные оценки. Среди неработающих таких 47%, а получающих преимущественно четверки – 43%. Другими словами, оценки у работающих по меньшей мере не хуже или даже немного лучше, чем у неработающих школьников при сравнительно более низкой посещаемости.

На уровне гипотез это позволяет говорить о следующем:

1. Работающие школьники имеют организационные и волевые способности к совмещению обучения и работы, чем выгодно отличаются от своих неработающих сверстников.

2. Вторичная занятость частично проходит за счет школьных уроков.

3. Учебная программа до определенной степени позволяет школьнику работать без существенного ущерба для ее освоения (по наблюдаемым показателям).

Говоря о перспективах явления вторичной занятости в молодежной среде, можно отметить, что 70% работающих школьников намерены продолжить подрабатывать, когда станут студентами. Среди неработающих таких 54%. Доля тех, кто не хотел бы работать, будучи студентом, не пре-

вышает 10% для обеих групп. Надо добавить, что более 97% школьников хотят продолжить свое образование по окончании школы.

Эти цифры, а также общая тенденция роста количества работающих школьников и студентов в нашей стране в последние годы позволяет говорить:

- о дальнейшем развитии явления вторичной занятости в молодежной среде;
- о более ранней и интенсивной социализации молодежи;
- о росте психических и физических нагрузок на молодых людей;
- о формировании и развитии молодежного рынка труда как более или менее самостоятельного сегмента общего рынка труда.

Соотношение установок участников образовательного процесса в современной российской средней школе

И.А. Стялова

Тверской Государственный Технический Университет

E-mail: bmv@tstu.tver.ru

Эффективность системы трансляции знаний в средних общеобразовательных учреждениях во многом зависит от действующих моделей взаимоотношений между педагогами и учащимися. Их поведение, в свою очередь, также детерминируется совокупностью различных причин, и одним из важнейших внутренних факторов являются субъективные установки. Если они не совпадают, это может вызвать взаимное недопонимание участников образовательного процесса и привести к конфликтам на межличностном уровне. Своевременное выявление рассогласования интересов сторон способствует решению и предупреждению сопутствующих проблем. Так как установки представляют собой динамичное, меняющееся образование, то определение соотношения установок участников образовательного процесса актуально всегда.

С данной целью была разработана программа прикладного социологического исследования, предусматривающая дифференцированный инструментарий (2 отдельные анкеты). Последнее обусловлено возрастными различиями групп респондентов и содержанием получаемых сведений. У учащихся определяются мотивационные установки обучения, у преподавателей – требования, которые они предъявляют школьникам (через конструирование портрета «идеального ученика»). Такой подход позволяет определить соответствие приоритетов учащихся притязаниям педагогов.

На базе СОШ №46 г.Твери было проведено пилотажное анкетирование. В нем приняли участие 33 педагога (53% преподавателей школы) и 95 учащихся девятой параллели (75% от их общей численности). В результате были выявлены следующие тенденции:

1. Осознанная мотивационная установка посещения школы сформирована у абсолютного большинства девятиклассников. У половины из

них она связана со значимостью данного этапа для дальнейшей жизни (социализация, продолжение образования, трудоустройство).

2. Педагоги в своей деятельности ориентируются не на передачу и воспроизводство знаний как таковых, а на развитие у школьников критического, самостоятельного мышления. По сравнению с ними, установки учащихся более традиционны: знаниевую функцию школьники, напротив, выдвигают на передний план.

3. В своих суждениях о целях школьного образования старшеклассники не опираются на позицию учителей. Примечательно, что треть учащихся ни с кем из педагогов этот основополагающий вопрос никогда не обсуждала. При этом большинство все-таки уверено, что их точка зрения совпадает с убеждениями преподавателей.

4. Хотя учащиеся солидарны с учителями и признают приобретение коммуникативного опыта, общественную и творческую деятельность второстепенными задачами школы по отношению к учебе, 70% из них готовы принимать участие во внеучебных мероприятиях, если из-за них необходимо пропускать уроки.

5. Требования к учащимся, которые предъявляла советская школа, окончательно сменились либеральными, соответствующими принципам гуманистического образования (даже в среде учителей со стажем работы, превышающим 20 лет):

- самоконтроль поведения учащихся, вместо строгого соблюдения дисциплины;
- понимание, а не заучивание, учебного материала;
- допущение несвоевременной сдачи домашних заданий при условии их качественного выполнения (хотя такой подход менее присущ педагогам гуманитарных дисциплин, по сравнению с учителями технических и естественных предметов).

6. Отношение к регулярности посещения уроков, а также к курению среди учащихся являются индивидуальными для каждого педагога и не коррелируют ни со стажем их работы, ни с областью знания дисциплин, которые они ведут, ни с возрастной параллелью учащихся, с которыми они работают.

7. Педагоги отмечают необходимость сочетания у школьников способностей и трудолюбия. Но заинтересованность учащихся в знаниях прямо пропорциональна их увлеченности дисциплиной, а обеспокоенность получением оценки имеет прямопротивоположную зависимость, поэтому наличие желаемых качеств еще не гарантирует их проявления.

8. Учителя ожидают от школьников инициативы в подготовке дополнительных реферативных и исследовательских работ. Однако треть учащихся в этом абсолютно не заинтересована.

9. Преподавателей волнует состояние сферы межличностных отношений учащихся со сверстниками и старшими. Они фиксируют недостаток уважения и доброжелательности, а во взаимодействии школьников с учителями желают увеличить степень доверия.

10. «Идеальные ученики», отвечающие всем предъявляемым требованиям, встречаются в педагогической практике 60% учителей, но их количество не превышает одной пятой от общего числа школьников.

Таким образом, уже на этапе пилотажа была обнаружена несогласованность в установках учащихся и педагогов по ключевым вопросам. В дальнейшем планируется, во-первых, выявить причины такого положения (прежде всего, социальные) для их устранения. И, во-вторых, сравнить исследуемые показатели в различных типах средних учебных заведений с целью конструирования оптимальной модели взаимоотношений «педагог-учащийся».

Диагностика управленческой культуры в организациях государственного и муниципального управления региона

Ю.А. Субботина

Белгородский государственный университет

E-mail: yulchas@mail.ru

Современная российская управленческая культура сейчас переживает процесс становления, связанный, прежде всего, с изменением общественных отношений и возможностью активного общения с другими культурами. В связи с этим актуализируется и приобретает принципиально важное общественное значение проблема изучения «феномена» управленческой культуры, выявления и анализа ее структурных элементов в современных российских условиях, разработки методики анализа управленческой культуры, в частности, в организациях государственного и муниципального управления.

Теоретической основой нашего исследования являлась теория социальных действий, поскольку она, с одной стороны, отвечает пониманию культуры как результата и процесса деятельности человека и общества, а с другой – позволит выделить показатели легко доступные для анализа эмпирическими методами.

Используя данную теорию, мы определили управленческую культуру как специфической срез организационной культуры, представляющий собой культурные образцы, которые регулируют деятельность персонала организации в рамках происходящего в организации процесса управления. Содержание управленческой культуры нами рассматривалось сквозь призму структуры социального действия. В качестве составляющих элементов управленческой культуры в этом случае логично представить нормативные суждения относительно каждого из элементов структуры социального действия: по характеристикам взаимодействующих сторон; ведущим потребностям, побуждающим к взаимодействию и мотивам действия; одобряемым целям действия каждой стороны; предписываемым средствам и методам действия; нормативным условиям, в которых происходит взаимодействие; ожидаемым результатам взаимодействия.

По каждому выделенному структурному элементу были определены показатели и индикаторы, способные, с одной стороны, адекватно отразить их эмпирическое проявление, а с другой — сочетающиеся друг с другом как элементы одной модели. Исследовательская модель состояла из 120 индикаторов, отражающих 20 основных показателей, представленных в 3 основных группах — «культура управления», «культура подчинения» и «условия управления».

Теоретическая модель, разработанная для проведения количественного анализа, была дополнена системой характеристик, отражающих качественную сторону анализа особенностей управленческой культуры. В частности для организаций государственного и муниципального управления мы определили следующие специфические характеристики российской управленческой культуры: дуалистический характер управления, подавление конкуренции, неправовой характер, коллективизм, равнодушие к успеху, подход к труду, как к удовольствию, неопределенность в целях, видимость применения демократических принципов к управлению, ценность образования.

Количественный анализ в основном осуществлялся в двух плоскостях: 1 — анализ ответов респондентов из различных организаций (государственного и муниципального управления, коммерческих и некоммерческих организаций, учреждений образования, других бюджетных организаций Белгородской области), 2 — анализ ответов руководителей и подчиненных. По направлениям анализа сделаны следующие основные выводы:

1. Управленческая культура органов государственного и муниципального управления характеризуется склонностью к индивидуальной работе, стремлением получить личные позитивы, учётом этой особенности в ходе управления, но при объявлении результатов этой работы коллективным достоянием. При этом организационная культура характеризуется наличием женских черт.

2. Количественный анализ позволил наметить 6 типов управленческой культуры, характерных для выборочной совокупности, и отражающих активность и степень развитости управленческой культуры в организации. 1 тип — отрицающая управленческая культура, 2 — инертная, 3 — развивающаяся, 4 — модальная, 5 — активная, 6 — формирующая.

Конечным результатом работы стало уточнение методики анализа управленческой культуры, которая представляет собой набор действий, объединённых в блоки: подготовительный — содержащий описание необходимых действий для начала оценивания; процедурный — включающий описание действий, совершаемых непосредственно в ходе процедуры оценивания; аналитический — описывающий действия по обработке и интерпретации результатов диагностики.

**Студенты в межэтнических отношениях
(на основе данных исследования)**

И.З. Султанмуратов

Уфимский Государственный Авиационный Технический Университет

E-mail: sultan_murat@mail.ru

В межэтнических отношениях у студенчества как специфической социальной группы свое особое место. Специфика обусловлена, в первую очередь, возрастными рамками, ведь это молодежная группа. Молодость — время формирования жизненных позиций, поисков своего места в обществе, обретения независимости и свободы выбора. Молодежь — самая активная часть населения, будущего общества и государства. Одной из самых востребованных сфер внимания и действий молодых людей является сфера межэтнических отношений, которая продолжает оставаться социально «острой» и неоднозначной.

С целью выявить основные тенденции и умонастроения в среде студенчества многонациональной Республики Башкортостан в декабре 2004 года Центром изучения языковых и национальных отношений Академии Наук РБ был проведен опрос учащихся вузов и ссузов. Из всей опрошенной выборки 93% составляют респонденты трех национальностей — башкирской (313 чел.), русской (235 чел.), татарской (202 чел.). Следовательно, только ответы этих групп могут претендовать на достоверность. Учитывая тот факт, что объектом исследования было не все население, а только студенческая молодежь, также охват выборкой основных центров образования по всей республике, численность этих трех групп является достаточной для экстраполяции выводов на всех студентов — башкирской, русской, татарской национальностей, учащихся в Башкортостане. Но необходимо иметь в виду, что 66,5% опрошенных — это 17-19-летние и, в основном, их мнения отражают результаты исследования.

Основные выводы:

1. В целом, молодежь позитивно оценивает межнациональные отношения в РБ. Основная масса считает их достаточно уравновешенными по представленности интересов этносов, хотя и требуется дальнейшая работа руководства по совершенствованию этой сферы.

2. Выявилась, хотя и незначительная (не более 15%), группа риска, объединяющая недовольных межнац. отношениями в РБ. Причем, в ней преобладают русские.

3. Отмечены особенности высказываний студентов, такие как стереотипизированность и склонность к крайним (полож. или отриц.) мнениям.

4. Почти все студенты, в той или иной мере, считают, что национальность может «помочь» или «помешать» карьерному росту и поступлению куда-либо. Логически это может привести к ощущению несправедливости и стать картой в политических играх.

5. Религия не потеряла значения для молодежи. Русские и татары (по 85%) в первую очередь обеспокоены ослаблением религиозного само-

сознания. У башкир более выражено национальное самосознание, нежели религиозное.

6. Несмотря на преобладающее мнение о необходимости нац.-культурных организаций, треть опрошенных не могут оценить их работу. Лишь 4% постоянно принимают участие в их мероприятиях. Заинтересованы в их деятельности в основном баш. и татарская молодежь. Половина опрошенных русских не участвовала и не хочет участвовать в их мероприятиях. Основная проблема таких организаций: о них мало известно, не видно их работы «на местах», сомнения в их бескорыстности.

7. Каждый этнос радуется за свой язык. По 41% башкир и русских респондентов хотят гос. поддержки только своему языку. Татары – за государственный татарский язык (это мнение скрыто в формулировках), наряду с существующими. В целом, толерантность в языковых отношениях есть, но есть и четкие интересы.

Вхождение в Болонский процесс периферийных вузов России (на примере смоленских вузов)

Е.Е. Сухова

Смоленский государственный педагогический университет

E-mail: Suchova-len@yandex.ru

Болонский процесс, направленный на создание общеевропейского образовательного пространства, вышел за рамки ЕС и за сравнительно небольшой период времени значительно расширил свои масштабы, объединив большинство стран континента. Присоединение к нему России, которое проходило на Берлинском саммите 2003 г., предполагает выполнение основных положений по формированию к 2010 г. единой зоны высшего образования. Специфика нашей страны определяется, прежде всего, обширностью занимаемой территории и различным уровнем экономического развития регионов и отдельных городов, что не может не отразиться на состоянии высшей школы. В этой связи целесообразно определить степень готовности к включению в европейскую интеграцию вузов г. Смоленска, который является периферийным областным центром на юго-западе европейской части России. При проведении данного исследования в феврале 2005 г. использовалась методика экспертного опроса, разработанная лабораторией современных образовательных технологий социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова для осуществления мониторинга вхождения российских университетов в Болонский процесс в апреле-мае 2004 г. При этом, бланк опроса был дополнен нами вопросами, позволившими выявить специфику развития смоленских вузов в рассматриваемом контексте. Проведение исследования было направлено на решение следующих задач: 1. определить уровень информированности научно-педагогической общественности г. Смоленска о Болонском процессе; 2. выявить отношение смоленского академического сообщества к основным его положениям; 3. установить мнение научно-

педагогической общественности о позиции России по отношению к образованию единой зоны европейского высшего образования; 4. сравнить полученные результаты по вышеназванным пунктам с данными общероссийского экспертного опроса; 5. проанализировать уровень академической и студенческой мобильности в Смоленске в оценках академического сообщества города; 6. проследить отношение к возможному переходу на подготовку бакалавров и магистров.

Данная работа посвящена представлению результатов, полученных при решении первых четырех задач.

В ходе проведения исследования было опрошено 24 эксперта, более половины из которых (58%) представляют государственные и одна пятая участников (20%) негосударственные вузы, 22% являются сотрудниками смоленских филиалов. Для состава экспертов характерно доминирование руководителей, принимающих участие в управлении высшей школы на разных уровнях. Квалификационный и дисциплинарный срез, а также распределение по стажу научно-педагогической работы и возрасту, обнаруживают высокую компетентность опрошенных в вопросах высшей школы.

1. Результаты исследования свидетельствуют о достаточном уровне информированности академической общественности Смоленска о Болонском процессе по сравнению с общероссийскими показателями. При этом обнаруживается практически равное соотношение использования устных и письменных источников. В качестве основных были названы выступления коллег на совещаниях и конференциях (67%) и публикации в периодических изданиях (63%).¹¹ Треть экспертов получили сведения из различного рода документов, что превышает соответствующий показатель по России на 7%. Каждый третий эксперт почерпнул информацию о Болонском процессе более чем из трех источников.

2. Общее распределение баллов по отношению научно-педагогической общественности г. Смоленска в целом соответствует оценкам по России, т.е. достаточно высокий средний балл относительно создания системы оценки качества и поощрения академической и студенческой мобильности (превышает 7 из 9), что расценивается как всеобщее их признание. Наиболее низкий показатель обнаруживается по переходу на подготовку бакалавров и магистров и введению европейской системы научной квалификации Ph.D в обоих исследованиях. Однако при более детальном рассмотрении обнаруживается негативное отношение смоленских экспертов (4,3 балла) к последним двум положениям, а общероссийский показатель указывает на их положительную оценку (5,6 и 5,3 баллов).

3. Если результаты общероссийского экспертного опроса свидетельствуют об отсутствии единого мнения о позиции России к Болонскому процессу, то проведенное нами исследование показывает, что в Смоленске сформировалось в целом положительное отношение к нему при наличии жесткой оппозиции. Общепризнанным является мнение, что на-

¹¹ Обращение к этим источникам информации по результатам общероссийского опроса составляет соответственно 80% и 46%.

шей стране следует занять осторожную позицию и участвовать в европейской интеграции при условии сохранения достоинств отечественного высшего образования (7,5 баллов), а также точка зрения, что в условиях глобализации наша страна объективно вынуждена интегрироваться в Болонский процесс и принимать предложения ЕС (7 баллов).

Таким образом, отношение смоленской научно-педагогической общности к созданию общеевропейского образовательного пространства во многом объясняет «позицию выжидания», занимаемую вузами города и отсутствие каких-либо определенных мер по реализации его основных положений.

Современная реклама и ценностные ориентации российского общества.

М.В. Таланцева

Тюменский государственный университет

В результате перехода России к рыночным отношениям в начале 90-х годов началось формирование института рекламы в российском обществе, ранее неизвестного российскому потребителю.

Однако за десятилетие существования российская реклама столкнулась с множеством проблем, мешающим ее становлению, и прежде всего с такими как: неприятие со стороны общества (30% положительно относящихся к рекламе), непонимание роли и недооценка со стороны рекламодателей (в июне 1995 г. в первую десятку крупнейших рекламодателей на ТВ не вошел ни один российский товаропроизводитель), некомпетентность рекламистов в данной области.

Кроме того, потребительская аудитория в России оказалась неподготовленной к рекламному натиску. Хотя ценности демократии, пропагандируемые рекламой, не отторгаются российским сознанием, в то же время неприятие, недоверие, раздражение по отношению к рекламе очень велико, и происходит это потому, что национальные базовые ценностные ориентации россиян, таких как семья, общение и законность, до сих пор не учитываются в современной рекламе [7]. Перечисленные факторы существенно снижают эффективность рекламы.

Решение этих проблем необходимо для формирования цивилизованного, самобытного российского рекламного рынка.

Большинство современных исследователей (Матанцев А.Н., Панкратов Ф.Г., Баженов Ю.К. и др.) видят решение выше изложенных проблем в совершенствовании психологических эффектов (повторяемость, эмоциональность и т.д.) в создании рекламы и применения маркетинговых методов оценки ее эффективности. Мы не вступаем в полемику с учеными, а рассматриваем эти проблемы с социологической точки зрения, которая позволяет, как отмечает Федотова Л.Н., определить рекламу как «*феномен современного социума, специфическую информацию, производимую определенными социологическими структурами для воздействия на массовое сознание*», анализируя массовое сознание как социальную под-

систему со своими потребностями, целями и мотивами производства-потребления рекламы [6].

В результате анализа работ российских ученых (Коломиец В.П., Лапин Н.И., Левинсон А., Федотова Л.Н., Феофанов О.А., Чаган Н.Г.), мы выявили особенности рекламного рынка в современной России, определили роль рекламы в формировании общественных ценностей и влияние ценностных ориентаций на становление российской рекламы и пришли к выводу, что процесс взаимодействия рекламы и ценностных ориентаций россиян на сегодняшний день носит конфликтный характер. Современная реклама — в большей степени зарубежная, пропагандируя общечеловеческие ценности (свобода, право выбора, ценность человеческой жизни), открывшиеся российскому обществу после падения тоталитарного режима, несомненно, способствует продвижению России по демократическому пути развития, вместе с тем грубо навязывает ценности западного менталитета, не адаптируясь к российской системе ценностей. Это делает современную рекламу неэффективной и препятствует ее адекватному восприятию. Ясно, что для нормального функционирования и формирования рекламы, рассматриваемый нами процесс должен иметь характер консенсуса. Реклама с одной стороны, участвуя в формировании новых ценностей, должна задавать некие новые ориентиры в движении социума, его трансформации. С другой стороны, утверждая ценности, разделяемые всеми членами российского общества — способствовать его сохранению и консолидации.

В современной переходной ситуации в России реклама должна играть двуединую роль в обществе — изменять его, поддерживая, т.е. формируя новые ценности, учитывать и базовые, неизменные. «При переходе к новому необходимо относиться к старому как самоценному — в этом и заключается диалектичность существования в одном социальном пространстве и в одном социальном времени данных процессов. Общество будет открыто для нововведений только в том случае, если их освоение окажется условием его сохранения» [6]. Только так реклама может способствовать становлению развитого рекламного рынка в России, выполнять основные общественные функции (продвижение товаров на рынке, легитимация политического строя, выполнение информативной функции и др.), минимизируя затраты рекламодателей при расширении рекламного бизнеса в целом.

Литература

1. Коломиец В.П. «Реклама в социологическом видении» // ВЕСТ. МОСК. УН-ТА. Сер.18. Социология и политология. 2001. №1. С. 165 — 170.
2. Лапин Н.И. «Модернизация базовых ценностей россиян» // Социологические исследования. 1996. №5. С. 3 — 23.
3. Левинсон А. «Заметки по социологии и антропологии рекламы» // Новое литературное обозрение. 1996. №22. С. 101 — 128.
4. Матанцев А.Н. Эффективность рекламы. М., 2002, с. 416.

5. Песоцкий Е.А. Современная реклама. Теория и практика. Ростов н/Д., 2003, с.352.
6. Федотова Л.Н. Социология рекламной деятельности: Учебник. М., 2002, с.272.
7. Феофанов О.А. Реклама: новые технологии в России. СПб., 2003, с. 384.

Интернет как средство реинтеграции мигрантов в социум.

А.В. Тамошайтис

Орловский государственный университет

E-mail: abasha@list.ru

Проблема социальной реинтеграции мигрантов в России привлекает внимание специалистов из различных областей гуманитарного знания.

Для мигрантов успешная социальная реинтеграция – это «адаптация по типу интеграции», неуспешная – «адаптация по типу психологической защиты или изоляции». В первом варианте обычно удается вновь обрести прочную безопасность, гарантируемую большим сообществом. Во втором случае безопасность менее устойчивая, поскольку её поддержание зависит от более слабого, ограниченного в своих возможностях социального субъекта – малой обособленной группы. Но адаптация – это порог, который надо переступить не только мигрантам. Принимающее общество тоже должно адаптироваться к приезжим и таким образом восстановить баланс безопасности. Поэтому, проблемы миграции в РФ требуют комплексного решения, с участием различных ведомств федерального и регионального уровня.

Несмотря на то, что информационная составляющая широко разработана в социальной сфере, на сегодняшний день, согласно данным мониторинга, категория мигрантов и их семей особо остро нуждается в информационной поддержке. Например, (по данным социологических исследований) зачастую наблюдается отсутствие в сфере внимания миграционных служб мероприятий, которые связаны с проведением консультации и разъяснения законодательства о правах и статусе мигранта на принимающей территории; критериях отнесения к беженцам и вынужденным переселенцам; информирование о проблемах и вариантах получения образования детей из семей мигрантов, их социально-психологического консультирования и поддержки.

Поэтому, на наш взгляд, частично разрешить проблему информационной неосведомленности можно посредством использования компьютерных технологий (Интернет), так как они сочетают в себе все типы воздействия на человека. Интернет обладает наибольшими возможностями реализации потребностей мигрантов и их семей. Его можно использовать как на базе учреждений социальной защиты населения, так и в условиях сотрудничающих с ними общественных организаций. Данная технология может быть представлена в виде электронной почты, «электронных рек-

лам», «электронных газет», «электронных журналов» по различным вопросам, которые связаны с решением жилищно-бытовых, экономических, финансовых, правовых, образовательных, профессиональных, психологических и многих других проблем данной категории населения. Посредством подобных видов Интернет-технологий мигрант может сам выйти на соответствующую информацию, взаимодействуя с которой, он становится активным соучастником информационного материала. Помимо этого, мигранты могут совместно работать над интересующими их проблемами с людьми из других регионов, обсуждать решение своих вопросов практически со всем миром. Подобная возможность сотрудничества и кооперации создает сильнейшую мотивацию для их деятельности в группах и индивидуально. Это является для специалистов социальной сферы дополнительным стимулом для целенаправленной организации самостоятельной работы мигранта, направленной на успешную его реинтеграцию на принимающей территории.

Действительно, как показало наше исследование, проводимое на базе учреждений по работе с мигрантами и их семьями в Орловской области, технологии Интернета позволят данной категории населения самостоятельно осознавать многие явления и рассматривать их с разных точек зрения. Это стимулирует и на поиск дополнительных источников информации, и, наконец, дает понять, что некоторые из проблем могут быть решены только совместными усилиями. А это уже элементы глобального мышления. В конечном итоге, Интернет как для мигранта, так и для специалиста по работе с данной категорией населения, может стать именно тем руководителем, координатором, консультантом, к которому обращаются не по должности, а как к авторитетному источнику информации, как к эксперту.

Таким образом, информационные компьютерные технологии позволяют:

- организовывать оперативную консультационную помощь данной категории населения как на базе учреждений социальной защиты населения, так и на общественных началах;
- оперативно обмениваться информацией, идеями, планами по интересующим их совместных вопросов и проблем с мигрантами и миграционными службами из других регионов России;
- формировать коммуникативные навыки, культуру общения, умение кратко формулировать собственные мысли, умение вести дискуссию, аргументировано доказывать свою точку зрения, умение слушать и уважать мнение людей, попавших в такую же жизненную ситуацию.
- формировать умение получать информацию из разных источников, хранить и передавать ее другим нуждающимся в ней, на сколь угодно дальние расстояния по России и в разные точки мира. Данное положение применимо, как и к самим мигрантам, так и к специалистам с ними работающим.

Миграционные намерения выпускников вузов*М.В. Тафтай**Смоленский государственный педагогический университет**E-mail: taftaym@yandex.ru*

Изменения во всех областях общественной жизни, произошедшие за последние 10—15 лет, находят заметное отражение в миграции населения. В рамках проведения четкой и продуманной региональной политики необходимо оценить миграционные настроения молодежи. Миграции высококвалифицированных кадров способны нанести серьезный урон региональным рынкам, экономическому и трудовому потенциалу территории.

Целью нашего исследования является изучение миграционных намерений выпускников вузов. Объектом исследования выступали студенты выпускных курсов (n=92) Смоленского государственного педагогического университета. В ходе нашей работы были использованы данные экспертных опросов, проведено анкетирование для определения круга факторов, под влиянием которых выпускники вуза стремятся покинуть Смоленскую область, где они получают высшее образование.

Инструментарий исследования представляет собой анкету, включающую несколько блоков вопросов:

1. социально-демографические характеристики (пол, возраст, семейное положение и др.);

2. жизнь и учеба в Смоленской области (цель, успеваемость, отраслевые предпочтения, временная занятость);

3. профессиональная ориентация и отношение к трудоустройству на областном, столичном и зарубежном рынках труда;

4. миграционные намерения и факторы, влияющие на решения студентов;

Проведенное нами исследование подтверждает выдвинутые гипотезы о том, что причины оттока молодых специалистов следует искать в социально-экономическом развитии региона. Кризис регионального рынка труда, заметная депрессия промышленности, и, как следствие — проблемы занятости, низкий уровень жизни отражаются на настроениях молодежи. Потенциальные мигранты оценивают перспективы развития экономики Смоленской области пессимистично, ожидая в будущем ухудшение в экономической ситуации области. Иными словами, ожидание неблагоприятной перспективы является мощным фактором, выталкивающим молодых людей за пределы Смоленской области.

По результатам проведенного исследования на последнем году обучения большинство опрошенных студентов совмещают учебу и работу. Лишь 12 % из них полностью удается реализовывать на этой работе свои профессиональные знания, три четверти частично или вообще не реализуют их на практике. Две трети респондентов обеспокоены проблемой будущего трудоустройства, лишь пятая часть уверена, что с их специальностью они не останутся без работы. Хотели бы работать по специальности, либо продолжить обучение по той же специальности лишь 32 % потенциальных мигрантов. Однако, большинство мигрантов (60%) плани-

руют за пределами Смоленской области работать не по специальности, каждый четвертый — продолжить образование по иной или смежной профессии. Следовательно, исследование позволяет говорить о том, что миграция рассматривается молодежью практически исключительно как средство реализации своих жизненных планов, повышения уровня образования и профессиональной реализации.

В качестве потенциального города — реципиента 30% респондентов называют Москву. Доходы москвичей превосходят средний показатель доходов по регионам Центральной России в среднем в 7 — 9 раз. Таким образом, миграции способствует и существенная разница в оплате за аналогичный труд в Москве и Смоленской области. Почти четверть всех опрошенных планируют иметь доход по окончании вуза в размере от 500\$ в месяц и более. Это подтверждает тот факт, что среди причин, по которым большинство потенциальных мигрантов планируют покинуть Смоленскую область — каждый третий называет неудовлетворительную оплату труда.

По данным нашего исследования, государства Западной Европы и США занимают второе место в миграционных намерениях выпускников Смоленского государственного педагогического университета. Более 36% всех опрошенных планируют по окончании обучения выехать за границу с учебно-профессиональными целями.

По своим качественным характеристикам — по показателям академической успеваемости и профессиональной подготовки — контингент потенциальных мигрантов значительно превосходит контингент выпускников, не планирующих выезд за пределы Смоленской области. Очевидно, что в ходе вузовского обучения происходит качественный самоотбор: перспектива выхода на более перспективные рынки профессионального труда стимулирует максимально «выкладываться» в процессе получения высшего образования.

Таким образом, тщательное осмысление наметившихся тенденций имеет важнейшее значение по выявлению проблем трудоустройства, зависимости между планами молодежи в отношении профессиональной деятельности и выездными намерениями, а также для оценки количества выпускников СГПУ готовых пополнять кадры областного, столичного и зарубежного рынков труда. Иначе говоря, оценить объем потенциальных потерь Смоленской области.

Изучение особенностей эмоциональной направленности личности молодежи в практике современных единоборств (рукопашного боя)

Д.О. Труфанов

Красноярский Государственный Университет

E-mail: truffff@yandex.ru

Эмоциональная направленность личности (ЭНЛ) [Б.И.Додонов, В.Г.Немировский и др.], как ее системное качество, во многом определяет характер взаимодействий человека с действительностью, его социаль-

ное поведение. В основе ЭНЛ лежат проникающие ценностные ориентации [Б.И.Додонов], создаваемые установками на определенные комплексы эмоций, (сверхценные переживания (В.Г.Немировский)). Актуальность изучения особенностей ЭНЛ практиков различных видов современных единоборств (рукопашного боя) обусловлена увеличивающимся количеством организаций, в рамках которых практикуются единоборства, возрастающим количеством занимающихся в этих организациях, большинство из которых – молодежь – общность, имеющая стратегическое значение для будущего страны и рядом других факторов. В связи с этим существует задача оценки влияния практики единоборств на структуру проникающих ценностных ориентаций молодежи.

Целью нашего исследования является изучение особенностей ЭНЛ молодых людей, занимающихся единоборствами и ее различий, в зависимости от типов школ единоборств. По целям практики единоборства были классифицированы нами на школы традиционной направленности, спортивные, включающие контактно- и бесконтактно-спортивные единоборства и прикладные. Объектом исследования является молодежь – молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет, практикующие различные виды единоборств. В исследовании приняли участие 565 человек, проживающих в 58 городах России, ближнего и дальнего зарубежья. В качестве метода исследования был использован вопросник «Эмоциональная направленность личности» В.Г.Немировского. В результате исследования мы получили возможность описать социальные типы личности, характерные для практиков различных видов единоборств (рукопашного боя):

1. У молодых людей, занимающихся в школах традиционной направленности (айкидо, вин чун, ушу, кендо и др.) в структуре ценностных ориентаций доминирует ориентация на комплекс эмоциональных ценностей «созидание» [В.Г.Немировский], основу которого составляют потребности в деятельности, знаниях, любви, общении, смысле жизни, альтруистические и эстетические потребности. Комплекс «созидание» относится к группе «светлых» сверхценных переживаний и обуславливает преобладание у его носителей оптимистического мироощущения. Владелец такого мироощущения хорошо адаптирован в социальной среде, уверенно смотрит в будущее, с интересом относится к окружающему миру.

2. У молодых людей, занимающихся в контактно-спортивных школах (бокс, кикбоксинг, кудо, тэквондо и др.) преобладает ориентация на комплекс переживаний «властвование», в основе которого потребности в доминировании, во власти, превосходстве над окружающими, в престиже, славе, самоутверждении, в свободе, самостоятельности. Комплекс «властвование» относится к группе «темных» сверхценных переживаний и связан с ожесточенным мироощущением.

3. В структуре ценностных ориентаций молодых людей, занимающихся в бесконтактно-спортивных школах (сетокан каратэ-до), при преобладании ориентаций на потребности в любви, деятельности, смысле жизни («созидание»), являются актуальными потребности в приобретении ве-

щей, в престиже (комплекс переживаний «потребление»), а также потребности во власти и доминировании («властвование»).

4. У молодых людей, занимающихся в прикладных школах (прикладной рукопашный бой), как и в школах традиционной направленности, в структуре ценностных ориентаций доминирует ориентация на комплекс «созидание». Наряду с этим являются актуальными потребности комплекса «потребление» и, в меньшей степени, «властвование».

Таким образом, результаты исследования дают представление о специфике «социальной окраски» молодежи в зависимости вида практикуемого единоборства. Результаты исследования могут быть использованы в работе специалистами в области современных единоборств, тренерско-преподавательским составом школ единоборств, практиками единоборств со стажем и теми, кто только собирается встать в ряды занимающихся для осознанного выстраивания стратегии своего Пути.

Динамика становления профессионального языка студентов-социологов.

А.В. Турчик

Уральский государственный университет им. А.М. Горького

E-mail: turchik_a@mail.ru

Профессиональный язык, далее именуемый профессиональным тезаурусом, является одним из средств, или, инструментов проявления профессионализма. По сути, владение профессиональным языком является отражением степени профессионализма и профессиональной культуры в целом. В это связи мы предлагаем рассматривать тезаурус как элемент профессиональной культуры и одновременно как неотъемлемую и относительно независимую часть науки социологии.

В феврале 2005 года на базе Уральского государственного Университета было проведено исследование на тему «Профессиональный тезаурус как показатель становления профессиональной культуры студента-социолога». Исследование проходило в несколько этапов и включало несколько методов: опрос студентов-социологов 2 – 5 курсов, наблюдение за ответами студентов на Государственных экзаменах и глубинное интервью с аспирантами-социологами и выпускниками факультета социологии.

Включение в объект исследования групп респондентов, находящихся на разных стадиях профессиональной подготовки позволило нам рассмотреть динамику становления профессионального языка будущих специалистов.

Исследование показало, что уровень владения категориальным аппаратом социологии напрямую зависит от курса обучения (коэффициент Пирсона составил 0,42). При этом, в случае, когда учебная деятельность в большей степени ориентирована на профессиональное саморазвитие и самообучение, степень владения профессиональным тезаурусом несколько выше по сравнению с тем, когда процесс обучения значительно формализован. Вместе с тем, мотивация к профессиональному саморазвитию практически отсутствует. Об этом свидетельствует тот факт, что актив-

ность студентов на всех уровнях обучения проявляется в основном в тех сферах, где осуществляется внешний контроль за учебным процессом. Было выявлено также, что наиболее активно проявляют себя студенты третьего курса, в то время как старшие курсы значительно меньше внимания уделяют процессу учебной деятельности. Это связано с тем, что к пятому курсу оценка своего профессионализма несколько завышается. Более того, именно на пятом курсе начинается активный поиск работы, что и объясняет затухание интереса к самому процессу обучения. Третий год обучения, напротив, полон самыми интересными курсами, а также, ввиду наличия социологической практики на факультете, происходит постепенное включение каждого из будущих специалистов в практическую деятельность социолога.

Интересным оказался и тот факт, что профессионализм социолога у всех групп респондентов ассоциируется, прежде всего, со знанием теории и подкреплением ее практикой. Вместе с тем, на уровне рациональных оценок к пониманию профессионализма значимость знания социологической теории в общем рейтинге оказалась на 15 месте, опережая лишь знания иностранного языка и внешние данные. Более того, значимость владения профессиональным языком оказалась лишь на 11 месте из 17.

Это обстоятельство подтвердилось в процессе наблюдения за ответами респондентов на Государственных экзаменах: студенты недостаточно хорошо ознакомлены с терминами из практической социологии, а понятия различных теорий зачастую не находят глубокого понимания и осмысления студентами. Более того, индекс речевой свободы составил 2,3. (Индекс может принимать значения от 1 до 4, где 1 – респондент читает по бумажке не отрываясь, при ответе на вопрос долго подбирает нужные слова. 4 – практически не смотрит на бумагу, они отдельные, рассказывает сам, своими словами.)

Интервью, проведенные с аспирантами и выпускниками, позволило условно выделить несколько этапов формирования профессионального языка: первый этап (I-II курс) – знакомство с социологической терминологией, тщательная работа со словарями и заучивание наиболее непонятных терминов. Второй этап (III-IV курс) – осмысление понятий и попытка своей интерпретации, наделение понятий своим смыслом. Третий этап (V курс, преддипломный период) – воспроизведение усвоенных понятий, оперирование социологическими категориями без особого выдумывания в глубинный смысл каждого из них. Еще один этап, который оказался характерным для магистратуры – переосмысление некоторых из понятий, попытка не простого оперирования категориями, а видения социологических категорий в окружающем и обыденном нас мире. Выпускники социологических факультетов чаще всего находятся на том этапе, когда они только осмыслили понятийный аппарат и только начинают воспроизводить его с разной степенью успешности. При этом отсутствует глубина понимания и способность мыслить социологическим языком, видеть его в окружающей нас действительности.

Представляется необходимым дальнейшее изучение как профессиональной культуры социолога в целом, так и такого значимого элемента, как профессиональный тезаурус. Важно определить место профессионального языка в структуре профессиональной культуры социолога и выявить факторы, способствующие и препятствующие трансформации накопленных знаний и умений в профессиональную культуру. Также исследование позволит выработать практические рекомендации с целью повышения уровня профессиональной культуры социологов, оптимизации профессиональной учебной подготовки.

Методологическое значение теории социального действия для PR-деятельности

А.А. Тюпин

Магнитогорский государственный университет

E-mail: sociology@masu.ru

Большинство исследователей признают, что именно на концепции американского социолога Т. Парсонса об информационном обмене и концепции социального действия немецкого философа Ю. Хабермаса основывается философия общественных связей. Ключевая идея Т. Парсонса заключается в том, что наиболее важный социальный процесс — это процесс коммуникации значений, символов, то есть движение информации. Процесс передачи информации непосредственно «запрограммирован» на развитие социальных отношений, на устойчивость общества. Катализатор социальных процессов по Т. Парсонсу — информационный обмен взаимодействующих систем и подсистем. Отношения между системами и подсистемами общества и внутри них представляют собой обмен информацией, совокупностью символов, вызывающих структурные изменения в системе социальных отношений. Т. Парсонс выдвигает крайне важный тезис о том, что каждая система контролируется такой подсистемой, которая обладает наибольшим информационным потенциалом и потребляет наименьшее количество энергии. Он считал, что любая система, чтобы быть жизненной и эффективной, должна отвечать четырем основным функциональным требованиям (Функциональная сетка AGIL):

1. Адаптация (adaptation) предполагает приспособление системы к ее внешней среде.

2. Целедостижение (goal attainment) означает, что система должна вырабатывать цели и достигать их.

3. Интеграция (integration) предполагает способность системы осуществлять внутреннюю регуляцию и координацию элементов системы действия.

4. Латентность (latency) в живых организмах, по существу выполняет функцию генетического кода, обеспечивая скрытое поддержание и воспроизводство общезначимого действия. Латентность в социальных системах предполагает наличие общезначимого символа, который осуществляет-

ет поддержание культурного образца, связанного главным образом с языком, а также мотивацию акторов к его сохранению. Функциональную сетку AGIL Т. Парсонс использовал на всех уровнях — будь то система действия или социальная система.

В этих теоретических посылах Т. Парсонса — ключ к пониманию общественных связей. В то же время следует признать, что структурно-функциональная теория Т. Парсонса дает статическую картину состояния общества, она бессильна в анализе общественных противоречий, социальных изменений. Он отвергает противоречие и конфликт как источник развития и сводит социальную жизнь к кибернетической иерархии и эволюционным процессам, что ограничивает динамизм в развитии PR, не дает возможность увидеть истоки ее развития во внутренней и внешней среде.

Еще дальше в понимании социальных процессов общества и закономерностей развития западноевропейской цивилизации продвинулся Ю. Хабермас. Он рассматривает общество как продукт человеческого взаимодействия. На этом и строится его теория социального действия — стратегического, нормативного, драматургического, коммуникативного.

> Стратегическое действие по Ю. Хабермасу — это действие, управляемое эгоистическими целями. Оно рационально в той мере, в какой субъект действия выбирает наиболее эффективное средство получения желаемого. Данная модель предполагает, что участники стратегического действия относятся к другим лицам как к объективированным средствам или препятствиям на пути к их цели. Так называемое стратегическое действие создает теоретическую основу для конкурентной борьбы, и здесь, по его мнению, ведущую роль играют общественные связи.

> Нормативное действие по Ю. Хабермасу — социальное действие, целью которого является создание взаимовыгодных ситуаций. Достигается это через подчинение поведения власти, организации, разделяемым ценностям и нормам, но обеспечивают это общественные связи.

> Целью драматургического действия является представление самого себя или создание публичного имиджа. Система общественных связей ориентирована на создание имиджа, и теория драматургического действия создает предпосылки для его разработки.

> Коммуникативное действие имеет своей целью свободное соглашение участников для достижения совместных результатов в определенной ситуации. Свободное соглашение также обеспечивается структурами общественных связей.

Таким образом, теория Ю. Хабермаса в определенной мере служит теоретическим основанием для функционирования системы общественных связей. Но главное, теория социального действия позволяет увидеть социальные изменения в обществе, его динамику. Ю. Хабермас, подходя диалектически к теории Т. Парсонса, по сути отвергающей противоречие как двигатель развития, приходит к выводу, что в нынешнем постиндустриальном обществе происходит смещение акцентов с экономической

на другие сферы бытия (культурную, коммуникационную), что и становится его источником социального развития. Ю.Хабермас рассматривает общество как продукт человеческого взаимодействия, структурируемый нормами и ценностями, которые позволяют понять происходящие изменения в социальной системе.

Стереотип как фактор социального взаимодействия

Е.А. Тягло

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Украина

E-mail: atyaglo@ info. kharkov.ua

Социальный стереотип уже долгое время продолжает оставаться своеобразной *Terraincognita* для исследователей в области социальных наук, несмотря на многочисленные попытки исследования данного феномена, предпринимаемые в течение всего XX века. Впервые описанный в 20-х годах американским социологом и журналистом У.Липпманом, феномен социального стереотипа сегодня представляет для исследователей особый интерес. Стереотип как элемент социального взаимодействия последнее время привлекает к себе внимание не только социальных психологов, традиционно занимавшихся его исследованием, но и социологов, для которых изучение данного явления становится освоением новой предметной области.

Сегодня благодаря некоторым социологическим и социально-психологическим исследованиям мы можем дать более-менее обобщенное определение социального стереотипа как феномена общественной жизни и индивидуальной самости. Стереотип — это устойчивое иррациональное представление, которое касается определенной категории или группы людей, основанное, как правило, на недостатке информации. Стереотипы могут быть как позитивными, так и негативными.

Среди социально психологических и собственно социологических концепций, рассматривающих явление социального стереотипа в разных сферах его проявления, особое внимание привлекают следующие: теория авторитарной личности Т.Адорно, концепция потребности в статусе и принадлежности, социальная теория стереотипа К.— Г.Юнга и С.Москавичи, бихевиористская теория «козла отпущения», которая проистекает из концепции фрустрации — агрессии Д.Долларда и Н.Миллера и когнитивный подход (Р.Нисбет, М.Росс, А.Г.Миллер и др.). На основе этих базовых теоретических подходов мы будем рассматривать социальный стереотип и его влияние на взаимодействие индивидов в общностях различного типа.

Исходя из вышеперечисленных теоретических разработок, можно отметить, что формирование стереотипов и их закрепление в сознании индивида происходит в ходе социализации и приобретения опыта коллективного взаимодействия, некоторые стереотипы разрушаются в ходе вторичной социализации, другие же, наоборот, укрепляются и становятся частью жизненного мира личности. Анализируя данные эмпирических исследова-

ний, можно сделать вывод, что низкий социальный статус и неудовлетворенность своим положением в обществе очень часто способствует возникновению и укреплению негативно направленных стереотипов.

Среди основных стереотипов, существующих в нашем обществе, можно выделить следующие:

1) Этнические – в большинстве случаев существуют этнические группы или даже нации, которые немотивированную вызывают агрессию у представителей доминирующего (титального) этноса. Это может быть вызвано культурно-историческими, экономическими или другого рода причинами. Исток этого вида стереотипа мы можем увидеть в теории «козла отпущения». Эти стереотипы вызваны, прежде всего, низким уровнем жизни большинства населения, что, в свою очередь, приводит к враждебному отношению к более успешным представителям других этнических групп. Латентная агрессия находит выход в механизме негативной стереотипизации.

2) Гендерные – стереотипы, основанные на определенных представлениях относительно разделения социальных ролей между мужчиной и женщиной. Эти стереотипы можно хорошо проиллюстрировать на примере представлений о патриархальном укладе семьи, второстепенной роли женщин в сфере интеллектуального и творческого труда и т.д.

Также современному украинскому обществу (впрочем, как и другим обществам стран СНГ) свойственны не только вышеописанные универсальные стереотипы, но и более специфические, но не менее важные для социального взаимодействия в нашем жизненном мире.

О возможности преодоления некоторых негативно направленных социальных стереотипов сегодня продолжаются дискуссии в различных социальных науках, особенно в социологии, целью которой является не только описание и анализ, но и изменение нашей социальной реальности. В любом случае наличие стереотипов тесно связано с социокультурной обстановкой, экономическим развитием того или иного общества. Преодоление стереотипных явлений коллективного сознания возможно лишь в условиях демократии и толерантности.

Литература

1. Грушевицкая Т.Г. Основы межкультурной коммуникации. М.: «Юнити», 2002
2. Грановская Р. М, Крижанская Ю. С. Творчество и преодоление стереотипов. СПб., 1994
3. Кон И. Психология предрассудков // Новый мир. – 1966. – № 9
4. Линдсей Стейс Культура, ментальные модели и национальное процветание // Культура имеет значение: Сборник научных работ. – М.: Московская школа политических исследований, 2002
5. Уолтер Липпман. Общественное мнение. М., 2004
6. Тейлор Ч. Этика автентичності. Київ: Дух і Літера, 2002

Общеввропейское высшее образование. Проблемы и перспективы России и Германии.***А.А. Целинская****Костромской Государственный Университет им. Н.А. Некрасова**E-mail: o_borozdina@rambler.ru*

В настоящее время на мировом рынке образовательных систем возникла ситуация которая заключается в следующем: закончился этап спонтанного развития высшего образования и начинается период жесткой конкуренции за рынки образовательных услуг. Это связано с тем, что, во-первых, постоянно растет спрос на выпускников, чей уровень подготовки соответствует мировым стандартам, во-вторых, по мнению экспертов ЮНЕСКО, обучение иностранцев может оказаться одним из самых прибыльных видов экспорта 21 века.

В работе поставлены следующие задачи: оценка роли России и Германии на международном рынке образовательных услуг; проведение сравнительного анализа систем высшего образования этих стран; определение целей и значимости результатов Болонской декларации; рассмотрение периода становления общеевропейской системы образования в вузах России и Германии.

За последние 15 лет Германия вышла на третье место на международном рынке образовательных услуг после США и Великобритании; На сегодняшний день немецкое образование развивается как экспортная отрасль, более 10% студентов – иностранцы. Россия, после распада СССР, с третьего места в мире на рынке образовательных услуг опустилась на восьмую позицию {1}.

Сравнительный анализ показал, что системы высшего образования России и Германии находятся приблизительно на одинаковом уровне развития, постоянно модернизируются, упор делается на качество и надежность обучения, вводится двухступенчатая модель высшего образования. Но, при внешней схожести, это два по-разному устроенных типа образования с принципиально отличительными подходами к проблемам и своими национальными традициями.

Следует сказать, что страны Европы в конце 20-го века попытались создать «Зону европейского высшего образования», включающего демократические ценности, многообразие систем, культур и языков всех государств, подписав Болонскую декларацию. Германия стояла у истоков общеевропейского образования. Россия вступила в Болонский процесс в середине 2003 г., когда стало понятно, что российское образование может остаться на обочине общеевропейских интересов, а это приведет к опасной самоизоляции.

В настоящее время, системы образования России и Германии начали развиваться встречными курсами. Россия, уходя от жесткой централизации, вводит новые гибкие стандарты, которые применяют международную систему градаций «бакалавр – магистр» к российской действительности, а Германия создает единое образовательное пространство внутри страны.

В работе проведено исследование, позволившее оценить период становления общеевропейской системы образования в ВУЗах России и Германии. По его результатам можно сделать вывод: для конкретных ВУЗов начальной стадией внедрения положений Болонской декларации является расширение мобильности студентов и преподавателей.

Попробуем разделить эту стадию на три этапа: первый этап – поиск партнеров; второй – решение проблемы языкового общения; третий – организация стажировок и практик, согласование и защита курсовых и дипломных проектов.

Партнерами КГУ им. Некрасова являются академия информационного и коммуникационного дизайна города Дрездена и институт Циттау/Герлиц. Отношения сформировались в процессе периодических выездов в 2003 – 2004 годах многочисленных групп студентов и преподавателей из России в Германию и приезда студентов из Германии в Россию.

Проблему языкового общения выявила попытка сблизить программы подготовки специалистов. Исследование показало, что только 12% студентов КГУ изучают второй иностранный язык.

Из действий третьего этапа наиболее первичными считаются стажировки. Около 50% опрошенных студентов КГУ готовы к стажировке за границей.

Причиной отказа могут явиться финансовые проблемы и языковый барьер. Однако 68% респондентов стали бы изучать второй иностранный язык при появлении реальной возможности стажировки за границей. Студенты из академии г. Дрездена уже прошли стажировку в Костроме.

В исследовании был затронут вопрос осведомленности студентов о решениях Болонской декларации, в частности о введении в российских ВУЗах двухуровневой системы образования. В отличие от немецких студентов студенты КГУ практически не имеют представления о данной форме обучения.

Ценность работы состоит в актуальности рассмотрения начала сложного и масштабного, не только образовательного, но и социального процесса в Европе. Болонский процесс это продолжение формирования единой Европы. Следующий шаг после создания Европейского союза, единой зоны без границ, «европейского права» и единой денежной валюты. Шаг, предшествующий подписанию Европейской конституции.

Хотя, возможно, что возбужденные интеграционными процессами в Европе политики, запустили в действие программу, системные последствия которой они, не в состоянии предсказать.

На этот вопрос может дать ответ только время.

Литература

1. Дмитриев Н. Кто куда? Или Образование как форма экспансии // Платное образование, 2004, июль-август, с.27-31.
2. Реформирование высшего образования в объединенной Германии // Экономика образования, 2002, №6, с.67-71.

З Сенашенко В. Чистохвалов В. Система зачетных образовательных единиц, Высшее образование в России, 2002, №5, с.19-25.

Типология социального действия Ю.Хабермаса, М.Вебера и Т.Парсонса: сравнительный анализ.

М.П. Чаушян

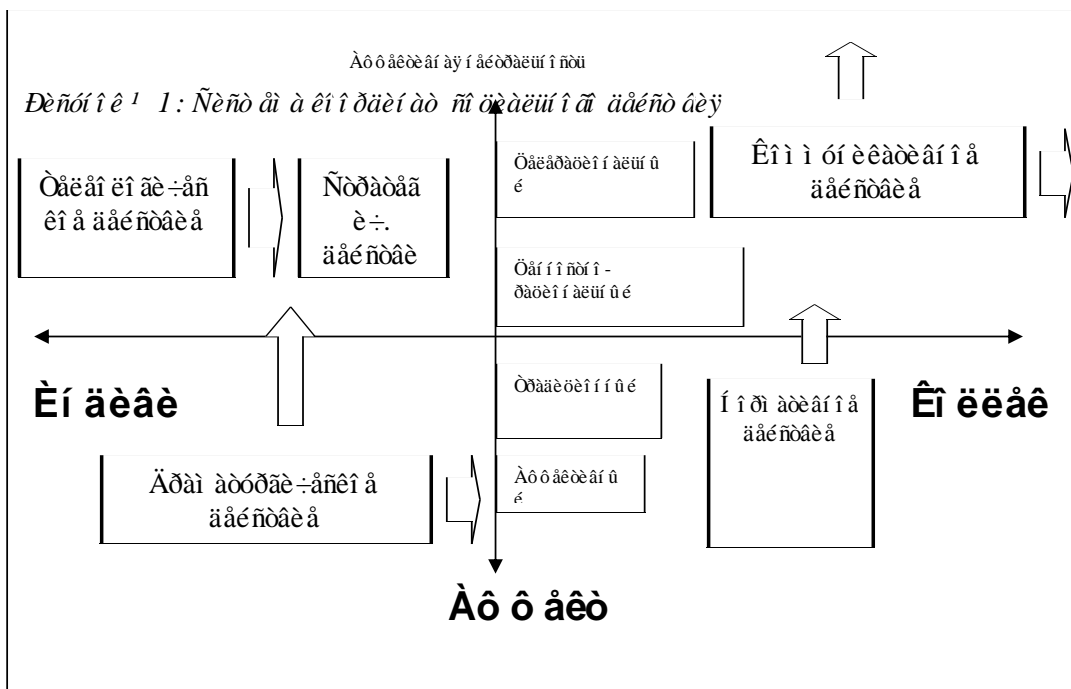
*Московский авиационный институт
(государственный технический университет)
E-mail: maximc@lanier.ru*

Центральным пунктом социологической концепции Ю.Хабермаса является категория «Жизненного мира» (Lebenswelt)[1] и его эволюция, которая идет по пути дифференциации (в нем выделяются три сферы референции: объективный, социальный и субъективный миры) и рационализации.

Теоретический анализ динамических характеристик эволюции «жизненного мира» приводит Ю.Хабермаса к выводу о необходимости переосмысления понятия социального действия и создания новой типологии. Критически переосмыслив (с точки зрения новых критериев рациональности и концепции трех миров референции) типы действия Вебера, Хабермас выделил четыре типа социального действия. *Телеологическое действие*, при котором деятель стремится к своей цели, рационально выбирая при этом средства ее достижения. Телеологическое действие может трансформироваться в стратегическое действие, если деятель ориентируется на ожидания как минимум одного другого субъекта. *Нормативное действие*, целью которого является достижение цели посредством подчинения своего поведения разделяемым внутри данной группы ценностям и нормам. *Драматургическое действие*, целью которого является самопрезентация или создание публичного имиджа. *Коммуникативное действие*, целью которого является свободное соглашение деятелей для достижения совместных целей в определенной ситуации, выработка общей интерпретации ситуации.[2]

Поскольку Хабермас разрабатывал свою концепцию действия как реконцептуализацию теории действия М.Вебера, попытаемся сравнить типы действия Хабермаса с идеальными типами социального действия по Веберу. По степени рациональности Вебер выделяет четыре типа социального действия: аффективное, традиционное, ценностно-рациональное и целерациональное.[3] Поставим, руководствуясь критерием рациональности, в соответствие каждому из типов социального действия по Веберу тип действия по Хабермасу: телеологическое / стратегическое действие — целерациональное действие; нормативное действие — ценностно-рациональное и частично традиционное действие, драматургическое действие — аффективное действие, коммуникативное действие — не может соответствовать ни одному из типов, т.к. по степени рациональности высший тип действия по Веберу — целерациональное действие — уступает коммуникативному.

Теперь обратимся к теории действия Т. Парсонса. Ее основным понятием является понятие типовых переменных действия, т.е. переменных, предельные значения которых составляют пространство, в котором могут быть определены идеальные типы социального действия.[4] Для нас особое значение имеют две пары типовых переменных: аффективность – аффективная нейтральность и индивидуализм – коллективизм. Попробуем проанализировать типы действия Ю.Хабермаса с точки зрения системы координат, построенной на основании этих переменных, т.е. поставим в соответствие каждой координатной четверти один тип действия по Хабермасу. При этом на шкале аффективность – аффективная нейтральность (назовем ее шкалой рациональности) мы разместим идеальные типы действия по Веберу (см. Рисунок №1).

Телеологическое действие поместим на пересечении индивидуализма и аффективной нейтральности, т.к. в нем сочетаются ориентация на личные цели и рациональный выбор средств их достижения, стратегическое действие поместим в ту же четверть, сместив его в сторону коллективизма в силу необходимости деятеля ориентироваться при выборе целей и средств на других деятелей. *Нормативное действие* расположим на пересечении аффективности и коллективизма, сместив его в сторону аффективной нейтральности, т.к. оно не является полностью неосознанным. *Драматургическое действие* поместим на пересечении аффективности и индивидуализма, обозначив, однако, его тенденцию к смещению в сторону коллективизма (самопрезентация всегда ориентирована на другого) и аффективной нейтральности (оно не является полностью неосознанным). *Коммуникативное действие* отнесем к единственной оставшейся четверти, где пересекаются аффективная нейтральность и коллективизм

(это обусловлено его наивысшей рациональностью и ориентацией на ко-операцию деятелей как самоцель).

Литература

1. Громов И.А. Мацкевич А.Ю. Семенов В.А. Западная социология. СПб., 1997;
2. Habermas Jurgen. Theorie des kommunikativen Handelns. band 1. Frankfurt a.M., 1981;
3. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990;
4. Американская социологическая мысль. тексты под ред. проф. В. И. Добренькова. М., 1994.

Маргинальность как экономико-социологический фактор поведения потребителя

Е.В. Чекчурина

Муниципальный институт права и экономики г.Лунецк

E-mail: perepelka@inbox.ru

Маргинальность как фактор поведения потребителя – это не автономная проблема, а выражение специфических отношений с существующим общественным строем, результат конфликта личности с общепринятыми нормами. Именно в таком смысле понятие «маргинал» впервые появилось во Франции. Маргиналами стали называть тех, кто отвергает общественный порядок, либо оказывается им отвергнутым. Следует отметить, что Франция была глубоко потрясена майскими событиями 1968 года.

Исследование маргинальных групп в американской социологии связано с именем Р. Парка [1]. Американские ученые 30-50-х гг. обратили внимание на то, что в ситуации маргиналов находится значительная и притом весьма активная часть американского общества (этнические и религиозные меньшинства, представители нетривиально мыслящей художественной и научной интеллигенции и др.).

Отечественный опыт в исследовании данного феномена относительно невелик. Эту проблему исследовали А.И. Атоян, И.П. Попова, Е.Н. Стариков, В.А. Шапинский [2]. Маргинальность предполагает технологические, социальные и культурные сдвиги. Урбанизация, массовые миграции, интенсивное взаимодействия между носителями разнородных этнокультурных и религиозных традиций, размывание вековых культурных барьеров, влияние на население средств массовой коммуникации – все это привело к тому, что маргинальный статус стал нормой существования миллионов и миллионов людей.

Существенную роль в изменчивости российских потребительских традиций также играет процесс маргинализации общества. Представители одних социальных слоев, обладая исходными ресурсами (человеческий и социальный капитал, психологическая предрасположенность, возможность быстрого доступа к ресурсам), были подготовлены к вступлению в рынок. Либерализация экономических и юридических условий дала им

возможность мобилизовать предпринимательскую активность и влиться впоследствии в страту экономической элиты. Однако для большей части населения, не имевшей благоприятных исходных стартовых позиций, стратегией адаптации к возникающим экономическим и социальным условиям среды стал метод проб и ошибок при освоении новых правил экономической «игры», что породило процесс маргинализации большей части российского населения.

Определенная традиция употребления в широком и универсальном смысле, потенциально способным отразить и объяснить сложность и противоречивость современного состояния общества»[3]. По мнению М. Манчини[4], сущностная маргинальность может быть фиксирована при наличии сочетания: экономической, политической и социальной как потери общественного престижа — депривации.

Исходя из специфики новой социальной реальности, маргиналами в России считаются те, кто переживает резкую перемену статуса. Маргинальность «новых бедных ученых» — структурная, связанная с социально-технологическими сдвигами, а отсюда — понижение статуса. Внутренняя характеристика этой группы — пассивный уход в другое качество потребительской культуры. Здесь можно отметить возрастной состав предприятий военно-промышленного комплекса и научных заведений — в основном это люди предпенсионного возраста или пенсионеры. Мы наблюдаем у новых бедных существенные различия между целями, которые преследует группа, и ресурсами, которыми она обладает. Высокостатусные цели и низкостатусные ресурсы — характерная черта обоих типов исследованных предприятий. Политическая депривация с одной стороны, свидетельствует о низком уровне политической активности. С другой — низкая личностная значимость, а неупоминание в интервью свидетельствует именно об этом, может быть симптомом депривации данной потребности. Возможно, индикатором политической депривации можно считать неартикулированность интересов группы.

По признакам потребительского поведения, — этот процесс касается сегодня многих групп в российском обществе. Однако, дрейф новых бедных ученых вниз во-первых, оказался стремительным, а во-вторых, в качестве причины имеет макросдвиги в социально-экономической ситуации в России.

Социологические исследования процесса потребительской стратификации показали, что в России маргиналами стали все те, кто пережил резкую перемену статуса. Налицо депривация[5] тех, которые десять лет назад имели высокий или средний уровень дохода, а сегодня крайне низкий доход при постоянстве профессионального статуса. Различают абсолютную и относительную депривацию. Абсолютная депривация — это отсутствие удовлетворения основных жизненных потребностей, например, в пище, сне, жилище и т.п. Относительная депривация основана на осознании различия между тем, что имеют одни люди, в сравнении с другими. Многое здесь зависит от того, что они выбирают для себя в ка-

честве сравнения. Например, кто-то может считать себя лишенным того, что он должен иметь, в зависимости от занимаемого им статуса.

Результаты анализа анкет для выделения культурных характеристик маргиналов показывают, что группа научных работников отличается высоким вкусом к стилю и качеству жизни. Маргинальность исследуемой группы (новых бедных ученых) — структурная, связанная с социально-технологическими сдвигами, а отсюда — понижение статуса.

Литература

[1] Park R.E. Race and culture. Glencoe, 1950; Stonequist, E. V. The Marginal Man. A Study in personality and culture conflict. New York, 1961.

[2] Атоян А.И. Социальная маргиналистика: о предпосылках нового междисциплинарного и культурно-исторического синтеза // Политические исследования. 1993. № 6; Попова И.П. Маргинальность: феномен, понимание // Социологические исследования. 1994. № 3; Стариков Е. Маргиналы и маргинальность в советском обществе // Рабочий класс и современный мир. 1989. № 4; Шапинский В.А. Проблема маргинальности в культуре // Ценности культуры и современная эпоха. М., 1990.

[3] Попова И.П. Маргинальность: социологический анализ. Учебное пособие. М.: Союз, 1996. С.4.

[4] Mancini V.J. No owner of soil: The concept of marginality revisited on its sixtieth birthday // Intern. rev. of mod. sociology. New Delhi, 1988. Vol. 18. № 2. P. 190.

[5] Депривация (от лат. *deprivatio* — потеря, лишение) — состояние, при котором люди испытывают недостаток того, в чем они нуждаются.

Определение стиля политического лидерства с помощью контент-анализа интервью политика в прессе

Н.Б. Чистякова

Омский Государственный Педагогический Университет

E-mail: cnatalya@list.ru

Как полагают многие социологи и политологи, всякий раз, когда в жизни общества или государства назревают серьезные перемены на первый план выступает особая «порода» людей, которые резко отличаются от других ярко выраженными лидерскими качествами. Роль личности в политике — одна из центральных тем в политической социологии, ее важность обусловлена тем, что для каждого власть всегда была фактором, оказывающим огромное влияние на всю его жизнь и судьбу, а выполнение функций в сфере политики всегда было одной из наиболее важных социальных ролей. На сегодняшний день, когда политика стала специфическим переплетением телевизионных роликов и выпусков новостей, газетных публикаций, рекламных роликов и PR-технологий, очень сложно различить, где же находится истинный политик, а где его имидж.

Объектом исследования является образ стиля лидерства В.В.Путина транслируемый через СМИ

Предметом исследования является интервью как средство трансляции стиля лидерства В.В.Путина. В своем исследовании мы выдвигаем **гипотезы**:

1. В речи политика можно вывить признаки стиля управления, которого он придерживается.

Для достижения поставленных целей был использованы метод контент-анализа

Настоящий политик это Homo Eloquens- человек *говорящий*, причем говорящий *публично*. Лучшая ситуация для изучения речевого поведения политика – интервью. Именно в ситуации интервью можно наблюдать непосредственную речевую реакцию политика, только здесь сохраняются некоторые следы спонтанности – неподготовленности речи, наконец только здесь можно быть до некоторой степени уверенным в том, что текст принадлежит определенному автору. В качестве источника информации было использовано печатное издание «Российская газета» (период 2000–2004 г.г), мы анализировали еженедельные обобщающие выпуски.

Для анализа мы использовали типологию лидерства, предложенную М.Вебером, который выделяет традиционный, харизматический и легитимный стили управления. Единицами счета выступали соответственно для традиционного стиля управления – большое количество употреблений глаголов в сочетании с местоимением Я (например: Я считаю, Я могу Я хочу и т.д.); для харизматического стиля управления – Бог, Судьба, и т.д.; для легитимного стиля управления мы использовали в качестве единиц счета выступали понятия Мы, Нами, Вместе. Закон, Демократия.

Следует отметить, что в процессе исследования выяснилось, что черты харизматического лидерства проявляются скорее в устной, непосредственной речи, а так же в стиле поведения и т.д.

Данные были сведены в таблицу

Стиль управления/год	2000	2001	2002	2003	2004
Легитимный стиль	300	290	280	290	290
Традиционный стиль	250	250	270	290	295
Харизматический стиль	80	65	60	70	55

Итак мы можем сделать выводы о том что в речи действующего Президента наиболее выражен легитимный стиль управления, однако явно прослеживается тенденция нарастания традиционного стиля лидерства. Этот факт может говорить либо о становлении Президента как политического деятеля, определившегося с тем образом, который вызывает симпатию у населения. Либо о том, что мы в какой-то мере возвращаемся к авторитарной оси управления, что подтверждает гипотезы некоторых исследователей о том, что в переломные периоды истории нашей страны наиболее эффективной формой управления является именно традиционный стиль.

В будущем планируется проведение опроса, по результатам которого, можно будет говорить о противоречии стиля лидерства, транслируемого через СМИ и тем образом, который сформировался в обществе.

Стереотипы мышления в системе трудового поведения работника

О.Н. Шестопалова

Уральский государственный университет путей сообщения

E-mail: shestopalova_olga@rambler.ru

В новых условиях меняется и внешний характер, и внутреннее содержание трудового поведения. Внешние социальные воздействия первоначально, но они становятся влиятельной силой, когда преломляются через внутренний мир человека (стереотипы, жизненные идеалы, устремления, мотивы трудовой деятельности, психологический настрой и т.д.).

В условиях формационных изменений особую актуальность приобретает анализ процесса разрушения прежних стереотипов поведения и сознания, формирования нового трудового поведения молодежи, вызванное рыночными экономическими условиями.

В свою очередь, трудовое поведение и отношение к труду определяются множеством взаимосвязанных факторов. Изменяя эти факторы, можно управлять трудовым поведением индивида, и, следовательно, трудовой деятельностью в целом. В основе концепции эффективного управления должны стоять люди, их профессиональные и психофизиологические особенности.

Известно, что трудовая деятельность имеет сложнейшую поведенческую структуру.

В выборе характера трудового поведения отражается степень идентификации интересов человека с целями и интересами организации. Трудовое поведение отражает то, как работник понимает действительность, каким образом он определяет свое место в системе общественного производства и конкретной социальной среде, наконец, что он считает наиболее значимым для воплощения своих профессиональных достижений. Отражая материальные, социокультурные и нормативно-аксиологические компоненты производственной среды в своем сознании и поведении, работник зеркально не копирует их, а соотносит их со своими интересами, потребностями и функциональными способностями.

В этой связи можно говорить о том, что работник мотивирует свое поведение, пропуская внешние факторы через призму сознания. Именно такое положение определяет актуальность изучения субъективных установок, стереотипов сознания и поведения.

В условиях России сегодня роль объективных факторов трудового поведения (техничко-функциональные и социальные характеристики процесса труда, его условия, содержание, организация) стабилизировалась. В то же время роль субъективных факторов (степень активности индивида) повысилась. Поэтому необходимо учитывать иной контекст осуществ-

вляемых поведенческих актов при формировании новой рыночной культуры, который образуется на основе взаимосвязи старых (советских) и новых (рыночных) стереотипов мышления, образцов поведения, привычек и других институциональных образований.

В последнее время предметом социологических исследований все чаще становятся стереотипы. Стереотип – это сложное социально-психологическое явление, изучение которого ранее считалось прерогативой психологии. Повышенный интерес к данному феномену объясняется отнесением его к разряду регулирующих начал социально-экономического поведения личности. И хотя современные исследователи далеки от довольно смелых взглядов создателя теории социального стереотипа У. Липпмана, тем не менее, аксиомой социологического познания сегодня является тезис: «Стереотип оказывает огромное влияние на качество мышления, деятельность человека».

Стереотип является необходимым и неотъемлемым элементом познания и сознания в современном обществе. Ежедневно человек сталкивается с огромным количеством информации, которую стереотип упрощает и схематизирует, и этот процесс необходим и полезен в психологической регуляции деятельности.

Как сложному психофизиологическому механизму переработки информации, стереотипу присущи такие свойства как устойчивость, схематичность, однозначность, конкретность, но вместе с тем относительную гибкость. Все они проявляются в различных поведенческих актах. Например, изменчивость проявляется в изменении установок мотивационной структуры, причиной которого является усложнение информационного потока. Долгое время к стереотипу применяли понятие «ложность», но не вызывает сомнения, что стереотип вовсе не сводится к «совокупности мифических представлений». Стереотип всегда отражает некоторую объективную реальность, пусть иногда в трансформированном виде. Наличие социальных стереотипов играет весьма существенную роль в социальной жизни, потому что без них, при отсутствии исчерпывающей информации о происходящем или наблюдаемом, невозможны были бы ни адекватная оценка, ни адекватный прогноз. Во-первых, стереотип позволяет резко сократить время реагирования на изменяющуюся реальность; во-вторых, ускорить процесс познания; в-третьих, предоставить хоть какое-то первичное основание для ориентировки в происходящем.

Таким образом, при изучении трудового поведения в настоящий момент важно не как можно более точное измерение трудовой мотивации, ценностных ориентаций, показателей трудовой активности, а выявление смысловой и генетической природы их взаимосвязи со старыми и новыми прежде всего советскими и рыночными факторами.

**Взаимодействие идеологии и социологии
в советском и постсоветском обществе**

А.Ю. Широкова

Государственный Университет – Высшая Школа Экономики

E-mail: smeshinka@pisem.net

«Где, если это вообще возможно указать, проходит граница, за которой кончается идеология и начинается наука? Эта Загадка Сфинкса хорошо характеризует состояние современной социологии и является нержавеющей оружием в руках её противников», – пишет Клиффорд Гирц.

Идеология – форма целеполагания, в какой она существует в обществе на всех его уровнях. В этом отношении верно, несомненно, что между различными группами в обществе ведётся непрерывная борьба касательно интерпретации целей и задач, стоящих перед ним. Именно стремление к сохранению идеологической чистоты и есть причина борьбы идеологии с теми науками, которые могут изменить общепринятую картину мира. «Научный коммунизм» Маркса оказался чрезвычайно сложной средой выживания для ученых и исследователей. Судьбу науки стали решать не те, кто в этом разбирался, а те, кто был «у руля» и оказывал влияние на формирование идеологии. В СССР существовало и специальное определение научной идеологии, данное В. Лениным: «Научная идеология – это основанная на теории марксизма идеология рабочего класса, цели и интересы которого совпадают с объективными закономерностями общественного развития». В этой же работе Ленин говорит напрямую, что только марксизм в подлинном смысле является научной идеологией, соединяющей в теории научность, революционность, открытие преходящего характера капитализма.

Научная идеология, таким образом, есть некое подмножество, пересечение множества идеологии и множества науки. Если же мы поставим вопрос несколько по-другому, а именно: все ли идеологии одинаково «относятся» к науке? Либеральная и глобалистская идеологии приветствуют развитие науки – потому что оно, в свою очередь, явным образом способствует развитию либеральных и глобальных обществ. Националистическая идеология приемлет науку как опору, и только как опору, во всех остальных случаях она ориентируется на некое благо нации и допускает любую диктатуру – очевидно, и в отношении науки тоже; религиозно-мистические идеологии науку отрицают или оставляют «за пределами». Важна степень жесткости идеологического контроля или идеологической мобилизации.

Социология в СССР до определённого периода была просто анти-наукой – так как её развитие грозило власти озвучиванием нежелательных, скрытых сторон социальной жизни, проблем партии и власти. Тоталитарное государство, укреплявшееся после завершения периода НЭПа, несмотря на человеколюбивые лозунги социализма, было в первую очередь заинтересовано в благе «партии и народа», а вовсе не отдельных реальных

людей. Поэтому, как и некоторые другие направления, социология была отнесена к буржуазным пережиткам.

«Идеология – система взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты в классовом обществе и всегда носит классовый характер, отражая положение данного класса, классовые интересы». (Выдержки из словарной статьи «Идеология» БСЭ).

Советскую идеологию можно кратко охарактеризовать по следующим пунктам:

– основные положения марксизма-ленинизма, и в первую очередь – понятие классовой борьбы. Без определения буржуазии и её вреда для общества неочевидна польза существования пролетариата (и соцрежима);

– аппарат ЦК отражал не монолит власти и идеологии, но различные общественные отношения;

– многие из видных яростных коммунистов и приверженцев советского строя после начала перестройки выступали за разъединение республик (к ним относятся и будущие президенты независимых стран – Шеварнадзе, Алиев). Т.е. следование идеологии было или средством достижения статуса, или избежания неприятностей;

– одной из проблем, приведшей к падению режима, оказалась нерепримируемость, точнее, негибкость идеологии.

1920-е годы для социологии оказались достаточно результативными: проводились как теоретические дискуссии, так и эмпирические исследования. С 1929 года идеологические рамки в Советском Союзе стали принимать угрожающе чёткие формы. Выход за эти рамки не приветствовался – следовали репрессии и наказания вплоть до физического устранения различных учёных. Неудивительно, что социологию, которая по сути своей изначально должна указывать на недостатки системы, постарались устранить и из исследовательской практики, и из сферы преподавания. Публикация известной статьи Сталина «О диалектическом и историческом материализме» и Краткого курса истории ВКП (б) задала систему координат для всех общественных дисциплин. Социологию по сути отождествили с историческим материализмом в версии Краткого курса. На социологические методы исследования общества, на изучение конкретных процессов и явлений социальной жизни было наложено вето.

Примерно с этого же времени «начался процесс самоизоляции советского обществознания, включение его в борьбу с «буржуазной» идеологией, под которой понимались любые взгляды и точки зрения, имевшие место в западной общественной науке, отказ от каких бы то ни было контактов с западным миром. С этого момента и до конца «холодной войны» в социологии доминирует противопоставление западной науке, выделение своей «отдельной социологии». Однако «необходимо избегать крайностей в оценке социологии, находившейся под влиянием марксизма иначе есть риск представить советских социологов либо бессовестными

ми приспособленцами, либо угнетенными умниками с фигами в кармане» [Б.М.Фирсов, «История советской социологии»].

До 1956 года и выступления Хрущёва на двадцатом съезде партии с разоблачением культа Сталина советская социология, по сути, находилась в состоянии некоего анабиоза. Изменение отношения власти к социологии, точнее к конкретным социологическим (социальным) исследованиям, было вызвано несколькими причинами. «Холодная война» требовала постоянного доказательства преимуществ социалистической системы перед демократией и капитализмом. Поэтому уже в 1955 году постановлением Президиума ЦК КПСС советским ученым было разрешено участвовать в III Международном конгрессе социологов.

Последние всплески «идеологических истерик» наблюдались уже в 1980-х. Доклад академика Заславской «Совершенствование производственных отношений социализма и задачи экономической социологии» в Новосибирске в апреле 1983 года был воспринят властями как оппозиционный: «оценка состояния экономики страны и общественных отношений резко расходилась с официальными декларациями об успехах строительства развитого социализма. «В августе того же года доклад появился на страницах прессы США и Западной Германии, где вызвал сенсацию, что в свою очередь привело к переполоху в нашей стране. Был объявлен поиск всех экземпляров доклада с целью выявить источник утечки информации» [7, стр.199].

Дж.Фишер, рассматривая вопрос о соотношении науки и идеологии, акцентирует внимание на том, что в сталинскую эпоху и даже в последующее время адекватной советской идеологии была не социология, а экономика.

Подытожу вышесказанное: советская идеология оказывала влияние на социологию по следующим направлениям :

- требование подстраиваться под марксистско-ленинскую концепцию, загоняя социологию в рамки исторического материализма;
- необходимость изучения «актуальных для советского народа» тем, и ориентация на конкретные исследования;
- возможное искажение распределений данных из-за конформизма в ответах респондентов на вопросы, затрагивающие ценностные и идеологические установки.

Насколько это состояние дел изменилось тридцать лет спустя, после перестройки, ельцинских (гайдаровских, чубайсовских) реформ, прихода к власти Путина? Дорога под знаменем демократии оказалась нелегкой. В первую очередь, сказалось отсутствие чётко выработанной идеологии. Хаос, царивший после распада Советского Союза, практически во всех сферах, привёл к упадку многих наук — но к подъёму социологии. Социология сегодня претендует на то, чтобы быть наукой, а не идеологией, быть «свободной от ценностей» — однако, очевидно, что по некоторым причинам пока ей это не удаётся, хотя определённые положительные сдвиги и перспективы наблюдаются.

Во-первых, нередко затрагиваемые социологами вопросы не являются сверхактуальными, и даже просто актуальными для нашей страны — а просто-напросто копируются у западных коллег, с различными целями — влиться в мировое социологическое сообщество, получить грант для исследования на модную тему, заработать и т.д.

Во-вторых, не случайно один из основателей российской социологии Юрий Левада ушёл из созданного и долгое время возглавляемого им Всероссийского Центра Изучения Общественного Мнения и создал независимый Аналитический центр Юрия Левады, куда перешла и основная часть его команды. Даже перепись населения, которая при добросовестном исполнении могла бы дать ценный материал для анализа, была проведена чисто формально — о чём знают все, от президента до школьников. «Галочки» в ответах интервьюеры ставили иногда в отсутствие респондентов, иногда вопреки тому, что они говорили.

Таким образом, на государственном уровне социология не является безусловно востребованной, а среди тех, кто занимается ей, немало «ангажированных» тем или иным способом людей.

И всё же, принимая во внимание достаточно либеральные перспективы роста числа профессиональных социологов, получающих качественное образование, свободу общения с коллегами, можно надеяться, что социология в России станет зависимой от государственной идеологии не больше, чем необходимо для истинности, и обретёт, кроме того, собственную идеологию — потому что этот момент пока тоже остаётся одним из пробелов отечественной науки.

Синергетика о теории ценностей

О.А. Шубина

Уральский государственный педагогический университет

E-mail: ellga_helga@rambler.ru

Теория ценностей (аксиология) как определенное направление в западной философии сформировалось в 20 — 50-х гг. XX в. в трудах немецких и американских философов (М. Шелер, Н. Гартман, Р.Б. Перри и др.) [1]. На сегодняшний день существуют различные направления в современной аксиологии. В последние десятилетия наблюдается тенденция к использованию в рамках одного подхода отдельных элементов различных школ и направлений. При этом исходная концепция сохраняет статус доминирующей, но ее доминирование оставляет место для сосуществования иных точек зрения. Не прекращаются и попытки глобальной интеграции, ярким примером чего может служить синергетика, поскольку она концентрирует усилия различных научных дисциплин для нахождения общих принципов систем. Сам термин «синергетика» имеет древнегреческое происхождение и означает содействие, соучастие [4]. Следы его употребления можно найти еще в византийском течении исихазма. Годом рождения синергетики как дисциплины считается 1973 г. — год выступ-

ления немецкого ученого Г.Хакена на конференции, посвященной проблемам самоорганизации [4]. Исследователь обратил внимание на то, что корпоративные явления наблюдаются в самых разнообразных системах.

В современных научных дискуссиях и исследованиях синергетика является одним из перспективных направлений в анализе теории ценностей. В данном направлении работают бельгийский ученый русского происхождения И. Пригожин, который является основателем синергетического подхода в аксиологии, а также В.В. Ильин, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов и др. [4]. В своих изысканиях И. Пригожин исходит из так называемой «синергетической» картины мира. Он характеризует ценности как коды, которые удерживают систему на определенном уровне развития, выбранном историей [3]. Подход основан, прежде всего, на идеях системности или целостности мира научного знания, общности закономерностей развития объектов на всех уровнях материальной и духовной организации. Синергетика исходит из существования нелинейных, необратимых и многовариантных процессов глубинного хаоса и порядка. Данное направление предлагает новый образ мира: процессы и явления, происходящие в нем, имеют открытый, саморганизуемый характер, эволюционируют по нелинейным законам. Человеческие системы рассматриваются здесь не как «механизмы», а как креативный мир с неполной информацией и изменяющимися ценностями, мир, в котором возможно множество вариантов будущего. При этом познание непредсказуемости и нестабильности мира не ведет к пессимистическим выводам, напротив — это делает жизнь интересной и наполненной. Для человека, считает И. Пригожин, важно выбирать именно те цели и решения, которые приведут к формированию положительной установки и позитивных ценностей [2]. Ценностные системы возможно также рассмотреть через понятия цели, к которому в синергетике близко понятие «аттрактор». Под аттрактором понимают относительно устойчивое состояние системы, которое как бы притягивает к себе множество траекторий системы [3]. Если система попадает в конус аттрактора, то она неизбежно эволюционирует к первоначальному устойчивому состоянию. В широком смысле этого слова аттрактор — это цель, крайняя точка системы [2]. Согласно позиции В.В. Ильина, развивающего идеи И. Пригожина, ценности и аттракторы тождественны, где ценности являются мерой отношений людей к тем или иным явлениям, предметам и процессам, критерием их оценки.

Развитие цивилизации вызвало наступление на человека и его сущностные силы, вытесняло их из контекста собственной истории. Этот процесс все более зримо проявляется вместе с началом и развитием эпохи машин и индустриальных технологий, усложняющихся и ускоряющихся социальных катаклизмов, мировых войн и революций, глобальных экологических проблем. В данном случае ценности представляются как некие социокультурные образования. От них зависит уровень жизни и благополучия общества.

Таким образом, применение идей синергетики для анализа общественных явлений позволяет выявить более сложные связи во внутренней структуре социума и некоторые закономерности его развития. По мнению ведущих современных социологов, разработка комплексной синергетической теории позволит наиболее полно осмыслить то, каким образом ценности влияют на жизнь человека в обществе.

Литература

1. Аксиология: частное и общее. Наука и ценности. Новосибирск, 1987, с. 200.
2. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. «Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным» // Вопросы философии, 1992, № 12, С. 3 – 20.
3. Пригожин И. «Переоткрытие времени» // Вопросы философии, 1989, № 8, С. 3 – 19.
4. Энциклопедический социологический словарь. Отв. ред. Осипов Г.В. М., 1995, с. 200.

Социологический анализ межэтнических взаимодействий: актуальные проблемы и приоритеты

М.А. Южанин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: udod2002@yandex.ru

Вступив в XXI век, Россия, так же как и весь мировой социум, продолжает сталкиваться с множеством серьезнейших социальных вызовов, проблем и противоречий. Особое место среди них прочно занимают этнические проблемы. Теперь уже очевидно, что амбициозные идеологические проекты эпигонов марксизма и транснационализма в полной мере не осуществляются ни в настоящем, ни в обозримом будущем. Вместо скорейшего построения единого мирового коммунистического (или мирового гражданского) общества, лишенного каких-либо национально-государственных или этнических границ, свободного от всякой межэтнической (межкультурной) отчужденности, явных или латентных противостояний и конфликтов, от этничности как таковой, мы наблюдаем совсем иные тенденции. За последние десятилетия в глобальном масштабе, у многих миллионов людей проявился новый всплеск этнической идентичности, обозначились стремления разных народов сохранить свою самобытность, подчеркнуть собственную этнокультурную уникальность. Считается, что данное явление затронуло население множества стран на всех континентах, общества различного типа и уровня развития – от традиционных до постиндустриальных. Изначально оно даже получило название «этнического парадокса» современности, поскольку демонстрировало практическое сочетание внешне несовместимых тенденций:

1. глобализации, прогрессирующей унификации материальной и духовной культуры, развития личностного индивидуализма;

2. комплексной этнокультурной фрагментаризации и активизации этнического самосознания людей.

Сегодняшние обществоведы уже склонны оперировать термином «этническое возрождение» («этнический ренессанс»), преимущественно рассматривая последнее в качестве одной из главных черт современного этапа развития человечества. Другой его отличительной чертой становится (порождаемая глобализацией) перманентно возрастающая миграционная активность представителей различных культур и народов, закономерно приводящая к массовому учащению межэтнических (межкультурных) контактов. По данным ООН, на сегодняшний день более 175 млн. различных категорий мигрантов – иммигрантов, беженцев, иностранных рабочих, предпринимателей, студентов и многих других групп проживают вне пределов страны своего происхождения, непрерывно контактируют с представителями иных этнических культур [5]. При этом ожидается, что со временем данный показатель только возрастет.

Нетрудно понять, что неизбежным результатом проявления вышеназванных общественных феноменов выступает стремительная актуализация проблематики межэтнического взаимодействия, сосуществования в одном социально-территориальном пространстве вариативных этнических групп – объективно различимых между собой, специфических культурно-коммуникативных и социально-психологических общностей людей. Учитывая полиэтничный характер всех нынешних государств – наций, на наш взгляд, вполне логично признать повсеместную необходимость консенсусных взаимоотношений различных этногрупп в рамках единого социума, равного уважения и принятия их культурного своеобразия, паритетной реализации прав и законных интересов. Вместе с тем, реальный опыт межэтнического общения в современном мире преимущественно не дает оснований для оптимизма. Проявления этноцентризма и ксенофобии, структурной дискриминации по этническому признаку, межэтнической напряженности и открытых конфликтов, к сожалению, остаются «знаковым» атрибутом сегодняшней действительности. Только на протяжении последних 10-15 лет две трети из происходивших в мире социально-групповых конфликтов, по оценке Стокгольмского международного института изучения проблем мира, носили межэтнический характер [1]. Множество этносоциальных противоречий активизировалось сейчас и на постсоветском пространстве, переживающем период болезненных экономических, политических и идеологических трансформаций.

Вполне естественно возникает вопрос: что же следует делать? Со стороны научного сообщества неопределимую помощь в разрешении сложившегося комплекса столь значимых и сложных проблем может оказать их адекватное социально-гуманитарное осмысление, позволяющее не только раскрыть сущностные закономерности и черты межэтнического общения, но и предложить оптимальные способы организации конструктивного диалога представителей различных культур и народов Земли. В обозначенном контексте особую актуальность и приоритетное значение приоб-

ретает рассмотрение процессов социокультурной адаптации этнических общностей, эксплицирующей их комплексное вхождение в иноэтническую среду и многоплановое взаимодействие с принимающим этносоциальным большинством. Весьма примечательно, что именно это репрезентирует важнейший и наиболее распространенный тип межкультурных контактов. В условиях «этнического возрождения» и массовой активизации миграций позитивная адаптационная ориентированность межэтнических взаимоотношений вполне способна стать своеобразной «путеводной звездой» в деле их гармонизации и депроблематизации. Впрочем, первым шагом на этом пути неизбежно является обстоятельный научный анализ самого феномена социокультурной адаптации индивидов и этногрупп, ее качественной специфики и закономерностей актуализации. Обращение специалистов социально-гуманитарного профиля (в особенности — молодых ученых-социологов) к данной тематике, проведение ими валидных эвристических исследований способны стать весьма перспективным направлением профессиональной самореализации и, вместе с тем, позволят заложить прочный фундамент концептуального осмысления обозначенной проблематики, приобретающего как теоретико-познавательное, так и колоссальное общественно-практическое значение.

Литература

1. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. — М.: Изд-во Аспект пресс, 1998. — С. 229.
2. Ким Я.Ю. Коммуникация и кросс-культурная адаптация. // Этнос и политика: Хрестоматия. — М.: Изд-во УРАО, 2000.
3. Стефаненко Т.Г. Адаптация к новой культурной среде. // Этнопсихология. — М.: Изд-во Аспект пресс, 2003.
4. Dodd C. The dynamics of intercultural communication. — N.Y., 1991.
5. Information kit on the United Nations Convention on migrants rights. // www.portal.unesco.org

Особенности поведенческих установок образованной молодежи

М.А. Ядова

Государственный университет гуманитарных наук

E-mail: m.yadova@mail.ru

В эпоху бурных трансформаций, переживаемую в последние десятилетия российским обществом, говорить о каких-либо общепринятых стандартах поведения крайне сложно. Не всегда ожидания со стороны общества совпадают с реальным поведением и поведенческими интенциями его граждан. Своеобразной terra incognita являются для современных исследователей поведенческие установки нынешнего молодого поколения, людей отличной от советской генерации, чьи стили поведения и мышления сформировались под влиянием постсоветских изменений. Вопрос о том, каково содержание нормативных поведенческих установок современной российской молодежи без преувеличения можно считать вопро-

сом о дальнейшем развитии нашей страны, так как это, в первую очередь, определяется качеством новых поколений граждан, их отношением к себе и окружающим.

Утверждается, что наша страна претерпевает процесс модернизации, в ходе которого традиционные ценности, структуры, отношения становятся иными – «современными». Американские ученые А. Инкелес и Д. Смит [2] – создатели аналитической модели «современной личности» – называют в числе основных черт, характеризующих «modern man», – независимость поступков и суждений, открытость новому опыту и другим людям, высокую степень правового сознания, толерантность, активную социальную и гражданскую позицию. Проанализировав данные межстрановых исследований, они пришли к выводу, что существенным фактором, влияющим на степень «модерности» человека, является уровень его образованности [там же].

Представляется важным изучить, в какой мере проявляют качества «современной личности» молодые россияне. В группу намеченных мною задач входило проведение пилотажного исследования нормативных поведенческих установок наиболее образованной части молодежи, тех, кто в будущем способен войти в деловую, интеллектуальную и политическую элиту страны. Методом исследования является анкетный опрос, построенный на основе разработанной для этого проективной методики. В качестве объекта изучения были отобраны студенты и аспиранты нескольких московских ВУЗов (ГУГН, ГУУ, Финансовая Академия, МГЮА) в возрасте 17-25 лет, обучающиеся по престижным специальностям («экономика», «юриспруденция», «менеджмент»), с высокой мотивацией к учебе и значительным социальным капиталом. Обследовано 40 человек.

Результаты нашего исследования наглядно демонстрируют сосуществование в сознании молодых людей консервативных и современных установок. Вполне логичным выглядит утверждение о том, что «с возрастом у людей всё более нарастает конформизм, побуждающий их не спорить с коллективом, не бороться с несправедливостью» [1, с. 227], а юность – период споров и нонконформизма. Оказывается, это замечание не всегда справедливо. Так, только 20% опрошенных будут спорить «до победного конца» с начальником в случае, если последний не прав, остальные поспорят лишь для проформы. Исследователи, работавшие в рамках проекта «Томская инициатива», пришли к похожему выводу: по сравнению с другими возрастными группами лица в возрасте до 24 лет достоверно конформнее в отношениях с руководством [1, с. 226]. Три четверти (77,5%) студентов и аспирантов ни за что не стали бы завышать оценки «по указке» сверху, если бы работали школьным учителем. Далеко не у всех участвующих в опросе, развито чувство социальной ответственности. Меньше половины (47,5%) респондентов, если окажутся свидетелями уличной кражи, намерены помешать вору. Уровень правосознания опрошенных тоже оставляет желать лучшего. Каждый второй расположен купить ворованную вещь по низкой цене, 70% готовы в случае необхо-

димости дать взятку, не говоря о том, что более 80% не считают зазорным ездить «зайцем» в общественном транспорте.

С другой стороны, подавляющее большинство опрошенных юношей и девушек инициативны, амбициозны (87,5%), примерно столько же непредвзято относятся к людям другой национальности.

Это небольшое исследование вполне согласуется с данными массовых опросов, также отмечающих несформированные и не совсем последовательные схемы поведения российской молодежи [1, с.226]. В чем причина подобной «противоречивости» ещё предстоит выяснить, быть может, — это не столько результат незрелости, сколько особенность, отличающая нынешнее молодое поколение.

Литература

1. Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы/ Отв.ред. Рябов А.В., Курбангалеева Е.Ш.- М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.- 448 с.

2. Inkeles A., Smith D.H. Becoming modern, Harvard University Press, Cambridge, 1974

Индивидуальная и общественная деятельность личности: проблема достижения совершенства

Е.В. Япрынцева

Белгородский государственный технологический университет

им. В.Г. Шухова

E-mail: oonirs@intbel.ru, eya@pisem.net

В современном информационном открытом обществе особое внимание уделяется личности и ее деятельности, посредством которой индивид способен воздействовать на социальную среду. Деятельность индивида всегда нацелена на получение конкретного результата, желательно наивысшего. В связи с этим возникает проблема выявления закономерностей достижения максимального совершенства, так как в этом случае максимальным будет и полученный результат, а соответственно и ценность его для общества.

В процессе деятельности индивид выступает в качестве субъекта. Однако следует учитывать тот факт, что в социальных отношениях проявляется двойственная объектно-субъектная сущность личности. С одной стороны, социальная реальность и социальные условия формируют личность как продукт данной социальной системы, то есть личность выступает как объект социальной действительности. С другой стороны, сама личность является активным преобразователем социальных условий и своей деятельностью влияет на изменение и развитие социальной среды.

В социологии при исследовании личности часто обращаются к ролевой концепции, но какая бы из ее интерпретаций не рассматривалась, предусматривается подход к личности как объекту социальных отношений. Единственный аспект субъективности в этом случае возможен лишь

при выборе способа реализации ожидаемого поведения и предписаний, выборе схемы исполнения роли. Продуктивный взгляд на личность рассматривается в диспозиционной концепции, в основе которой лежит принцип неразрывной целостности личности как объекта и субъекта социальных отношений. При этом целенаправленное отношение личности к социальной действительности раскрывается через систему ценностных ориентаций и установок, находящихся в иерархии, на вершине которой находится система ценностных ориентаций на цели жизнедеятельности и удовлетворение высших потребностей.

Таким образом, становится понятно, что стремление к максимально возможному развитию в деятельности обусловлено высшими потребностями личности и решение проблемы определения средств и способов достижения совершенства следует искать, рассматривая личности одновременно как объект и субъект в социальной системе.

Максимальное совершенство в социальной деятельности представляет собой наивысшую степень самореализации личности. Самореализация заключается в самовыражении и самоутверждении. Самовыражение предполагает удовлетворение высшей потребности в самоактуализации, которую А. Маслоу назвал «...стремление к самоосуществлению, точнее, тенденцию актуализировать то, что содержится в качестве потенциалов. Эту тенденцию можно назвать стремлением человека стать все более и более тем, кем он способен стать» [1], и воплощение индивидуального идеала в качественно новой форме, в виде ценности, отличной от того, что было создано ранее. Самоутверждение означает признание ценности общезначимой в рамках данной социальной системы, то есть оценка результата деятельности не только самим индивидом, но социумом. Из вышесказанного следует, что достижение акме в индивидуальной деятельности предполагает самовыражение и учитывает субъективную составляющую личности, а совершенство в общественной деятельности – самоутверждение и объективный аспект в структуре личности.

Для того, чтобы добиться максимального развития и достичь акме в деятельности, личности стоит руководствоваться индивидуальным профессиональным общезначимым идеалом, который в свою очередь является составляющей интегрального социального идеала. Этот вариант стремления к совершенству станет наиболее оптимальным, так как позволит учесть оба компонента процесса самореализации, а созданная ценность, оцененная с позиции одного и того же идеала, будет несомненно признана значимой как творцом, так и социумом.

Синергетический подход позволяет научно трактовать субъективный и объективный факторы. Так идеал должен быть выбран в соответствии с творческим потенциалом личности, раскрытие и реализация которого зависит от самоорганизации личности, представляющей собой в этом случае нелинейную диссипативную структуру. Наличие этого соответствия позволит учесть субъективный фактор. Достижение поставленных целей обусловлено объективными общесоциальными условиями, опреде-

ляющими реальными возможностями реализации этих высших потребностей. То есть объективный фактор — так называемое, судьбоносное лобби, — который представляет собой совокупность социальных связей, которые через множественные бифуркации выводят личность на воплощение идеала, направляют к состоянию аттрактора.

Таким образом, достижение совершенства как в профессиональной, так и в общественной деятельности является результатом взаимодействия субъективного и объективного факторов. Применение категорий и подходов социальной синергетики к данному вопросу социологии личности делает возможным решить проблему, которая ранее не поддавалась научной интерпретации.

Литература

1. Maslow A. Motivation and personality. N.Y., 1954 // www.psychclassics.yorku.ca

Миграционные процессы и проблемы устойчивости социально-территориальной общности

О.А. Ярцева

Филиал Самарского Государственного технического университета

в г. Сызрани

E-mail: yarceva1983@mail.ru

Миграция населения — один из самых сложных социально-экономических процессов, подверженных воздействию комплекса политических, экономических, социальных отношений. Миграция вносит коррективы в жизнь местных социумов, влияет на демографическую структуру населения, на перераспределение населения внутри области и между отдельными частями страны, рынок труда, социальную и политическую стабильность, изменяет личностные характеристики тех, кто вынужден перемещаться на другие территории в поисках спокойной жизни и лучшего будущего. Значимость изучения миграции, прежде всего, в получении информации, необходимой для эффективного управления процессами социально-экономического и социокультурного развития регионального (городского) социума.

В качестве объекта исследования были выбраны мигрантские семьи, проживающие в г. Сызрань. Цель данной работы — анализ миграции как одного из факторов, формирующих социально-территориальную общность.

Исследование предполагает решение следующих задач:

1. Определение факторов и причин миграции населения, изучение состава мигрантов (территория выхода, состав семьи, возраст, национальность).
2. Анализ форм и путей социальной интеграции мигрантов с местным населением и возможных последствий этого процесса для общества, особенно для изменения его структуры и динамики социальных отношений.
3. Определение факторов, консолидирующих мигрантов.

4. Оценка степени удовлетворённости мигрантов жизнью в г.Сызрани.
5. Оценка трудового потенциала мигрантов и его использования.
6. Анализ трудовой адаптации и трудовой карьеры мигрантов.
7. Анализ влияния миграции на формирование и использование трудового потенциала общества.

На данном этапе проведено анкетирование 100 мигрантских семей (простая случайная стратифицированная выборка) по первому разделу анкеты. Его обобщённым результатом можно считать выявление причинно-следственных зависимостей миграции в г.Сызрань, изучение состава мигрантов, оценку принадлежности мигрантов к данной общности, их социальную самоидентификацию. В процессы миграции вовлекается население главным образом трудоспособного возраста – 70,1 % всех прибывших в г.Сызрань в 2003 году. Приток мигрантов оказывает положительное воздействие на демографическую ситуацию в городе за счет молодой возрастной структуры по сравнению с постоянным населением, что в некоторой степени замедляет процесс старения и стимулирует процессы естественного воспроизводства.

Кроме того, на макросоциальном и микросоциальном уровнях выявлены последствия миграции в г. Сызрань. К макросоциальным последствиям можно отнести: 1) непрогнозируемые демографические сдвиги; 2) деформация рынка труда; 3) изменение структуры трудовых ресурсов; 4) трансформация социальных связей на уровне больших социальных общностей.

К микросоциальным: 1) потеря мигрантом привычного социального круга; 2) адаптация мигранта, его семьи к непривычному образу жизни; 3) трансформация ментальности.

Второй раздел анкеты направлен на изучение трудовой деятельности мигрантов и оценку их трудового потенциала, что представляет значительный интерес для города и страны в целом. Стихийный характер миграции не ориентирует её на обеспечение сбалансированности спроса и предложения на рынке труда. Наиболее ярко это проявляется в виде несовпадения отраслевой структуры потребностей рынка в рабочей силе с профессиональной структурой прибывающих. Чаще всего противоречие между спросом и предложением решается так, что многим мигрантам приходится заниматься менее квалифицированным трудом, чем тот, на который они способны (исходя из образования и опыта работы). Иначе говоря, происходит масштабное недоиспользование их квалификационных возможностей.

В настоящее время в экономике основанной на знаниях, особую роль приобретает качество рабочей силы. Миграция – явление для любой экономики положительное, но она непременно должна быть регулируемой. Необходимо, чтобы иностранные граждане, предпочитающие нелегальные каналы въезда и проживания в различных частях страны, предпочли бы перейти на законное положение. Кроме этого должны существовать четкие регламентации – кого мы принимаем, в каких отраслях они бу-

дут, на каких условиях. Можно сформулировать основные положительные следствия миграции в трудовой сфере:

- 1) улучшение качества рабочей силы;
- 2) экономия на подготовку специалистов;
- 3) привлечение определённых категорий мигрантов для решения внутренних экономических проблем.

Миграция – крупный феномен социально-экономического развития, выступающий инструментом регулирования процессов глобализации, и потому требует мониторинга миграционной ситуации, позволяющего обеспечить анализ динамики миграционных процессов, их влияния на социальную структуру и социальную стратификацию исследуемой общности.

Проводимое исследование даёт возможность обосновать необходимость корректив в государственной миграционной политике. Его результаты позволят сформулировать мероприятия по совершенствованию миграционной стратегии. Её основными целями должны стать активное привлечение определённых групп иммигрантов, их успешная интеграция в местный социум, нейтрализация возможных отрицательных последствий, полное использование их квалификационных возможностей.